

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 4 (687) • 2013

«ЮНОСТЬ» © С. Красускас, 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

© Михаил Пак, «Облака»
на первой стр. обложки, 2013

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ДУДАРЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий АЛЕКСИН

Лев АННИНСКИЙ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Валерий ЗОЛОТУХИН

Елена ИСАЕВА

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Валерий КОЗЛОВ

Владимир КОСТРОВ

Нина КРАСНОВА

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Евгений ЛЕСИН

Дмитрий МИЗГУЛИН

Георгий ПРЯХИН

Владимир РАДЧЕНКО

Ольга РЫЧКОВА

Елена САЗАНОВИЧ

Александр СОКОЛОВ

Борис ТАРАСОВ

Елена ТАХО-ГОДИ

Олег ТОЛКАЧЕВ

Игорь ШАЙТАНОВ

Андрей ШАЦКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

заведующая отделом образования и молодежной политики

Славяна БАКУНИНА

заведующая отделом поэзии

Юлия ГИАЦИНТОВА

главный художник

Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики

Анна КОЗЛОВА

ответственный секретарь

Ярослав ЛИТВИНЕНКО

заведующий отделом культуры

Александр МАХОВ

заместитель главного редактора,

заведующий отделом прозы

Игорь МИХАЙЛОВ

главный консультант

Эмилия ПРОСКУРНИНА

заведующая отделом

публицистики

Екатерина САЖНЕВА

консультант главного редактора

Евгений САФРОНОВ

директор по развитию

Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

СТИХИ ПОЭТОВ КАРЕЛИИ Вступительная статья АЛЕКСАНДРА ВОРОНИНА 3

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН (5), Олег МОШНИКОВ (8), Георгий ЧЕРНОБРОВКИН (10),
Александр ВОРОНИН (13)

ПРОЗА

Наталья ТЕРЕНТЬЕВА
ШУРОЧКА Дачная элегия 15
ВОЛНА Рассказ 29
Екатерина САЖНЕВА
ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ Повесть (окончание) 45
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ
РАССКАЗЫ 74
Елена САЗАНОВИЧ
ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР Роман (продолжение) 100
Арина КАЛЕДИНА
БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ Роман (продолжение) 128

20-Я КОМНАТА (ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ) / ТЕМА НОМЕРА

«ГОРИ-ГОРИ ЯСНО!..»
(Юная певица Настя Ясная на стыке напитков и мнений) 37

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

Лев АННИНСКИЙ
ШЕСТОЙ КЛАСС. ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО! 43

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ
ЗАПАХ ПЛАХИ 44

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Игорь МИХАЙЛОВ
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЯДЯ ВАЛЯ! (О поэзии Валентина Берестова) 58

// По следам наших публикаций // 61

Татьяна АЛЕКСИНА
**ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА
И ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ»** Библиографический очерк 62

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

// Пожалуйста, говорите по-русски! //
Марианна ТАРАСЕНКО
ЛАЙФ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ АДВЕНЧЕРЗ ПЕРЕВОДОВ 83

// Беседы в беседе //

Петр ПУСТОВАЛОВ
**СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ —
ОДНА ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ТАЙН СЛОГА** (Беседа вторая) 85

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯЛИ МИР

Елена САЗАНОВИЧ
**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ.
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ДУШИ** 90

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС
**СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ,
ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ** Воспоминания (продолжение) 92

Тамара ЖИРМУНСКАЯ
«ОТ ПРОШЛОГО ЖИЗНЬ ПРОСТОрНЕЙ...»
Сентиментальный дневник (продолжение) 97

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Персевал ГИББОН
КРОВНЫЙ МСТИТЕЛЬ Перевод Евгения Никитина 124

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Софья ГЕТЬМАН, г. Москва (137), Александр КУПРЕЙЧЕНКО, г. Киев (144),
Сергей УШАКОВ, г. Оренбург (145), Руслан ЖИГАЛОВ, г. Ярославль (146),
Мирон ТИХОМИРОВ, Москва — Сергиев Посад (149), Зулкар ХАСАНОВ, г. Калуга (157)

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //
Валерий ИЛЬИЧЕВ
СХВАТКА БУЛЬДОГОВ ПОД КОВРОМ Повесть (продолжение) 159

// Зеленый портфель //
Илья КРИШТУЛ
РАССКАЗИКИ 166

// «До востребования» //
Галка ГАЛКИНА
ПУШКИН ВЫКОВЫРЯЛ ИЗ НОСА РУССКУЮ ИДЕЮ 171

// Veriora veris //
Шалун ГЕО, человек-змеевик
ОБЪЯВИЛИСЯ ДРОЗДЫ — ДЫМ ПОШЕЛ ИЗ БОРОЗДЫ! 172

Заведующая редакцией
Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации
Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
по Белгородской области
Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения
Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:
Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:
125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-83-98,
+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр
«Наука» РАН,
ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8
Заказ №

СТИХИ ПОЭТОВ КАРЕЛИИ

ВЗОШЕДШИЕ В 90-х

Базисом российской литературы, как известно, была и остается литература регионов. И литература Карелии, имеющая богатейшую духовную, этническую и традиционно русскую основы, является неотъемлемой частью литературы современной России. И если в советские времена региональным литературам уделялось значительное внимание на государственном уровне, то в 90-е годы литературный процесс в новых реалиях меняющейся страны осуществлялся стихийно. Поэтому сегодня любопытно определить, какая поэзия сформировалась из поэтических ростков 90-х годов. Увы, далеко не все выпустившие тогда свои первые сборники или ставшие участниками коллективных изданий до сих пор верны поэзии. Но те, кто остался на орбите, кто продолжает выпускать поэтические книги и публиковаться в журналах, каковы они сейчас?

Во-первых, возраст очень интересный: деревья посажены, дома построены, дети выращены, книжки изданы. И что дальше? Дальше вроде надо куда-то двигаться. А куда? Возможно, пришла пора переоценить свое место в мире. И даже больше — переопределить мир и выяснить, какое солнце его освещает. То, которое было всегда, или какое-то другое?

Ты скажи мне, земля, кто тебе мы по крови?
Мы — живущие тут век не первый уже,
испытавшие все, все видавшие, кроме
райских куц за окном и покоя в душе?..

Олег Гальченко

Во-вторых, со времен их дебюта прошло много лет. И эти годы изрядно поломали картину мира. Мира, в котором эти поэты писали первые свои стихи и обретали себя как личности. Сейчас все другое, за исключением извечных проблем страны — дорог, дураков, коррупции. А следовательно, пришлось не по-детски адаптироваться к новым реалиям жизни и, возможно, перезатачивать перо.

В невесомых сетях сентября
Нежных листьев, струящихся капель
Солнца луч, как сверкающий скальпель,
Вновь вершит свой священный обряд —
Он срезает созревшую грусть
Неоправданных летних желаний...

Елена Пиетиляйнен

Помышляем лишь о хорошем,
В перспективу верим блестящую.
И, смеясь, расстаемся с прошлым,
Ужасаясь... от настоящего...

Дмитрий Гордиенко

Как видим, внешние обстоятельства и внутренние потребности, пусть в чем-то умозрительно, но совпадают.

Как ни странно, но практически никто не сместил акценты творчества в стихотворную публицистику, в поэзию протеста. Хотя, казалось бы, события, происходившие в стране, и обретенная с перестройкой свобода слова располагают к тому, чтобы дать себе волю покричать с трибуны Парнаса о социальной несправедливости и прочих язвах современной Отчизны. Возможно, этого не произошло потому, что поэтическая глубинка всегда жила по своим законам — спокойно и неторопливо.

Да дело не в стихах, а в бесконечном споре
отчаянья души с невнятной жаждой жить...
За окнами листва мятежна, словно море.
Я слушаю лишь дождь. Мне некуда спешить...

Дмитрий Вересов

И ничего в этом плане не изменилось. Глубинке нет, по большому счету, дела до генерирования и развития всяких «измов», до споров о путях развития, до возведенных в самоцель поэтических экспериментов. Глубинка просто делает свое дело, то есть просто вслушивается в себя и пишет стихи. Но это не значит, что она ушла в башню из слоновой кости.

Судьба России, ее страдания и несуразность волнуют поэтов. И они эту тему никак не могут обойти стороной. Но больше через вдумчивость и сострадание, нежели митинговый азарт:

Снежно в России. Черненого снега
вдоволь на всех в моей зимней стране.
И продолжает катиться телега
жизни? чумы ли? не ведомо мне...

Георгий Чернобровкин

Все поэты идут к внутренней истине (стремясь объять себя как эпицентр мира... — А. В.), но у каждого своя тропинка и, как результат, свои ландшафты. Олег Мошников тяготеет к предметному и событийному мироощущению: картинка детства, географические объекты, конкретные люди становятся отправной вехой для стихов. Елена Пиетиляйнен властвует в пограничных областях мироощущения женщины, там, где соприкасаются внутренняя и внешняя вселенные, рождая образы и метафоры. Дмитрий Вересов включает в свою поэтическую систему религиозную составляющую вплоть до переложения псалмов. Олег Гальченко пропускает окружающий мир через призму городского мыслителя. Георгию Чернобровкину зачастую интересны пейзажи на фоне легкой грусти. У Дмитрия Гордиенко мысль и язык черпают вдохновение друг в друге.

Конечно, эти характеристики одновременно являются, как это ни парадоксально, и слишком общими, и слишком частными, ибо у перечисленных поэтов существует масса других особенностей, как

жизненно-философских, так и версификационных. Однако всех объединяют вечные темы: жизнь и смерть, природа, любовь.

Бесприютность дождем моросит.
Лист сползает с ленивой беспечностью.
Жизнь — всего лишь короткий транзит
Между небытием и вечностью...

Елена Пиетиляйнен

Красота карельской природы иногда сурова, но всегда живописна. Озера, леса, скалы, болота сами просятся в стихи.

Чайки над пепельным озером зорко парили,
Горбились скалы, покрытые мхами на треть,
И, расплескав изумрудные сильные крылья,
Сосны пытались в скользящее небо взлететь...

Дмитрий Вересов

И, пока нелюдимо озеро,
На лешачей кривой версте
Осень желтое платье сбросила,
Льются волосы по воде...

Олег Мошников

Напрашивается вывод, что карельские поэты, пришедшие в литературу в 90-х, крепко встали на ноги и приобрели «лица необщее выраженье». Возможно, одной из причин этого является их приверженность традиционной русской поэзии. Они удивляют не формой, а содержанием и взглядом на мир.

Александр Воронин, член Союза российских писателей,
редактор отдела поэзии журнала «Север»

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

Елена Пиетиляйнен — автор поэтических книг «Оттаявший свет», «Время дождей», «Предошущение», книги рассказов для детей «Большими шагами», книги стихов для детей «Кто живет в лесу и в доме?».

Лауреат международных поэтических конкурсов «Золотое перо» (2009), «Звезда полей» (2010), «Душа и слово» (2011).

Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования и науки (1996).

Кандидат педагогических наук. Председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Север».

* * *

Вновь с разбега — в янтарную Ладогу!
Словно конь молодой, ретивый,
Запряженный в хрустальную радугу,
Машет август сосновой гривой.

Увези меня в грезы летние,
Увези меня в воспоминания.
Бубенцами звенят последние
И надежды, и ожидания.

Вечной молодости напиться бы
Из кипящей прибоем Ладоги.
Торопливо стучит копытцами —
Летним ливнем — мой конь под радугой.

Так вези же, вези, вези меня!
Ухвачусь за ветра свистящие.
Конь уперся в песок резиновый —
В золотое дно — в настоящее...

* * *

Обгоревшего неба излом
Впился в зубчатый выступ леса.
Ветви ивы связал узлом
Расшалившийся ветер-повеса.
К истомленной воде приник,
Распластался невинной зыбью.
Я глотаю блаженный миг —

Настоявшийся вечер выпью.
А у воли в невольном плену
Бродят кони за томной рекою...
Я в ладонь зачерпну тишину
И уставшую душу омою...

* * *

Бесприютность дождем моросит.
Лист сползает с ленивой беспечностью.
Жизнь — всего лишь короткий транзит
Между небытием и вечностью.
В непроглядности солнечный шар
Все равно для кого-то алеет.
Брызжет свет из заплаканных фар
На взъерошенную аллею.
Задыхается ветер в ночи.
А с утра прослезится наледь.
В небесах журавли-трубачи
О своем отправленьи сигналият.

* * *

Мелким бисером
Ветки расшил
Замечтавшийся первый снег.
Месяц звезды во тьме раскрошил
И стряхнул их
На ленты рек.
Троп нехоженных белизна —
Долгожданная чья-то страсть.
А кому-то и нужен знак —
След чужой — чтобы не пропасть.
Будет новой моя тропа,
Удивит предстоящий путь.
Только след бы мой не пропал,
А помог хоть кому-нибудь.
Первый снег так отважно чист,
Первый снег так шемяще бел.
И горяч — потому искрист.
...Обжигаться — вот мой удел.

* * *

Так сердце рвется — не унять!
Сквозит отчаяньем в квартире.
И обреченно в зыбком мире
Дрожит слезою день опять.

Вновь окон влажные желтки —
На пасмурном ночном тефлоне...
И рвется голос в телефоне,
И мелочь сыплется с руки.
— Куда ты, дочь?
Из дома — прочь!
И дверь в простенок бьет с размаху.
Освободившиеся птахой
Летит в непознанную ночь
Девчонка — дерзкое дитя,
Что не живет, не прекословя.
Но только годы — слой за слоем
С листвой осенней облетят.
Увековечит пейзажист
Скелет ствола обледенелый...
...А дерево над смертью белой
Корнями держится за жизнь.

* * *

Среди отживших век вещей
Найдется чей-нибудь подарок.
Среди рождественских свечей
Ютится сморщенный огарок.
Среди торжественных тирад
Молчанье скорби незаметно.
И среди доблестных наград
Есть присужденные посмертно.
Среди измученных бродяг,
Мечтающих от жизни скрыться,
В потертых сношенных лаптях
Тоскует странствующий рыцарь.
И смысла целостности нет
В разбитом на осколки мире.
Он — как забытый кем-то свет
В остывшей нежилой квартире.

* * *

Пусть предают поводьри,
И ранит ноги бездорожье,
И обжигают волдыри —
Легко брести с душой порожней.

В неведение любая боль
Становится беспечной ношей.
...Уносит в океан прибой,
Коварством на судьбу похожий...

Олег МОШНИКОВ

Олег Мошников родился в 1964 году в Петрозаводске. Окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты. После сокращения военно-строительного отряда служил в органах МВД и МЧС — инспектором и пропагандистом пожарной охраны. В 1996 году окончил Ивановское пожарно-техническое училище. Подполковник внутренней службы в отставке. Ныне — сотрудник Центра ГИМС МЧС России по Республике Карелия. Автор трех книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России.

* * *

С детства в столбик буквы строил,
Кубики ронял...
Все ж не вечный золотое
Сердце материал.

Если б только на бумаге
Не считать потерь —
Годы рвались через фланги:
Где они теперь?

Собирает строфы скрепка,
Вяжет шрифт курсив:
Вместе с болями, нередко,
Отпускает стих.

И за что не будет стыдно,
Что не растерял,
Все по строчкам будет видно —
Скрепам бытия.

МАРТ

К желанному теплу — термометр закапал.
Не отрывая взгляда от окна,
Я видел — чистая — шкалу ломала капля:
Ну, наконец-то, Господи, — весна!

Не заведет постылую волюнку
Метельный снег, стаяя и моля...
Под стать весне — в дареную бутылку
Сливала рюмки бабушка моя.

И недопитых слез не оставалось,
И было что в шкафу на черный день.
Присев на лавочку, щеки моей касалась,
Рукой со лба отбрасывала тень,

Все говорила: «Редко навещаешь.
Вот-вот отмаюсь: вспомнишь ли когда?»
И сколь горючих слез не утираешь —
Все горестней соленые года.

Отгостевало в доме утешенье:
Мгновенны лета, сумерки длинны...
Остывшие чаи прощанья и прощенья
До замиранья сердца холодны.

И разговор на кухне затихает.
И ничего не надо обещать...
И в вешнюю капель заболеть стихами,
И между строк прощаться и прощать.

* * *

Разжать кулак. Открыть ладонь
Горбатой высохшей старухе.
Пытать судьбу... И видеть сон,
Под звездный дождь подставив руки.

Разжать кулак. Открыть ладонь.
Расправить листовые ранки.
Отдать последний золотой
За пестрый розыгрыш цыганки.

Разжать кулак. Открыть ладонь.
Звезда в осенней паутине
Баюкает живую боль
Натянутых непрочных линий.

Разжать кулак. Открыть ладонь —
 Пророчествам крикливой Шивы.
 И пепелища новых войн
 Искать по запаху наживы.

Разжать кулак. Открыть ладонь.
 Небесный знак смежит ресницы.
 Холодный северный огонь
 Раздвинет зыбкие границы.

Разжать кулак. Открыть ладонь.
 Быть набожным и суеверным:
 В озерный скит, в горящий дом
 Уйти — очиститься от скверны...

Разжать кулак. Открыть ладонь...
 Сдувая медный пепел с пальцев,
 Короткой линии не тронь,
 Позволив вечности казаться.

Георгий ЧЕРНОБРОВКИН

Георгий Чернобровкин окончил филологическое отделение Петрозаводского педагогического университета, что не мешает писать стихи.

Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках, альманахах и журналах России и русского зарубежья — география открыта.

Автор двух книг стихов: «Орешник» (2006) и «Близкое небо» (2007). Член Союза писателей России.

* * *

Вечер. Сосны. Ржавой скобкой
 прошивает белка лес.
 Куст черемуховый робкой
 пеной выдохнул: «Воскрес...»
 Солнце тянет к горизонту
 рыжий бредень по воде.
 Хорошо бы жить у Понта,
 только Понта нет нигде.
 Есть провинция да доля
 собирать в ладонь песок,
 представление и воля,
 жизни тонкий волосок.

И песчинки катят дюны,
и пока все во плоти.
Вечер. Солнечные струны.
И от смерти не уйти.

* * *

Я всматриваюсь в небо. Облака
глядят в меня все пристальней и ближе.
Мой день осенний, как лисенок рыжий,
ты греешься за пазухой, пока
плывет июль и лодка мнет тростник.
Я поднимаюсь выше по течению,
в воде прозрачной рыбы тень за тенью
скользят, передвигая материк.

Вода течет, и времени в обрез:
что не успел, того уже не сделать.
Как странно знать, что не минует зрелость
ни плод земной, ни душу, и бог весть,
что ждет меня за ломким тростником.
Вода и небо слиты воедино,
и обжигает лета середина,
и бок шершавит осень языком.

* * *

Утро. Холодное небо. Как будто
дождь обещается. Солнце сквозь тучи
светит неправильно: блекло и мутно.
Надо, наверно, картошку окучить...

Чай на столе остывает. На блюде
крошки печенья, сосновая шишка...
День обещается бледный и куцый,
словно скинхеда дежурная стрижка.

Дым сигареты. Тягучие кольца.
Шишка на блюде — привет Саломее.
Надо быть схожим по жизни со Штольцем,
только Обломов, пожалуй, милее.

Так... Рефлексия... Холодное утро
где-то в России. Отставлена чашка.
Солнце на соснах качается утло.
Облачно. Спички. Жестянка. Затяжка...

* * *

Недостижимый адресат,
 из тех, кто выбыл в неизвестность,
 ты жил и был, а ныне — местность,
 кладбищенский, по сути, факт.
 Взъерошишь память и тоску
 свою познаешь в полной мере:
 я тоже жил в эсесесере
 по окрику и по свистку.
 Я так же медленно ходил
 по провисающим канатам,
 пил, как и все, ругался матом
 и люто родину любил.
 И век двадцатый отзверел,
 страна прошла, и солнце ясно,
 глаза слепит короста наста,
 и режет буквы хрупкий мел,
 и аспидная врет доска:
 весны не будет. Честно-честно.
 Есть лед и снег. Земля и место.
 Вернее, местность и тоска.

* * *

...Наместник прав — Империя больна.
 Но проку в этом нам с тобой немного.
 Когда страна у смертного порога,
 меняется не время — времена,
 и остается лишь одна дорога:
 готовить удила и стремена.

До Рима ли, когда гусиный пух
 на площадях расхваливают гиды?
 Нам выпадают мартовские иды.
 Но только каждый к предсказаньям глух.
 Едино все пшенице: что акриды,
 что саранча — не выберешь из двух.

Историкам оставим времена
 и проживем достойно, что осталось.
 Спокойно встретим немощную старость
 в кругу семьи. И в ожиданье сна
 пойдем, насколько бесконечна малость
 тяжелого уже веретена.

Александр ВОРОНИН

Александр Воронин родился в 1961 году в г. Гатчине Ленинградской области. Среднюю школу посещал в Краснодаре. До 1989 года — кадровый военный. В Карелии живет без малого двадцать лет. Стихи публиковались в различных журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Автор трех книг стихотворений: «Метаморфей» (1997), «Круговорот» (2000), «Одиночество — удел избранных» на финском языке (2008). Член Союза российских писателей.

* * *

Я западаю на любовь опять,
как «ять» на «аз». Или как «аз» на «ять».
И если понимаю это, молкну,
поскольку не умею отворять
я люк последний, за которым вспять
не повернуть ни сердцу и ни волку.
С любовью мне давно не по пути,
но без нее ни шага не пройти,
хоть под ногой асфальт прямой дороги.
Быть может, юность бросила меня,
а может, как последняя родня,
исчезли на Земле единороги.
Но вот болит какой-то старый ген,
когда я снова попадаю в плен
любви, внезапно замерцавшей влажно.
Я, как лунатик, к ней иду сквозь тьму
всего лишь, может статься, потому,
что без нее на этом свете страшно.

* * *

Полная лирики полная грудь.
Темная голодом томная нежность.
Я попытался сквозь пальцы взглянуть,
чтоб не увидеть в тебе неизбежность.
Только увидел, как алчно взошли
черные солнца зрачков белладонных,
протуберанцами сердце зажгли,
линию жизни сожгли на ладонях.
Было ли в трепете ветра волос
Богом напетое стихотворенье,
если притягивал бездны откос
страстью прыжка и восторгом паденья?
Руки раскинулись сами собой,

словно безумное, сердце стучало.
Даже казалось, что это любовь
падала камнем, но дна не встречала.

* * *

Осень еще не желает триумфа и даже
не примерялась к деревьям своей волшебюю.
Что же струится холод из темных скважин,
что пробурили в ночи мы опять с тобою?
Это, родная, дышит нам в души Север,
жесткой истомой ломая любую тему.
Ты свое сердце сбрось в меня, как на сервер,
чтобы включил его я в свою систему.
Это слиянье почувствуют листья и травы —
зашелестят, салютуя нам жизни жаждой.
Солнце алмазом выскользнет из оправы
и засверкает утром в ламбине¹ каждой.

* * *

Береза, а рядом ольха,
отмытые ливнем до блеска
от пыли и праха. Тиха
над ними глубокая синь.
И это приятно для глаз —
в них жизнь обозначена веско,
но мне не хватает сейчас
тревожной печали осин.

Я чувствую мир и живу,
наверно, на противоходе,
поскольку, смотря в синеву,
я грежу обычно о том,
чего не случится со мной,
чего не бывает в природе,
а синь шелестит тишиной,
запнувшись на слове пустом.

Смыкаются все времена,
смыкаются с памятью грезы,
с блаженством — слепая вина,
и все — в этот миг и во мне.
И вот уж не тот окоем,
и нету ольхи и березы.
Запнувшись на слове своем,
теряюсь и я в тишине.

¹ Ламба, ламбина — небольшое озеро в лесу. Из карельск. lambi, фин. lampi — «озерцо, пруд, лужа».

Наталья ТЕРЕНТЬЕВА

Наталья Терентьева окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (исторический факультет) и Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина (актерский факультет, курс Э. А. Быстрицкой). Работала в разных театрах Москвы. Печатается с 1999 года. Первая публикация — журнал «Юность» (повесть «Нарисуй мне в небе солнце»), затем вышли романы «Знак неравенства», «Там, где трава зеленеет», «Журавль в клетке», «Золотые небеса» (снят фильм на РТР к/к «Русское», 2011 г.), повести «Угол отражения», «Мертвое море» и др., сборники рассказов и новелл «Лошадь на крыше», «Здравствуй, Таня!», учебники английского языка EuroEnglish, Active English.

ШУРОЧКА

ДАЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Все лето я на нее смотрела, проходя мимо участка сторожа, и думала: какая же вредная баба! Маленькая, толстенная, боевая, в сильно обтягивающих лосинках, с пронзительными яркими глазами, взгляд которых достает издалека. Взглянет — не то что рублем подарит, а дырку прожжет.

«Сторож-то — мужик хороший, а вот баба его...» — мнение быстро определилось и тут же облетело садовое товарищество. И правда — спесивая, не здоровается, не улыбается, копается, копается на участке. Да и участок-то откуда взялся? Был бросовый кусок земли около дома сторожа — а вот на тебе, огород стала засаживать, заставила мужика где-то кустов смородиновых накопать — где, у кого? Не в лесу же он их накопал? Купил? А на какие такие деньги? Кривотолки по участкам понеслись-поехали.

— Ишь ты! Ходит! Еще бы мини-юбку надела. Сама беззубая, рот ввалился, а туда же! Губы подвдет, волосы накрутит на ночь — дура душой в огороде копается!

— Да и нет у нее никакого огорода! Наша это земля, общественная! Мы на ней вообще детскую площадку хотели делать!

— Нет, зачем это нам площадка? У нас дети выросли! Не детскую, а волейбольную!

— И не волейбольную, а пинг-понг поставить!

— Пинг-по-о-онг? Это еще зачем? Чтобы мальчишки ваши у нас за забором орали день и ночь?

— А стоянку гостевую не хотите?

— Стоянку? За моим забором? Да мы сейчас землемера вызовем, и все, что ты прирезала к земле от леса, у тебя быстренько отрежут!

— Забор сначала подровняй до двух метров! Землемера она вызовет...

Добрые соседи сторожиху невзлюбили. Но потом кто-то догадался — сторожиху можно припахать к работе у себя на участке. И недорого. Не откажет. Бойтся. Всего бойтся. Жена-то она, оказывается, не настоящая, гражданская. Настоящая у сторожа Сани живет под Тверью, хорошая баба, говорят. Откуда знают? Да вот знают люди. Или думают так, глядя на эту, злобную, в обтягивающих штанках.

— Что ж баба в пятьдесят лет штанки-то такие носит?

— С чего вы решили, что ей пятьдесят?

— А сколько?

— Да больше! Зубов-то вон нет. Да и вообще...

— Больше? А что, она старше его?

— А ему сколько?

— Ему — сорок девять.

— Сорок девять? А выглядит на пятьдесят пять!

— Так работа тяжелая у него!

— У сторожа? Работа тяжелая?

— Ну раньше была тяжелая... Он то ли трактористом, то ли шофером в колхозе работал.

— Да колхозов давно нет! В каком колхозе? Пил небось горькую, вот и вид такой. И зубов нет, поэтому кажется старым.

— А почему он шапку никогда не снимает?

— Отметина страшная, говорят, на голове.

— Да что вы болтаете все подряд, женщины! На озере вместе мы с ним плавали как-то! Ничего у него на голове нет! Лысый он просто, стесняется!

— Ну да, молодуху привез, любовницу, вот и стесняется!

— Да какая она молодуха, старше него — все знают!

— Вот о чем и речь!

— А что это Григорич защищает так Санька-то?

— Да работает он у него задарма, за пять рублей, вот он его и защищает! Полы все перестлал да крышу покрыл!

— Ну вы, бабы, даете!

— Кому даем, а кому и нет!

— Вот языки у вас, как ядохимикаты, честное слово!

Вот приблизительно так и формировалась репутация нового сторожа, который, тихо и скромно поработав год в садовом товариществе, на следующее лето привез женщину. Он — Саша, и она — Саша. Очень трогательно. Постепенно все привыкли, что у сторожа появились женщина и огород. Даже надежнее. Она вроде не пьет, его держать будет. А что, он пьет? Да все пьют. Что ему еще зимой делать? А так — баба рядом, да на вид непьющая. Значит, всегда найдется, чем мужика занять. Вон — хозяйственная, все время что-то делает. То цветы сажает, то картошку, то белье развешивает — постирала в тазике...

Кто-то из соседей стал активно пользоваться услугами обоих сторожей — где подкопать в саду, где сорняки прополоть. Окно поменять, забор поставить новый... Платили им, по слухам, по-разному. Кто говорил — совсем мало и всем советовал не баловать, а кто говорил, что платит нормально — люди порядочные, рукастые, что их обижать-то.

Я как-то просила Саню открыть заклинивший замок. Заплатила двести рублей. Он был очень польщен. Потом попросила поправить покренившуюся трубу на бане. Заплатила пятьсот. Вообще был счастлив. Делал он все быстро, криво, на живую, не на века, но меня вполне устраивало. Работало, держалось — и ладно. Дачу я снимала, каждый раз думала — последнее лето. Дочка подрастала, хозяйка жадная и вредная была — на следующий год я собиралась лето спланировать по-другому. Но подошло следующее лето, было не до поисков новой дачи, да и лучше места трудно было найти. У нас —

красота, просторы, настоящая среднерусская равнина — с холмами, перелесками, далями, потрясающими закатами. И асфальт до самого шоссе. И рынок с магазинами в десяти километрах. И в доме — две печки. И баня есть. И участок большой, на участке — березы, ели, шиповник, малина, яблони, лужайки... Потом у меня появилась возможность купить дачу. Я стала искать уже не на лето, не на съём. И поняла, что такого места, как в Первомайском, просто не найти. Но я искала и искала. Внесла аванс за одну дачу. Забрала, извинилась. Стоит перед глазами та дача, которую мы снимали пять лет, где росла дочка. Все остальное — не нравится. И мы продолжали искать. Нашли, опять внесли аванс. И тут мне позвонила хозяйка нашей дачи.

— Вот какое дело... У меня была вчера риелторша, оценщица... Сказала — если подновим дом и участок приведем в порядок, за четыре лимона спокойно продадим дачу.

— Людмила, — не думая сказала я, — ничего не надо подновлять. Все оставьте как есть. Я у вас ее куплю и так за четыре, без торга.

У меня, как у некоторых москвичей, удачно оказалось в один момент две квартиры. Одну обычно сдают и не работают — так делают сейчас многие. Но я работаю и собираюсь дальше работать. Двадцать тысяч в месяц меня не спасут. На них в Москве все равно безбедно не проживешь. Накопить на что-то можно — на отпуск, например. Но я решила по-другому. Продав маленькую однокомнатную квартиру с сидячей ванной и потолком 2,53 метра, до которого в легком прыжке достанешь рукой, я купила прекрасный участок в необыкновенно красивом месте, в шестидесяти километрах от Москвы по Новорижскому, самому лучшему, шоссе, с чистым проточным озером в двух километрах, с лесной земляникой на участке, с колодцем, с маленькой банькой, с чудным, но просторным деревянным домом, в котором есть огромная застекленная веранда с низкими окнами, из них видна вся окрестная среднерусская красота, поленовская, щемящая, а также пышная ель, два узорчатых клена, клумба, давно уже засаженная моими цветами, и взметнувшаяся в небо раскидистая лиственница, вокруг которой по осени растут маслята. Кто бы поступил по-другому?

Теперь, на своей даче, мне все хотелось делать капитально. Я стала подрывать Саньку то на одну работу, то на другую. Он пытался все делать, как раньше — криво и быстро. Но я стала платить больше и просить — делай все нормально, как для себя. Санек кивал и вроде старался. По дружбе ведь... С женой его я уже пару лет как подружилась.

Вышло это так. В июле мы собирались ехать на море. Я привезла из Москвы тридцать горшков цве-

тов. Пять самых нежных и капризных отвезла маме, а остальные — на дачу. Маме было бы трудно поливать столько цветов, она уже плохо ходила тогда. А цветам на даче — отлично. Они там здоровеют за лето, зеленеют зеленые, краснеют пестролист-ные, цветущие цветут, и все активно растут. Кого-то надо было попросить поливать цветы, пока нас не будет. Я присмотрела соседку за забором. Интеллигентная, милая, моего возраста. За день до отъезда подошла к ней, когда она что-то делала в саду.

— Вы не смогли бы поливать цветы — раза два в неделю, пока нас не будет?

— Нет, — ответила соседка сразу и категориче-ски. — Ключи от дома брать не буду. Мало ли что.

— Да у нас ничего такого нет...

— И не просите, — махнула она рукой. — Нет.

Почему я была уверена, что она согласит-ся? Я стала быстро перебирать в уме всех полузна-комых дачников. Ну кто, кто? Да никто. Эти редко приезжают, этот странный, пожилой да ветреный, женщины меняются, не успеваю запомнить — то Верочка шашлыки жарит, то Настенька, то еще ка-кая-то Кисанька, и кисаньки все молодые, шальные, с упругими ягодицами, которые они, не задумыва-ясь, показывают всем соседям; этим страшно ключ оставлять, у них такой бойкий внучок подрост, глаза-ми стреляет, говорят про него соседи недоброе... Нет, не знаю, кого попросить.

Есть еще одна знакомая в соседнем товарище-стве... Да, к ней! Она, правда, слегка чудная... Истово верующая, мобильным телефоном не пользуется — у нее его нет, но при этом копит деньги с помощью акций каких-то банков и предприятий, живет на проценты, растит внука, которого не признает ее сын, заставляет его все лето читать бородатых со-ветских «классиков», именно так — не классиков, а «классиков», которых читать уже никакого смысла нет. Производственные конфликты, высосанные из пальца, картонно-плакатные герои с пафосными речами и чудовищными по своей бессмысленности и бесчеловечности поступками — «Дело превыше всего!». Дело, которое осмеяли и растоптали чуть позже их собственные дети. Дело это заросло сейчас бурьяном и стоит по всей стране — в виде брошен-ных рассыпающихся заводов, неоконченных строек века, ржавых рельсов, ведущих в никуда, разбитых дорог, устаревших аэропортов, не выдерживающих современных нагрузок, космодромов, принадлежа-щих иностранному с некоторых пор государству...

— Полью цветы, конечно, — кивнула головой Га-лина Семеновна. — Только вот сейчас меня не бу-дет... Праздник большой церковный, я и Гришеньку в Москву увезу, и сама уеду, будем ходить в церковь, молиться. А вы не будете?

— Мы — гм, вряд ли...

— А там церкви нет, куда вы едете?

— Есть. — Я краем глаза посмотрела на Катьку, тихо стоящую рядом.

Очень не люблю врать при ней. Очень не хочет-ся обижать в ее религиозных чувствах Галину Семен-овну. Еще больше не хочется подстраиваться под ее безоговорочную воцерковленность. Как обычно в таких случаях, глубоко внедренные в плоть церкви люди не признают иного способа верования. Либо так, как они, — либо плохо и неверно. Они ищут сво-их, не находя — вербуют, учат, просветляют. Но я ведь тоже с большей симпатией отношусь к таким, как я, — слабо верующим, сомневающимся, лишь отчасти воцерковленным. Только я не вербую, по-скольку сама сомневаюсь, не уверена — как тогда могу просветлять?

— Обязательно надо ходить каждый день, стоять на службе, — негромко, но настойчиво продолжала тем временем маленькая, чем-то внешне похожая на мою маму, тогда еще живую, Галина Семеновна.

Голубоглазая, с правильным чистым лицом, мелкими чертами, бодрая, с трудно определимым возрастом. Вроде много морщин, а двигается бодро, шустро. Вот у моей мамы морщин почти совсем не было, а ходила тогда уже она еле-еле. Но мама была больна, а Галина Семеновна — слава богу.

— Мы — да... Мы ходим в церковь. На Пасху. И в Рождество. И когда что-то случается.

— Как? А на исповедь? А девочку к причастию не водите? Ну как же так... Как же так! — искренне рас-строилась Галина Семеновна. — Нет, нельзя! Надо обязательно! Пообещайте мне, что тут же пойдете в церковь, как приедете! Куда вы едете, вы сказали?

Я стояла в растерянности под мощным натиском Галины Семеновны. Если бы не Катька, я бы навра-ла и ушла. Но как быть сейчас? Какое правило дей-ствует? «Ври, чтобы человека не обидеть»? Любое слово против сейчас ее возмутит и расстроит. Или — «не подстраивайся под ситуацию, не выгадывай на свое благо»? Ведь мне сейчас нужна от Галины Семеновны конкретная помощь...

Все решилось просто. Катька неожиданно спросила:

— А на сколько дней вы в Москву уезжаете?

Двадцать пять процентов еврейской крови — как они нас иногда выручают! Обоих. То Катька смоеется тихой сапой из какого-нибудь конфликт-ного винегрета — все девочки передрались, перес-сорились навсегда, а Катька так удачно в самом начале ссоры почему-то решила, что опаздывает в музыкалку. Она времени все равно не знает, на меня надеется, но тут вдруг поняла, что опаздыва-ет. То именно она углядела, как ловко нас хотели

обсчитать в магазине — заманили со скидкой, продали — без. Я стою, чек подписываю, о своем думаю, а Катька тут как тут, шепчет (говорить вслух не будет, скромная, воспитанная девочка): «Мам, кажется, с нас очень много денег взяли, проверь, а?» То глянет на своего отца — глазами огромными, сияющими, глянет молча, выразительно, сложно, когда он в очередной раз соберется с духом, чтобы сказать мне, как я его — «до-ста -ла!!!». И Катькин папа рот закроет, крикнет, охнет, махнет рукой, Катьку прижмет, потом и меня чмокнет примирительно — родственники мы, родственники, никуда нам друг от друга не деться, между нами вот эта стройная, глазастая, трепетная, любящая нас обоих юная особа. Она хочет двоих держать за руки, хотя бы раз в неделю. Чтобы пробивали токи с обеих рук — моя безграничная, нерассуждающая, сносящая все барьеры разума любовь и папина — беспомощная, интуитивная, ограниченная вынужденной его несвободой и другими юными особами, появившимися на свет в другом месте после того, как я стала ему не мила.

Вот и тогда, честно глядя на Галину Семеновну, Катька повторила настойчиво и вежливо:

— Галина Семеновна, а вас долго не будет?

— Нет! Две недели всего. Праздник большой, праздник! Надо обязательно в церковь...

— Да, конечно, — сказала я. — Только цветы две недели не смогут без воды, тем более жару обещают. Жаль. Очень жаль...

И мы, тепло попрощавшись с Галиной Семеновной, пошли назад. Проходя мимо участка сторожа, я попрердержала Катьку, весело скачущую впереди меня:

— Погоди-ка... Саша! — окликнула я сторожиху, как обычно копавшуюся в сильно разросшемся виширь огороде.

— Да? — спросила сторожиха, даже не разгибаясь, лишь подняв голову.

— Вы не подойдете на минутку?

— Заходите! — Сторожиха махнула рукой, испачканной в земле, в сторону тропинки. Забора у них тогда еще не было, но участок был уже весь обсажен кустами, так что вход естественным образом остался только в двух местах, где не было кустов.

— Мам, смотри, — шепнула Катька и показала мне на заднюю часть дровяного сарайчика, на котором наивно и неумело был нарисован деревенский пейзаж с коровкой, с домиком, с полным несоблюдением законов перспективы, с большими яркими ромашками, подсолнухами и тюльпанами, растущими вперемешку, с веселой зеленоглазой девочкой, пасущей коровку. — Это кто рисует? Она?

— Спроси!

— Нет, ты спроси...

— Что вы хотите? — довольно резко спросила меня сторожиха, убирая волосы со вспотевшего лба тыльной стороной руки.

Я на мгновение пожалела, что пришла. Очень противная тетка. Баба. Не знаю, как с ней разговаривать.

— Я хочу... Вы ведь Александра?

— Шура, — величественно кивнула маленькая женщина. Баба. Тетка.

Темное лицо, задубевшее от пребывания на свежем воздухе наших полей с марта по ноябрь. Да и зимой, я думаю, у нее находится какая-то работа во дворе. Воды набрать, снег сгрести, белье развесить... Яркие, очень яркие глаза. Редкий цвет. Зеленый. Густой, с оттенком бирюзового. Правду говорят, что она старше Санька, что он жену бросил, уехал, а Александру эту привез? Может, спросить? Чтобы спеси поменьше у нее было.

— Ну? — подогнала меня Шура. Она посмотрела внимательно на меня, на Катьку и неожиданно мирно и просто добавила: — У меня времени мало, прополоть нужно, потом Саню кормить.

— Да понимаете, мне нужно, чтобы кто-то полил цветы, пока нас не будет. Я хотела вас попросить.

— Цветы какие? В саду? Розы, что ли?

— Да нет, комнатные. Тридцать два горшка, я из Москвы на лето привезла.

— Давай полью, — сразу согласилась Шура. — Скажи, во сколько зайти, я найду, покажешь, что да как.

— Давай, — тоже сразу согласилась я, перейдя спокойно на «ты».

С некоторых пор мне стало легко переходить с людьми на «ты». Еще несколько лет назад — мы только сняли дачу и пошли первый раз покупать молоко и творог у живущего неподалеку фермера, — я была по-столичному потрясена, когда фермер спросил меня, нимало не смущаясь:

— Тебе сколько творогу?

Я даже подумала, что он спрашивает это у стоящей рядом Катьки, полагая, что она пришла сама по себе.

— Бери больше, девчонке запеканку сделаешь, — развеял мои сомнения фермер. — Хороший сегодня творог, сладкий. Траву сейчас такую коровы едят, очень хорошее молоко. Тебе литр или два?

Я не смогла ему ответить так же. Но с тех пор прошло несколько лет, я изменилась. Мне стало просто и легко говорить людям «ты». Я даже поняла, почему фермер всех незнакомых людей зовет на «ты», хотя они того или нет, отвечают ему или продолжают «выкать».

Шура пришла в тот же вечер, внимательно и сосредоточенно оглядела все мои цветы, достала из кармана длинной темно-зеленой туники блокнотик и карандаш и сказала:

— Так, говори, что и как поливать. Кому больше, кому меньше. Цветы у тебя все капризные, небось!

— Да нет, я капризных не держу. Декабрист вообще можно пореже поливать...

— Да, шленбергу заливать нельзя, — спокойно кивнула Шура.

Она оказалась заядлой цветочницей, почище меня, знала латинские названия почти всех цветов, удивила меня своей грамотностью. Тут же попросила у меня отростки редкого цветка, который я по случаю купила в «Икее», восхитилась орхидеями на фотографии — самих их я отвезла маме на постой. В общем, через час разговора я поняла, как же ошибочно может быть мнение о человеке издалека. Бойкая, смешливая Шура просто выглядит неприступной бабой. А так — она простая и вполне симпатичная, и при этом начитанная, образованная женщина. На руке кожаная фенечка-браслетик с косяным красным сердечком. Саня подарил...

— Я вообще-то зоотехник! — поспешила похвастаться она образованием. — Почти окончила институт когда-то, госы только не сдала. Ушла в декретный, родила, тут же вторым забеременела, так и бросила все... А! Уж как вышло. Но знаю много.

— Понятно, — вежливо кивнула я.

— Да. Осеменением быков занималась я. Работа, скажу тебе, не сахар. Но лучше, чем в земле копать. Это я только тут, от нищеты нашей, огородами занялась...

— Да, кстати, об оплате, — спохватилась я. — Я за цветы хорошо заплачу, не переживай.

— Да я не переживаю! — засмеялась Шура, прикрыв загорелой рукой беззубый рот.

— Я Саше твоему всегда хорошо заплачу.

— Ой, это я не знаю, разбирайтесь сами! — замала она руками. — Он сам по себе, это его деньги!

Шура хорошо ухаживала за моими цветами, даже по своей инициативе поливала немудреную клумбу, на которой мы, как и раньше, оставили самодельный автополив из обрезанных пластиковых бутылок. Сколько дождя нальет — столько и будет воды в бутылках. А тут Шура и полила, и траву вокруг дома покосила. Я заплатила ей, сколько смогла, сувенир из Прибалтики привезла — красивое янтарное ожерелье — она была довольна.

— Девочку свою присылай, я кролей тут надумала разводить. Пусть покормит.

— Кролей?

— Ну да, кроликов. Ты только не говори ей, для чего. Скажи — просто развожу, чтобы нескучно было. Как зоопарк.

Шура покорила меня пронизательностью и неожиданной чуткостью. Надо же, подумала о чужом ребенке, увидела, что Катька трепетная, расстроится, если узнает, что сторожа взялись разводить кроликов, потому как самим есть нечего, да и продать можно дачникам нежное свежее мясо. Шура выкормит, Саня забьет, освежает. Соседи съедят, детей покормят. Что тут такого? Я очень городской человек, и мне знание цикла «бегают пушистый, трогательный — зарезали — содрали шкуру — порубили на части — я приготовила Катьке в сметане и доела все, что не доела Катька» действует на нервы. Я не хочу знать, что я — тупой, примитивный варвар, который ест все, что двигается и что хорошо переваривается моим варварским желудком. Предпочитаю забывать о середине цикла. Бегают беленькие, черненькие, пушистые, ушастые — одни, а едим мы других, которые в магазине продаются. Мы мясо едим, а не беспомощных детенышей, у которых мясо нежнее и которые могут ткнуться влажным носом в руку, облизать ее, сказать «му-у», «бе-е», доверчиво посмотреть, повилить хвостиком — с кисточкой, или кудрявым, или маленьким, смешным меховым шариком, у кого какой вырос на радость их маме...

Катька стала собирать траву на нашем луговом участке, Шура показывала ей, какую именно траву лучше искать. Катька кормила кроликов, взахлеб рассказывала мне о большом черном «папе», о смешных крольчатах, об их ревнивой маме, которая чуть не укусила ее. Шура угощала Катьку невкусными печеньями, которые она не ела, но приносила мне, прося не выбрасывать, а «сохранить на завтрак». Они говорили о чем-то интересном для Катьки — о том, как Шура раньше жила в поселке («не в деревне, мама!»), как работала на ферме, ухаживала за животными, какие свиньи и боровы, оказывается, умные, умнее коров и быков.

Как-то я пригласила Шуру на чай. Она пришла принаряженная, с букетом из укропа, петрушки, базилика, других огородных трав, с баночкой варенья... И пошло-поехало.

«Я дружу со сторожами!» — слегка кокетничая, говорила я городским знакомым. Это экзотично. Это благородно. Это удобно — всегда есть люди, которые помогут со всем — Саша починит, Шура польет или уберет. Забыли выключить рубильник — придет Шура. Траву покосить — оба Саши в четыре руки покосят. Косилка у нас есть, но сломанная, покосят косой... Но за «удобно» я бы просто платила деньги. А я платила деньги и дружила. Шура мне нравилась искренне. Да и муж ее, Саня, со временем

стал все более и более симпатичен. Здоровый, лысый, стесняется лысины, ходит в клетчатой тирольской шляпке, которая делает его похожим на бедно одетого немца — глаза голубые, сам рыжеватый — остатками волос, тоже смешливый, как Шура, голос высокий, ломкий, от этого все, что он говорит, звучит забавно и незло. Да он злых вещей и не говорит. Меня то на «ты», то на «вы» называет, получается то по-дружески, то уважительно.

Дальше — больше. Я стала подвозить Шуру до Москвы — у нее где-то в другом Подмоскovie, с другой стороны необъятной столицы живет в каком-то старом общежитии дочь с семьей. Нездоровый внук с задержкой развития, которого Шурочка трогательно называет «мальчик».

— Мальчику пойду горошка наберу, собираюсь завтра... Ты не едешь на станцию?

— Еду, конечно, Шура, мне как раз в магазин надо!

— Ты ж ездила вчера вроде? Или что забыла?

— Забыла, не важно. Отвезу тебя с удовольствием!

Наконец я пригласила ее к себе в гости. Сильно не раздумывая. Не думая о том, что Шурина дочка живет в плохих условиях. Что сама Шура все жалуется на то, что в одной комнате с маленькой верандой ей в избе вдвоем с Саньком тесновато, особенно зимой, когда не разбежишься в разные стороны на участке.

Я хотела ее угостить. Показать, как все красиво я сделала у себя дома. Вообще — пригласить к себе. В этом ведь что-то есть? «Приходи ко мне в гости». Я пускаю тебя на запретную территорию своего дома. Запретную для чужих. Я тебе доверяю. Ты ведь будешь не только сидеть на кухне. Ты пройдешь по квартире. Посмотришь на портреты дорогих мне людей. Их уже нет. Но они есть внутри меня. Только никто этого не знает и не должен знать. Ты увидишь, как я рисую. Да, я рисую как рисую. Никогда не училась. Это тоже моя тайна — я не бегу к чужим людям показывать свои рисунки. Вот моя спальня, вот ванная... Здесь не так уж много людей стояли и осматривались, думая, одна ли я сплю на этой огромной постели, разглядывая мою затейливо придуманную ванную с ползущими по стенам еле видными бледно-розовыми огромными цветами... Она так много говорит о хозяйке, эта ванная, — тому, кто любопытен. Сколько щеток в стаканчике, какое белье сушится — какое у тебя, оказывается, белье, кружевное, дорогое... А зачем оно тебе? Просто любишь хорошее белье? Любишь все хорошее? Или не просто?

Прошли те времена, когда «гости» было обычным делом. Кто сейчас ходит в гости? Встретились в кафе, посидели, поделились новостями, заплатили каждый за свой пирожок и разошлись.

Московские посиделки на кухне до утра остались в другой Москве, той, в которой были парки, росли деревья, в которой можно было с коляской гулять по улицам, не рискуя отравиться, в которой национальный состав был привычным для Москвы последних пяти-шести веков — русские, еще русские, а также евреи, татары, украинцы, два армянина и загадочные курды — чистильщики сапог.

Но я пригласила Шуру в гости посидеть со мной на моей современной кухне. Посмотреть, как я живу. Заглянуть в тайное пространство моей настоящей, домашней жизни. Дружить — так дружить.

Шура очень растерялась, зайдя в наш подъезд, построенный в стиле, навеянном линией духов «Живанши», их классическим оформлением. Черный потолок, белые стены, много стекла, огромные хромированные ручки в виде символа «Живанши» — квадратный лабиринт, такая же символика — белая на черном сверкающем полу. В довершение всего на двери каждой квартиры вертикально, огромными письменными буквами на четырех европейских языках написан номер этой квартиры. И сумерки, свет льется откуда-то — непонятно откуда. В полумраке светятся цифры над каждой квартирой... Впечатление на неподготовленного гостя производит обычно ошеломляющее.

Шурочка постаралась держаться достойно, по сторонам сильно не смотрела, не удивлялась, не пугалась, не восхищалась. Я внутренне порадовалась ее сдержанности. В моей же квартире она, сняв обувь и оставшись в толстых носках, стала обходить все наши достопримечательности, с нескрываемым любопытством рассматривая и мебель — вполне обычную, и мои оригинальные находки в оформлении квартиры, и светильники, и полки с книгами, сувенирами, старыми, дорогими моему сердцу вещами. Мои первые ботиночки и Катькины. Старая бабушкина вазочка. Трофейные немецкие балеринки. Канадская куколка из моего далекого детства, куколка старше Катьки почти в четыре раза. Шура смотрела внимательно, как в музее, задавала вопросы, переспрашивала.

Фотографии моих родных она тоже посмотрела, без особых комментариев. Только сказала: «Мать у тебя такая... На тебя не похожа». Я не стала уточнять.

Вообще держалась Шура просто и доброжелательно. Я еще раз порадовалась, что умею выбирать друзей. Какая разница, кто сколько получает в месяц. Главное — душа. Близкая душа или нет. Этому меня научила русская литература. В это я верю и по сей день. Пытаюсь верить, как и в прочее идеальное, идеалистическое, эфемерное, придуманное людьми и живущее своей, идеальной жизнью по мало понятным нам законам. Идея бога, идея равенства,

идея бессмертия души, идея спасения, идея перерождения, воскрешения (у кого как), воздаяния, единственного пути. Мы их меняем, бросаем, топчем, снова принимаем близко к сердцу, снова отбрасываем, а они живут, живут, изменяя мир, изменяя нас, входя в противоречие друг с другом, определяя наше бытие...

Близкая душа Шура стала поздравлять нас со всеми праздниками. Дарить немудреные, трогательные подарки. Рамочка для фото, банка протертой малины, диковинная заправка для супа — чеснок с петрушкой и еще чем-то, можно также намазывать на хлеб. Вышитые ее, Шурочкиными руками, картинки. Долгими зимними вечерами Шура смотрит телевизор и, несмотря на проблемы с глазами, вышивает в огромных плюсовых очках, терпеливо, старательно — пейзажи, иконы, котят...

Я в долгу не оставалась. Я тоже поздравляла с праздниками, привозила из-за границы подарки, старалась не отделяться обычной сувенирной ерундой. И вообще — я знала, что у меня есть надежный, верный друг. Дача моя, которую мне так трудно содержать в порядке, всегда присмотрена. Есть человек, который выслушает любые мои проблемы. Помочь не поможет, даже советом, но мне и не надо. Мне иногда надо высказаться. Рассказать, как не понимает мама, как ленится Катька, как быстро отвыкает от нас бывший муж, как опять сломалась машина, как болит горло и не лечится, как мало платят за работу, как доводят соседи по подъезду. Шура все запоминала, редко путалась, спрашивала — как с тем, как с этим.

Маленькая черная кошка однажды пробежала — даже не кошка, так, черный незлобивый котенок, когда Шура вдруг спросила:

— Можно мы у тебя косилку возьмем, наша полетела? Поедем купим в воскресенье, но надо покосить в одном месте.

— Косу? Бери, конечно, но она тупая такая, я точилку где-то в траве, что ли, потеряла...

— Да зачем мне коса? — засмеялась Шура. — Косилку дашь нам свою, электрическую, на пару часиков?

— Косилку? — удивилась я. — Да она сломана уже четыре года! Я ей только одно лето косила. А потом там леска кончилась. И штука эта, где леска, никак не открывается. Она припаяна, кажется. Я поэтому вас все время и прошу косить, когда уезжаю! Не отлени же! Я кошу сама, да косой низко не скосишь, ты же знаешь...

— Работает твоя косилка, — сдержанно ответила Шура. — Ну, я пошлю Саню?

Когда Саня пришел, я сказала ему:

— Иди возьми сам, ты же знаешь, где она стоит.

— Ага, — легко отозвался Саня. — Ща... Вот тут она, за лопатами.

Саня ловко достал косилку и отправился к калитке.

— Саш, — спросила я его в вдогонку, — а вы у меня чем косите? Косой или этой косилкой?

— Ты че? — обернулся ко мне Саня. — Косилкой? Да замордуешься твой участок косить!

— Но у меня же косилка была вроде сломана... Ты смотрел ее года три назад, помнишь? Сказал, не чинится...

— Да ты чего? Какая сломана! Леску надо туда заправлять!

— А я думала — вы косой, как и я, косите...

— Да ладно тебе! Кто сейчас косой косит! Труба-то держится на бане?

— Держится, спасибо.

— Ну и ладно.

Я не стала стыдить ни его, ни Шурочку за то, что они косили за мои же деньги моей же косилкой, не говоря мне при этом, что она работает. Хорошо, что я ее не выбросила. Я ведь думала, что храню, как обычно, ненужное сломанное барахло, храню на авось — вдруг на что сгодится. Потом в один прекрасный день я беру и все выбрасываю, освобождаю место для нового. Я решила, что мы просто не поняли как-то друг друга и не нужно об этом думать, портить мое собственное отношение к этим двум симпатичным людям. Ну и пусть чуть хитроватым, по-деревенски. Это нормально.

— Мам, ты видела, что у Саши под курткой? — спросила меня Катька, когда он ушел.

— Нет, а что там?

Катька стала смеяться.

— Жалко, что ты не видела... Там огромная бутылка пива. Огромная, мам! Я таких не видела. В два раза больше, чем мы для автополива ставим. Или в три...

— То-то я и думаю, живот, что ли, у него стал набок расти, Шурка его раскормила! А это он пиво там прячет! От Шуры и прячет...

Труба на бане упала вскорости, переполошила, как обычно, соседей, Борю и Таню. Боря ругался и строго предупредил меня — если трубу нормально не сделаю, будет мне от него «ого-го!». Вызовет кого положено — и баню заставят вообще от забора убрать.

— Хорошо, — вздохнула я. — Извини. Я не знаю, отчего она падает и падает. Мне Сашка ее уже четыре раза на место прикреплял.

— А ты ему, что, каждый раз платишь? — спросил Боря.

— В смысле? А как, через раз, что ли?

Боря неожиданно стал смеяться. Маленький, жилистый, решительный Боря ухал, сморкался, ухохатывался, пытался что-то сказать. Наконец выглянула его жена Таня и сказала:

— Борис, тебе плохо?

— Не-е-ет, — с трудом проговорил Борис и показал мне рукой на то место, где должна была быть труба. — Залезь в крапиву, посмотри, что там.

— Да не полезу я в крапиву, Боря. Весной посмотрю, когда крапивы еще не будет.

— А до весны Саня тебе опять трубу на веревочку привяжет?

— Как на веревочку?

— Да так! Заходи посмотри, на чем она держалась!

Чтобы зайти к соседям, мне нужно выйти со своего участка и обойти половину нашего небольшого садового товарищества, так проложены улицы. Был бы пожарный объезд, я бы дошла до Бори за пару минут. Но пожарный подъезд исчез за счет того, что все — или кто-то один, возможно, даже моя бывшая хозяйка — прирезали к участку как раз те самые три метра, по которым должна была идти дорога между последним участком и прилеском.

Я не в тот день, но все же зашла к Боре на участок и посмотрела на баню. Ну да, действительно. Молодец Саня. Брал веревку, обматывал мою старую трубу, и — на гвоздик, который предварительно вбил в стенку бани. Поэтому эта нехитрая конструкция держалась до первого сильного ветра и всегда, каждую зиму падала под тяжестью снега, сползавшего с крыши.

— Я куплю новую трубу, крепление и сделаю, — пообещала я Боре.

В то лето мы до парилки не дошли, просто принимали летний душ. А на следующее лето я уже во всем обходилась без помощи Санька, и трубу мне по собственной инициативе великодушно помог приделать накрепко Борис, выделил дрель, электроножовку и сам в результате залез и все сделал.

С Шурочкой и Саньком нас рассорили березы.

Наше садовое товарищество называется «Западное». Очень красиво, особенно если учитывать, что рядом — «Заветы Ильича», «Кварц», «Магма» и даже «Взрыв-2». Где-то, наверное, есть и «Взрыв-1», за «Синими ручейками» и «Ведьминой Горой»...

Но если бы оно никак не называлось, лучше названия «Березки» ему бы не придумать. Когда-то, когда на краю поля раздавали участки (редкий случай, обычно в наших местах под садовые товарищества вырубался бурелом в непроходимом лесу), первые хозяева засадили все дороги между участками березами. Березы с годами разрослись и создали удивительно красивый ландшафт. Товарищество

наше находится на легком скате, под углом градусов пятнадцать, и березки повторяют все изгибы небольших холмов, разрастаются то пышно, то тянутся вверх. Какая-то вдруг растолстела, вырастила раскидистые ветви, другие растут более скромно, пуская легкую поросль вблизи себя. И вот кто-то из старожилов вдруг стал рубить тайком березы. То одной вдруг нет, то другой... Потом зимой выпал ледяной дождь. Несколько берез наклонились поперек дороги. Их срубили. И еще рядом срубили. И неожиданно из дома тогдашнего председателя товарищества раздался «приказ».

У меня на участке несколько берез, две с трудной судьбой — бывшая хозяйка пыталась вывести из них редкий сорт «плачущих» берез, скручивала ветки веревками, зверски протыкала ствол спицей для вязания, очевидно, просверлив его для начала, и привязывала веревку к согнутым специально спицам. Я все это разняла, ветки освободила, Катька, сопя, замазывала дырки садовым варом, и березы наши стали расти нормально, но не сразу — поначалу страдали, болели, желтели уже в начале августа, были тонкие и слабые. А у забора, со стороны улицы, у меня растут две просто роскошные, царские красавицы березы. Пусть биологи говорят, что березы — это сорняк. Для меня это — моя родина. Вот такая, белоствольная, с нежными лепестками, изящными ветками, сильная, неприхотливая, вечная... Я здесь живу и все терплю, весь маразм и регулярный, повторяющийся мрак нашей жизни, в частности потому, что очень люблю березы, среднерусские дали и перелески и не могу спокойно жить, если долго все это не вижу.

Я смотрю на эти березы, когда кошу траву, когда читаю в саду, когда подъезжаю к даче, когда уезжаю обратно в Москву. Они — часть моей жизни на даче.

— Почему надо срубить березы? — спросила я председателя.

«Старые треники» — называет Катька председателя и его дружков, двух таких же стариканов, которые правят товариществом уже много лет и никого не пускают ни в свою кухню, ни в планы, ни в документы. «У нас свои законы!» — отвечают они новичкам, которые пытаются урезонить их, ссылаясь на Земельный кодекс Российской Федерации. «Поработайте с наше, а потом указывайте!»

Сейчас наш главный старый треник смотрел на меня с нескрываемым отвращением. Еще бы! Год назад я отказалась платить за старых хозяев нашей дачи их «долг». Мужу хозяйки вменялось оплатить ремонт трансформатора, который перегорел на улице якобы по его вине. Даже если и по его. Я подготовилась, почитала законы, поняла, где правда, а где фантазии треников, и в пух и прах разбила его

притязания на общем собрании садоводов. С тех пор старые треники меня дружно ненавидят за те двадцать две тысячи рублей, которые я не стала им платить. И за то, что посмела перечить «главным».

Шестое поколение сейчас растет без крепостного права — моя Катька. Всего лишь шестое! А я — пятое. А треники — четвертое. Каждого маленького, ничтожного чиновника, сидящего по ту сторону стола, за которым пишутся какие-то бумажки, они воспринимают как начальника, барина, и сами, получив в руки две бумажки и чужие деньги, чувствуют себя хозяевами, а людей, выбравших их на время руководить общественной жизнью — помойкой, забором, сбором взносов, — крепостными крестьянами.

— Рубить березы надо потому, что они вредят! — с ненавистью ответил мне старый треник.

— Кому? Чем?

— Всем! Они корнями взрывают дома! И ваш дом взорвут! Прибежите тогда: «Ой, что мне делать?» А будет поздно. И короткие замыкания из-за них. Дорастает до проводов, цепь замыкает, пожар, пожар. Вам это надо?

Мне показалось, он говорит это всерьез и верит в это. Возможно, была какая-то еще причина, по которой председатель взял на себя смелость и ответственность и приказал порубить все березы в нашем красивом, уникальном товариществе. Все — это сто, двести деревьев, не знаю, сколько. Много.

Было воскресенье, Троица. Я человек, как известно, не шибко воцерковленный, традиции не соблюдаю, но чувствую изнутри. Я знаю в Крещение, что вода святая. Я за ней в церковь не иду, в проруби не купаюсь, но чувствую в душе волнение. В Троицу я до церкви, может, и не дойду и березки украшать не буду. Но смотрю на них другими глазами. Знаю, чувствую, как мои предки праздновали Троицу. Не то чтобы помню. Знаю каким-то другим знанием.

Утро было просто прекрасное, тихое июньское утро. Я проснулась на втором этаже нашей дачи. Тихо, из приоткрытого окна — чудесный воздух. В июне у нас повсюду цветет сурепка — желтый сорняк с нежными, кудрявыми, сладко пахнущими цветами. Сладко, но с чуть горьковатой ноткой. Запах на участке обволакивает, хочется вдыхать и выдыхать его. И я даже не кошу траву в это время, жалко, жду, когда отцветет ароматный луговой цветок.

В тишине, наполненной негромким птичьим пением, вдруг раздался дикий визг электропилы. Воскресенье, девять утра! Ну кто будет пилить дрова, или что они там пилят? Я вздохнула и встала: все равно не поспишь и даже не помечтаешь под такие звуки. А уж если наши соседи начали с утра пилить

и что-то строить, за пять минут они это не построят. И точно. Визг продолжался и продолжался.

Встала Катька, мы позавтракали. А пила все визжала и визжала. К этому звуку нельзя привыкнуть. Ждешь с ужасом, когда в тишине раздастся этот звук, надеешься — вдруг больше не будет, потом вздрагиваешь, терпишь его и уже ждешь, чтобы поскорее он закончился. Спокойно существовать невозможно.

— Пойдем хоть посмотрим, кто что строит, да и прогуляемся по полю, все равно на участке с ума сойдешь, пока пилят, — сказала я Катьке.

Мы вышли на улицу, прошли немножко и ахнули. Целый ряд берез по центральной улице нашего товарищества, от которой параллельно расходились четыре другие улицы, были кое-как, наспех спилены. По пояс, по грудь, по колено. Здесь — так, там — сяк. Не задумываясь, как вышло. Где не допилили, ногой доломали. Хрясть — переломили белый, нежный, гладкий ствол. И свалили все это по обочине. Рядом со сваленными березами, широко расставив ноги, стоял Санек и отхлебывал пиво. Рядом с ним лежала бензопила.

— Саша! — крикнула я сторожу. — Ты что делаешь?

— Чего? — обернулся на меня потный Санек. — А, это ты! Не видишь, что ли? Работая.

— Зачем ты березы пилишь?

— Сказали мне, и я пилю! — зло ответил мне Санек. — Вы бы отошли. А то щепка попадет. — Он поднял электропилу и вознамерился пилить снова.

— Кто тебе сказал пилить березы? Да еще на Троицу?

— Чего?

Толстый мокрый Санек с огромной электропилой в руках производил устрашающее впечатление. Большое брюхо, немецкая шляпа, высокие грязные резиновые сапоги, оранжево-черная пила, беззубый, с лица пот течет, потная рубашка растегнута, из-под нее видна рыжеватая шерсть с сединой, воница — пот с перегаром...

— Мам... — Катька умоляюще и растерянно посмотрела на меня.

— Погоди-ка... — Я чуть отодвинула ее себе за спину. — Саша! Документы покажи на спил деревьев. На каждое дерево.

— Чего?

— Я повторяю, если ты не услышал меня. Документы мне покажи на каждое спиленное дерево. Составленное экологической службой.

Саня посмотрел на меня с сомнением.

— Идите к председателю, он вам покажет, что надо.

— Да нет, Саша, ты, наверное, не понял. Деревья пилишь ты. Вот документ и покажи. Это называется

ся «паспорт на спил». Выдается на каждое дерево. Ставится на дерево номер. И потом пилится. Понимаешь?

— А вы кто? Полицию вызывайте, если вам надо.

— Какой ты смелый, Саша! Про полицию ты сказал, не я. Я просто предложила прекратить пилить березы. Эти уже не вернешь. Но если вызвать экологическую полицию, то за каждую березу, на которую не составлено решение по спилу, заранее причем, не сегодняшним числом, придется платить штраф, большой штраф, и, подозреваю, тебе лично. Пять тысяч за каждое дерево. Или нет, пятьдесят. Не помню. Посмотрю в Интернете и скажу.

— Чего я? — визгливо ответил Санек, отмахиваясь от чего-то невидимого. — Зараза, лезет... Тьфу ты...

Мы с Катькой переглянулись. Ни жужжания, ни мошек видно не было.

— Чего я? — продолжал причитать Санек, довольно резко, надо признать. — Да в лесу этих дровьев... Каждую неделю рубим!.. — Он осекся.

— С этого момента можно поподробнее?

— Да я вообще с вами разговаривать не буду! — гавкнул Санек и, подхватив пилу, быстрыми шагами потопал в сторону своего дома. Не пошел почему-то к председателю искать защиты.

Мы с Катькой попробовали зайти к старому тренику, но он калитку нам не открыл. Видел наверняка, что это мы, и не подошел даже.

— Пойдем-зайдем к Шуре, узнаем, что там и как.

— Может, попозже, мам? — спросила Катька, страсть как не любящая никаких конфликтов.

— Пойдем-пойдем, поговорим с Шурой, пусть она Сане объяснит, что к чему. Ты можешь в сторонке постоять, если боишься.

— Я не боюсь! — пробубнила Катька и крепче взяла меня за руку.

Подходя к дому сторожа, мы еще издали слышали истошный крик. Сначала я решила, что кто-то умер. Так кричат, когда нет сил, в первый или второй день, когда наваливается горе, когда можно только лежать на земле. Кричать, пока есть голос. Плакать, пока есть слезы. Выть, когда уже нет ни того ни другого, а горе, заполняющее тебя и все вокруг тебя, есть. И кроме него нет ничего.

— Господи... — Мы с Катькой остановились и посмотрели друг на друга.

Подойдя поближе, мы стали различать слова. Некоторые слова были очень грубые.

— Я... их... барахло... чтобы... я... охранять... еще... тут... собирайся... мотаем... сука-а-а... ка-а-ака-а-я... а-а-а...

Я не сразу поверила. Но кричала Шурочка. Визжала, на пределе голоса.

— Сорвет голос, — проговорила я.

— Мам, ей плохо? — с ужасом спросила Катька. Она тоже узнала Шурочкин голос.

— Думаю, да.

Мы постояли около их двора, теперь уже огороженного невысокой сеткой-рабицей, и пошли домой, собираться. На следующий день мы уезжали на море.

— Жалко березы, правда, мам? — спрашивала меня Катька несколько раз в тот день.

— Да слов нет.

— А наши тоже спилят?

— Пусть только попробуют!

— Ты им покажешь, да, мам? — Катька с надеждой смотрела на меня.

— Да уже смысла не будет тогда ничего показывать. Надо, чтобы сейчас испугались, мародеры проклятые.

— А зачем они рубят березы? Они что, правда дома взрывают?

— Никогда такого не слышала. Корнями почву укрепляют — да, канавы не размываются, почва не проседает. А чтобы дома взрывать... Наверное, аллергия у кого-то. У внуков, у жен, у самих треников. Аллергия на цветение берез.

— Березы цветут? — удивилась Катька.

— Вы еще не проходили? Конечно, в середине весны. Вот кто здесь живет в это время? Или кто постоянно приезжает? Нам с тобой не до дачи, самое горячее время в школе, да и я к лету обычно что-то сдаю, сижу за компьютером без дыхания... У Альфирки аллергия на березы, кстати. И у ее сына.

— Разве у взрослых бывают аллергии?

— Конечно. Альфирка отпуск всегда в конце апреля берет, чтобы из Москвы уехать, пока березы цветут.

— Надо же... — задумчиво сказала Катька. — Странно как все в жизни... Кому-то плохо от того, как цветут березы... У их предков, что, берез не было?

Я посмотрела на Катьку.

— Да, думаю, именно так. Где родился, там и пригосился.

— А Альфирка где родилась?

— В Казани.

— А там есть березы?

— Мм... Ну если и есть, то это точно не березовый край.

— А старший треник где родился?

— Не знаю, дочка, — засмеялась я. — Давай собираться, времени мало осталось. Я не хочу теперь, чтобы Шура цветы наши поливала, но, думаю, делать нечего. Ни с кем мы больше не договоримся.

— А мы завтра не очень рано уезжаем?

— Не очень. В семь утра!

— Ма-ам... В семью?!

— Как есть, Катюня.

Ближе к вечеру я решила позвонить Шуру и узнать, успокоилась ли она. Я, конечно, слышала, как она истерично кричала о какой-то суке, но гнала от себя разумную мысль, не я ли эта сука. Не я. Шура переживала о какой-то другой суке. Мужик ее — человек глубоко зависимый. Старые треники ведут себя, как крепостные помещики. Уж если они с соседями-дачниками, приезжающими на выходные на «лексусах» и «тойотах», пытаются выстраивать отношения по вертикали «помещик — холоп», то что уж говорить о бедном Саньке, получающем официально зарплату шесть тысяч рублей и живущем милостью своих помещиков. Что дали, то и дали. Грузовик с асфальтовой крошкой разгрузил — заплатили пятьсот рублей, Саня доволен, кланяется, еле живой от непосильного труда. Один, лопатой, на жаре полтонны вонючего, снятого где-то раскрошенного асфальта разбросал. Так зато и денег!.. Если в пересчете на литры пива — ого-го, упиться! Собакам костей привезли — с общественных денег, Саня благодарит благодетелей, Шурочка кулеш ведрами им варит. Новую помойку поставили — Саня больше всех доволен. Почему? Потому что он — начальник этой помойки. Он рядом с ней живет. Он ее содержит в порядке, отвечает за нее. Разрешили ему участок огородить, обещали стройматериалы купить. Так он за обещание одно служит верой и правдой. Велели березы рубить — так он, не задумываясь, что к чему, повеление выполняет. Ну зависимый он человек, крепостной крестьянин, одним словом. Что на него обижаться!

В тот же вечер, по совершенно случайному совпадению, я увидела еще кое-что у себя на участке, что сделал мне крепостной Саня. Катька собирала чемодан на траве около крыльца и, чтобы не носить вещи через весь дом, по лестнице, бросала свою одежду из спальни на втором этаже прямо в чемодан. Было очень весело. Что попадало в чемодан, то попадало. Что-то падало рядом. Травка чистая, скошенная, ничего не затеряется. А один носочек, который можно было и не брать на теплое море, полетел не туда и остался висеть на яблоне, растущей метрах в трех от чемодана и крыльца. Рядом с хозяйственным сарайчиком, на котором Саня регулярно чинит нам крышу. Он чинит, а она течет. Он что-то там прибывает, старается. Она месяц не течет, а потом опять начинает капать, капать...

Отругав Катьку, я вытащила из дома стул и попыталась как-то достать до яблони. У нас есть огромная лестница, лежит под домом, но достать мы ее не смогли. Тогда я положила на стул старые толстые словари, залезла на стул, на книжки, Катька

изо всех сил меня держала. Я потянулась за носком. Носок я никак не могла достать, тянулась и тянулась, и взгляд мой упал на крышу хозяйственного сарайчика.

— Катюня! Неси фотоаппарат!

— Мам, ты что? — с ужасом спросила меня Катька, старательно поддерживавшая меня на шатких слобарях. — Зачем? Ты хочешь снимать пейзажи?

— Я хочу снять башмак, который лежит у нас на крыше сарайчика.

— Башма-ак?! — захохотала Катька.

— Да. Погоди-ка.

Я слезла со словарей, перетасила стул поближе к сарайчику.

— Мне интересно, зачем он там лежит...

Башмак не просто лежал. Старый, разбитый при жизни чьими-то большими ногами и теперь еще и дождями, башмак был приколот, очевидно, на месте самой главной дырки у нас на крыше. Почему башмак? Не рубероид? Рубероида у нас полно, кажется. Или его Саня к себе утащил, испросив моего высочайшего позволения... Не помню. О глупостях таких не задумываюсь. Кусок рубероида всегда можно схватить на стройрынке в Ново-Петровске, куда мы надо не надо за хлебом и маслом через день с Катькой на машине гоняем. Мы люди свободные, на колесах. Нам весь мир окрестный открыт. Сели и поехали, куда хотим. Хотим — на рынок за свежим творогом, хотим — экскурсию себе устраиваем по местным монастырям, на озера гоняем — свобода! У Санька же в то время машины не было. Скромная «Нива» появилась у него позже, когда с начальниками помойки дружба наша кончилась навсегда. А тогда Саня униженно просил:

— Шурочку на рынок не захватите?

А Шурочка по-дружески предлагала:

— Давай я с вами в Волоколамск съезжу! А то я нигде не была. Ни в Клину, ни в Рузе. Нигде. Вы когда выезжаете, часиков в десять? Я подойду.

Дружить так дружить.

Носочек мы с грехом пополам сбили с яблони мячиком, Катьке попало за потерянное время, башмак был запечатлен для фотосайта (поставим в раздел «Юмор» или, лучше, «Натюрморт») и для памяти. Разве не в этом память о нашей собственной жизни? В таких смешных, глупых и обидных мелочах в том числе.

Вот моя мама, к примеру, все детство кормила нас с братом на завтрак яичком по-английски. Всех детей кормили кашами, а нас почему-то — яичком всмятку, размятым с черным хлебом в блюбочке и посоленным. Я очень любила это блюдо. Но в памяти у меня четко остался только один завтрак. Я съе-

ла свое яичко. И была, как обычно, голодна. Я быстро росла, много бегала, много читала, хохотала, мне надо было много энергии, и я всегда была голодная. А брат мой ел плохо, был худенький, маленький, на тонких мосластых ножках. Мама его жалела и старалась кормить получше, но у него не было никакого аппетита. Вот и тогда, в то утро, он не съел и половины, заплакал и ушел из-за стола. Мама пошла за ним уговаривать его не плакать. А я сидела-сидела за столом, смотрела-смотрела на его блюдечко с аппетитной нежной яично-ржаной массой, взяла и быстро ее съела. А в это время на кухню вернулась мама с братом. Она уговорила его не плакать и доест яичко.

Как же мне попало тогда! За все. Я тоже так иногда ругаю Катюку — за все. За то, что у нее такой папа, за то, что у нее в детстве была короткая шея, а я, умница, ее вытягивала ей — поднимала каждый день за шею до пяти лет, пока Катюка не стала слишком тяжелой для этого. За то, что она слишком хорошо учится, убивается, мало спит, за то, что так быстро читает, что на нее никаких книг не напасешься, за то, что трусовата, за то, что мало пьет и жадно ест, за то, что ее пальцы ни на чьи не похожи — ну ни на чьи из родственников! Нет ни у кого таких длинных, белых, с изящными ноготками пальцев. Были у какого-то ее семитского предка. Семитские ручки — у моей русской дочки!!! Вот и мама отругала меня тогда за все. За то, что я — папино отродье, за то, что я могу сожрать вообще все, за всех, и не лопнуть, за то, что брат болеет, а я — здоровая и наглая и думаю только о себе, о больном братике не думаю, и о маме не думаю, и о собаке не думаю, которую клянчила-клянчила, а теперь с ней гуляет мама...

Мне было очень обидно, я понимала, что мама права, и все равно мне было ужасно обидно. Я ведь не виновата, что похожа на папу. Я тоже папу не люблю, не одна мама такая. И я бы с удовольствием была такой худенькой, как мой брат. И с еще большим удовольствием я бы была младшей, и меня бы всегда жалела и любила моя мама...

Я рассказала Катюке про яичко. Катюка внимательно выслушала, погладила меня, вздохнула:

— Мам... Ты мне уже про это яичко знаешь сколько раз рассказывала!

— Да? — искренне удивилась я. — Разве? Ну ладно. А ты про башмак своим детям тоже будешь много раз рассказывать, да?

— Нет. Я про то, как ты меня в темной ванной за плохое поведение хотела запереть, расскажу, — очень серьезно и трагично поведала мне Катюка.

— Катюка! — Я аж задохнулась. — Да я же не заперла тебя, только отвела, показала, как там страшно, и ты даже не зашла! Как тебе не стыдно!

— Там было очень страшно. Я видела. И мне потом было страшно, когда я представляла, как я там стою. И я теперь всегда, когда ты орешь на меня, боюсь, что ты меня отведешь в темную ванную.

— Да, ясно. Ладно. Буду хоть знать, чем тебя пугать.

— Мам... — Катюка оглядела наши горшки. — Что-то мне кажется, что придется нам с собой все цветы брать.

— В поезд?

— А что с ними делать? Они же погибнут.

— Шура польет. Я уверена, что она отошла. Мне не хотелось бы ей звонить. Но со всяким бывает. Наверняка теперь уже жалеет.

Я быстро набрала ее номер. Телефон не отвечал.

— Ладно, давай к ней сходим. Вроде все собрали. Светло, а ведь уже поздно, спать пора ложиться, завтра очень рано вставать.

Мы подхватились и пошли к Сашам. В их доме свет не горел, но было видно, что включен телевизор. Я постучала. Никто не вышел. Я постучала еще. У ворот и у помойки — камеры. Сторожа видят всех, кто въезжает, кто выносит мусор и кто к ним пришел.

Мы постояли у крыльца.

— Ладно, Катюня, пошли. Спят, наверное, — неуверенно сказала я.

И тут открылась дверь. Боевая Шура стояла, подбоченившись, на своем высоком крыльце, и, маленькая, была сейчас выше меня. Вот так, наверное, неприятно ей обычно со мной разговаривать — я намного выше. Сейчас же ее круглое пузико выпирало из-под грязноватого халатика в больших ярко-зеленых цветах и возвышалось над моей головой.

— Я твои цветы поливать *ня* буду! — четко сказала мне Шурочка.

— Сволочь, — ответила ей я, взяла Катюку за руку и ушла.

Я слышала, как Шурочка громко что-то говорила Сане, наверное, рассчитывая, что я это услышу. Но я слов не разбирала.

Мы шли по дорожке домой. Наше товарищество расположено очень красиво на краю луга. Лес, хоть и близко, нигде не заслоняет солнца. Вечером же солнце долго-долго опускается за кромку темного леса на длинном пригорке. Закат никогда не бывает одинаковый. В тот вечер небо было чистое, но несколько легких облачков спустилось как раз к темной полоске леса, и солнце садилось прямо в их ажурную пелену, окрашивая ее в нежные персиковые, малиновые, фиолетовые оттенки.

— Красиво, да, мам? — Катюка с восхищением показала мне на живописный закат.

— Очень.

— Сфотографируем?

— Конечно.

Я достала телефон, сфотографировала.

— Сколько у нас сегодня интересных снимков, да, мам? Башмак, закат...

— Надо было Шурку снять, когда она подбоченилась.

— Ты мне не сказала!

Я засмеялась:

— Как бы ты стала ее фотографировать? В такой драматический момент!

— Мам... — тихо спросила Катька. — А что, мне теперь кроликов нельзя кормить?

— Катюнь, — я прижала ее к себе, — хочешь, я тебе собаку куплю?

— Хочу. Но ты не купишь. Потому что за ней ухаживать некому.

— И то правда, — вздохнула я. — Но когда ты подрастешь...

— Ты купишь мне собаку, чтобы провожать меня в школу. Чтобы дети надо мной не смеялись! Я жду, мам, не переживай.

— Ты очень хороший у меня ребенок, Катюня. Но что же мы будем делать с остальными моими детишками, с цветами моими, а?

— Может, им тоже автополив сделать? — неуверенно спросила Катька. — И в тазы поставить, как зимой мы делаем, когда на неделю уезжаем в дом отдыха?

— Другого выхода нет. Правда, за три недели вода в тазах и бутылках высохнет... И тазиков у нас столько не наберется... Давай сейчас делать что-то.

Вот так бывает в сказках. Но так бывает и в жизни. Когда мы подошли к своей калитке, меня кто-то сзади окликнул. Я обернулась.

— Сима! Ты когда приехала?!

— А я смотрю — ты не ты... Катька так выросла, а ты вроде похудела. Вы, говорят, дачу эту купили теперь?

— Да.

Сима, соседка, бабушка Катькиного приятеля, не приезжала все прошлое лето. Раньше мы с ней общались. Но после одного случая мне было как-то неприятно с ней разговаривать, и все позапрошлого лето мы только на бегу здоровались. Случай очень простой. Я вызвалась ее проводить до электрички. Днем, в пятницу, она ехала домой, тоже, кстати, поливать городские цветы своей невестки. Я, в дачном размягченном состоянии, надела шлепки, села в машину и повезла Симу на станцию. Не взяла ни сумку, ни документы, ни права... Высадив Симу, я встала в небольшую пробку. Не дождавшись двух метров до положенного разворота, до разрыва, я взяла и повернула через сплошную. И изо всех сил

врезалась в иномарку с бойкой подмосковной релторшей за рулем, которая мчалась по поселку со скоростью сто сорок километров в час и не смогла затормозить, увидев, что я разворачиваюсь. Если бы я разворачивалась на положенном разрыве, виновата была бы она с ее бешеной скоростью, а так — мне пришлось потом выплачивать тетке за ремонт ее «вольво» триста тысяч рублей. И никуда было не деться.

Сима была совершенно не виновата. Она даже не просила отвезти ее на станцию. Я сама предложила и настояла. Но почему-то у меня в голове Сима была накрепко связана с моей аварией и огромным долгом по ремонту чужой машины, который на мне повис. Так мы на два года почти прекратили общение. А тут она сама окликнула, стояла, радостно улыбаясь недавно вставленными зубами.

— Хорошо, что я тебя встретила! А то все как ни приеду — нет вас и нет. Сад вроде в порядке, а вы куда-то умотали. Ты никуда не уезжаешь? — спросила меня Сима. — Поболтаем, на речку сходим. Катя у тебя такая большая, Мишка смотрит на нее, стесняется. — Она подмигнула тотчас зардевшейся Катьке.

— Сим... И нам хорошо, что мы тебя встретили. Мы завтра утром уезжаем. Польешь нам цветы?

— В саду? — Сима с некоторой оторопью оглядела наш необъятный сад.

— Да какой там — в саду! Дождик польет, если будет, а не будет — так у нас все привычные, закаленные, других не держим. Нет, в доме. У меня домашние цветы.

— В Москву ехать? — испуганно спросила Сима.

— Да ну что ты! На веранде — тридцать горшков.

— Тридцать два, — сказала Катька, тут же опустив голову.

Она знает, что нарушает наш неписанный, но сто раз говоренный и постоянно нарушаемый ею закон — не поправлять меня при людях. Получается, что я вру, что ли, когда она ради истины поправляет: «Не два дня назад, а неделю! Не сто рублей, а сто двадцать! Не всегда, а только три раза...» Вот и сейчас.

— Да, Сим, вот девочка Катя точно посчитала — тридцать два горшка, и еще две розы в саду. Польешь?

— Полью, конечно! Спрашиваешь! Сейчас, я приду, подожди, я тебе тарелочек одноразовых из «Олимпийского» привезла, подрабатывала баба Сима зимой. — Она опять подмигнула Катьке. — А как твоя бабушка?

— Ничего, — ответила Катька, чья любимая бабушка тогда еще была жива. — Но к нам не приедет, наверное. Она больше из дома не выходит.

— А-а... Плохо... — Сима искренне похлопала Катьку по плечу. — Ну не переживай. Ты, главное, звони бабушке. У нее есть мобильный?

— И мобильный, и домашний, — вздохнула Катька.

— Вот, и мне дети купили! — похвасталась Сима и показала нам старенький голубой «Нокиа».

— О! У меня такой был в первом классе! — тут же выставилась вперед Катька и осеклась под моим взглядом. — Очень хороший телефон, удобный...

— Очень! Очень, — согласилась Сима, — просто чудо! Р-раз — и позвонила, кому хочу! Ну, давай, я побегу за тарелочками, и ты мне потом покажешь, что да как, сколько поливать.

Цветы прекрасно дождались нас. Один цветок Сима не заметила, не поливала, он почти погиб, ароматный комнатный жасмин с темно-зелеными глянцевыми листочками. Но остальные были в порядке.

Мама моя на дачу не приехала, как и обещала. Катька в то лето еще подросла и перестала играть с Симиным Мишей в бадминтон. Мальчики и девочки, подрастая, теряют общие темы. Они появятся у них чуть позже, когда зазвенит, зашумит в ушах, побегут новые, волнующие соки по всему телу, когда девочкам захочется душиться, у мальчиков клочками начнет расти первая бородка и запушится верхняя губа. А пока — уже не малыши, но еще и не подростки, они перестали даже толком здороваться.

Я же перестала здороваться с начальником помойки и его супругой. Подумав, я не стала снимать Шурины вышивки, которые то тут, то там висели на нашей необъятной даче. Висят и висят. Я к ним привыкла. Мне их дарил моя подруга Шурочка, простая, образованная, смешливая, зоотехник, цветовод-любитель, которая хотела со мной дружить. Не знала, чем порадовать городскую, рафинированную, далекую до невозможности подружку. Верили ли она, что я с ней дружу? Что я к ней искренне отношусь? Что восхищаюсь ее талантами, любознательностью? Что желаю ей счастья с оборотом Саней? Не знаю. Я для нее — из другого мира. У меня в подезде черный сверкающий пол, отражающий мою дорогую шубу и неброские австрийские сапожки, у меня редкая, исключительная профессия, я знаю четыре языка; у меня великолепная машина, старая, но самая удобная и мощная — вечная зависть Санька; я езжу за границу, я швыряюсь деньгами, даже когда у меня их мало — я не коплю, не жадничая; я смеюсь над старыми трениками и ни во что их не ставлю. Она верила, что я с ней дружу? Я — верила.

С тех пор прошло два года. У меня появилось в саду много роз. Они прекрасно растут, мало ухоженные,

не окуренные, кое-как удобренные. Растут и цветут огромными ароматными цветами. И прекрасно растут хосты — я люблю пестролистное растение, и дома и в саду. Мои комнатные цветы так разрослись, что некоторые не влезают в машину, даже в мою, очень большую. Этим летом я планирую заказать «газель» для перевоза их на дачу. В городской квартире у меня летом жарко — для цветов, для людей, для будущей собаки, которую вот-вот уже пора покупать, если я хочу по-прежнему провожать Катьку в школу, а то над ней будут смеяться пятиклассники, которые ходят одни и сами тащат свои тяжеленные портфели, и сами тайком бегают в магазин за сухариками и колой после уроков...

У нас многое изменилось.

Больше нет моей мамы, и не нужно ранней весной начинать издалека разговор о возможном приезде на дачу. «Я просто так говорю, мам! Я не укачиваю тебя в асфальт, не прижимаю к стенке, не заставляю, мам! Я просто хочу, чтобы ты приехала, подышала воздухом, посмотрела на цветы, на закат, поела земляники с нашей лужайки!» Больше ничего этого не нужно.

Катька растет и хорошеет. С Мишей насмешливо здороваются. Почему насмешливо? Пока не знаю. Думаю, ни почему, просто мальчики вызывают интерес, который лучше всего спрятать от самой себя в иронию и насмешку.

Сима хромает, но на дачу ездит. Помогает с растущими малышами — у Миши все появляются и появляются младшие братики.

Мой собственный брат, который благодаря мне не доел тогда за завтраком яичко, на нашу дачу как не ездил, так и не ездит — не любит луговую примитивность моего сада, где розы растут, как чертополох, нет дорожек, и сорняки, если они хорошо пахнут и красиво цветут, принципиально не косятся.

Старые треники правят себе нашим товариществом по-прежнему. Шушукуются, ковыляют друг к другу с загадочным видом, с папочками под мышками. Купили компьютер, хороший. Чтобы как положено считать общественные деньги и налоги. Теперь все только — через программу Excel! В которой треники, вероятно, и разбираются, собравшись вечером на участке у кого-нибудь из них, закулив свои вонючие серые папироски и хитровато оглядываясь на гуляющих дачников.

А начальники помойки живут себе и живут. Наверное, любят друг друга, раз живут вместе. Зимой ведь они совсем одни, вдвоем на много километров. Пристроили к дому один сарайчик, другой. Из другого торчит труба — банька, стало быть. Кроликов больше не разводят. Разводят теперь кур. Спозаранку кричит их петух. Очень приятно, по-деревенски.

Слышишь сквозь сон, понимаешь — лето, дача, никуда спешить не надо... И спишь дальше.

Березы Саня пока больше не рубит. Но каждый раз, приезжая после долгого отсутствия на дачу, я со страхом выглядываю издали свои березы за околлицей. На месте? На месте. Стоят, куда им деться. Растут, здороваются. Такой пока у них возраст. Они еще юные, лет двадцать — двадцать пять. Для берез совсем не срок. Еще кто-то по весне берет у них сок — сок молодой, свежий, сладкий, наверное. На одной из берез — несколько сильных, варварских надрезов. Катька сбегала, затерла их варом. Хотели мы даже табличку от варваров повесить, но не до табличек нам было этой осенью.

Жизнь продолжается. Главное, чтобы в ней были цветы, березы, чтобы каждое утро без устали кричал петух, призывая новый день, чтобы ездила моя старая вездеходная машина, чтобы держался башмак на крыше сарайчика и не давал дождю залить нашу верную косилку, чтобы не падала труба на бане и соседи Боря с Таней не погорели вместе с ней. Чтобы Катька, выбирая себе друзей, до последнего верила в них и видела в них что-то глубоко запрятанное внутри, хорошее, ценное.

— Мам, — неожиданно спросила меня недавно Катька, — а ты не знала, что Саша вот такая?

— Какая?

— Ну... вот такая. Начальница помойки.

— Нет.

— Ты думала, она — хорошая.

— Да.

— И я так думала. Мышат нам вышивала, домик...

— Да.

— А давай, знаешь, как будто та Шурочка осталась — там? — Катька посмотрела на меня.

Я поняла, что она хочет сказать. Там, где была жива моя мама и все обещала приехать на дачу. И сердилась на нас, потому что мы ждали, а она не ехала, боялась споткнуться и упасть на наших лужайках с земляникой и растущими в траве розами. Где Катька была маленькой, худенькой, еще не фигуристой, не красоткой, играла в куклы и в магазин, с хохотом гоняла на велосипеде с Мишей, где Сима никак не могла вставить себе зубы — копила деньги по рублику, но зато еще не хромала. Где я была моложе, где я еще ждала по воскресеньям Катькиного папу — вдруг заедет дровишек нарубить, накормлю его, полюбуюсь им, нездешним, не нашим уже...

Там.

— Там было хорошо, Катюня. Ну и здесь, у нас, сейчас, тоже неплохо, правда?

— Конечно! — с энтузиазмом согласилась Катька. — Я тебе во всем помогаю. Собаку больше не прошу. Ре верхней октавы с легкостью пою. Столько роз во дворе выросло. Как они растут у нас, да, мам? Как петрушка!

— Как укроп, — согласилась я.

— Да. Сейчас лучше, мам. И помойка новая, красивая, красная. Я вообще даже таких помоек никогда не видела в жизни.

— Если честно, Катюня, я тоже. Ни помоек, ни начальников помоек я таких больше нигде не видела.

— Смеешься?

— Смеюсь. Так гораздо веселее жить.

ВОЛНА

РАССКАЗ

Рисунок Эдуарда Дудина

Балтийское море — странное. Оно не бывает бирюзового цвета. Чтобы найти поэтические слова для описания цвета Балтийского моря, надо очень постараться. Оно чаще всего бывает коричневым. Темно-коричневым, среднекоричневым, коричнево-черным. Оно несоленое — пять процентов соли. По сравнению с Адриатическим, скажем, в котором сорок процентов соли, — всего-то ничего.

Красивее всего оно в шторм. Особенно когда шторм, сильный ветер и солнце. Правда, в такие дни быва-

ет невозможно выйти на берег. Ветер такой, что не слышно слов. Но невероятно красиво. Белоснежная пена на волнах, мощь, чистота, светлый песок, перевозбужденные хозяйки Балтийского моря — чайки, белыми стрелами носящиеся туда-сюда по небу, низко, почти ныряя в высокие волны.

И красиво на закате в штиль. Солнце садится медленно, совсем медленно, огромное. На него можно смотреть. Северное солнце — днем не греет, вечером не слепит. Темная масса воды. Разноцветные, постоянно меняющие цвет облака и большое оран-

жевое солнце. Или красное. Или пурпурно-розовое. Люди приходят, садятся на берег и просто смотрят. Кто-то слушает музыку, кто-то фотографирует. Но большинство просто смотрит. Закат на Балтике — как некое таинство, наполненное глубоким смыслом. Смысл все равно непонятен. И даже не очень хочется его постигать. Просто соприкоснуться с великой тайной жизни. А в нем — именно такая тайна. Жизни, вечности, чего-то, что гораздо больше короткой суетной человеческой жизни.

Балтийское море — холодное. И тем оно прекрасно. Хуже нет, когда в жару — а она бывает и на Балтике, неделю-полторы в году вполне может быть, море становится теплым, никаким и, увы, непременно цветет. Это море не переносит температуры выше двадцати градусов. Оно наполняется мелкими белесыми водорослями, в первый день похожими на просыпанный порошок, который никак не растворяется в воде. Потом, если тепло не сменяется привычной балтийской прохладцей, микроскопические водоросли подрастают, уплотняются, приобретают блеклый зеленоватый цвет. Они всюду, они везде, они создают густую живую кашу, в которой нырять точно нельзя, плавать можно, но большого удовольствия не испытаешь. Теплая жидкая живая каша с характерным запахом морской жизни. И не рыбы, и не гнили, что-то среднее.

Мы ездим на Балтику много лет — с тех пор, как Катьке исполнилось четыре года. Она почувствовала прелесть холодного, мрачного и величественного моря сразу. Я же несколько лет ненавидела холодную воду, пронизывающий ветер, семнадцать градусов и морозящий дождик утром в середине июля, необходимость летом ходить в куртках, в носках. И ездила в Литву только потому, что неожиданно маленькая Катька, еще не умеющая читать, но зато умеющая хорошо говорить и складно писать, стала умолять меня на следующий год поехать снова. В тот же город и в ту же гостиницу. Катька даже написала мне письмо. Которое звучало так:

ПИСМО ДЛЯ МАМЫ МИХАЕЛВНЫ
УМАЛЯЮ ТИБР ПАЕХТЬ ВПАЛАНГУ
!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

ТВОР ДОЧКА КАТЬЯ

— Что тебе, там медом намазано? В этой тухлой Прибалтике? — спрашивала я Катьку, которая с самых малых лет казалась мне большой. Действительно, по сравнению с собой же прошлогодней она всегда была большой и сильно поумневшей, повзрослевшей.

— Не медом! — отвечала остроумнейшая Катька, которая шутит с двух лет. Еле говорила, ростом мне до колена, а шутила изо всех сил. А уж в пять-то лет! — Картофельными блинами и творожными сырками!

Так нереально вкусные сырки, имеющие мало общего с продуктом того же названия, продающимся в моем родном городе Москве, и аппетитные, золотистые, везде по-разному приготовленные bulviniai blynai стали Катькиными гастрономическими фаворитами на много лет и нашим семейным шутливым символом Паланги, где, собственно, год от года все укоренялась на лето и укоренялась моя Катька и я, вынужденно, вместе с ней.

Года через два я привыкла, что в середине лета у меня на месяц наступает ранняя осень (а то и средняя, вполне даже октябрьская). Что надо тащить с собой брюки, куртки и носки. Еще через год я вдруг увидела, что литовцы носки не носят. Вообще. То есть, конечно, на работу они, скорей всего, ходят, как обычные европейцы, в носках. А вот на отдыхе... Пятнадцать градусов с морозящим дождиком, двенадцать с сильным (тем более! — носки не промокнут — их просто нет), десять, девять градусов выше нуля... Никаких носочков — ни себе, ни детям. Сандалии, последние годы — пластиковые чёботы, сверху куртка, если холодно и дождь.

Для начала я сняла носки с Катьки. Она даже не заметила.

— Может, я родилась здесь? — задумчиво спрашивала меня маленькая Катька.

— Ты родилась в Москве, не надо себе биографию переписывать!

— Ну да... Мои предки родились здесь... И фамилия у меня такая... подозрительная...

Действительно, в корне Катькиной фамилии содержится литовский корень «jug-». Југа по-литовски — море. Может, и правда, кто-то из ее — наших — предков жил на холодном песчаном берегу, уходящем бесконечной гладкой линией куда-то в прошлое, в будущее, что-то обещая, напоминая о чем-то щемящем, что вот-вот вспомнишь, если перестанешь бежать, суетиться. Кто-то собирал гладкие кусочки янтаря — золотистые, коричневые, белые с зелеными прожилками. Кто-то смотрел и смотрел на это беспокойное, неласковое и прекрасное море, слушал чаек, дышал соснами, растущими прямо у самого берега, собирал скромные ароматные цветы, довольствующиеся бедной прибрежной почвой. И сам довольствовался малым. Литовцы жадны. Нет! Не жадны. Бережливы. Как, скажем, моя Катька...

У литовцев хорошо сохранился генофонд. Правильные лица, крупноватые носы — нормально для

Европы, для европейской крови, не разбавленной татаро-монгольским нашествием, тонковатые губы. Волосы — от совсем светлых до... не совсем светлых. Но есть женщины, которые любят краситься в черное. Совсем черное, как монголоиды. И доказывать при этом, что настоящие литовцы — именно черные. Это один из национальных мифов. «Вот латыши — белые, а мы — черные! Не путайте!» Вечная конфронтация и соревнование с латышами — как у русских с украинцами. Мы — не «хохлы», а «хохлы» — не мы. Для литовца латышский язык так же смешон, как для русского — украинский. Вроде и понятно почти все, но все неправильно. «Не надо так коверкать язык! Наш язык...» Близко, но порознь.

Литовцы любят рассказывать: «Есть три исторические области в Литве. В одной живут литовцы глупые, в другой — жадные. А в третьей — живем мы».

Если будет возможность, то литовец заработает на тебе немного денег, чуть-чуть обманет. Но если такой возможности не представится, он не слишком расстроится. Будет с тобой дружить.

Литовцы — прекрасные мастера прикладного искусства. Культура древних ремесел сохранилась и развилась в современном искусстве. На ежегодные летние ярмарки художники приезжают со своими семьями. И просто невозможно не купить из рук интеллигентной милой женщины, рядом с которой стоят сын и дочь, какой-то милый, а часто оригинальный и самобытный предмет, которым можно украсить себя, ребенка, собачку, друзей или свой дом.

В массе своей литовцы — приятные, веселые, легкие люди. С удовольствием дружат. Легко забывают, легко снова начинают общение.

Литовцы любят цветы, музыку, живопись, много пишут стихов и прозы. И не любят... свое море. Из живущих на побережье единицы купаются в море. И не так, как бывает с жителями теплых морей — искупались бы, да как раз самая работа в летний период, просто нет сил дойти до моря. Нет, многие литовцы именно не любят море. «Холодное, грязное!» Нам, иностранцам, приходится доказывать им — посмотрите, вот висит таблица, брали пробы, море очень чистое! Вы что, не знаете, что пляжу в Паланге дали голубой флаг ЮНЕСКО? Местные жители в ответ только смеются и собираются в отпуск на «настоящее море». В Хорватию, Грецию. Или вообще — в Америку, там — океан! Не то что эта лужа — мелкая, холодная...

Всякое обобщение упрощает. Представляю себе образованного литовца, читающего мои строчки. Как он хмурит брови, потом, не дочитав до конца, машет рукой, смеется, если у него хорошее настро-

ние, пожимает плечами — если настроение так себе, а ему его еще подпортили какой-то ахинеей про литовцев... «Почему это литовцы жадные и не любят Балтийское море? Все разные!» Конечно! Когда я читаю или слышу, что на улицах российских городов ходят медведи, я, житель мегаполиса с населением около двадцати миллионов, двумястами музеями и самым дорогим квадратным метром в Европе, смеюсь или бешусь — по настроению. Но когда я приезжаю в маленький, заплеванной, заброшенный российский город N и в растерянности оглядываюсь там — я понимаю, что если медведи здесь не ходили сегодня утром, то вечером пойдут точно.

* * *

В то лето была просто великолепная погода. Теплая, солнечная. Практически не моросило, не лило, не застилало тучами, не дуло. Лето, настоящее лето. С небом цвета индиго, с теплыми вечерами, ясными утрами, безветренными полднями. Мы купались и купались — море не цвело. Должно было цвести, по всем законам Балтики. Вода — двадцать, двадцать один, двадцать два... Вот-вот зацветет. А она не цвела!

Мы купались с утра до вечера. Море было чуть беспокойное, возможно, поэтому и не цвело. Катка просто обожала волны. Плавать не надо — можно прыгать в огромных пенистых волнах. Море мелкое, волна закроет с головой, ты из нее вынырнешь — и опять по колено.

Войти в ледяную воду тяжеловато. Когда на солнце — тридцать, вода двадцать градусов кажется ледяной, но к ней быстро привыкаешь. И выйти из естественного морского джакузи просто невозможно. Волна разбивается об тебя, это очень весело, и потом ты лежишь на гладком песчаном дне в мелких остреньких пузырьках, это непередаваемо приятно. И ты снова вскакиваешь, и бежишь навстречу следующей волне, и бросаешься в нее — захлестнет с головой, так захлестнет!

Катка осмелела, стала лезть все глубже. Я останавливала ее, конечно, но не очень настойчиво. «Глубже» в Прибалтике — это до пояса. Чтобы дойти до того места, где кончается дно, надо в штиль идти, и идти, и идти, чуть поплывешь — коленками проскребешь по дну.

Пробыв полчаса в холодной бурной пенящейся воде, ты выходишь совершенно обновленным, тела не чувствуешь, оно парит, идти невероятно легко. Тебе хорошо, тепло. Ты чувствуешь себя победителем, преодолевшим себя, холодное море, чувствуешь себя сильнее тех многих, которые, лишь кос-

нувшись ногой ледяной воды, в ужасе отдергивают ее и побыстрее надевают теплые носки и ботинки.

Это все утром, а вот вечером я купаться не очень люблю, какое бы ни было море — теплое, холодное, бурное или спокойное. Заставляю себя, но не всегда получается.

В тот день мы столько утром прыгали в волнах, столько лежали в пенящемся джакузи волн, так потом летело невесомое тело — летело напрямиком к аппетитным картофельным блинчикам с красной рыбой и пышной, взбитой сметаной... Так что вечером мне в море снова лезть совсем не хотелось.

Было до самого вечера яркое солнце, дул не очень сильный ветер, море еще больше разыгралось, и Катька просто гарцевала на месте, стоя на берегу, и все спрашивала с надеждой:

— Мам, мам, ты будешь купаться? Нет? Тебе холодно, да?

— Холодно, — отвечала я, кутаясь в палантин. — Да, мне к вечеру становится холодно. Да, мне уже сто лет, особенно в сравнении с тобой. У меня не очень хорошие сосуды. Я не люблю мерзнуть. Я вообще твою Прибалтику, ты знаешь, терплю только ради тебя...

Катька терпеливо выслушивала мой длинный монолог, направленный на то, чтобы убедить саму себя, что купаться второй раз совершенно необязательно, и вздыхала:

— Ну ладно.

— Одна пойдешь?

— Нет, наверно.

Мы шли по берегу дальше, и я начала заводиться:

— Почему ты не хочешь одна искупаться? Что ты меня мучаешь! Узурпатор! Дети вообще такие узурпаторы! Мучают, мучают, а потом убегают!

— Мам, — остановила меня Катька, — я не хочу никуда от тебя убежать!

— Да, не хочешь! Это ты сейчас не хочешь, пока штаны сама застегивать нормально не умеешь! А потом убежишь и не вспомнишь! Будешь раз в месяц звонить и спрашивать, не хочу ли я есть и съела ли я уже ту булочку, которую ты мне в прошлом месяце привозила. «Съела, дочка! Хочу есть!» «Ну что же ты, мама, так много ешь! В твоём возрасте есть нужно умеренно!»

— Мам... — Катька, хоть и знала наизусть этот мой рассказ о будущем, набрала полные глаза слез. — Я так никогда тебе не скажу!

— Да ладно! — махнула я рукой.

Я еще немного поговорила о том, что будет впереди, и что было раньше, и какая я хорошая и ответственная мать, а Катька — эгоистичный маленький деспот, и стала уговаривать ее:

— Иди одна.

— Нет...

— Иди одна! Что ты меня мучаешь? Ты же хочешь купаться, а я — нет! Иди одна! Окунешься пару раз, попрыгаешь в волнах, я на берегу на тебя посмотрю. Сфотографирую.

— Хорошо, — вздохнув, согласилась Катька. — А ты точно не пойдешь?

— Точно.

Катька, сопя, разделась, последний раз с надеждой заглянула мне в глаза.

— Иди, иди! — слегка подтолкнула я ее. — Не стой на ветру, замерзнешь, трудно входить будет!

Она покорно пошла к морю, оглядываясь то и дело на меня. Я подбадривала ее улыбками и жестами, посылнее кутаясь в палантин. Купаться вечером! Издевательство. Да мне и без купания зябко. Даром что солнце — никакого тепла нет. Да, днем было очень здорово купаться. Так то было днем. Сейчас вообще никакого желания. Мы так долго гуляли, далеко зашли, я надеялась, что Катька перехочет или что я от прогулки разогреюсь. Но она не перехотела, а я не разогрелась.

Мы обычно купались ближе, здесь было совсем мало народу. В море вообще никого не было. Одна пожилая пара шла по песку в сторону Паланги, другая пара ехала на велосипеде в обратную сторону. Вблизи нас не было никого вообще.

— Ну как? — крикнула я, видя, что Катька никак не решится окунуться, ждет, пока ее захлестнет волна. — Тепло?

— Да! — обернулась ко мне Катька, и в этот момент ее действительно окатила большая волна.

Катька завизжала и стала прыгать в волны, то и дело оглядываясь на меня. И тут не знаю, что или кто меня подтолкнул. Это было совершенно безответно. Мне не стало теплее, и мне не захотелось купаться, тем более плавать — плавать же в таких волнах невозможно. Но у меня мелькнула какая-то безотчетная тревожная мысль, которую я даже не успела ухватить и проанализировать. Мысль — не мысль, ощущение тревоги, скорее.

Мгновенно, за несколько секунд, я скинула с себя палантин, свитер, брюки. Внутри был уже предусмотрительно надет купальник — вдруг все же уговорю себя искупаться вечером.

Я стремительно пошла в воду. Катька прыгала и плескалась в волнах. Увидев меня, она издавала радостный победный вопль и протянула мне руку. Я взяла ее правой рукой — ей неудобно, она правша, но удобно и надежно мне. В самолете кто должен первым надеть маску в случае разгерметизации в воздухе? Вот. Поэтому, когда Катька была маленькой, я всегда в море держала ее правой рукой,

я тоже правша, в моей правой руке — сила и уверенность. Они мне оченьгодились в тот день.

На нас шла большая волна. Мы в нее прыгнули. Море, как всегда вечером, когда заставишь себя войти, показалось теплым. Было весело и радостно. Вынырнув из одной волны, мы так же смело и радостно шагнули навстречу другой, еще выше. И... я не почувствовала под собой дна. Вот оно только что было — дно, близко, море же мелкое, если бы не было волн, мне бы сейчас было по колено! Но дна не было.

— Катька! — крикнула я, не отпуская ее руки.

Огромная волна захлестнула нас с головой. Не отпуская Катькиной руки, я попыталась вынырнуть. Но надо мной была толща бурной, пенящейся, стремительно оттягивающей нас в море воды. Дна по-прежнему под ногами не было.

Вот наконец мы вынырнули, но дна так и не было. Мы были не очень далеко от берега, но море со страшной, непонятной силой тянуло нас к себе, на глубину. Мы чудом перевернулись лицом к берегу, и я попыталась одной левой рукой грести. Но новая волна захлестнула нас с головой. Я увидела, как под воду уходит Катькина голова, и сама снова очутилась внутри огромной бешеной волны. Мои попыт-

ки грести к берегу не приводили ни к чему. Волна чуть отступала, мы набирали воздуха, и следующая волна била нас по голове, захлестывая полностью и оттягивая все дальше и дальше от берега. Оттягивая, оттягивая со страшной, непреодолимой силой.

— Катька! Я не могу! Катька! — закричала я и увидела совершенно испуганные и изумленные Катькины глаза.

Я не могла — не мочь. Я — сильная, я — мама. Я держу ее правой рукой. А я не могла.

Но Катька быстро справилась и с изумлением, и с испугом.

— Мам! Держись за меня! — храбро крикнула она.

И я почувствовала, как моя маленькая, тогда еще не выросшая вверх Катька с невероятной энергией потянула меня к берегу. Тот прилив сил, который некоторые люди испытывают в минуты опасности, достался Катьке. Почувствовав рывок, я сама тоже стала отчаянно грести левой рукой и, сколько могла, тянуть ее. Новые волны захлестывали нас все сильнее, дна не было, казалось, мы не приближаемся ни на сантиметр к берегу. Но мы больше и не отдалялись от него. Волна нас оттягивала, а мы изо всех сил возвращались хотя бы на то же место.

По берегу шли люди, но они думали, что мы плаваем. Посмотрели, улыбнулись и дальше пошли. Я не крикнула «Помогите!» — в тот момент уже было не так страшно. А если бы и крикнула — из-за шума волн и ветра нас бы никто не услышал. Но мы уже не захлебывались, мы рывком, по чуть-чуть, вдвоем, стали побеждать волну.

— Мам, дно! — крикнула Катька.

Почему она, маленькая, первая коснулась ногой дна — не знаю. Почему она, девятилетняя, оказалась в какой-то момент сильнее меня, своейстройной, ловкой и спортивной мамы, тоже не знаю. Я запаниковала в воде. Был момент, когда мне показалось — «все!». А ей — не показалось. Она ни на секунду не поддавалась волне.

Вот мы уже стоим на безопасном месте. Волны идут на нас, все новые и новые, яростные, высокие, но мы уже им неподвластны. Мы стоим на твердом дне.

Нет... Вот оно что! Я вдруг почувствовала, как словно кто-то вытягивает из-под меня гладкое песчаное дно, как мягкое плотное одеялко. «Отдай, отдай нам одеялко! Это наше одеялко!» — как будто говорили волны. «Ну отдай же и иди к нам!»

— Катька, быстрее!

От неожиданности мы упали на четвереньки, голлову опять захлестнула вода, но мы были уже слишком близко к берегу. Шаг, еще шаг — и море только бьется о ноги.

— Мама, мам... — Катька вдруг зарыдала и обхватила меня изо всех сил. — Мам, побежали!

— Да уже все, уже все, зайка! — Я обняла ее, и мы быстро, насколько могли, отошли подальше от моря.

Мы даже не сразу оделись. Стояли на безопасном месте, крепко обнявшись, дрожа, утирая друг другу слезы, и смотрели на то место, где мы только что чуть не утонули. И не такие уж высокие волны. Может быть, даже не черный флаг. А если и черный — бывает страшнее. Просто это была Волна. Мы раньше о ней ничего не слышали, не знали.

Нам рассказали местные жители о ней чуть позже. Есть такая Волна. Она появляется в начале августа практически каждый год. И идет по всему побережью, от Калининграда до Литвы, по Куршской косе, по бесконечному берегу Паланги. Волна-убийца. Она утягивает каждый раз несколько человек. Детей. Их беспечных мам. Сильных мужчин. Отважных старичков, купающихся в любую погоду. Старичков — реже, потому что они хорошо осведомлены о Волне и опасаются ее. Чаще всего — сильных мужчин, храбрецов, которые хотят сказать Волне: «Нет!» Некоторые даже катаются на ней, пытаются кататься. Встают на специальную доску, к которой прицеплен маленький парашют, и

катаются, пытаются доказать, что они сильнее. Но сильнее — Волна.

— Ты молодец! — искренне сказала я потом Катьке. — Просто молодец. Бесстрашная, сильная!

— Я испугалась, мам! — тоже искренне ответила Катька.

— Это я испугалась, дочка, и в какой-то момент мне показалось, что я не смогу ее победить.

— Я видела, — тихо ответила Катька. — Я поэтому и стала так грести к берегу.

Да, та загадочная сила, которую дали Катьке на миг, чтобы она рванула меня за руку и сама изо всех сил вынырнула из волны, была дана как раз в тот момент, когда я подумала: «Нет, не могу. Это все».

Не нужно быть мистиком, чтобы понять — ангел-хранитель тогда израсходовал все свои ресурсы на меня и на Катьку приблизительно за год. Когда я начинаю сетовать, что мне не слишком уж везет в жизни, я тут же напоминаю себе: «А ты вспомни, как тогда было во время аварии! Та машина всмятку — но в ней никто не погиб, слава богу. А твоя машина — лишь поцарапана слегка! Или как было с Волной... После той палангской истории твой ангел-хранитель может долго спокойно отдыхать! Всем бы такого ангела и такого везения!»

На следующий день мы пошли искать православный храм, в котором до этого никогда не были, да, собственно, о существовании которого и не знали. В центре Паланги стоит знаменитый кафедральный собор, высокий, как будто построенный для другого города, побольше да пославнее, видный из любой точки города. Литовцы — все верные католики. Русских жителей в городе практически нет. Поэтому про православные храмы мы даже несколько лет не спрашивали. А тут спросили. Знакомые литовцы похмурились-похмурились да рассказали:

— Ну... там... где трасса Клайпеда — Вильнюс... где оптовый магазин, знаешь?

— Нет, конечно.

От машины я в Паланге отдыхаю, по трассе не гуляю, в оптовые магазины и в Москве не хожу.

— Ну ладно. В общем, пройдете километра три и там перейдете через трассу, и еще километр пойдете прямо...

Храм стоял на краю города, недалеко от оживленной трассы. И оказался обычным, не волшебным. Бывают православные храмы волшебные. Входишь одним человеком, выходишь другим. Придешь попросить об одном, подойдешь к иконе и услышишь что-то совершенно неожиданное. У меня так бывает. Но мы и так со вчерашнего дня стали немного другими. А иконы там были простые, новые и разговаривать с нами не хотели, молчали. Никакой новой

мысли, которой я до сих пор не замечала у себя в голове, у меня не появилось.

Так что в церкви, необжитой, ненамоленной, мы просто купили свечки, иконки, поставили свечи к иконам, поблагодарили за спасение да и пошли восвояси, укрепленные не столько в вере в Бога, сколько в своей силе и в вере в чудо. Возможно, Бог и есть чудо. В том числе. А также — неожиданное и очень удачное вмешательство в наши земные дела.

С того лета мы стали относиться к Балтийскому морю с некоторой опаской и с гораздо бóльшим уважением. Это — стихия. Обладающая своими законами, жестокими и непреклонными. Она безусловно сильнее человека. То, что мы тогда спаслись, — заслуга скорей всего некоей высшей силы. Иначе трудно объяснить, как маленький ребенок, девочка, весьма средне плававшая в то время, вдруг смогла преодолеть волну непреодолимой силы да еще и вытащить свою маму, у которой опустились руки в какой-то момент. Так же как невозможно объяснить, как я, совершенно не собираясь купаться, ни секунды не собираясь, кутаясь в платок, дрожа от ветра, вдруг, не задумываясь, скинула с себя одежду и побежала к Катьке, вполне всем довольной в тот момент.

Этот случай стал странным, страшным и удивительным эпизодом нашей с Катькой биографии. Пока еще она у нас написана на одной, общей, страничке.

Каждый год 1 августа Катька теперь напоминает мне:

— Сегодня день нашего второго рождения, помнишь, мам?

— Конечно, помню. Надо бы в церковь сходить...

Первые дни августа мы по-прежнему проводим в Паланге.

До той единственной православной церкви, ненамоленной, мы больше так и не дошли.

На море в этот день смотрим с опаской, тем более что из года в год в первую неделю августа штормит. Мы не пытаемся проверить — та ли эта Волна или не та. Больше испытать даже не то, что ты тонешь, а как тебя тянет сила стихии, мне не хотелось.

Ветер, огонь, вода... Почувствовав на себе силу стихий, понимаешь очень остро — ты, то есть я, вмещающая в себя весь космос, размышляя о величайших загадках жизни и смерти, мала и беспомощна перед лицом всего лишь морской волны, которая могла остановить бег времени и течение жизни для нас с Катькой навсегда.

И еще понимаешь — есть что-то то ли внутри меня, то ли надо мной (то ли это одно и то же?), что сильнее самой сильной стихии. Как только начина-

ешь называть это что-то, получается сказка и миф, и одна из трех мировых религий, которая никак не может договориться с остальными главными религиями — а как на самом деле-то было? И есть кто наверху или нет? И что будет после смерти? И сколько раз мне дана будет жизнь?

Поэтому лучше не называть никак. И знать: есть я и Катька, сильные, умные и смелые. Спортивные и оптимистично настроенные. Есть Волна, которая безусловно сильнее нас. Есть Что-то, что сильнее Волны. Этому «что-то» нет названия. Я бегаю вокруг него, хочу увидеть, услышать, понять, кричу: «Я в тебя не верю! Не верю! Потому что не понимаю! А хочу понять! Ты меня за это не накажешь, что я в тебя не верю? Помоги мне в тебя поверить, а? А то слишком уж как-то все не вяжется! Я много читала, слишком, понимаешь? Разбираюсь! И не верю!»

И в один прекрасный день случается что-то, что заставляет тебя остановиться и посмотреть на небо. И сказать:

— Я поняла твой ответ. Спасибо. И за спасение. И за ответ.

Правда, потом проходит какое-то время. Случай с вмешательством чуда становится просто домашней легендой, мифом, привычным, сто раз рассказанным-пересказанным. После него уже столько раз не помогли, столько раз не услышали!..

И снова смотришь на небо и говоришь:

— Вот понимаешь, я даже не потому, что Ты в самом главном не помог... Это ладно. А вот объясни мне, как может быть, что отец, сын и дух — это одно и то же? Не понимаю. Не укладывается. Или еще — ну чем может помочь прикладывание к мощам? Чем? Кусочек мумифицированной плоти лежит, запертый под стеклом, люди целуют это стекло, стекло каждый день протирают «Мистером Мускулом», я знаю этот запах... А люди просят дать надежду своим умирающим близким, здоровье — безнадежно больным... Ведь приходят именно такие... Зачем этот обман? Объясни! Не понимаю. А не понимаю — не могу верить.

«Волна!» — напоминаю я себе в минуты сомнений и полного безверия. В минуты, когда остаешься совсем одна в черном космосе. Краткий, до нелепого краткий отрезок твоей собственной жизни, и ничего нет — ни до, ни после. Огромный мир, которому до тебя лично никакого дела нет — и ты, маленький, крохотный, ничтожный, слабый. В пустоте универсума или мультиверсума — как решат физики. А мне-то что от этого — сколько вселенных вокруг меня, частью какой Вселенной я являюсь? Ни-

чтожно малой частью, такие ничтожные величины даже не учитываются при погрешностях.

Но. Было же это чудо — 1 августа? Было же чудесное спасение, было вмешательство свыше? Наверное. Возможно, именно так и появилась идея Бога. Висела моя прапрапра...бабушка на хвосте на дереве, смотрела с тоской в черное пустое небо, а потом однажды спаслась чудом от дикого тигра или — тоже — вынырнула из омута в ледяной речке, подхватив мохнатой лапой своего первенца — и поняла! Есть кто-то там, в черном, бесконечном, которое не понять, не охватить разумом, взглядом — ничем нельзя, кто-то, кто думает о нас. Жалеет нас. Прощает и вытаскивает из омутов, передряг, лап ко-

варных тигров и холодной, жестокой, бессмысленно жестокой морской волны.

Спасибо, дорогая прапрапра...бабушка, за идею бога, который нас с тобой придумал такими любознательными, смелыми и удивительными.

* * *

Прочитав рассказ, подросшая и хамоватая Катька снисходительно заметила:

— Я — от коварных богов произошла, которые умели летать, веселились и подарили твоим прапрабабушкам огонь, а не от любознательных и задумчивых обезьян. Не забудь написать!

От редакции

В двадцатую комнату буквально ворвалась тонюсенькая, складная девчонка с огромными, ясными, как небо в майский полдень, глазами. Отдышавшись, отрапортовала:

— Я Настя Ясная!!!

— Кому ясная, а кому и не очень, — угрюмо заметил Ярослав Литвиненко.

— Разве вы меня не узнаете? — Девушка не унималась.

— Здесь не город Арбат, а вы не правнучка лейтенанта Шмидта, — строго оборвала посетительницу Юлия Гуацинтова.

И только теперь девушка поняла, чего же от нее хотят.

— Зовут меня Анастасия Решетникова. Но это по паспорту. А на самом деле я певица — Настя Ясная! Приехала из Красноярска покорять Москву. Меня должны знать все. Слышите — все!!! И вы тоже!

Держитесь, уважаемые читатели! Вы ведь тоже должны знать Настю Ясную. Ничего, что пока не знаете. Узнаете! А говорят, в Москву за песнями никто не ездит. Получается, что ездит.

И не просто «за песнями», а и собственные песни везет в подарок.

Но как покорить столицу? Об этом и не только состоялся разговор с нашей неугомонной мечтательной гостьей.

«ГОРИ-ГОРИ ЯСНО!..»

Юная певица НАСТЯ ЯСНАЯ НА СТЫКЕ НАПИТКОВ И МНЕНИЙ

Ю л и я Г и а ц и н т о в а (*отхлебывающая пепси*). Настя, вот вы из далекого Красноярска попали в Москву. Как встречал вас этот «огромный странноприимный дом»?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывающая ряженку*). Да, забыть это трудно... Москва встречала отнюдь не калачами, как гласит известная поговорка. (*Смеется.*) В Красноярске я работала в ужасном златном заведении, с девяти вечера до девяти утра (как вспомню, дрожь берет!) пела песни Успенской, Аллегровой, естественно, видела там всю кабачную малину. А потом пришло неожиданное предложение приехать в Москву от одной музыкальной компании. Я носила конвертик с приглашением в кармане несколько месяцев, а

вместе с ним все свои сомнения и мечты стать певицей. И все-таки решилась уехать в столицу нашей Родины...

Когда первый раз спустилась в московское метро, как сейчас помню, я в недоумении воскликнула: «Это что, демонстрация? Откуда столько народу?» Все они мялись, ругались, толкались и, наконец, вытолкали меня прямо под кремлевские башни.

Я ведь, как и Венедикт Ерофеев, кстати, тоже приехавший в Москву с севера — с Кольского полуострова, — мечтала увидеть сердце Москвы — Красную площадь. «Но какая она красная-то?» — подумала я. Ее знаменитая брусчатка оказалась откровенно серой! Это было второе несоответствие моих детских представлений о златоглавой. С этих маленьких разочарований все и началось — всякие звукозаписывающие компании, прилипчивые продюсеры, озлобленный

и равнодушный мир современной поп-музыки, какие-то съемные углы... Через все это нужно было пройти, чтобы понять, что в моей душе есть такое, что не способно слиться с этим муравейником... Как в стихотворении Вознесенского: «Не берут его в муравейники. С того берега муравей...» И я действительно чувствовала себя с другого берега, иногда я даже речи московской не разбирала...

Мне всегда хотелось писать профессиональные тексты, качественную музыку, исполнять ее мастерски, чтобы в России было самообытное и достойное эстрадное музыкальное направление. Ведь у нас же оно было! Были Леонид Утесов, Марк Бернес, Муслим Магомаев, Валерий Ободзинский... Но как пели мои любимые «Самоцветы», «не повторяется такое никогда»...

Ярослав Литвиненко (*отхлебывая тархун*). Настя, я так понял, что вы свободный художник. Как живет сегодня свободному художнику?

Настя Ясная (*отхлебывая ряженку и пепси*). Живется, как и во все времена, — просто и ясно! Быть свободным художником — это значит делать то, к чему тянется твоя душа. Это может быть абсолютно любой тип деятельности. Если человек чувствует себя счастливым, то он свободен.

Вообще, я с детства была бунтаркой. Все делала по-своему и никого не слушалась. Я росла в атмосфере вседозволенности — в силу отсутствия «нормальной семьи» я была предоставлена сама себе...

Юлия Гиацинтова (*отхлебывая пепси и тархун*). Ну Ярослав, ну хватит про свободу художника! Настя, а какая музыка окружала вас в детстве? На каких мелодиях воспитывались вы?

Настя Ясная (*отхлебывая ряженку и тархун*). Я воспитывалась ветром с Енисея, северной природой...

Мой папа — художник, поэт. Мама работала в оперном театре, она профессиональная альтистка. Повторюсь: в силу отсутствия «нормальной семьи» мною попросту никто не занимался, не следил за мной, я была предоставлена сама себе.

Папу я видела крайне редко, т. к. он ушел из семьи, когда я была маленькой. А бабушек-дедушек у нас в Красноярске не было. Поэтому мы с сестрой творили, что хотели. Весело было — мы строили домики и шалаши, придумывали разные игры. Мы гуляли, сколько хотели, ели, что хотели. Но жили крайне бедно, с едой-то дома было плохо. Поэтому нас подкармливали родители наших подруг. Люди

помогали нам одеждой, дарили игрушки. Соседи старались присматривать за нами, если видели, что мы допоздна оставались на улице.

Но у нас дома всегда звучала удивительная классическая музыка. Может быть, поэтому и появилась у меня тяга к исполнению романсов?

Ярослав Литвиненко (*отхлебывая тархун и ряженку*). Вы создаете танцевальную музыку, поете романсы, пишете стихи... Не лучше ли сосредоточиться на чем-то одном, не расплывая свои силы?

Настя Ясная (*отхлебывая ряженку, пепси и тархун*). В первую очередь, я стремлюсь делать современную танцевальную музыку с качественным звуком и текстом. Я хочу, чтобы в России тоже была качественная поп-музыка. Да, я создаю именно массовый продукт, потому что я хочу, чтобы моя музыка была понятна и нравилась не только отечественному слушателю. Мне, например, очень приятно, что песня «Моя любовь» из первого альбома вызвала интерес и симпатию в Европе. Сейчас этим альбомом занялась итальянская музыкальная компания Milk records. При этом у меня нет продюсеров, нет каких-то влиятельных персонажей с толстыми кошельками, со связями. Есть только мои песни, мой голос, мое сердце...

Юлия Гиацинтова (*отхлебывая пепси, ряженку и тархун*). Ну Ярослав, ну хватит про распыление силы! Настя, не отвлекайтесь! А есть ли у вас песни на стихи русских классиков?

Настя Ясная (*отхлебывая ряженку как тархун*). Романсы на стихи Александра Блока, Беллы Ахмадулиной, Риммы Казаковой — это мое лирическое отступление от поп-музыки. Я высоко ценю поэзию и сама пытаюсь писать стихи, именно стихи, а не тексты песен! А Римму Федоровну Казакову мне удалось даже встретить, побеседовать с ней и показать ей свои стихи... Это произошло на одном из вечеров в ЦДЛ. Я очень стеснялась, не знала, как себя вести, а Римма Федоровна просто хлопнула меня по плечу, налила чаю и, проглядев мои рукописи, посоветовала: «Пиши сердцем, стихосложению и рифме еще научись, самое главное в тебе есть — береги это». Ее слова тогда стали первой и основной поддержкой!

Юль! Не сердитесь, но по поводу распыления сил я все-таки отвечу Ярославу. Надо четко отсеивать то, что тебе навязывают, то, что тебе на самом деле не нужно. И тогда у тебя все будет гармонично!

Ярослав Литвиненко (*отхлебывая тархун, пепси и ряженку*). Но что такое качественная поп-музыка и возможна ли такая музыка в России? Не слишком ли велико здесь отставание от Запада, чтобы можно было на что-то надеяться?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, тархун и пепси*). Не надо ни на что надеяться, такую музыку надо просто искать. Потому что качественная поп-музыка в России есть! Только ее пока очень мало, и она вся в Интернете.

Нам, молодым, несущим новую музыкальную волну, очень трудно пробиваться. Старая гвардия уступать нам место не намерена, да это и не нужно. С новым поколением придут и новые артисты.

От Запада мы, конечно, отстали по всем музыкальным позициям очень сильно: в продюсировании, в структуре шоу-бизнеса вообще. Но нам и не нужно напрямую копировать Запад — нам нужно искать что-то свое, народное...

Ю л и я Г и а ц и н т о в а (*отхлебывая пепси словно тархун*). Ну Ярослав, ну хватит про Запад! Настя, ответьте прямо — возможна ли качественная популярная музыка в России?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, нюхая тархун*). К сожалению, каждый видит и слышит, что сейчас происходит в музыкальной среде на телевидении, на радио. И самое страшное не то, что эта музыка некачественная, безвкусная, а то, что она несет в себе очень сильную агрессию, — вдумайтесь хотя бы в названия современных молодежных музыкальных групп: «Звери», «Жуки», «Отпетые мошенники», «Динамит», «Несчастный случай»... А раньше ведь наши родители слушали «Веселых ребят», «Добрых молодцев»... И смешно, и страшно! И мне хотелось бы, в первую очередь, на фоне всего создавать светлую, душевную и ясную музыку.

Я р о с л а в Л и т в и н е н к о (*отхлебывая тархун, смешанный с ряженкой*). Ваш земляк Дмитрий Хворостовский рекламирует шоколадные конфеты. Как вы считаете, не принижает ли это оперное искусство?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, внимательно глядя на пепси*). Дмитрий Хворостовский не только мой земляк, но еще и сосед. Мы выросли в одном доме, занимались в одной хоровой студии, только в разное время. На самом деле, мне все равно, кто там что рекламирует. Шоколадные конфеты — это, может, даже где-то и созвучно опере, потому что перед выступлением многие певцы разогревают свое горло именно шоколадом и коньяком. В конце концов, это же не презервативы, а всего лишь вкусные шоколадные конфеты — очень романтично!

Ю л и я Г и а ц и н т о в а (*отхлебывая пепси, помочив пальчик в ряженке*). Ну Ярослав, ну хватит про Хворостовского! Настя, вы еще и сами пишете стихи...

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, не замечая, что пьет и тархун*). Ну, скорее, пытаюсь писать... Я думаю, мои стихи — это просто поиск самой себя в этом мире. Я не поэт, но я люблю поэзию, люблю русский язык. И чем дальше я углубляюсь в изучение других языков, тем больше я понимаю, что наш язык — это голос самой поэзии. Он настолько разнолик, что в нем, как в тайге, можно заблудиться, а можно отыскать свои заповедные тропки... И в этом счастье!

Я р о с л а в Л и т в и н е н к о (*отхлебывая тархун и взбалтывая ряженку*). Настя, должен ли творческий человек занимать активную жизненную позицию? Или нужно просто делать свое дело, не вмешиваясь в политику, не углубляясь в социальные вопросы?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, расплевывая тархун*). В этой жизни вообще никто никому ничего не должен! Лично я занимаюсь музыкой и предпочитаю не вмешиваться в политические дела, потому что я еще хочу пожить. Да и не в моем это стиле — толкать какие-то политические лозунги.

Ю л и я Г и а ц и н т о в а (*отхлебывая пепси, косясь на ряженку*). Ну Ярослав, ну хватит про политику! Настя, так это ваш земляк Дмитрий Хворостовский вас направил в «Юность»?

Я р о с л а в Л и т в и н е н к о (*нахлебавшись тархуна, морщась от пепси*). Нет, Юлия! Теперь уж вам хватит про Хворостовского! Настенька, так как же складывается обычный день свободного художника Насти Ясной?

Н а с т я Я с н а я (*отхлебывая ряженку, любуясь цветом тархуна и пепси*). Мой день начинается с чашки кофе с молоком, взгляда на себя в зеркало, улыбки и фразы «Живи и наслаждайся каждым мгновением!». А затем я бегу в студии, на съемки, по дороге успеваю написать пару строчек новой песни или стихотворения. Всем, с кем я встречаюсь, стараюсь дарить душевное тепло и свет. И я вижу ответные улыбки. Иногда я ложусь спать только в четыре часа утра. Главное, я всегда помню, что каждый новый день — это самый лучший день в моей жизни!

Ю л и я Г и а ц и н т о в а (*ничего не отхлебывая*). Нет, Ярославчик! Это вам хватит! Последнее слово все равно будет за мной! Ой, Настя! Пусть лучше последнее слово будет за вами! Почитайте, пожалуйста, свои стихи!

Н а с т я Я с н а я (*несолоно хлебавши*). Вот стихи, которые уже стали песнями.

* * *

Слова — опавшие листья.
Их подметет дворник.
У счастья походка лисья.
Зима на часах, вторник.

Застыло в прихожей утро
И мнетя, войти не решаясь.
У утра шаги будто
твои, их расслышать пытаюсь...

Зависла душа в лифте
В пути на седьмое небо.
Пора нам с тобой выйти
И первым лететь снегом.

В глазах твоих тает лето.
Весна на губах уснула.
И бродит любовь где-то,
Где небо землю качнуло...

* * *

В ладонях чутких глоток воды.
Живая влага — слеза луны.
В ладонях тонких в чужом лесу
В твой дом холодный весну несусь.

В твой дом забытый, в дом без огня
Иду и верю — ты ждешь меня.
Иду сквозь чащу, что так темна...
Кривой тропинкой, что так длинна...

Тебя запрягала вглубь седин
Зима косматая, где в мире льдин
Ты отражался, как в зеркалах.
И потерялся в размытых снах...

В ладонях чутких глоток воды.
Живая влага — слеза луны.
В ладонях тонких в чужом лесу
Тебе, родному, весну несусь.

А вот стихотворение, которое песней пока не стало.

Вишня

Я живу от весны до весны,
Словно вишня, тонка и устала.
Мои ягоды-губы красны.
Я их в кровь искусала...

Мои волосы — ворох теней.
Ветер ими играет небрежно.
Ветер ими играет сильнее
Этой осенью снежной...

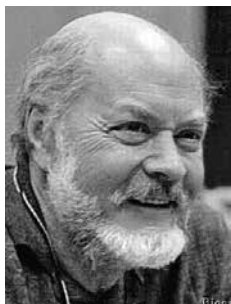
Так стою я в казенном саду,
На виду у страны синеокой.
И пророчат мне люди беду —
У реки над осокой.

Зазвенят топоры надо мной
Я зажмурюсь, смиря дыханье,
Стихло все...
Над моей головой...
Возникает сиянье...

Лев АННИНСКИЙ

ШЕСТОЙ КЛАСС. ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО!

Мать говорила: «Мальчик из приличной семьи должен учиться в приличном месте!» В первый послевоенный год, собравшись со средствами и мобилизовав знакомства, она перетащила меня из полубандитской потылихской семилетки в одну из лучших школ Москвы — 330-ю, куда я и пошел в шестой класс, а там, к своему удивлению, я вскоре перешел из привычного разряда разгильдяев в ранг отличников.

Учительница Александра Васильевна Вихорева — героиня этого эпизода. Учительница любимая: потому что не только объясняла нам грамматику, но и приобщала к классике.

Однажды принесла толстый том:

— Александр Сергеевич Пушкин. «Песнь о вещем Олеге».

Прочла вслух. И задала на дом: читать с выражением.

Дома, начав читать «Песнь», я вдруг почувствовал, что со мной творится что-то непонятное. Текст не входил, а врезался в сознание — и мучил меня неотступно. Я не знал, куда деваться, как от наваждения. И понял, что стихи не оставят меня в покое, пока я не уложу их в память. Еще два-три прогона «с выражением», и я запомнил все наизусть. По-

сле чего спокойно отправился во двор гонять консервную банку.

Назавтра я едва дождался урока.

— Кто готов читать? — спросила Александра Васильевна.

Вытянув вверх руку, я ловил ее взгляд, и она вызвала меня к доске.

Я читал Пушкина с каким-то отрешенным вдохновением, спрятав книгу за спину и глядя куда-то поверх голов.

Дочитал.

Александра Васильевна, рассматривавшая что-то в окне, повернулась ко мне:

— Ты что это хотел нам тут продемонстрировать? Что выучил Пушкина наизусть? А задано было что? Читать с вы-ра-же-нием! И только! Я и отвернулась к окну, чтобы не видеть, как ты тут выставляешься. Лучше всех хочешь стать? Иди на место!

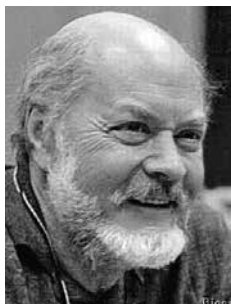
Идя на место, я испугался более всего реакции класса. Но класс, занятый своими делами, ничего не заметил. Репутация моя не пострадала.

Пострадал мой дальнейший контакт с Пушкиным. Каждый раз, прикасаясь к нему, я слышал окрик любимой учительницы:

— Знай свое место!

Лев АННИНСКИЙ

ЗАПАХ ПЛАХИ

Спектакль «Играем... Шиллера» триумфально возобновлен на сцене «Современника». Я был на премьерке двенадцать лет назад. Теперь пошел — посмотреть, что изменилось на сцене и в зрительном зале — последнее не менее интересно.

Зал переполнен. На сцене — тот же Шиллер в переводе Пастернака. Та же пронзительная и мощная режиссура Туминаса. То же ощущение неотвратимой развязки, висящее в черном воздухе. Та же смертельная тяжба двух королев. До точки гибели.

Приговорившая соперницу к гибели — из величественной неприступности проваливается в невменяемую злобу. Приговоренная ею к гибели — светлеет душой до прозрачной белизны, очищаясь от обиды, злобы и горечи. Диалог ведут две королевы нашего театра: Марина Неелова и Чулпан Хаматова. Страсти нарастают. Плотники сколачивают помост. Щепки летят.

Все та же загадочная неотвратимость — в законе, нависающем над тронном, в молчании народа, ско-

ванного законом, в роке истории, заворожившем когда-то мятежного Шиллера.

Переменилось ли что-то в роковом зеркале сцены? Пожалуй, да. Раньше — висело непроницаемой тучей. Теперь пронизано отчаянной активностью копошащихся людей: их предприимчивостью, преданностью, подлостью, их убийным юмором. Отдаю должное молодому темпераменту артистов.

Эпизод с письмом. Секретное послание Марии Елизавете везет доверенный человек, конспиративно упрятав оное себе в задницу. Из задницы эту эпистолярную ценность виртуозно извлекает — прямо на сцене — еще один доверенный человек. И вот, прежде чем сполоснуть и открыть капсулу, этот лукавый царедворец с верноподданническим наслаждением ее нюхает. Bravo!

Хоть убей, не припомню такое в спектакле двенадцатилетней давности. А теперь — работает! Молнии гротеска прошивают нависшую над нами тучу неизбежного, помогая стерпеть запах уготованной плахи.

Екатерина САЖНЕВА

Окончание. Начало в № 3 за 2013 г.

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

Часть вторая. Губернатор

«Моя жена сошла с ума». Господи? Что он несет? И ведь не убежать! Не спрятаться?! Как? Зачем? И ваша тоже? Знаете, это вообще-то в тренде у современных работающих женщин — с ума сходить, даже я, скромная журналистка, как-то раз сходила, а уж хозяйке строительных заводов и медиахолдингов сам бог велел...

— Сука! Тварь! Дрянь! Принцесса херова! Ненавижу. — Выражений своих Козырев не стеснялся, как не и стеснялся и Женьки, затихшей в другом кресле, стоявшем метрах в трех от губернаторского. Хорошо, что оно так далеко — безопаснее, на всякий случай. Жалко, что убежать отсюда никуда все равно нельзя.

— Ну, ответь, мне, б...дь, вот чего ей не хватало? Бриллианты — на, горами, карточки безлимитные — стопками, вот такими. — Он отмерил холеными пальцами сантиметров десять, наверное. — Платиновые, черные, золотые, любые, всех банков — хоть п...дой их ешь. Она и ела. Хочешь быть самой главной на областном телевидении — на тебе телевидение, управляй, царствуй, Козырев потом все убытки из бюджета покроет и на новые проекты денег даст. Первая леди края, блин, Келли Грейс, на х...й. — Он сжал руку в кулак и неожиданно обхватил ей свою голову, вот так, крест-накрест, как будто бы у него просто разламывалась голова и он не знал, как унять эту внезапно свалившуюся на него глухую чугунную боль. Он сидел и каялся перед Женькой — почему-то перед Женькой, этот мощный мужчина, глава области, губернатор, миллионер и даже в чем-то меценат. И поэт — еще и поэт, подумала Женька. Сколько она знала поэтов, всегда их стихи — пропасть в подсознание — до добра не доводили. Жить надо прозой. Так надежнее.

Козырев говорил, говорил, говорил... Так, наверное, исповедуются перед смертью последнему

увиденному в этой жизни священнику или нечаянному попутчику в поезде — чтобы сойти на первой же станции и никогда не встретиться больше, чтобы даже имени другого не узнать, вот только Женька — она же не случайный попутчик, она — федеральный журналист, неужели он этого не понимает? Что губернаторы не признаются в своих слабостях, не вытаскивают грязное белье перед федеральными журналистами, которые могут эти самые слабости использовать. В дальнейшем. Как-нибудь. И что тогда?

Если он вдруг об этом подумает...

Женька почти ненавидела его в тот момент. При чем здесь она? Это его прорвало. Это только его проблемы. Он сегодня, отключив мозги, решил избрать ее в качестве своей жилетки, а завтра — точно так же, даже не задумавшись, прикажет вывезти ее в лес и закопать. Чтобы никто не нашел. Ни ее, ни спрятанные в ней его, козыревские, тайны.

Он ее вообще-то спросил? Хочет ли она то, что он сейчас говорит, слушать?

Он же не предупредил ее о том, для чего позвал, — разве это честно с его стороны?

Тогда стоит ли ждать честности и порядочности от него в дальнейшем?

— Мудак какой-то. Альфонс. Ничего из себя не представляющий, они же там, в европах, натренированные на таких дур, скучающих жен олигархов, политиков. Пока мужики тут в России дела делают, ночами не спят, горбатятся, они имеют наших русских баб как хотят, и в хвост, и в гриву... Я не знаю, где он ее подцепил. Там же своя тусовка, здесь — листермановские цыпочки, а там — такие вот ушлые еб...ри. Итальяшки, американцы, французики. Тихо сосут наши кредитки. Я думал, чего это Юлька с сыном английский так усиленно учит — она же зво-

нила, говорила, что еще задержится, еще и еще, а я — олух царя небесного, слушал да ушами хлопал, даже сперва не удивлялся — чего это она так часто звонить стала. А она, это... Шифровалась, дрянь. Сначала часто звонила — потом реже. Потом совсем никак. Страсть, б...дь, захлестнула. Мозги наизнанку вывернула... Когда она возвращаться на родину ни в какую не захотела... Хотя я ее и звал, и приказывал, и грозил расходы урезать — отказывалась, и все. Только тогда я почувствовал, что из-за английского одного в Лондоне полтора года сидеть не будешь. Она же за неделю до того, как я тебя встретил, как раз туда и умотала, а потом все у нас насмарку пошло. — Было странно, что он вообще помнит, когда встретил Женьку. И даже как-то связывает ее появление с поведением своей беспутной жены.

— Так это давно началось? — спросила Женька. Просто невозможно было больше молчать. «Такая-сякая, сбежала из дворца...» А нечего было двери открывать и спускать с поводка.

— А?.. Месяцев восемь. Десять. Год. Какая разница? Три месяца — это как я уже знаю. То есть я понял, да, каким-то шестым чувством понял, что что-то не так. Костя, старший сын, домой вернулся, в школу здесь пошел, а у нее вроде опять какой-то интенсив, курсы кройки и шитья, но сколько можно? Ну я и нанял ребят — проверить, я хотел знать только правду, любую — но правду. И вот они доложили. Правду... — Стремясь выговориться, Козырев задыхался, будто налетал голосом на невидимую преграду, стекал по ней раскаленным железом. — Я сорвался, посеvную здесь бросил, вылетел в Лондон, заявился на Честер-сквер, я же там ей с сыном квартиру купил — чтобы удобнее было заниматься английским... Это ж самая дорогая улица Лондона, чтоб ты знала — знаешь, сколько там недвижимосты стоит? Треть годового бюджета моего Красина — малюсенькая мансарда — как чулан в твоём коттедже. Я ничего для нее не жалел.. А она... Язык учила. — Губернатор изошренно выматерился. — Я прилетел, не предупреждая. Открыл дверь своим ключом. А там... Они, б...дь, английским и занимаются. На пару.

«Я от тебя устала. — Юлька поправила полы коротенького халатика. Ее английский Джон, или Майкл, или Генри сидел тут же, на углу кровати, и смотрел в пол, потому что смотреть на козыревского охранника, который в это время стоял над его душой и держал за шкуру, было попросту невозможно. — Мне тридцать четыре, Валь. Из них пятнадцать лет я за тобой замужем. Я все время жена президента. У меня ничего больше не было в жизни. Только это. Я с девятнадцати своих лет с тобой мучаюсь. Даже тюремный срок пятнадцать

лет дается только за особо опасные преступления. А потом людей выпускают на свободу. Мое же преступление заключалось в том, что когда-то я вышла за тебя...»

— Вообще-то она сказала совсем не так — проще, примитивнее, в меру своего понимания, я тебе просто подспудный смысл ее слов передаю, — поправился Козырев. — А так плакалась, что цветы не дарил. И не говорил красивые слова. А она их всегда хотела. Что она звонила мне по пять раз на дню первые годы после замужества, а у меня то выборы, то в Кремль вызывают, то еще что-то, что я не уделял должного ее красоте внимания. Вспомнила, как, когда мы отдыхали однажды в Монте-Карло, среди ночи раздался звонок, и меня срочно вызвали в Москву к Путину, а у Кости, нашего старшего, лезли зубы, и она осталась с ним за границей одна — а я улетел... Потому что для меня президент в тот момент оказался важнее зубов сына.

— Совсем одна осталась? — нарочито ужаснулась Женька.

— Ну не совсем. С горничной. Водителем. Двумя нянями, одной нашей, а второй англичанкой — но это, по ее словам, совсем не то...

— Бабы дуры, и слова их — в большинстве своем полный ПМС, — резюмировала Женька. — А бить не пробовали?

— Кого? Ее? Я женщин не бью...

...Валька дрался испуганно. Отчаянно. Не до первой крови, а как в последний раз в жизни. Стайка пацанов налетела на него из-за угла. Повалила на землю. Посыпались тумачи, сквозь которые, не разбирая дороги, не боясь получить еще больше, он рванул вперед, сумел встать в стойку и тоже вмазал кому-то в ответ по скуле, по ключице.

«Ты, козел, забил на Таньку Басову смотреть. Кто ты, а кто ты, безотцовщина! Знай свое место, не для тебя девочка». Его били жестко, долго. Он не победил, нет, он не мог победить шестерых, каждый из которых был старше его года на два и толще раза в три, нет такого закона в этом жанре — побеждать слабейшему. Он был слабейшим на тот момент. Но и просить прощения не стал. Но бился до последнего. Пацанва оставила его лежать на пыльном тротуаре неподалеку от спиртового заводика, главного заводика в их маленьком никчемном хулиганистом городишке.

Заводика, куда и он должен был пойти честно трудиться после школы. Если повезет — инженером. Младшим научным сотрудником. Это если поступит в институт и не загремит в армию.

Танька Басова была первая красавица их школы. Из параллельного класса.

Им по тринадцать. За ней ухлестывают все мальчишки округи, и он, Валька Козырев, прекрасно понимает, что ему нечего предложить ей взамен. Такие девочки стоят полкоролевства. Но у него нет своего королевства, и даже половины нет, чтобы ей подарить.

Нет индийских джинсов, как у сына директора заводика Левки Корчного. Худого, сутулого очкарика.

И обаятельного хулигана Генки Михайлова, который сегодня его подстерег и побил. За то, что он дал списать Танечке Басовой годовую контрольную по алгебре — Валька лучше всех знал алгебру в их классе, а ее параллель писала контрольную сразу после них, и он отдал ей на перемене заранее решения всех задач, и она милостиво согласилась, в виде благодарности, чтобы он проводил ее до дома по тихим черемуховым улочкам и нес ее портфель.

Господи боже мой, 78-й год на дворе, полный наивняка. Первые поцелуи в парадном, почти в невесомости, воздушные, вскользь, когда и пальцем боишься прикоснуться к понравившейся девочке, песни из кинофильма «Розыгрыш» в исполнении Димки Харатьяна, которого он из чувства ностальгии позвал в Красин на свой сорокапятилетний юбилей два года назад, и тот пел, надрывно и красиво пел про гардемарин, а на бис — про то, что не надо торопиться расстаться со школой и в детство дверь будет открыта всегда.

А за дверью — Танька Басова, джинсы клеш...

И до Афганистана, куда он молодым лейтенантом загремит сразу после военного училища — вместо технологического института, как задумывали они с мамой, остается чуть меньше десяти лет.

Но после той драки все вскоре пошло не так.

Потому что мама умерла.

В тот вечер она встретила его в их маленькой прихожей, помогла стащить разодранные в паху и на коленках школьные штаны, налила борща — нигде, никогда больше он не ел такого вкусного борща, как у мамы, — заохала над синяками, залила их йодом и заклеила пластырем и ночью застрекотала в их маленькой комнатке, она же спальня, зал для приема гостей, кухня, столовая, на швейной машинке.

Утром ему надо было в чем-то идти в школу. А запасных штанов у него не было.

Мама же была всегда. Он просто не помнил того времени, когда ее не было. Она работала инженером-технологом на том спиртовом заводике, не очень важным, наверное, специалистом, как все тогда, и денег им постоянно не хватало — по вечерам вместе с Валькой мама разносила почту по соседним домам. «Защитник мой», — мама ласково трепала его вихры. И он действительно чувствовал себя

ее защитником. И вполне бы мог справиться один с этим ежевечерним почтовым ритуалом — чтобы маме было полегче, но ведь тогда они не смогли бы побыть вдвоем и поболтать обо всем на свете: только с мамой он мог говорить свободно и обо всем, до недавних пор только с ней, и больше ни с кем...

А потом мама умерла.

То есть он знал, конечно, что все женщины болеют, да и мужчины болеют тоже — но не так, исхудав до посинения, короткий ежик волос делал ее совсем уже похожей на маленькую беззащитную девочку. Он так хотел ее обнять. И не мог. Не смел. Боялся переломить.

Он не смог ее защитить... Не допустить, чтобы ее не стало. Какой же он мужчина после этого — тряпка, слабак... На похороны приехал отец. Долго смущался, краснел, Валька, отвернувшись ото всех, сидел на диване, в школу он в тот день не пошел — просто сидел на диване и перебирал принесенные из больницы ненужные в общем-то никому больше мамини вещи, ее расческу, ее стакан с отбитым краем, ночнушку. Он уткнулся в эту ночнушку и так проспал всю ночь в обнимку с ней, вздыхая мамин аромат...

Отец честно сказал, что жить с ними Валька не может — у него там новая семья, двое маленьких новых детей, и вообще. Но он все устроил — суворовское училище, самый подходящий для Вальки вариант. Казенное обмундирование, еда, на полном довольствии опять же — чего уж лучше-то желать? Вырастет мужчиной.

Защитником. А он не смог защитить свою мать!!!

— А вы ее очень любили?

Зачем эта девочка, почти не знакомая, смотрит на него так странно. Зачем он вообще ее сюда притащил — как будто бы и без этого было проблем мало, с Юлькой, с разводом, с подданными...

— Кого любил? — вздрогнул Козырев.

— Ну, маму... Вы же про маму мне сейчас рассказываете...

Он рассказывал ей про маму??? когда???

— Вы все время винили себя в ее смерти и в том, что не смогли ее спасти. Но вы же были ребенком — это не в ваших силах было сделать. Вы ни в чем не виноваты... Она вас очень любила. И, если бы могла, никогда бы не ушла так... Смерть — это не предательство, это просто несправедливо. Просто иногда остаться не получается, даже если дети просят, даже если очень хочешь сам, не получается. От нас, людей, это просто не зависит, понимаете?

...Когда он вырос, по-настоящему вырос, он захотел, чтобы все в этом мире зависело от него. Чтобы весь мир подчинялся ему. И чтобы он сам — только

сам, не кто-то другой — решал, кому теперь жить, кому умирать, кого казнить, кого миловать.

Он хотел построить свое королевство. Если и не для мамы, то хотя бы в память о ней, худенькой, усталой, замотанной, одинокой.

— Когда я уже стал губернатором, поехал туда — в город своего детства, до этого не хотел — как отрезало, а тут прикатил, местному мэру отвалил бабла, чтобы кладбище, где лежит мама, в порядок привел. Ее могилка, слава богу, что успел, еще уцелела, хотя уже двадцать пять лет прошло с тех пор, как меня увезли оттуда, только землю пришлось на кладбище нанять, много земли. Оно старое уже было, кладбище.

Он заказал самый лучший мрамор для ее памятника. Цельный кусок. Все прикидывал, мерил, как лучше ее слепить — в полный рост или вырезать только портрет в камне. Так и не придумал. Потому что все для нее было бы неправильным, и видеть ее неживой, холодной он не хотел и не мог.

— А Танька Басова? Вы ее нашли? — спросила Женя.

— А? — Он снова отошел от воспоминаний. — Да нет, не нашел. Зачем? Звонили потом в приемную какие-то одноклассники, я же там неделю проторчал, визит освещали все местные твои коллеги. Но я сказал секретарше: посылай всех на хер, денег, наверное, попросить хотят, она и послала...

— А жена?

— Что жена?!

— Она была похожа на вашу маму? Ее вы любили?

— Юльку-то? — Он задумался ненадолго — На руку свою посмотри. Ты ее любишь? Ты к ней привыкла и ты без нее не можешь. Я не знаю, любовь ли это... Она была красивая, Юлька. Очень молоденькая, очень бедная, студентка медучилища — я тогда уже был кандидатом в губернаторы. И неженатым. Альфа-самец на выданье. Долго не мог почему-то жениться. Все выбирал. Все хотел совместить несовместимое — и чтобы эстетически наслаждаться, я же достоин был самого лучшего, я ведь сделал себя сам, и чтобы как мама... И только не надо мне про Эдипов комплекс... Не знаю, то ли искал не там, то ли не так. Были женщины, которые меня слушали, но спать с ними мне, извини, откровенно не хотелось. Были и те, кого я сразу трахал — а наутро не о чем было говорить. Со временем я понял, что, видимо, ищу некое совершенство, существующее только в моем воображении. Фантастический женский образ. Которого не было и нет. Я могу взять и построить эклектический город — здесь Париж, там Венеция... Но соединить в женщине несоединимое... Я не Бог, Женя, король, конечно, немного, но не Бог.

А жениться надо было. Ну чтобы слухи не пошли, что голубой или еще похуже... Чтобы как у нормаль-

ных избирателей было. Юлька оказалась девственницей, скромная такая, признательная ему до безумия — запрыгала, зацеловала, когда он ей подарил первое бриллиантовое колечко. После первого их секса. И он подумал — а чего искать еще? Ему было уже тридцать три. Возраст Христа. Или тридцать два, что ли?... В общем, самый молодой губернатор России. Надо остепеняться.

И он женился. Что и говорить, со временем Юля и держать себя научила, с ножа уже не ела, бриллиантам так показательно не радовалась, научилась воспринимать их согласно своему статусу, и он ее по-своему любил, конечно, любил. Во всяком случае, менять на какую-нибудь листермановскую цыпочку уж точно бы не стал. Любовниц имел. Аккуратно так, чтобы не привлекать внимание. Женщины те были тоже очень красивые и понимающие — понимали, что не стоит хотеть того, несбыточного, что он им дать все равно не сможет. Умные были женщины. А Юлька была красивой.

И он ее хотел. Почти до последнего хотел. Как наивысшее свое достижение, как понимание того, что королевство построено, и самая красивая женщина в нем — его. Символ вечной красоты и чистоты. Была. Пока он не узнал про этого Майкла-Джо.

Все это так не сходилось с тем, что слышала Женя от Бориса Палыча, от других про губернаторскую любовь к жене и про принцессу Монакскую...

— А как же Грейс Келли? Ну ее сходство и памятник, и все такое, мне Борис Палыч рассказывал, — потерянно прошептала она.

— Слушай, ну хоть ты не будь дуррой. Какая Юлька Грейс Келли? Это все местные журналисты придумали... То есть я, конечно, считаю Грейс непостижимым идеалом для себя, и все-такое. Но я же не идиот и не сумасшедший, чтобы не понимать: я не принц Ренье...

— Слушай, а ты что, правда театральная заканчивала?

— Ну да, а что здесь такого, ярославский театральный институт, то есть тогда-то еще училище было — это потом все учебные заведения стали притворяться тем, чем на самом деле не являются. ПТУ — колледжами. Училища — институтами. Институты, страшно подумать, академиями. «Мы все глядим в Наполеоны». Но высшее образование там давали, да. Так что я — даже и актриса с дипломом. Между прочим, красным...

— А почему не работаешь? Ну — по красному диплому... — Козырев глянул на нее восхищенно. Надо же, никогда бы не подумал: актриса. Как будто бы не

привозил он к себе в область, на праздники и просто так, покутить, пачками ярких звезд отечественной и даже зарубежной эстрады. С некоторыми отечественными он даже и спал потом, после банкета, не со всеми, конечно, а кто действительно понравился, девочки не ломались, между прочим... тоже были понимающими.

А он был король. Ну — правитель. Разумным правителям свойственно спать с трубадурами, содержать балерин и актрис, покровительствовать, меценатствовать. Есть королева, и ее не меняют ни на кого. А есть те, кто призван улаживать его величество. По-моему, это правильно.

— А там неправильно все оказалось, в театре, все игра, — усмехнулась Женька. — Ты говоришь придуманные кем-то слова и заранее знаешь, чем это все закончится. Нечем дышать, пыль из-за кулис, чернота зрительного зала. И каждый день — все одно и то же. Одно и то же. Зависть, мелкие интриги, репетиции. Я поняла, что не смогу так... до пенсии. Притворяться Дездемоной, Офелией, Джульеттой провинциальной, я же сама не из Москвы, и Москва после окончания мне не светила никак — не светили и роли первого плана, это если будешь спать с режиссером, а так всю жизнь — на «кушать подано» или, если уж очень талантливой окажешься, то на подругах главных героинь просидишь. Актерство слишком зависимая профессия... А здесь, в журналистике, я сама по себе — делаю то, что хочу, придумываю свой собственный мир, свои собственные слова и ни от кого не завишу... Я тоже играю. По-другому просто. Так, как я сама считаю нужным.

Она не рассказала, конечно, не рассказала, как кричал отец, узнав после вступительных, что выбрала дочка не факультет иностранных языков, куда заранее уже было отзвонено и где были все предупреждены, что она придет, и даже не филфак на худой конец. Не московский МГИМО, куда тоже можно было найти бы выходы при желании. Совершенно другой мир — содержанок и откровенных шлюх. Потому что далеко не все рождаются в нашем мире Любовью Орловой, да и та, по слухам... «Чтобы дочь Чернова на подмостках плясала? Не будет этого! Завтра пойдешь и заберешь аттестат», — орал отец на нее всю ночь. А мама отпаивала его валокордином, и укоризненно смотрела на Женьку, и умоляла ее не позорить семью безрассудным своим поступком.

Потом отец тоже орал, когда после дипломного спектакля, где играла она Бланш из «Трамвая желаний», на выпускном банкете, чуть отойдя от сокрушительных аплодисментов, Женька сказала, что актерский диплом они с мамой теперь могут заключить

в рамочку и повесить на стену, чтоб было... А для нее это уже пройденный этап. Она уезжает в Москву. Будет там пробиваться где-нибудь. Пока интересуется военной журналистикой.

На дипломный спектакль отец пришел вместе с матерью и торжественно восседал на первом ряду: «Козицкому, главному режиссеру драмтеатра, я уже позвонил, он говорит, что придет на просмотр, что он тебя уже приметил, годик поработаешь в его труппе — и будем искать нужных человечков в Москве, сериалы, реклама, то да се — кто ж знал, что ты такая окажешься талантливая», — он так радовался перед самим собой, что все-таки понял ее поступок, ее выбор и гордился ею, и такой удар был, что она опять все резко переменяла, и нужно было настраиваться на новую профессию, лучше, конечно, чем актерскую, и новое к ней отношение, и непонятно как долго это новое ее увлечение продлится... Военная журналистика — дочь генерала.

А она тоже хотела остаться собой. Так она себе это объяснила. Хотя, скорее всего, перегорела просто... Посмотрела на театр с другой стороны кулис — вывернутым наизнанку — и разлюбила навек.

— Вероятно, я не была настолько талантливой актрисой и не любила театр всей душой, чтобы продать ему с потрохами эту самую душу, — просто объяснила она Козыреву. Они ехали на его «е-мобиле» — последнем слове отечественных нанотехнологий — к его резиденции. Оттуда тянуло шашлыками. И Женька еще подумала, что подавать их будут непременно девушки в белых передничках и официанты в смокингах — а как иначе? По сценарию должно быть именно так.

Но Козырев жарил шашлыки сам. Скворчала на уютном огне свинина, насаженная на шампур, Женька с губернатором устроили даже соревнование — кто быстрее использует все шампур, у кого шашлык получится красивее, Козырев выбирал куски побольше и пожирнее, а Женька — поменьше и попостнее, зато оба они перемежали куски мяса толстыми кольцами лука и кругляшами помидоров и поливали их сверху, над раскаленными углями, сухим красным вином, происхождение которого и год урожая на сей раз был не озвучен...

— А ты правда дочь генерала? — вдруг спросил Козырев.

— Ну да. А что здесь такого? Ну, папик в отставке давно, а когда человек уходит в отставку с такой должности, то сразу становится почему-то никому не нужным. Сидит на даче, поливает цветы и проигрывает в уме так и не выигранные им в реальности великие сражения. — Женька развела руками. — Мама занята с Лиской, это моя дочка, а папа занят сам собой.

Можно ли было простить отца после того, что случилось на Северном Кавказе? Можно ли было на него обижаться? Ведь для него это был еще больший удар, чем для Женьки. Она хотя бы нашла выход — съехала с крыши.

А отец...

Он сразу сдал. Заперся на даче. То отключал телефоны, то снова включал их, перебирал записи в своих записных книжках, советовался сам с собой в уме, кому можно было бы позвонить, поклониться, чтобы уголовное дело возбудили опять. И понимал, что это уже невозможно: не в силах он хоть что-то изменить, если тут так все замешано на политике, посмеются за его спиной, да, еще как посмеются — дочку генерала Чернова трахнули какие-то срочники, а помочь все равно ничем не помогут...

Козырев ушел поговорить с охраной. Что-то по поводу завтрашнего дня. Женька осталась одна. Караулить шашлыки. Опять задумалась. Странный человек Козырев, наверное, он все-таки ее не убьет — тогда зачем позвал?

Неужели же ему больше и шашлыки поесть не кем?

— А ты кто? — На Женьку снизу вверх, но почему-то ей показалось, что, наоборот, сверху вниз, посмотрела худенькая блондинистая девочка в шортиках и розовой маечке на бретельках, возникшая вроде как и ниоткуда.

Женька вздрогнула. И вино, больше, чем нужно, пролилось на горящее мясо.

— Я Женя.

— А я Алиса...

Алиса?

— Алиса Козырева. Я здесь живу.

— А я здесь в гостях. Я журналистка и пишу про твоего папу.

— А... — Девочка явно расслабилась. — Про моего папу все пишут. Потому что он самый главный. Он губернатор, если не знаешь. Хотя, наверное, знаешь, раз ты здесь.

Она была примерно ровесницей ее Лиски. Но менее рассудительная, легкомысленная, взъерошенная. Принцесса. «Показать тебе моих кукол?» Вопрос был задан так, что иной ответ, нежели чем утвердительный, был вообще невозможен.

— Покажи.

Алиса Козырева побежала в дом. Быстро вернулась с каким-то невероятным альбомом с разноцветными 3Д-рисунками. На них были дома и дворцы, принцы и принцессы ходили друг к другу в гости, пили чай и ели заварные пирожные... Но ни в одной из нарисованных принцесс Алису Козыреву Женька не увидела.

— А почему ты себя не рисуешь?

— А зачем? Для этого есть профессиональные художники. Папа заказал мой портрет. Один — Никасу Сафронову, а другой — какому-то французу, когда мы были в Париже. Ужасно дорогой и модный француз, он увидел меня в виде золотой рыбки, мне не понравилось, а папа говорит...

— А папа говорит — концептуально. — Женька и не заметила, что Козырев подошел к ним сзади. Обхватил Алису и приподнял ее, посадил на плечи. — Я вижу, вы уже познакомились? Это хорошо...

Что было хорошего в том, что они познакомились с козыревской Алисой, Женька, честно говоря, не понимала. Все-таки мужчины — свиньи порядочные. Что может подумать восьмилетняя девочка, чья мама исчезла в неизвестном направлении, увидев рядом с папой чужую тетю?

Мало ей огорчений?

— Здесь ужасно скучно, — сказала принцесса Алиса. — Вчера театр из города приезжал, чтобы нас с Костяном повеселить. Какой-то детский спектакль привозили. Но не про любовь, а про животных. Кому это может быть интересно? Белочки, зайчики прыгают по сцене, скачут. Вот кому?

— Никому, — подтвердила Женька.

Козырев захохотал. Хохотали не только его глаза, но и руки, и щеки — и даже шея.

— Алису у нас интересуют только любовь. И чтобы все в конце концов поженились. — Он размашисто поцеловал дочь в щеку. Та фыркнула. Казалось, что это был домашний спектакль, отлаженный, отрепетированный, и Женька неожиданно поняла, что сейчас играется он исключительно для нее.

— Скучно, скучно, скучно, — пропела Алиса (почему-то эту девочку язык не повернулся бы величать по-простому — Лиской). Только Алиса — и причем под порядковым номером, наследная принцесса Алиса Первая, например. — За ворота выйти нельзя. В город одну не пускают. Только с дядей Романом или дядей Ильей.

— Это охранники, — прокомментировал Козырев.

— Смотришь на улицы из окна машины. Одна радость — поехать на море. В страну, где тебя никто не знает... Там мы с Костяном уж отрываемся. Но папа сейчас не может, потому что его в любой момент может вызвать президент в Москву, а мама у меня учит английский в Лондоне.

...Они не играют, вдруг поняла Женька. Они так живут. В этой невысказанной боли, страхе, отчаянии от того, что их прежний мир — простой и понятный — умер, королевство уничтожили враги, а как построить новое, прекрасное и настоящее королевство, они просто пока не знают. Сидят на руинах прежнего замка... И тоже сходят с ума.

Как ее собственный отец, боевой генерал, спрятался от переполнявшей его боли за случившееся с дочерью в астрах и настурциях, в кустах садовой клубники, так и эта девочка, совсем еще маленькая, понимает тоже, что дома произошло что-то непоправимое, но не знает, почему, и не знает, как с этим справиться. Она старается скрыться от невыносимой, ужасной, стыдной, известной ей правде о матери — говорил же Козырев, что дети о предстоящем разводе уже оповещены, и причину его, вот козел, он им сам и поведал.

Все по-честному.

— А вы замужем? — спросила принцесса Алиса.

— Да, кстати, Женя, я так и не выяснил — а ты вообще замужем? — встрепенулся Козырев.

— Я разведена.

Зачем он спросил? А зачем она ответила? Да если бы захотел, еще до того, как ее сюда пригласил, всю бы подноготную выяснил и узнал, спросил из вежливости? А может, ему и правда это интересно? Да как ему может быть интересна она, простая журналистка?.. Просто должен быть рядом кто-то, не близкий, перед кем можно сидеть и плакать, фигурально выражаясь, жаря шашлыки...

У него беда — конечно, не такая уж и страшная, тысячи мужчин и женщин в один прекрасный день оказываются на руинах собственного брака, вон даже принц Чарльз с принцессой Дианой развелись, и ему не может быть интересно с ней... здесь... сейчас... просто пригласил — чтобы развеяться.

А для нее это — как ножом по сердцу. «Я разведена. Это было давно и уже почти неправда», — повторила Женька.

— А... — Алиса чмокнула отца в щеку, посмотрела на него как-то странно и убежала в дом.

— Подлец был? — спросил Козырев. Как будто бы точно знал, что подлецом в их случае мог оказаться только Женкин муж, а не она сама.

— Да нет. Вполне нормальный человек. — Не вспоминать, только не вспоминать, но нельзя же так — железом по стеклу. Нормальная реакция — развестись с сумасшедшей женой. Нормальная реакция — запереться в саду от проблем изнасилованной дочери. Реакция всех мужчин на все происходящее в этом мире — абсолютно нормальная. Не видеть. Не слышать. Пока не грянет гром — и жена не сбежит с другим из дворца.

— Просто не сошлись характерами, так, знаете ли, бывает.

— А, — неопределенно промычал Козырев. — А бойфренд у вас есть?

Сто тысяч женщин на ее месте сказали бы, что нет. Сто тысяч женщин мгновенно прикинули бы, что могла бы им дать пусть короткая, но связь с

губернатором. Пожалеть, послужить жилеткой — хотя бы и на один вечер.

А дальше что?

— В данный момент у меня нет бойфренда, — честно ответила Женька. — Так получилось, правда, но я не хочу об этом говорить.

Козырев кивнул.

— Ладно, не будем. Я видел, ты утром в озере купалась. Каюсь, подробности не разглядел, хотя было очень интересно, но я сразу отошел от окна. Это честно.

— За честность спасибо. Я просто люблю купаться. И везде, где могу, заползаю в воду в жару, в дождь, на краю света.

— Угу, — улыбнулся Козырев и почему-то невпопад добавил: — А моя жена говорила, что этот дом — тюрьма, и озеро — тюрьма.

«Она просто не купалась в огромной ванне в сумасшедшем доме за решетками — вот уж тюрьма, то единственное место, предназначенное для купания, которое Женька ненавидела всей душой, — но зачем ему это знать?»

На один-то вечер?!»

Собирали малину. Садовую землянику. Недозревший еще крыжовник и спелую смородину. Козырев был по-прежнему в своем эклектическом стиле: если бы можно было посадить в резиденции бананы, вырастил бы и их, чтобы ничего не упустить.

Женька брала по яголке из его рук. Потому что он разглядывал у земли самые спелые и готовые к употреблению ягоды, а она со своим хреновым зрением, как обычно, не видела ничего.

Потом он пел под гитару. Свои стихи. Почему-то не о любви, а смешные, политические, про то, как однажды всех российских губернаторов посадили в один самолет, повезли на какой-то саммит на Дальний Восток, и в пути, перепившись, они почему-то решили, что самолет вообще не долетит до пункта назначения — что таким вот категоричным способом президент страны решил разом провести ротацию кадров, бухнуть всех губернаторов вниз, как польского президента, и никаких проблем.

— Это правда было. Я эту песню никому до сих пор не пел — мало ли что... У нас не принято иметь свое мнение. И тем более его высказывать... Потом смешно стало, когда мы все-таки долетели, губернаторы, все помятые, испуганные, в бане вечером расслаблялись по полной...

— Взрослые люди, страной управляете, а как мальчишки, ей-богу, — ответила Женька.

Козырев заржал.

— Ты так говоришь, будто знакома с десятком-другим губернаторов.

— Да не знаю я никаких губернаторов.
 — Точно не знаешь?
 — Точно.
 — Тогда странно...
 — Странно что?
 — Что ты меня совсем не боишься. — Он помолчал, задумался о чем, затем медленно, по слогам произнес: — И я тебя тоже... не боюсь.

Разговор расклеился. Да и поздно уже было — почти десять вечера. Козырев повез ее обратно к ее коттеджу, но на сей раз «е-мобиль» вел Костик, старший сын, молчаливый, будто охранник на КПП, четырнадцатилетний подросток, в отличие от принцессы Алисы, он не держался царственно. Только и сказал, что в будущем мечтает стать архитектором и придумывать свой собственный стиль — отходить от доисторического европейского...

На прощание Козырев сказал, что завтра ждет ее опять на шашлыки.

— Только знаешь, что, Жень, я понимаю — ты из командировки, и с собой ничего не брала. У меня тут завтра друг придет, крупный банкир из Москвы. Будет неудобно, что ты разгуливаешь в своих кедах противопожарных. Ты это... Утром позвони на охрану, пусть тебя в город отвезут — купят что надо, ну там платье, туфли, прическу пусть сделают. Денег не жалеи, и сразу мне по поводу счета скажи. Ты же видишь, я не жадный, я все оплачу.

* * *

Возле Дворца дождей, на площади, проходил пикет. Группка деловитых молодых женщин кучковалась с колясками и малышами, развернули написанные на ватмане транспаранты. «Козырев, построй нам ТИПОВЫЕ ШКОЛЫ, ТИПОВЫЕ детские сады, ТИПОВЫЕ больницы, НОВЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ РОДОМ нужен — и народ за него будет тебе ОЧЕНЬ благодарен!», «Нам не нужна Венеция, Монако, Монте-Карло — нам нужен наш Красин!», «Верните Сибири — сибирскую столицу!»

— Остановите-ка, — попросила Женька Бориса Палыча.

Тот поморщился:

— Ну, Женечка, пикет-то разрешенный. Неужели же вы из этого хотите статью сотворить...

— Мне просто интересно.

Борис Палыч недоуменно пожал плечами. Тем не менее послушно затормозил. Собственно говоря, ехать в город за нарядом в компании пиарщика Женька не собиралась. Но тот сам неожиданно появился рано утром.

— Ну как ты там? Держишься?

— Разговаривали!

— Весь день? О чем?

О чем. О чем. О чем. О че-е-е-ем.

— Понимаете, Борис Палыч, каждому мужчине, и ваш замечательный губернатор не исключение — нужна аудитория, чтобы его слушали. Вы, местные, слушали его уже достаточно долго, вы привыкли к способу его мышления, а он — к вашей реакции на него, но для более объективного осмысления темы превращения Красина в столицу европейского масштаба Козыреву и понадобились свободные уши со стороны, — и бла-бла-бла...

— Понимаю. Держись. Он вообще-то умный мужик, — констатировал Борис Палыч. — А домой когда?

— Пока не знаю. Козырев попросил еще и на сегодня остаться, сказал только, чтобы переделась — я ж после Иркутска в Москву еще даже и не заскакивала.

— Так давай я тебя по магазинам и отвезу, — обрадовался пиарщик. — Заодно город еще раз посмотришь.

— Козырев сказал, чтобы я с его охраной съездила. Обещал все оплатить.

— Оплатит, никуда не денется, — успокоил Борис Палыч. — Он в этом плане мужик честный. Но зачем тебе его лишний раз тревожить, охрану будить — мы быстренько смотаемся и вернемся. Тем более что у меня к тебе тоже разговорчик небольшой есть...

...От транспарантов перед Дворцом дождей Женьку как-то передернуло. Было в этом что-то неправильное — вчерашний Козырев с его бедой, исповедью, дочкой, сыном, мамой, с перепачканными земляничкой мягкими, чувственными ладонями почему-то не сходилась в ее сознании с равнодушным к проблемам края губернатором Козыревым, о котором писали на своих воззваниях эти тетки. Она уже подходила к пикетчицам, хотела спросить их о чем-то, придумывала даже вопросы, но вдруг махнула рукой, развернулась — и снова уселась в машину к пиарщику.

«Вот и правильно, — заметил тот. — Нельзя, Женечка, с одной стороны кормиться из рук власти, а с другой — ей оппозиционировать. Всегда наступает момент, когда приходится выбирать что-то одно».

Все Борис Палыч понял, конечно, не так. Но Женьке совершенно не хотелось объяснять ей его неправоту — слишком многое пришлось бы объяснять в таком случае. Ее разрывало. Впервые после госпиталя, после психиатрической больницы, выходя из которой она поклялась самой себе НИЧЕГО НИКОГДА ПО ОТНОШЕНИЮ ни к кому НЕ ЧУВСТВОВАТЬ, даже если будут предавать — не чувствовать, просто не обижаться, потому что все люди вокруг врут, предают и делают хорошо только для самих себя, такие они люди — их не изменить, и по-

этому, чтобы выжить, надо изменить свое собственное отношение к ним.

Так вот впервые за три с половиной года, прошедшие после ТОГО случая, она вдруг поняла, что бывает и по-другому. И другим людям тоже делают больно. Не так, как ей, — иначе, но тоже больно. И тогда они тоже клянутся себе не чувствовать, сохранить сердце в покое — в холодном равнодушии, чтобы выжить... Так и ходим мы все, равнодушные и мертвые, по этой земле, в поисках счастья — которое хотим только брать, но не можем дать.

Не мертвое только сердце — стучит, трепыхается. Хочет, чтобы его поняли. Потому что все мы хотим лишь одного — чтобы нас поняли и полюбили те, кого любим мы. Так просто. Хотим. Но при этом отказываемся понимать других сами.

Перед самым рассветом Женька проснулась от того, что в ее груди тоже заколотилось сердце, и так ясно вдруг вспомнила весь, до последнего кадра, приснившийся ей сон. Три года ничего не снилось. А тут вдруг... А может, и раньше снилось тоже, просто она не запоминала свои тяжелые постбольничные сны, выбираясь из их непроглядной черноты постепенно, забывая их по дороге, а тут раз — и мгновенно очнулась, сразу, может быть, поэтому сон не успел кануть в небытие.

Ей снилось небо. Простое голубое небо.

И какой-то город вдалеке. Он искрился фейерверками и золотыми куполами то ли церквей, то ли просто — высотных башен. Она так хотела до него дойти, посмотреть вблизи на все это величепие, бежала, бежала, но чем быстрее бежала, тем дальше прекрасный город отдалялся от нее за горизонтом.

Только небо всегда было с ней. В ней. Только небо.

...Прическу уложили быстро. Борис Палыч попросил. Распустили привычный хвост. Закрутили русые пряди, открыли лоб от удобной, но такой доставшей уже Женьку челки. Косметолог сделала освежающую маску. А затем — с разрешения — предложила Женьке еще и макияж. «А давай я сама?» — руки помнили театральный грим. Совсем немного, серым — тени, чуть коричневатым, губы, глаза.

— Ну ты, мать, даешь, красавица, прям Грейс Келли, — восхитился Борис Палыч, но, заметив Женькину реакцию, тут же сник. — Да шучу я, шучу.

— А платье где? — Представить, что в этой глуши может найтись именно то платье, которое ей необходимо, Женька не могла. Поехали на рынок. Но там даже и выходить из машины не стали. Барахло. Один магазин. Другой.

— Предлагаю посетить бутик, который принадлежит Юлии Борисовне, нашей истинной принцес-

се Грейс. Он, конечно, дорогой, но ведь губернатор башляет! — сыронизировал пиарщик.

И снова все было не то. Голубые, фиолетовые, кроваво-красные — слишком вычурные, китчевые, длиной в пол, или совсем чуть ниже трусиков, платья. Женька закопалась в их груди. Борис Палыч внимательно смотрел на часы. Сообщил, что два раза звонил Козырев — почему-то ему, Борису Палычу звонил — и просил Женю не опаздывать к обеду, у них гости.

— Девушка, ну я не знаю, что вам предложить, у нас все-таки не Москва, нет такого выбора, что вам нужен, — взмолилась продавщица.

Женька растерянно огляделась по сторонам. Бьютивумен. Красотка. Самостоятельная. А даже платье сама найти не способна. Обычное женское платье. Без выкрутасов. Без изысков. И уж, конечно, не украшенное морскими жемчужинами — хотя вот если цвет, светло-серый, стальной, как закрытая перламутровая раковина, именно таким оно и должно быть... По ее представлениям.

— А это что? — Женька метнулась к вешалке, на которой висело что-то похожее.

— Это очень дорогое платье. Я бы вам его тоже показала, но вы же смотрели другой ценовой сегмент, девушка, — обидчиво заметила продавщица.

— Дорого — это сколько?

— Дорого — это тридцать пять тысяч рублей. Для вас, в Москве, может, и фигня цена — но у нас столько не получают.

Платье в тридцать пять тысяч рублей и для Женьки в Москве фигней не было. Не то чтобы она мало зарабатывала, просто тратить такую уймищу денег на вечерний наряд, в котором и появишься-то от силы раз-два на мероприятиях, Женьке казалось кощунством. Эти деньги можно потратить на поездки, приключения, на книги, наконец. Кстати, тридцать пять тысяч рублей — тысяча двести долларов — именно столько она получила гонорар за книгу о городе Красине.

Лиф без бретелек. С расширяющейся книзу юбкой-колокольчиком в стиле пятидесятых годов. И легкой паутиновой накидкой — на плечи. И еще к платью положены были перчатки. Совсем коротенькие, кружевные, тоже почти невесомые. Ничего лишнего, вызывающего, порочного — икона стиля.

— Заверните... я возьму.

— Жень, а давай еще к нам в офис заедем, я тебе кое-что там покажу, — заговорщицки подмигнул Борис Палыч.

— Ну давайте... Только быстро. — Интересно, а ОН ее платье оценит?

В офисе Борис Палыч протянул ей стопку подшивок. «Это областные газеты за последние три

года. Здесь материалы о благотворительности первой леди края. Понимаешь, Юлии Борисовне через полгода исполняется тридцать пять лет, мы хотим подойти к этому грандиозному событию не просто так, а творчески. Возраст свой, как всякая красивая и состоявшаяся женщина, она не скрывает.

И обычно в этот день Козырев устраивает в своей резиденции бал в ее честь — ее день рождения на день раньше православного Рождества. Так вот, в нашем рекламном холдинге подумали и решили, почему бы тебе, раз ты все равно уже познакомилась с этой семьей, не сочинить от себя какое-нибудь ей поздравление? В тех же стихах, например. Это и тебе будет полезно — для перспективы отношений.

— Я не могу. Не могу. Нет. — Женька отталкивала от себя эти газетные полосы. Снимки, подшивки, статьи.

— Ну я же не прошу тебя писать непременно сейчас. Почитаешь, что мы сделали раньше, в те годы, подумаешь еще, покреативишь. Ты же профессионал в конце концов! — Пиарщик совсем не чувствовал ее настроения, смущения, нежелания. Он буквально втиснул в ее руки подшивку. И Женька сдалась. Она всегда сдавалась тогда, когда не видела смысла бороться. «Ну хорошо, я гляну!» На первой же фотографии на нее смотрел Козырев, такой, каким она его запомнила в самый первый раз. Абсолютно уверенный в своем могуществе мужчина в пиджаке от Бриони. Он держал под локоток высокую, примерно на полголовы выше себя, женщину в бриллиантовой диадеме, поднимавшей сложную прическу.

Ее лицо было видно в пол-оборота. Муж смотрел на нее снизу вверх. На чуть раскосые глаза. Высокие скулы. Пухлые губы. На все те банальные журналистские штампы, что отличают просто хорошенькую барышню от писаной красавицы. Юля Козырева такой красавицей была.

«Когда Алиса Козырева вырастет, она станет очень похожа на свою маму», — подумала Женька. Он могла бы соврать себе, что не поняла взгляда, которым одаривал на снимке свою супругу губернатор, но зачем врать, когда и так понятно, — это было неприкрытое мужское желание и восхищение победителя, которому все-таки досталась по праву его Королева.

На год, который венчал старый снимок в старой подшивке, Женька так и не взглянула. Зачем... Такая любовь бывает только вечной...

Дура. Насочиняла себе. Платье купила. Зачем? Ты же никогда не будешь ему нужна. Ты подсмотрела на чужую, красивую жизнь будто бы из замочной скважины. Но это не твоя жизнь. Она тебе просто приснилась. В ночном кошмаре. Где ты, а где — она? Ну так проснись и пой, ты по-прежнему лежишь в кровати в сумасшедшем доме, а санитарка баба

Маша привязывает тебе руки тряпочкой, чтобы не брыкалась...

Нет, ты в горном ущелье — голая, униженная, убитая, и чьи-то руки терзают твою плоть...

Ты — сумасшедшая Бланш из «Трамвая желаний», придумавшая себе свой собственный мир и возомнившая, что тебя в нем можно полюбить.

Ждешь аплодисментов зрителей. Жаждешь их любви, требуешь ее и не получаешь. Потому что привыкла только отдавать — и не умеешь брать. Как там наворожила на прощание шаманиха Грачева? «Получишь или все, или ничего. Последнее — вернее».

— Женья, с тобой все в порядке? Случилось что? — Козырев смотрел на нее обеспокоенно.

— Все хорошо, Валентин Олегович. Все в порядке. Просто зуб ночью разболелся. — Она поправила простую черную юбку, которую купила в первом же магазине, даже без примерки, несмотря на возражения Бориса Палыча, и обычную кофточку с рукавами три четверти. Платье в стиле пятидесятых она бросила в свой рюкзак, так и не распаковав.

— Почему ты не позвонила охране утром? Почему поехала одна?

— Я не одна — я с Борис Палычем.

Пиарщик, стоявший рядом, важно кивнул. Он доставил Женьку обратно в резиденцию и как-то так получилось, что тоже остался на шашлыки. Не выгонять же.

Козырев хмурился. Его друг, пожилой банкир, от которого за версту несло дорожным одеколоном, вещал о каких-то своих делах, цифрах, налоговых льготах, о банкротстве предприятий и на Женьку внимания почти не обращал. Снова пришли дети. Алиса кокетливо кивнула Женьке, как давней знакомой. Аутичный Костик не удостоил взрослых взглядом.

Подали десерт. Тирамису.

— Жень, может, картошки приказать пожарить? Может, ты еще не наелась? — спросил Козырев.

— Спасибо, все было очень вкусно.

Только бы продержаться до конца вечера. А там как-нибудь. Только бы снова не сойти с ума. Как больно. Внутри. Как тогда, когда гарнизонный следователь, довольный успешно заверренным делом, сворачивал в легкомысленную трубочку ее показания. «Ничего не помню. Ничего не было. Из леса вылезли страшные-престрашные боевики». Дата. Подпись. Ее подпись. Она сама первая себя тогда и предала. Кого теперь винить? Почему к ней должны хорошо относиться люди — если она сама себя предала? Почему ее должны любить, если она себя — не любила и предала?

— А мы сегодня в центре протестующих женщин видели, — вдруг сказала Женька, просто чтобы пе-

ребить мучающие ее мысли. — Они хотят, чтобы вы им построили роддом. Говорят, что современного типового роддома в области нет.

— Денег на него в бюджете, Женя, тоже нет, — вздохнул Козырев. — Ты же понимаешь. Понимаю, чего уж тут не понимать, на Дворец дождей и Грейс Келли деньги есть, а на больницу, где рожают ваши женщины, жены и матери, не находится. Типовым роддомом в истории остаться нельзя. Это слишком мелко для великой личности. Так зачем же его тогда строить?!

Посмотрел сверх очки на Женьку московский банкир. Цикнул на нее Борис Палыч и тут же осел. И только сам Козырев отреагировал совершенно спокойно:

— Жень, если у тебя зубы болят, может, пойдем тогда в лесу погуляем?

— Под охраной? Не хочу!

Они смотрели друг другу в глаза. Он в ее. Она в его. И никто первым не собирался отводить взгляд.

— Валентин Олегович, спросить забыл: а Юлия Борисовна где? Что-то ее не видно, — вдруг перебил Борис Палыч, пытаясь замять неловкость или, скорее, непонятность для него ситуации.

Господи, какой же он... Как же можно...

— А Юлия Борисовна скоро вернется. Она в Англии — язык учит, — совершенно спокойно ответил Козырев. Снова бросил на Женьку быстрый взгляд. — Жень, может, все-таки пойдем прогуляемся?

Она хотела кивнуть и боялась. Вдруг это будет неправильно — кивнуть. Вдруг он сейчас в лесу ей скажет, что она ведет себя, как дура, а она ведь и правда ведет себя, как дура, и что тогда? Что она ему ответит? Еще разрыдается, пожалуй, и кинется ему на шею, и тогда он поймет, что ей не все равно, что она такая же, как и остальные: ради власти и денег готова кинуться на шею первому же встречному губернатору.

Тогда чем она лучше остальных? «Я знаю женщин, как облупленных», — так он, кажется, говорил ей при первой встрече?

Все одинаковые — хотят богатых и могущественных.

Одна Юлия Борисовна Козырева — первая леди — променяла деньги на любовь и ушла в никуда с нищим французи́ко-итальянцем.

Она одна поступила, как настоящая королева. И именно поэтому он ее и любит, наверное, именно поэтому...

«А ты такая же, как все», — сказала себе Женька и так ему и не кивнула.

Зато предложение Козырева насчет прогуляться понял вполне конкретно Борис Палыч. Пора, мол, и честь знать. Он вообще чего-то, кажется, сегодня

не врубался в происходящее, и только сейчас это окончательно осознал, и, чтобы не вляпаться, решил сократить количество возможных будущих ошибок до нуля. «Спасибо, Валентин Олегович, но нам с Женей пора. Некогда гулять. У Жени самолет скоро».

— Хорошо, Женя, пора так пора. Будете в наших палестинах, на пожарах или наводнениях, обязательно еще заезжайте. — Губернатор выдавил из себя мучительную улыбку.

Дурашливо пожал Женькину руку. И она — также несерьезно — пожалала его. И обещала — обязательно быть, если что... Тьфу-тьфу, конечно...

— Ты ему понравилась. Факт. Он мне сам сказал, у меня говорит, на Евгению Чернову грандиозные творческие планы... — по дороге в аэропорт вещал Борис Палыч.

— Он не оплатил мне юбку, — повторяла Женька. — Про платье я не сказала ничего, но он видел, что я купила юбку и кофточку, и не оплатил — обещал и не оплатил... — Она уже и не знала, как еще сдерживать слезы.

Борис Палыч смотрел на нее недоуменно. Больше даже на нее, чем на дорогу. «Ну ты чего? Планы у него на тебя, внакладе не останешься. Подумаешь, юбка за две тысячи рэ — когда ты на платье тысячу баксов просадила. Вот надела бы то платье, он обязательно бы заметил и оплатил... А то юбка».

— Он не оплатил мою юбку.

Рыдай, Женька, рыдай, первый раз — как в предполагаемых обстоятельствах. Ты давно не плакала — обстоятельств не было, незачем было притворяться и врать, чтобы никто и правда не догадался, что у нее на сердце. Рыдай — все-таки красный диплом в театральном дают недаром.

— И вообще у меня зуб болит. И вообще вы все мне тут осточертели... Я домой хочу. Меня дочь там ждет, а я тут с вашим губерром прохлаждалась, как будто бы мне делать нечего.

— Жень, ну ты чего?!

...Когда она уже сидела на борту «тушки», от пирщика пришла эсэмэска: «Я, наверное, дурак или ничего не понял, но у вас с Козыревым правда ничего не было? Я ничему не помешал, а, старуха? Можешь не отвечать».

И Женька не ответила.

Часть третья. Под небом голубым

«Под небом голубым есть город золотой», — задыхался в Женькином айпедэ БГ.

— Где мать?

— На кухне, пятый день ревет, эгоистка. — Алиска босыми ногами прошлепала в комнату, принесла

мне тапочки. — Теть Кать, все-таки мужики — козлы. Я так считаю. А женщины — дуры. И если бы я могла родиться еще раз, я бы родилась аквариумной рыбкой. Там даже когда плачешь, этого никто из окружающих не видит и вместе с тобой не мучается.

Я хмыкнула. Некоторым детям школа все-таки противопоказана. Боюсь, что Лиска выйдет из нее готовым доктором философии — и кому она такая умная будет нужна? Мужчины, как принято считать, любят глупых блондинок.

Женька лежала в кресле, вся сжавшись — в полукочечек. Нос у нее опух. А глаза стали узкими, как у японки. И вообще, если честно, она была не сильно... м-м-м-м... красивая. Даже непонятно, что этот Козырев в ней нашел?

— Ты чего ревешь?

— Он так и не позвонил.

— Господи, ну позвони ему сама. Он же король, ну не звонят короли простым смертным. Их женщины сами добиваются. Он и так всячески показал тебе свою симпатию. В лес звал, погулять, не приказал бросить в темницу, когда ты про митингующих тек в слух бредила — а ты взяла и вместо того, чтобы броситься ему на шею, умчалась прочь с каким-то пиарщиком.

— Он должен был догадаться... Понять... Что мне страшно... Не найдя его еще — потерять. Что я от глупости так себя вела... Что я совсем другая! Мне каждый день теперь этот дурацкий город снится. Раньше не снилось ничего, а теперь каждый день — одно и то же. Я бегу туда, к золотым куполам, хочу достичь этого волшебного города и не могу. Он ускользает все время...

— Знаешь, мать, — прервала я ее. — Догадаться, что ты хочешь или не хочешь на самом деле, невероятно трудно. Это я тебя терплю и все время обо всем догадываюсь, потому что знаю тебя сто лет, съела с тобой пуд соли и выпила ведро водки, кстати, выпить у нас есть что?

Женька на секунду умолкла и вполне вменяемо кивнула на тумбочку.

— Прекрасно, наливай, значит, это я тебя терплю, потому что деваться мне некуда, я тебя уже изучила, как облупленную, знаю, что когда ты на кого-то начинаешь наезжать, это значит, что ты на кого-то запала, а если говоришь человеку милые любезности, следовательно, в голове твоей пустота — и ты даже имени этого чувака не помнишь. Но это я знаю. А Козырев твой, скорее всего, впал в аут от твоего противоречивого поведения и до сих пор соображает, что это было...

— Он меня уже забыл. У него вообще развод. Это для него главнее. И меня он уже не помнит! — опять проревела Женька белугой.

— Ну и замечательно. А зачем тебе нужен пока еще не разведенный мужик с психологическими проблемами? Вот разведется, придет в себя, построит еще парочку дворцов и непременно вспомнит. И объявится. Хоть он и король. Уж поверь мне, дорогая подруга, что забыть тебя, такую еб...ю, абсолютно невозможно... Отцу хоть звонила, чтобы денег прислал? Ну это ж надо — потратить на платье все деньги с зарплатной карточки. Оно хоть того стоит?

— Сто-о-оит... Деньги родители выслали, сказали, что молодец — давно надо было гардероб поменять. Их мои вечные джинсы тоже уже достали.

— Ну, показывай обновку.

Женька умчалась к шкафу. Мне кажется, что я одна знаю, как ее успокоить.

Что ж, давайте познакомимся: я Катя Сажнева, Женькина лучшая подруга и тоже по совместительству журналистка. Мне кажется, что у нас с Черновой нет ничего общего. Она — натуральная русая. Я — крашенная блондинка. Она вся состоит из чувств и междометий. А я весьма расчетлива и кому-то даже покажется — цинична. Я знаю людей и их пороки с недостатками.

А Женька верит в их бессмертные души. И во всяческую муру типа вечной любви. Верит так неистово и дерзко, что достала, наверное, не только меня — но даже и небо. Поэтому оно ей теперь и снится. Достает в ответ.

Сигнализирует: ау, Женька, только протяни руку — и все твои желания исполнятся. И это не ты должна мчаться сейчас за этим ускользающим городом на горизонте, нет, постой, отдохни, ты давно за ним уже бежишь, постой, и он сам к тебе придет — ты уже расплатилась сполна за то, чтобы жить в этом городе.

— Позвонит.

— Не позвонит.

— Позвонит.

— Не позвонит.

— Ну сама тогда позвони...

— А зачем? Он говорит, что не хочет тех женщин, с кем разговаривает по душам. — И снова разрывающее душу «а-а-а-а-а-а»...

— Слушай, мужики иногда такую дурь порют, когда хотят бабу в постель затащить, ты их только слушай и им верь. Стал бы он с тобой полтора года валандаться, если бы не хотел. Он же видит, что ты не два и не полтора, вот и не приставал — из-за шторы за озером, как ты купаешься, подглядывал. Приличный вполне мужик с нормальными реакциями.

— Я боюсь, он же не знает про изнасилование...

— И не узнает, пока ты ему сама не расскажешь. Не объяснишь все странности своего поведения. А сейчас, судя по поведению, он решил, что ты фригид-

ная корова, у которой только пожары, пикеты и наводнения на уме.

— Позвонит он? Ну скажи, позвонит?

— Не позвонит... Отстань! Он... он тебе телеграмму пришлет, правительственную молнию.

— Почему? — мгновенно заткнулась Женька.

— Ни почему. Потому что он тоже тебя боится. В этом, в любви, все люди — что мужики, что бабы, — все, как дети, одинаковые...

И я раскупила еще бутылочку.

Меланхоличная восьмилетняя Алиска бродила по кухне, периодически мыла за нами посуду, обнимала мать, корчила рожи мне, пыталась играть в игры на айфоне и наконец заявила:

— Знаете, тетя Катя, когда я вырасту — выйду замуж только за президента. Может быть, хоть он не такой мямля, как это ваш губернатор. Если бы он слышал, как мама переживает, он бы ей не только позвонил, он бы к ней на истребителе прилетел. Это ж невозможно — так надрывать! А мне все это слушать! Я и так из-за вас пропустила свою любимую «Ханну Монтану».

На самом деле мне так их было жалко. И мать, и дочь. И я не знала, как им помочь. Самой, что ли, этому губернатору позвонить. Нет, нельзя. Возьмет еще и в меня влюбится — не могу же я подложить лучшей подруге такую свинью... Шутка.

Но все равно — это не моя история. И решать, что делать с ней дальше, могут только они вдвоем. Хотя я ведь могу об этом написать. Рассказать эту сказку так, как я сама ее представляю. О смелой трубадуре (а кто есть журналист, как не кочующий по свету трубадур?), которую не сломали ни боль и ни смерть, ни предательство и которая — несмотря ни на что — до

глупости, до детсадовского наива, пройдя огонь, воду, да, пожалуй, и медные трубы, все еще верит в любовь...

И о чуде короле, строящем воздушные замки и ищущем свою королеву не там и не в тех. Хоть бы Русалочку у Ганса Христиана Андерсена почитал, что ли...

Я могу написать об этом. Я обязательно напишу. Но все равно это будет не их реальная жизнь, а мое представление о ней, моя маленькая искривленная сознанием вселенная, в которой события будут происходить так, как я хочу, что-то — уходить в тень, а что-то — важное для меня самой — выдвигаться на первый план, но это будет не их мир — а мой, и тот хеппи-энд, который я могла бы для Женьки нарисовать... я не думаю, что Женька достойна этого высосанного из пальца хеппи-энда...

И все-таки я попробую. Потому что все здесь правда. И моя героическая подруга. И сентиментальный романтик-губернатор. С его медными в голове трубами. А те, кто не верит в сказки, пусть наберут в «Википедии» «российский памятник Грейс Келли, город Красин» — и тут же выпадет с десятков фоток...

Женька наконец заснула, все так же всхлипывая во сне. Лиска где-то в ее ногах прикорнула тоже. Я укрыла их пледом. Выключила газ. На всякий случай. И села у окна. И включила свой компьютер.

В классических американских кинофильмах, тех, в которых играла и будущая Монакская принцесса Грейс Келли, есть традиция: в первый съемочный день почему-то всегда снимают финал, разбивают тарелку и ставят последний кадр, чтобы уж точно домчаться от конца к началу...

Сделаю так и я. Чтобы самой из-за этих дураков не нервничать...

* * *

Правительственная. Молния. «Комсомольская правда». Черновой Жене. Четыре месяца спустя.

«Первого ноября закладываем новый роддом на тысяча двести мест тчк Строительство типовое зпт ускоренная технология тчк Понимаю зпт не мировая сенсация зпт но надеждой жду скорую встречу тчк Р. С. Озеро замерзло зпт бассейн с джакузи гарантирую однозначно».

Игорь МИХАЙЛОВ

Если в поисковике Yandex'a отыскать Игоря Михайлова, то первым делом выскочит, как черт из табакерки, депутат питерского закса, потом пойдет отечественный кроликовод, а сайт города Железногорска утверждает, что в «2006 году прошли похороны лучшего в городе предпринимателя и просто хорошего человека — Игоря Михайловича Михайлова».

Пару лет назад сайт «Эха Москвы» анонсировал, что Игорю Михайлову исполнилось сорок четыре года и он родился в Нарве!

Есть и еще несколько Игорей Михайловых: сочинитель матерной поэмы, певец, философ, больной эпилепсией и т. д. Словом, выбирай не хочу.

Где-то между персонажами этой большой и дружной семьи Михайловых существую и я. Один из многих Игорей Михайловых. Родился в Питере. И это объясняет, но отнюдь не оправдывает, все остальное: кролиководство (кролиководом я быть хочу, но не могу), депутатство (депутатом могу, но не хочу), певческий талант (певцом быть не могу и не хочу). В сухом остатке — философ, эпилептик и по совместительству редактор отдела прозы журнала «Юность».

Игорь Михайлов

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЯДЯ ВАЛЯ!

О ПОЭЗИИ ВАЛЕНТИНА БЕРЕСТОВА

Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и в сад.
Двор пустой. И никого в саду.
Как же я товарищей найду?
Никого... А все же кто-то есть.
Пусто... Но они должны быть здесь.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать!

Такие вроде бы немудреные и простые строки из стихотворения «Прятки». Этого поэта, родившегося 1 апреля 85 лет тому назад в городе Мещовске под Калугой в семье учителя, нельзя терять.

Валентин Дмитриевич Берестов!

В дневниках Чуковского читаем: «В Ташкенте под весенним дождем я познакомился с исхудалым и болезненным мальчиком, который протянул мне тетрадку полудетских стихов и сказал: “Если эти стихи вам понравятся, я буду писать дальше”. Потом

помолчал и прибавил: “Если же они вам не понравятся, я все равно буду писать дальше”».

Сегодня в это поверить можно с трудом, особенно тем, кто знал Берестова, человека деликатного, скорее даже мягкого. Ну а тогда Берестов не обманул ожидания Корнея Ивановича. Он стал поэтом, немного подражая своему учителю. Берестов стал детским поэтом, но его детскость сродни ребячьей наивности. Поэтому так трудно разделить творчество Берестова на детское и не детское.

Знаменитый Чуковский не только дал юноше путевку в жизнь, но и в буквальном смысле спас его от голодной смерти, накормил, обул, одел: «Этот четырнадцатилетний хилый подросток обладает талантом огромного диапазона, удивляющим всех знатоков. Его стихи классичны в лучшем смысле этого слова, он наделен тонким чувством стиля и работает с одинаковым успехом во всех жанрах, причем эта работа сочетается с высокой культурностью,

с упорной работоспособностью. Его нравственный облик внушает уважение всем, кто соприкасается с ним».

Золотые и не пустые слова! Чей нравственный облик сегодня нам внушает уважение?

Вы можете сказать? Я, к сожалению, нет.

Но дело не в этом. Мне в 1994 году посчастливилось убедиться в справедливости слов дедушки Корнея самолично, когда я брал у Валентина Дмитриевича интервью.

Об интервью для газеты «Домашнее чтение» мы договорились довольно быстро. Чуть позже, когда на пост губернатора Московской области придет генерал Громов, газету закроют. А тогда, едва услышав название, Берестов просто сказал:

— Конечно, приезжайте!

И я приехал в его небольшую квартирку на Юго-Западе. Нашел ее с трудом, опоздал, но Валентин Дмитриевич даже не выказал раздражения по этому поводу. Широко улыбнулся мне с порога, как будто встречал самого дорого гостя.

Мне было не по себе. Я даже на всякий случай обернулся. Уж не прячется ли кто за моей спиной? Но нет, ждали именно меня. Хотя мы до этого не

были с ним знакомы. Он провел меня в кухню и сказал:

— А сейчас мы будем есть творожок, возражения не принимаются!

Наверное, параллели с Ташкентом тут не вполне уместны, все же 90-е — не Великая Отечественная и не эвакуация. Да, зарплата у меня была не ахти какая, естественно, ее не хватало, но я не голодал, конечно. Может, выглядел не весьма убедительно. А все равно эта доброта, радость от общения с человеком пиущим — этим счастьем просто-таки светился Берестов — досталась и на мою долю.

Мы говорили очень долго, говорили о Пушкине (мало кто знает, что Берестов ко всему прочему еще и пушкинист), он читал свои стихи:

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

Валентин Дмитриевич хотел издать словарь Даля для детей. Очень благородная, но совершенно утопическая идея, подумал я. Словом, общение

вышло далеко за рамки интервью. А потом я узнал от знакомых, что Валентин Дмитриевич со всеми такой вот добрый и открытый человек. Никто и никогда о нем не сказал худого слова!

И еще немного о поэте Берестове. Берестов — поэт, в этом не надо никого убеждать, особенно сегодня. Он дебютировал со своими стихами в «Юности» в 1955 году, вместе с «Юностью», в самом первом номере.

Экзамен

Роса, и тающий туман,
И расставанье под часами,
А после — голову под кран
И без задержки — на экзамен.

Чуть притушив сиянье глаз,
Таких восторженных, влюбленных,
Он начинает свой рассказ
Про наших предков отдаленных.

Теряясь от избытка чувств,
Он говорит про жизнь былую,
И те слова слетают с уст,
Хранящих свежесть поцелуя.

Для поздравленья на момент
Его задерживая руку,
Профессор думает: «Студент,
Что говорить, влюблен в науку!»

Вот и все. Такое маленькое, простое стихотворение, сквозь которое как сквозь только что вымытое окошко проглядывает солнце.

Так уже больше никто не напишет. Не только потому, что сегодня поэзия — это усложненная форма

рефлексии автора по отношению к собственной персоне, непонятой и недооцененной, а просто потому, что те люди были сделаны из совсем другого теста. Их сегодня называют «совками». Но была в этих «совках» совестливость и любовь к окружающему пространству как к своему, родному. Они не стыдились называть это родиной, гордились ею. Нам сегодня их не понять.

Думаю, что немалая заслуга в таком отношении к жизни у Берестова от Чуковского.

Чуковский так и остался для Валентина Дмитриевича нравственным камертоном, которым он поверял свое творчество:

К чему крутиться белкой?
Вам, видно, платят мало?
Не вижу в этом смысла, —
Вздыхнул Чуковский. — Хватит,
Пишите бескорыстно —
За это больше платят!

Словаря Даля для детей Валентин Дмитриевич так и не дождался. Он вышел в свет в 2001 году, спустя три года после того, как Берестова не стало. Но хочется сказать об этом словами самого поэта:

...Я не верю в опустевший двор.
Я играю с вами до сих пор.

Берестова нет, но мой сын учит наизусть и читает его стихи. А в кабинете «Юности» со стены на меня смотрит Валентин Дмитриевич. Он улыбается самой доброй в мире улыбкой, какой может улыбаться незнакомый человек незнакомому. И я ему всегда говорю:

— Здравствуйте, дядя Валя!

От редакции

Уважаемые читатели! Мы оценили, с какой теплотой было воспринято появление новых произведений Анатолия Алексина на страницах «Юности» (№ 11, 2012 год).

Отклики многочисленны и разнообразны. Перед вами лишь некоторые из них.

Предлагаем также вашему вниманию и журнальный вариант библиографического очерка о сотрудничестве Анатолия

Георгиевича с «Юностью». Автор — супруга писателя, Татьяна Евсеевна.

Всегда особенно интересны взгляд и позиция самого близкого человека.

...**Т**рудно выразить словами, как нас обрадовала «Юность». Тут же, естественно, прочитали «Обгон» и «Шаги» Анатолия Алексина и... заплакали. Потому что так жалко стало обижаемых, так больно за безвинно страдающих... И (в который уже раз) мы удивились тому, как точно и тонко Анатолий Георгиевич Алексин может рассказать о самых страшных человеческих грехах — неблагодарности и зависти. Казалось бы, писатель рассказывает о самых

обыкновенных жизненных ситуациях, а в итоге... Какое обличение человеческих пороков, какая действенная наука для кого-то!

Хочется надеяться, что не один сын, прочитав «Шаги», одумается и станет более внимательным к своей матери. А где-то человек перестанет изнемогать от чувства зависти. И как поднятые Алексиним в сюжетах проблемы всегда оказываются современными!..

Нелли, Эдуард

...**И**скренне поздравляем Анатолия Георгиевича Алексина со знаковым событием: публикацией новых произведений в журнале «Юность», в котором когда-то увидели свет первые литературные опыты классика. Творчество Анатолия Алексина, утверждающее гуманистические духовные основы, снискало заслуженное признание у миллионов читателей нескольких поколений в России, Израиле и во всем мире...

*Россотрудничество,
представительство в государстве Израиль*

...**П**олучила журнал «Юность», где Анатолий Георгиевич Алексин так замечательно представлен, счастлива была видеть, что в составе редколлегии — его имя. А сегодня уже прочитала тексты — прекрасная подборка...

Дина Рубина

Татьяна АЛЕКСИНА

Татьяна Евсеевна Алексина родилась в Москве в семье с трудной судьбой. Мама — потомственная дворянка старейшего российского рода Елчаниновых, почти поголовно уничтоженных революцией семнадцатого года. Папа — инженер-строитель железнодорожных мостов, идеалист-романтик, приехавший в 1926 году из Германии в Россию строить социализм. Талантливый специалист с европейским образованием был сначала востребован новой властью. Но в годы сталинского террора снят с должности главного инженера Мостотреста СССР, арестован и в возрасте тридцати трех лет расстрелян в магаданской тюрьме. Судьба семьи репрессированных сказалась на Тане в годы ее взросления. Однако она окончила 1-й Ленинградский государственный институт иностранных языков (английский факультет).

О своих предках с обеих сторон Татьяна написала в книге «Семьи и судьбы», которая вскоре стала основой новой большой книги воспоминаний «Неужели это было?..» (см. сайт Анатолия и Татьяны Алексиных anatoly-aleksin.com).

Работала литературным редактором издательства «Иностранная литература». Затем многие годы была ответственным секретарем Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, а последние семнадцать лет своей трудовой жизни отдала служению подрастающему поколению страны на посту заместителя председателя Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР.

Она — заслуженный работник культуры России и Грузии. За многолетний творческий путь ей присвоено звание «Ветеран труда», награждена медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд». Татьяна Алексина — лауреат премии «Сострадание» за благотворительную деятельность, почетный председатель общества «Любовь к жизни», помогавшего онкологическим больным, жертвам Чернобыля. Татьяна награждена редкой медалью «За мужество в замужестве». Уже сорок пять лет она — супруга и верный соратник писателя Анатолия Алексина, который постоянно упоминает о ее роли в своем творчестве. Вот лишь одно из многих посвящений: «Посвящаю любимой жене — Татьяне Алексиной, чей человеческий и творческий дар всегда взыскательно поддерживает меня и во всем мне помогает» (к роману «Сага о Певзнерах»).

Татьяна Алексина часто печаталась в газетах и журналах России и зарубежных стран.

ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА И ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1.

В конце 1954 года в Москве состоялся Второй съезд писателей СССР, одним из решений которого было создание журнала для молодежи — литературно-художественного иллюстрированного журнала «Юность». Инициатива создания такого журнала принадлежала известному талантливому русскому писателю Валентину Катаеву. Его перу к этому времени принадлежали пьеса «Квадратура круга», роман «Время, вперед!», повести «Белеет парус одинокий», «Сын полка», рассказ «Отче наш»... Он и был назначен первым главным редактором нового журнала (1955–1961). Предполагалось, что авторами «Юности» будут как начинающие писатели, так и маститые, но создающие произведения для молодого читателя. Первый номер журнала вышел в июне 1955 года.

Участником Второго съезда писателей СССР был и Анатолий Алексин, уже напечатанный в центральной прессе более семидесяти стихотворений, несколько рассказов, повести «Тридцать один день», «Отряд шагает в ногу»...

Валентин Петрович, оказалось, следил за творчеством молодого писателя, но одобрил не «поэтический дар» Анатолия, а его прозу, в которой рассмотрел редкое сочетание серьезных жизненных проблем подрастающего поколения с юмором. Поэтому когда Алексин написал в 1955 году повесть для молодежи «Записки Эльвиры», Катаев тут же принял это произведение. Тема борьбы с мещанством была близка Катаеву («Квадратура круга»). Повесть была напечатана в пятом номере журнала «Юность» в 1956 году, имела шумный читательский успех. «Литературная газета» выступила со статьей «Обличение мещанства», а Лев Абрамович Кассиль написал большую статью в «Советской культуре» — «Мамина дочка встает на ноги...». По мотивам повести в 1959 году был снят фильм «Я к вам пишу», где роль мамы героини Эльвиры исполнила знаменитая актриса Зоя

Федорова, вернувшаяся в Москву после многих лет, проведенных в ГУЛАГе.

2.

Вторым главным редактором «Юности» стал тоже очень известный писатель и общественный деятель Борис Николаевич Полевой, успешно возглавлявший популярнейший журнал в течение двадцати лет, с 1961 по 1981 год, до дня своей кончины.

Именно Борис Полевой пригласил Анатолия Алексина в состав редакционной коллегии журнала «Юность», где тот стал курировать еще и отдел прозы. Благодаря этому и я прочитывала на протяжении этих двадцати лет верстку очередного номера от первой до последней страницы. Спасибо журналу за такое знакомство со всеми жанрами литературы того времени!

До 1966 года Анатолий Алексин публикует в основном произведения для подростков, собранные в сборник «Пять веселых повестей» (1964), затем выходят повести «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» (1965), «В Стране Вечных Каникул» (1966), несколько рассказов, адресованных взрослым читателям. Все эти «детские» повести имеют счастливую творческую судьбу, ибо издаются большими тиражами и по сию пору.

Но в том же 1966 году Анатолий Георгиевич приносит в «Юность» повесть «А тем временем где-то...», написанную в предыдущем году и обращенную уже к старшему читателю. Борис Николаевич Полевой с большим одобрением принял новую работу Алексина и своим зеленым фломастером начертил на рукописи «В печать». Так в двенадцатом номере журнала за 1966 год впервые вышла эта повесть, изданная в будущем более сорока раз и переведенная, по моим сведениям, на тридцать пять языков мира. В центральной прессе были напечатаны свыше семидесяти рецензий, ибо о том, «как становятся

взрослыми», «как воспитывается ответственность перед будущим», «как уплывают корабли детства», «как не проходят мимо чужой беды», «как происходит воспитание чувств», «как ценится превыше всего справедливость» — в общем, «О людях лет тринадцати и о каждом из нас» (Игорь Шайтанов, журнал «Знамя», № 7, 1978 г.) и о многих других нравственных проблемах рассказала тогда повесть Алексина. Она стала началом нового этапа в творчестве писателя. Инсценировка произведения под названием «Обратный адрес» обошла сотни ТЮЗов страны. За пьесы «Обратный адрес» и «Звоните и приезжайте!..» Анатолий Георгиевич удостоен Государственной премии России. Создан также фильм «Фотографии на стене». «А тем временем где-то...» не потеряла со временем своей злободневности и нужности в воспитании чувств добра и справедливости.

В 1966 году Алексин пишет новую повесть «Мой брат играет на кларнете» и приносит ее Борису Николаевичу. С тех пор распоряжение главного редактора «В печать!» всегда предшествовало его знакомству со всеми новыми произведениями Анатолия Георгиевича. А после прочтения тоже всегда посылалось, опять же написанное зеленым фломастером, письмо с самыми добрыми словами к автору. «Мой брат играет на кларнете» опубликована в № 8 «Юности» в 1967 году. Переиздана повесть более тридцати раз, переведена, опять же по моим сведениям, на сорок один язык, инсценирована, экранизирована («Сестра музыканта»), отмечена многими десятками статей и рецензий.

Несколько слов о спектакле «Мой брат играет на кларнете» и о повести, ставшей основой того ослепительного действия, которое было впервые воссоздано в Московском театре юного зрителя. Подчеркну, что повесть и пьеса прежде всего — не о локальных отношениях между талантливым братом-кларнетистом и его юной сестрой. А о праве или не праве кого-то вмешиваться в жизнь другого человека. Женька, героиня повествования, решившая сделать ставку в своей жизни не на собственные возможности и деяния, а на чужой божий дар, очень бы облегчила себе жизненную программу. И, не совершив еще ничего доброго для брата, уже присвоила себе право распоряжаться его судьбой: бесцеремонно посягнула на юношескую любовь, чтобы она, любовь, не отвлекала его от завоевания будущей славы!

На спектакли «Мой брат играет на кларнете» в моем архиве зафиксировано шестьдесят три рецензии.

3.

Читатели журнала, мечтавшие познакомиться с новым произведением Анатолия Алексина, не были обмануты: в пятом номере за 1968 год появилась повесть «Поздний ребенок». Она переиздана более тридцати раз тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, переведена на тридцать два зарубежных языка, получила отклик в более чем сорока рецензиях. Переведенная в Америке на английский язык повесть была выдвинута на престижную премию Ассоциации американских библиотек за «Лучшую книгу о детстве для взрослых» в 1973 году. (Замечу, что это были годы холодной войны между странами Запада и СССР.)

Прочитую несколько строк из очень дорогой для Алексина статьи великого режиссера Анатолия Эфроса в книге «Репетиция — любовь моя» (1975). «...Чувствовать в самой жизни — это одно. Об этом, как говорится, не приходится заботиться. Случилось несчастье — и ты несчастен. Случилась радость — и ты рад. А вот в искусстве совсем другое. Случилось несчастье, но оно не твое, оно придумано, оно случилось с совершенно воображаемым человеком. А ты должен стать несчастным и заставить других грустить. Уметь чувствовать в искусстве — это совсем не то, что чувствовать в самой жизни. И это, надо признаться, привилегия не каждого художника. Кто-то умеет мыслить, кто-то сопоставлять и философствовать, кто-то смешить, кто-то умеет делать вид, что чувствует. Но ЧУВСТВОВАТЬ все же могут далеко не все. И их отличаешь. К ним возникает ответная нежность. Потому что в истинном чувстве есть что-то совсем живое, родное. И удивительно близкое». Эти слова — об Анатолии Алексине.

4.

В 1968 году писатель обращается к новому жанру в своем творчестве — детективу. «Очень страшная история. Детективная повесть, которую сочинил Алик Деткин». Напечатана она была в первом номере «Юности» в 1969 году. К моменту написания данного эссе (август 2012 г.) она переиздана (опять же по моим записям) тридцать четыре раза тиражом около пяти миллионов экземпляров, переведена на тридцать семь языков (прекрасно издана с завлекающими иллюстрациями в США, Франции, Германии, Польше, Индии, Японии и, разумеется, в Москве). Тридцать четыре книги на русском языке плюс тридцать семь книг на зарубежных — это более семидесяти книг для одной повести! А о скольких изданиях по миру в постсоветское время я не ведаю... Успех был феноменальный. В моем архив-

Татьяна и Анатолий Алексины

ном рукописном гроссбухе значатся около сорока рецензий. Среди них — знаменательная по оценкам статья авторитетнейшего (и, как считалось, «сердитого») литературоведа Владимира Турбина, опубликованная в журнале «Дружба народов» в восьмом номере того же 69-го, «Алик Деткин пишет роман». Заканчивалась она почти молитвой: «Я молю Бога: убереги эту повесть от продолжений, экранизаций и инсценировок: она уникальна, и ее предназначение быть единственной в своем роде!» Повесть читалась на концертах, разыгрывалась в коллективах художественной самодеятельности. Да и сам Анатолий Георгиевич написал продолжение — «Покойник оживает и начинает действовать. Вторая очень страшная история (еще пострашней первой!)». Опубликована она, скажу, забегаая вперед, в «Юности» в 1992 году. И тоже обрела признание и успех.

«Алика Деткина» читатели разных возрастов воспринимают по-своему: юные — впрямую, как увлекательный и веселый детектив, хотя эта книга, написанная с большим юмором, — едкая сатирическая пародия на детективную литературу невысокого уровня. Взрослый читатель улавливал в те годы на ее страницах замаскированное осуждение пагубности любого культа личности, разлагающего объект воспеваания, а его окружение превращающего в подбострастных рабов. Заключительные слова повести, вложенные в уста ее героини Наташи, в том числе говорят и об этом: «Если слабый и глупый человек жесток — это противно. Но если умный и смелый жесток — это страшно...»

Вторая «история», так же как и первая, — не просто о смешных и увлекательных приключениях. По сути, она обнажает весьма частое стремление людей, отягощенных постыдными пороками, спрятать их от окружающих хитрыми, а то и самыми невообразимыми способами. Эти обманы, которым многие поддаются, сбивают окружающих с толку и приводят к горьким разочарованиям, а то и драмам. Из сотен писем с откликами на повесть приведу два

отрывка из последних — от взрослого человека и от школьника, ученика седьмого класса.

Вера Клинг через тридцать с лишним лет после публикации повести написала: «Хочу Вам высказать общее мнение трех поколений нашей семьи... о повести “Очень страшная история” (“Тайна старой дачи”). Уже очень много лет мы периодически перечитываем ее вслух и умираем от смеха. Цитаты из этой повести навечно поселились в нашем доме и стали семейным фольклором. Каждый раз, когда мы читаем ее и вместе хохочем, возникает ощущение какого-то счастья — на время чтения все проблемы отходят в сторону, и делается просто хорошо и спокойно на душе. Спасибо Вам за эту повесть и, конечно, за многие-многие другие прекрасные книги (особенно за “Сагу о Певзнерах”)».

А. Саянов, седьмой «А» класс, школа № 81 (город мальчик не указал): «Я недавно прочел повесть Анатолия Георгиевича Алексина “Очень страшная история”. Из всех прочитанных мною произведений эта повесть понравилась больше всех. Она учит нас добиваться уважения людей честным путем без всяких козней и каверз. Надо самому каждый день писать свою биографию. Ведь жизнь нам дана только одна, и прожить ее мы должны с честью. И еще мне понравились слова в конце повести...» Мальчик цитирует слова Наташи и считает, что умный и смелый человек должен быть добрым. Так один взрослый счел, что в произведении звучит протест против культа личности, другой восторгается блестящей формой изложения, и подросток тоже проникся серьезностью поднятых в повести проблем. Но ни для кого повествование не стало безразличным...

5.

В январе-феврале 1971 года во время нашего «отдыха» в Сочи Анатолий Алексин написал пьесу «Обратный адрес» и новую повесть «Действующие лица и исполнители». Центром ее сюжета стало непримиримое столкновение между подлинностью и мнимостью. «Моцартианство» столкнулось с «сальеризмом» (если, употребляя эти термины, иметь в виду «маленькую», но по-пушкински значительную трагедию).

Опубликована повесть в одиннадцатом номере «Юности» за 1972 год. У меня на нее числятся сорок две рецензии, переиздана она свыше двадцати раз, переведена на более чем десять языков мира. По ней поставлен спектакль в Молодежном театре-студии Вячеслава Спесивцева «Не больно?», пользовавшийся широкой популярностью и заслуживший высокие оценки взыскательных зрителей. Среди них были известнейшие драматурги, режиссеры, кри-

тики, литературоведы — Виктор Розов, Афанасий Салынский, Павел Хомский, Лев Аннинский, Константин Щербаков, Анатолий Смелянский, Галина Кожухова, Владимир Соловьев, Игорь Мотяшов и многие другие благодарные поклонники талантов автора, режиссера и уникального молодежного коллектива. На спектакль я зафиксировала двадцать семь рецензий. Вот только несколько названий, говорящих о необычности той инсценировки: «Театр с Красной Пресни — на сцене гости!», «Ромео с Красной Пресни», «Люди из страны детства», «Мера твоего присутствия», «Видеть динамику детства», «Великие люди в нашем возрасте», «Пространство для игры»...

По повести снят фильм «Накануне премьеры» (1977) на киностудии имени Довженко в Киеве. О фильме на моем учете — двадцать рецензий. Значит, сорок две рецензии на повесть, двадцать семь — на спектакль, двадцать — на фильм: итого восемьдесят девять. А в скольких умах, сердцах и душах остался след от прочитанной повести (только журнал вышел тиражом в два миллиона экземпляров!), от увиденных спектакля и фильма. В 1976 году за книгу «Действующие лица и исполнители», включившую в себя десять последних повестей писателя, решением жюри Международного совета по детской и юношеской литературе А. Г. Алексин включен в Международный почетный список имени Г.-Х. Андерсена с вручением диплома имени Андерсена. А в 1978 году эта повесть наряду с еще тремя другими произведениями была награждена Государственной премией СССР. Повесть короткая — всего шестьдесят страниц, написана за очень недолгое время. Но коли утверждение классика правильно, что «краткость — сестра таланта», то Анатолий Алексин обладает именно таким редким даром. Наивно полагать, что сотворить короткую повесть проще, нежели, допустим, роман. Повесть, думаю, даже сложнее, ибо в ней нужно на ограниченном пространстве умудриться уместить все то же самое, без чего не может обойтись ни один роман: характеры человеческие и характер эпохи, взаимоотношения персонажей, конфликты, неизбежно возникающие между ними, завязку, кульминацию и развязку отнюдь не второстепенных событий, мир, окружающий главных героев, общество... Краткость повествования ни от чего этого автора не избавляет. Прочитав Игоря Мотяшова («Роман-газета», № 11, 1980 г.): «Хотя Анатолий Алексин чаще всего называет свои произведения повестями, по числу печатных знаков это скорее большие рассказы, а по объему художественной информации — романы».

Промежутки в годах, когда в «Юности» не публикуются новые повести Анатолия Георгиевича,

не означают, что он бездействует. Один за другим выходят фильмы «Ленуся», «Право быть ребенком», «Ура, у нас каникулы!», «Поздний ребенок», «Накануне премьеры», «Необычайные похождения Севы Котлова», «Фотографии на стене», «Сестра музыканта», «Расписание на завтра»... В десятках театров ставятся пьесы «Мой брат играет на кларнете», «Обратный адрес», «В Стране Вечных Каникул», «Звоните и приезжайте!..», «Десятиклассники», «Молодая гвардия», «Не больно?», «Поздний ребенок», «Самая страшная история», «Пойдем в кино?», «Сигнальщики и Горнисты»... В центральных газетах страны и в других, кроме «Юности», журналах публикуются и новые повести, рассказы писателя. Более десяти лет Алексин ведет по центральному телевидению авторскую передачу «Лица друзей» — своеобразная помощь родителям и педагогам со стороны выдающихся деятелей культуры и науки: как, уделяя внимание не только нынешнему юному поколению, но и грядущему, поступать самым мудрым и вообще наилучшим образом в трудных с педагогической точки зрения ситуациях.

6.

Но в четвертом номере «Юности» за 1974 год публикуется опять же написанная в Сочи повесть «Позавчера и послезавтра» тиражом в два миллиона экземпляров. Переизданная в последующие годы более двадцати раз, она достигла тиража почти в пять миллионов. Переведена на семнадцать языков. По мотивам повести снят фильм «Чехарда», где в главных ролях снялись выдающиеся актеры Евгений Лебедев и Алиса Фрейндлих. В 1976 году она удостоена андерсеновских наград, а в 1978 году — Государственной премии СССР.

Как я уже упоминала, писатель Алексин важные и важнейшие для него критерии и истины, к сожалению, часто людьми нарушаемые, упорно провозглашает в своем творчестве, не ограничиваясь «однообразным» сюжетом. Так и в этой повести (названной трижды по-разному: «Позавчера и послезавтра», «Хор и дирижер», «Чехарда») еще настойчивей и категоричней, чем в предыдущих произведениях, отстаивает свою идею о том, что перечеркивать память о подаренном добре — это непростительный грех. И повторяет: «Тот, кто не помнит вчерашнее, тот и сегодняшнее забудет». Он часто повторяет, что в Девятом круге «Дантова ада» мучаются даже не убийцы, а предатели благодетелей, то есть люди, не помнящие добра. Или те, кто платит злом за добро. Это повесть еще и о том, что нередко сама жизнь напоминает «чехарду», когда во имя карьеры, наживы некоторые личности перепрыгивают через других —

и даже через тех, кому всем на свете обязаны. Можно, к сожалению, сказать: вся жизнь человеческая — бесконечная и, увы, столь часто жестокая «чехарда». Непредсказуемой «чехардой» порой становятся и глобальные, глубинные политические и экономические события, которые коренным образом влияют на судьбы миллионов людей.

7.

В 1975 году — опять же во время очередной, но на сей раз весенней, поездки в Сочи Анатолий Георгиевич написал ставшую сразу очень популярной повесть «Третий в пятом ряду». В «Юности» она была напечатана в октябрьском номере тиражом два миллиона шестьсот тысяч экземпляров. В последующие годы издана в сорока сборниках повестей и рассказов тиражом около восьми миллионов. Я записала названия сорока девяти рецензий и эссе на эту повесть, которые сумела собрать. Переведена она на двадцать восемь языков мира (?), в том числе на такие редкие для переводов языки, как суахили, персидский, греческий, вьетнамский, испанский... В Китае издана двадцать одна книга произведений Алексина, так что эта повесть переведена и на китайский язык. По ее мотивам снят телефильм, главную роль в котором исполнила одна из лучших актрис театра «Современник» Алла Покровская. «Третий в пятом ряду» прочитан по Всесоюзному радио в декабре 1975 года народной артисткой СССР Фадеевой. Сделана радиопостановка Павлом Хомским с помощью Анатолия Смелянского в 1980-м, которая была многократно повторена. В 1978 году — Государственная премия СССР (наряду с тремя другими повестями).

Хотя повесть не документальна, ее юный герой имеет прообраз. Это школьный друг писателя, погибший в боях с гитлеровцами.

«Каждый на земле (каждый!) должен иметь мужество принести покаяния многим людям — прежде всего своим близким. Ни в чем не повинных людей на свете нет», — утверждает Алексин на многочисленных встречах с читателями, в своих выступлениях по радио и телевидению, в публицистических статьях... Эту же нравственную идею проповедует также повесть «Третий в пятом ряду», которая и есть (от первой до последней страницы) покаяние старой учительницы, не сумевшей оценить, распознать благородную душу своего ученика при его жизни.

Поразительно, но в том же 1975 году, опять же в Сочи, Алексин написал другую повесть — думаю, из числа его наиболее популярных и широко обсуждаемых произведений, — «Безумная Евдокия» (прямо-таки «сочинское лето»!).

Вначале название было иным: «Оленька», ибо так зовут центральную героиню — одаренную девочку, проявлявшую способности к живописи. В повести в который раз, но на совершенно новом материале, поднята проблема действительно «безумной» опасности культа личности. Попытки учительницы — «безумной Евдокии» — образумить юную эгоистку не привели к благополучным результатам. Акцент повествования по мере работы над ней сместился, и было решено представить повесть под именем-прозвищем учительницы. Напечатана она была в шестом номере «Юности» за 1976 год, а затем переиздана в сорока других книгах только на русском языке (тираж более десяти миллионов экземпляров) плюс на двадцати четырех зарубежных языках (сведения советской организации ВААП). В сравнении с другими повестями она побил рекорды по количеству появившихся статей и рецензий — восемьдесят пять названий числятся в моих записях. Дискуссии и споры не умолкали и после ее публикации — они страстно продолжались и на страницах прессы, и в тысячах полученных нами и журналом «Юность» писем. По повести поставлен радиоспектакль (режиссер Юрий Маркелов). Главные роли исполняли О. Табаков, Л. Нифонтова, Р. Пашкова, И. Муравьева. В 1978 году — Государственная премия СССР.

Талантливость произведения признавали все откликнувшиеся корреспонденты, но вот образ «безумной Евдокии» и ее методы воспитания оценивались по-разному. И это, на мой взгляд, закономерно: интересные, необычные произведения не вызывают мнений сговорчиво одинаковых. Среди многих почитаемых людей назову тех, кто поделился своими раздумьями в связи с появлением в «Юности» «Безумной Евдокии»: Егор Яковлев, Лев Разгон, Игорь Шайтанов, Сергей Чуприн, Андрей Нуйкин, Федор Чапчухов, Александра Пистунова, Сергей Сивоконь... Профессор кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Галина Викторовна Якушева пишет Алексину в письме от 31 марта 2004 года: «Над вашими книгами я смеялась и плакала (больше второе) от переизбытка чувств в годы молодости, размышляла в зрелости и тоскую сейчас, на склоне лет, когда становится отчетливо ясно, что все проходит, и так делается жалко, до боли жалко, всех нас, и детей, и взрослых... Многие ли, подобно вам, могут породить в душах эту светлую печаль, эту понимающую улыбку, эту снисходительность, терпимость — и в то же время высокий нравственный максимализм?..»

8.

Поздней осенью 1976 года мы решили еще раз съездить в наш любимый город Сочи, так как летом Алексину не удалось поработать. И там за сорок дней (уже наступил 1977-й!) он написал повесть «В тылу как в тылу», которую давно ощущал себя обязанным написать. Повесть доказывает, что без героического труда людей в тылу героям фронта не удалось бы разгромить гитлеровскую Германию. Необходимо было создать в огромном количестве наисовременнейшее вооружение... Его-то, не щадя своих жизней, здоровья, и создавали труженики тыла. Лозунг тех лет «В тылу как на фронте» был одним из главных в военную пору. Но Анатолий Георгиевич считал, что фронт — это фронт, а тыл — это тыл (при всех доставшихся ему тяготах). Поэтому, рискованно не соглашаясь с официально провозглашенным лозунгом, он и назвал свою повесть «В тылу как в тылу».

Можно считать произведение документальным. Не достигнув совершеннолетия, Анатолий был сперва, очень недолго, литературным сотрудником, а затем (до возвращения в Москву) — ответственным секретарем ежедневной газеты «Крепость обороны», по своему статусу приравненной к фронтовой. Выходила газета по приказу Государственного комитета обороны на одной из самых главных оборонных строек страны, роль которой в победе над фашизмом трудно переоценить. В течение первых же месяцев войны немцы разгромили почти все советские алюминиевые заводы, что стало катастрофой для армии. Алюминий — это самолеты, кроме того, он входит во все оборонные сплавы. Уцелевший небольшой алюминиевый заводик на Урале и должен был быть трудом шестидесяти тысяч рабочих, инженеров, специалистов других уникальных профессий превращен в алюминиевый гигант, призванный фактически спасти страну.

«В тылу как в тылу» — первая книга трилогии о невероятных усилиях и потерях людей в тылу, отдавших свою жизнь для всеобщей победы. Но, как всегда, Алексин верен себе: воссоздал масштабную картину через историю семьи и окружающих ее персонажей. Трилогия названа вроде бы неожиданно для ее сюжета: «Прости меня, мама...». Неожиданно, но оправданно, ибо как раз Мать (с буквы заглавной!), ее самопожертвование стали движущей силой сюжета. Своей незабвенной маме автор и посвятил ту трилогию.

Повесть была напечатана в третьем номере «Юности» за 1978 год. Переиздана свыше тридцати раз тиражом около девяти миллионов экземпляров, переведена на японский, персидский, китайский, польский, немецкий и другие языки... Прочитана

по Первой программе Всесоюзного радио 3 июля 1978 года. Заслужила широчайший отклик в прессе. Даже Агния Львовна Барто, далекая от темы трилогии и весьма сдержанная в оценках литературных явлений, написала, что «“В тылу как в тылу” — одно из самых замечательных произведений о тех героях невиданного в истории сражения, которые вложили в руки фронтовиков оружие Победы».

Моя оценка творчества Алексина не зависит от супружеских отношений. Наоборот, она более жесткая, чем чья-либо еще.

9.

С 1979 по 1981 год в СССР выходит первое, трехтомное, собрание сочинений Алексина. Собрание сочинений издавалось, а новые повести все появлялись и появлялись. Так, в 1979 году на страницах февральского номера «Юности», изданного тиражом два миллиона шестьсот пятьдесят тысяч экземпляров, была опубликована повесть «Раздел имущества». Написана она была, подобно другим, в Сочи, но доработана в Москве (1978 год). Цензура вначале, как и в случаях с повестями Алика Деткина, тоже почесывала в затылке: «Как поступить с повестью? Очередной конфликт поколений!» Да, как и в некоторых других произведениях Алексина («А тем временем где-то...», «Действующие лица и исполнители», «Звоните и приезжайте!..», «Неправда»), дети оказывались благородней родителей — иногда отцов, иногда — матерей. И это при том, что матери в большинстве алексинских творений олицетворяли лучшие человеческие достоинства. А тут... дочь восстала против маминой заповеди, не провозглашенной, конечно же, вслух, но действующей в реальности: «Нужен тот, кто нужен... Нужен, когда нужен... И нужен п о к а нужен!» Девушка готова противостоят родительнице даже в суде.

Добавлю, что пронзительная фраза из этой повести, произнесенная ее юной героиней — «Люди не должны жить минувшим горем. Но тех, кто спас их от горя, они обязаны помнить!», — была увековечена в граните на обелиске, возведенном на перевале Наур в горах Кавказа — там, где советские войска разгромили отборную фашистскую дивизию «Эдельвейс». Слова на обелиске и сам памятник посвящены павшим в том жесточайшем сражении воинам...

Повесть прочли по Всесоюзному радио 12 и 13 ноября 1979 года, а 10 января 1987-го прозвучал радиоспектакль, поставленный по «Разделу имущества» (режиссер-постановщик Николай Александрович). В моих записях числятся тридцать пять книг, в состав которых включена и эта повесть. Пе-

реведена на персидский, японский, китайский, вьетнамский, венгерский и другие языки.

В том же 1979 году проза восьмого номера «Юности» открывалась очередной повестью Алексина «Сердечная недостаточность» (два миллиона шестьсот пятьдесят тысяч экземпляров). Не зря в те времена страна называлась «самой читающей»!

Это опять «сочинское» произведение, доработанное, правда, дома. И вновь (со слов работников журнала) у цензуры возникли сомнения: разрешать публикацию или не разрешать... Девушка, от имени которой идет повествование, всерьез задумывается о «грехе» своего отчима, оголтело любящего ее мать и ради желания угождать ей во всем вовлекающего в тот «грех» и юную героиню. «Сердечная недостаточность» — не в медицинском, а в нравственном смысле — обнаруживается не только у отчима, но и у его падчерицы. У нее это происходит не из-за жестокосердия, а из-за отсутствия жизненного опыта: «Я знаю, что за уроки, за опыт надо платить. Но я заплатила за свой опыт чужой жизнью!» Повесть включена в двадцать книг (на сегодняшний день — август 2012 года) наряду с другими алексинскими произведениями.

Проза третьего номера «Юности» в 1980 году вновь открылась произведением Анатолия Георгиевича, особо им любимым, — «Домашний совет» (в более поздних изданиях повесть стала называться «Семейный совет»). На русском языке тоже издана около двадцати раз, вошла в двухтомное, пятитомное и девятитомное собрания сочинений. Переведена на армянский, узбекский, болгарский, японский, китайский и другие языки.

Главная мысль повести, утверждаемая напряженным сюжетом, выражена в ее последних строках. Десятиклассник, один из близнецов — главных героев повествования — с горечью делится с отцом своим первым, но очень болезненным разочарованием: его предала ради житейского благополучия любимая и, казалось, любящая девушка. Пытаясь припомнить какие-то прежние проявления жестокосердия, юноша говорит, что она при нем была собаку, «лучшего друга человека». Отец откликается: «Кто-то не любит собак? Разве можно их не любить? Но все-таки, Санечка, лучшим другом человека... должен быть человек. Если я, конечно, не заблуждаюсь».

Алексин вновь обращается к теме «перешагивания» через нормальные человеческие отношения ради собственной выгоды, к теме предательства со стороны, казалось бы, близких людей, вынося им неизбежный приговор.

1980 год, «Юность», № 12. Опубликованы сразу две повести, написанные на сей раз не в Сочи, а в доме отдыха «Волгарь» (тираж два миллиона девятьсот тридцать пять тысяч экземпляров). Обе

повести многократно переиздавались, переведены на зарубежные языки. Тираж их достиг шести миллионов.

Приведу почти полностью статью о них — «На пороге взрослости», написанную Александрой Пищуновой и опубликованную в газете «Комсомольская правда» 9 сентября 1981 года.

«Два рассказа или два романа? По размеру это рассказы, даже небольшие. По содержанию — романы: многоплановость и многонаселенность, краткие часы долгих, сложных человеческих жизней... Однако Анатолий Алексин поставил в общем заголовке «Ивашова» и «Дневника жениха» («Юность», № 12, 1980 г.): две повести.

Важно ли читателю, разделившему надежды, радости, потери новых алексинских героев, полюбившему унесенных войной Ивашова, Машу и Лялю, узнавшему разлучившуюся с Митей чудесную Любу, в какой прозаической форме созданы эти строгие, очень искренние и простые произведения? Начинаешь размышлять (прежде всего потому, что долго не можешь отойти от прочитанного, с ним расстаться) и понимаешь — да, важно!

...Писатель дает нам свои две повести в значении старинном — две истории.

...Что общего у сюжетов, разделенных четверть десятилетиями времени действия, когда в одном из них идет речь о войне, о смерти, о великой народной победе, а в другом — о жизни сугубо мирной и личной, о поражении в первой юношеской любви? Отчего автор соединил их «под одной крышей»? Ответ дает нам сам писатель в мелькнувшей строчке «Дневника жениха». Митя Санаев комментирует укор властной тетки, запрещающей ему «ранний брак»: эпитет «ранний» прозвучал в ее устах так, будто происходил от слова «ранение».

Глубочайшее понимание юношеской поры человеческой жизни с ее отвагой и незащищенностью, с ее щедрой открытостью и обнаженной прямоотой, а значит, с ранимостью, стоит за этой фразой. Впрочем, только фраза ничего бы не значила, если бы не заключала в себе целый мир алексинской прозы, ставящей перед читателем острую нравственную проблемы уважения к большим чувствам и большой личности юного существа: прозы, исследующей человека в тот героический период его жизни, который определит, каким ему быть дальше. Я не обмолвилась, употребив такой эпитет. Молодость, даже самая благополучная (не говоря уж о молодости, совпавшей с великим испытанием войною), всегда непременно значительна. Это время первых определенных чувств: что и кого любишь, о чем мечтаешь, к чему стремишься. А чувства — всегда поступки.

Алексины: внучка Анисия-Аня и дочка Алена

Вот эта героика в ее изначальном смысле и объединяет две новые истории Алексина. Генетическое родство его персонажей, образующих общую “семью”, мы обнаруживаем и здесь. Очень схожи обещавшая стать режиссером или академиком, но погибшая в окопе Маша Завьялова и смелая, сильная, благородная Люба Калашникова. Писатель дает нам подробный портрет Маши. А образ Любы в “Дневнике жениха” слагается в нашем воображении без какого-либо авторского описания... Мы видим ее в замечательной реплике, поразившей Митю: “Я никого не люблю так, как маму. И не буду любить. Кто вообще может быть бескорыстнее матери? Она не выберет себе в сыновья ни Моцарта, ни победителя-полководца, а только своего сына, пусть неудачного, пусть даже убогого...”

При столь различных литературных способах лепки человека, как в этих двух историях, писатель достигает одного и того же результата: он говорит о полноценности и глубине, о совершенной нравственной личности, уже сложившейся и потому бес-

страшной и побеждающей. Побеждающей и в смерти, и в разлуке...

Алексин дает нам русские интеллигентные семьи, где духовное торжествует над материальным, где родители уважают в своем ребенке человека. И нет сомнения: будь Люба на месте Маши сорок лет назад, она стала бы действовать — жить и умирать точно так же...

“Тебе понравилось?” — спросила я девушку возраста Любы и Маши, читавшую “Юность”, № 12. Гордый интеллект отверг пустой вопрос: “Понравилось? Это слово не годится. Мне поверилось”. Благородный, страстный гуманизм — главный постулат творчества Алексина — вот что, наверное, прежде всего соединяет две новые его вещи: открытая проповедь, не терпящая цветистых метафор, красивых эпитетов, самодовлеющих деталей. В “Дневнике жениха” и в “Ивашове”, как и в недавних повестях “Домашний совет”, “В тылу как в тылу”, писатель настаивает на главных ценностных характеристиках юношеской литературы: психологизме, краткости, простоте.

Итак, два романа или два рассказа? Две повести, автор прав. Не забудем, что повестью Горький назвал такое громадное по объему, такое эпохальное свое творение, как “Жизнь Клима Самгина”. Что было критерием? Наверное, корень этого понятия: поведать другим, исповедально признаться, повествовать... Спокойная, “тихая” эпика даже при самых трагических событиях, особая авторская доверчивость к читателю — характер произведения, а вовсе не его размер — определяют принадлежность к жанру. Жанру вечному в нашей литературе: от “Повести временных лет” до “Повестей Белкина”, от “Очарованного странника” Лескова до нагибинской повести о маленьком Гагарине. Доверчивость и строгость слова заставляет юного заменить абстрактное “понравилось” пристрастным, замечательным “поверилось”.

Очень точно названа статья Л. Белой, опубликованная в журнале «Москва», № 12, за 1981 год — «Диалог поколений», — это суть почти всех произведений писателя.

10.

С 1981 по 1992 год главным редактором «Юности» был прославленный поэт Андрей Дементьев. Славу журналу «Юность» с его баснословным тиражом принесли талантливые произведения ведущих писателей и поэтов того времени. Но в годы смягчившейся политической ситуации, когда журнал возглавил Андрей Дементьев, на его страницах впервые увидели свет запрещенные ранее произведения В. Войновича, Ф. Искандера, В. Некрасова, Ф. Горинштейна, В. Максимова, А. Гладилина, В. Аксенова...

Как-то так получилось, что свое новое произведение «Здоровые и больные» Анатолий Георгиевич прежде, чем отнести в редакцию журнала «Юность», дал прочитать известному талантливому писателю Юрию Бондареву, с которым они оба входили в секретариат правления Союза писателей РСФСР. Алексин и Бондарев трепетно относились к творчеству друг друга. Прочитав повесть, Юрий Васильевич, не возвращая рукописи автору, сам отнес ее в «Наш современник», членом редколлегии которого был: он считал, что и этот журнал должен печатать произведения Алексина. Так и случилось: в 1982 году в № 2 «Здоровые и больные» были напечатаны, в качестве исключения, не в «Юности», а в «Нашем современнике».

Однако в двенадцатом номере «Юности» за 1982 год тиражом три миллиона сто восемьдесят тысяч экземпляров (уже оставались считанные годы до «лихих девяностых», в которые многое заслуживающее внимания нескольких поколений росси-

ян рухнуло, в том числе и интерес к чтению!) была вновь издана алексинская повесть «Сигнальщики и Горнисты», написанная во время нашего путешествия по Волге на пароходе «IX лет Октября» курсом Москва — Астрахань — Москва. В 1984 году повесть была присуждена почетная премия самого журнала — имени Б. Н. Полевого. Переиздана к августу 2012-го тринадцать раз, опубликовано (опять же по моим записям) сорок семь рецензий. Переведена на пятнадцать языков. Название повести стало необычным для писателя, в нем есть некий оттенок плакатности. В последующих изданиях оно было изменено — теперь она зовется «...И Екатерина Ильинична». Повесть прочитана по Первой программе Всесоюзного радио в августе 1983 года. В декабре 1985-го состоялись премьерные спектакли по одноименной пьесе А. Алексина на сцене Горьковского ТЮЗа.

Повесть «Сигнальщики и Горнисты» тоже подняла в стране благородное движение среди юных. Дети, подростки стали разыскивать имена тех, кто почти в их возрасте ушел на фронт из их дома или из их района и никогда не стал взрослым. Разными способами ребята воссоздавали историю героизма таких же еще совсем молодых, как и они. И его увековечивали. Но одновременно они узнавали и о тех, кто проявил трусость, слабость, желание спрятаться за чужими спинами. Поэтому повесть не стала помпезным, восторженным воспеванием только героизма молодых, погибших в годы Великой Отечественной войны. А, скорее, была драматичной, даже трагичной.

Александра Пахмутова написала прекрасную песню о «Сигнальщиках-горнистах» (на стихи Николая Добронравова). Об этом движении было много публикаций в газете «Пионерская правда» с марта 1983-го по декабрь 1986-го, тираж которой превышал десять миллионов экземпляров. Но... наступили другие времена. Перестройка... И «Пионерская правда» практически перестала существовать, и почти в приказном порядке прикрыли движение «Сигнальщиков и Горнистов», как когда-то тимуровское, проповедующее доброту, сострадание, милосердие, справедливость! Зачем?!

Закрывающую трилогию «Прости меня, мама!...» повесть «Запомни его лицо...» «Юность» опубликовала в четвертом номере за 1985 года. Переиздана уже вместе с «В тылу как в тылу» и «Ивашовым» более десяти раз.

В декабрьском номере в том же 1985 году вышла повесть «Дым без огня», изданная тиражом более четырех миллионов. С 1989 по 2009 год переиздана семь раз.

Анатолий Алексин в своих произведениях всегда возвращается к волнующим его нравственным проблемам: высоким и недостойным поступкам окружающих его персонажей. Прожита уже довольно долгая жизнь, наполненная событиями многопланового толка. Люди, следующие завету «нужен тот, кто нужен, нужен, когда нужен, нужен по о к а нужен», — не такое уж редкое явление в современном обществе. И писатель вновь обращается к этой волнующей его теме в «Дыме без огня». Героине повести понадобились годы, чтобы прозреть, увидеть в любимом человеке, созданном ее воображением, мелкую душу корыстолюбивого карьериста. Приведу ее разоблачающую речь, когда она поняла его истинные намерения в отношении своего деда, талантливый, заслуженный педагог, когда-то ставший защитником и другом младшего по возрасту, но уже «опытного интригана».

«— Я пришла выразить вам презрение и поставить условие... Вы сегодня же открыто признаетесь, что подметное письмо принадлежит вам. И публично принесете дедушке свои извинения.

— О чем ты, Катя? Ты видела письмо? Там почерк не мой...

— Почерк ваш!

— Как тебе могла прийти в голову такая несправедливая мысль? Тебе, которая всегда была готова умереть за справедливость! Ты же знаешь, сколько раз я помогал дедушке. Ты видела это!

— Для с е б я спасали: он был вам необходим. Спасая его, вы обеспечивали свою безопасность. Но теперь он вам больше не нужен. Я все поняла... Он, как вам кажется, даже мешают. И вы решили избавиться от него... Избавиться от своего благодетеля!

— Зачем?.. Зачем мне избавляться от Александра Степановича? Рассуждай хотя бы логично... Я уже почти утвержден проректором.

— А вы хотите быть ректором! Вам не терпится. И вы замыслили перепрыгнуть через дедушкину голову и даже через его жизнь!

— Но вспомни, как я помогал...

— Пока он был вам нужен!.. Братство, верность... Не смейте больше произносить эти слова! Вы убиваете не врагов, а тех, которые вас любили. И своих благодетелей. Потому что они уже «бывшие» благодетели...»

До публикации в «Юности» этой повести были изданы в 1986 году «Запомни его лицо» («Роман-газета», № 6), сборник «В тылу как в тылу», «Безумная Евдокия» и другие повести, сборники повестей и рассказов «Ты меня слышишь?», «Звоните и приезжайте!», написана и опубликована, но не в журнале «Юность», повесть «Дима, Тима и так далее...». Книги Анатолия Георгиевича издавались часто и

большими тиражами, но на магазинных полках не задерживались.

11.

И вот во втором номере «Юности» за 1987 год опять опубликована другая повесть — «Добрый гений». Так же, как и «Дым без огня», она переиздана (в 1989–2009 гг.) семь раз тиражом более четырех миллионов экземпляров. Об обеих повестях Лев Разгон написал рецензию «Способные переступить», опубликованную в газете «Литературная Россия» 29 апреля 1988 года.

Повесть о слепой материнской любви к сыну, подчинившей жизнь их обоим самовлюбленной, целеустремленной, самоуверенной вначале возлюбленной, а затем жене молодого человека и принимавшей чужую волю за благо, а на самом деле приведшей к трагическому концу. Прозрение пришло, но не стало утешением... Пожилая женщина, находясь в больнице из-за тяжелой болезни, старается вспомнить многообразные перипетии в их жизни с сыном и записывает свои раздумья: «Далеко все зашло... Далеко! Я нарушила программу Лидусиных действий. Сама того не желая, посягнула на ее проект. А этого она не допускает! Я мешаю не только гастролям, но и спокойствию, без которого, как говорит Лидуся, «успеха не может быть». Творческий непокой, уверяет она, должен сочетаться с зоной покоя вокруг творчества. Я мешаю их единению стать абсолютным. «Дуэт — это одно лицо в двух лицах!» — такова суть Лидусиной «дуэтной» теории. Значит, я мешаю их счастью. Не слишком ли многому я мешаю? Лидуся не сворачивает с намеченного пути. Не отступает ни на вершок. Но вдруг наткнулась на мою болезнь. Она переступит через нее. И через меня вообще! Через все переступит... Я поняла это наконец, и, кажется, до конца. Тогда надо в этой тетради что-то исправить, переписать. Написать заново! Зачем? Да так. Ради точности и справедливости. Справедливости? Но разве я не была заодно с Лидусей? Во всем заодно!.. А если так, смею ли я хоть в чем-нибудь обвинить ее? Самая умная девочка в детском саду... Не я ли первой возвестила об этом? А надо ли было это провозглашать? Добрый гений нашей семьи... Сколько же опрометчивых провозглашений и всяких опасных нелепостей преподносим мы людям уже во младенчестве! И в юные годы. Так имею ли я право кого-либо упрекать? Но все равно допишу, исправлю... Сомнения и тревоги продолжали одолевать меня. И через полмесяца я не выдержала... Вырвусь на день из больницы. На один только день! Упрощу врачей, — решила я. — Вырвусь... Шприц дома есть, инсулин тоже».

Она неподвижно сидела в своем любимом глубоком кресле, в котором, как ей грезилось с детских лет, можно было спрятаться от беды и невзгод. Рука сжимала письмо, очевидно, найденное на столе: «Ты опять между мною и своей матерью выбрал мать. Хотя бы соблюдал очередность: то ее, то меня! Ухожу домой. Навсегда ли? Это зависит от тебя. Выбери! Хотя я уверена, что выбор твой будет прежним».

Внизу другим почерком было написано: «Благодарю тебя, сын».

Она забыла сделать укол? Или не успела? Этого никто не знал. И не мог узнать никогда».

В том же 1987-м изданы сборники повестей «Сигнальщики и Горнисты», «Повести», «Очень страшная история и другие повести», в следующем — пьеса «Книга жалоб и восхищений» (журнал «Современная драматургия», № 2, 1988 г.), сборники «Сигнальщики и Горнисты». И очень плодотворный 1989 год начался с издания книги «Прости меня, мама...», продолжился публикацией повести «Игрушка», «Воспоминание о детстве, которого не было» (журнал «Октябрь», № 4, 1989 г.), переименованной в дальнейшем в «Ночной обыск», а также переизданием книги «Очень страшная история, которую сочинил Алик Деткин», выпуском «Молодой гвардией» двухтомного собрания сочинений — «Избранное», 1990-й радует читателей появлением сборников повестей «Глядя в глаза» и «Чехарда».

И последняя, напечатанная в «Юности» повесть в 1992-м — «Покойник оживает и начинает действовать», о которой я уже рассказала в связи с первой ее частью — «Очень страшная история, которую сочинил Алик Деткин», — повторяться не буду.

А затем, чтобы подвести итог «московского» творческого периода Анатолия Алексина, упомяну книги 1993 года: сборники рассказов «Ты меня слышишь?..», «Рассказы», повестей и рассказов «Избранное» и опять же обе истории Алика Деткина. И хотя многочисленные издания выходили миллионными тиражами, повторюсь: они, едва появившись на прилавках книжных магазинов и киосков, мгновенно раскупались. Честь и хвала тогдашнему благодарному читателю!

Закончу этот затянувшийся очерк несколькими строками из письма к Анатолию Алексину сегодняшнего главного редактора журнала «Юность»

Валерия Дударева, который в нынешнее, непростое для литературы время стоит у его штурвала: «Классика русской литературы Анатолия Георгиевича Алексина мы не просто помним и чтим, а воспринимаем его неповторимое письмо как нечто естественное — воздух, воду, солнечный свет!.. Особая алексинская проза, в которой человеческий характер написан редкостной глубины добротой, сегодня необходима новому поколению».

Когда верстался номер

Журнал «Юность»

Главному редактору Валерию Федоровичу Дудареву

Дорогой Валерий Федорович!

Только что из вечерних новостей узнали о смерти прекрасного русского писателя, многолетнего автора «Юности» Бориса Васильева. Светлая память большому Человеку! Если у Вас будет возможность выразить соболезнование от имени Анатолия Алексина его семье, близким, друзьям, будем Вам благодарны. Как сужается круг, как многих необходимых для читателей авторов уже нет среди оставшихся коллег! Дай бог всем побольше здоровья и лет жизни.

С искренним уважением, Ваши Алексины

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Юность» вместе со многими любителями литературы скорбят об уходе из жизни писателя от Бога Бориса Львовича Васильева. Такой чистой лирической ноты, такой проникновенной честности и естественности долго еще не обрести, не выискать в новейшем литературном пространстве. Но мы уже счастливы тем, что именно «Юность» открыла миру этого замечательного мастера слова. Борис Васильев — писатель-фронтовик, писатель-труженик, писатель-романтик. Вечная память!

Материал о Борисе Львовиче Васильеве читайте в следующем номере «Юности».

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Андрей Щербак-Жуков (настоящее имя — Щербак Андрей Викторович) родился в 1969 году в Москве. Некоторое время жил в Краснодаре, где окончил среднюю школу, несколько семестров в художественной школе и один курс биологического факультета Кубанского государственного университета. С 1989 года — снова полноправный москвич.

Член Союза писателей России (Московская городская организация) и Международного союза журналистов.

В 1995 году окончил отделение киносценаристов факультета ВГИКа (мастерская Н. Н. Фигуровского), а в 1999-м — аспирантуру при кафедре киносценаристов. В разные годы работал фотографом, журналистом, литредактором, сценаристом рекламных роликов. Шесть лет проработал в редакции газеты «Книжное обозрение» — начальником отдела клубной жизни. В настоящий момент — заместитель ответственного редактора книжного приложения *Ex libris* к «Независимой газете».

Стихи и прозу начал писать, участвуя в старших классах средней школы. Первая публикация — фантастический рассказ «Все идет к лучшему...» — состоялась в газете «Комсомолец Кубани» в 1986 году. Пишет рассказы, стихи, эссе, байки, статьи о литературе, современной музыке и кинематографе, сценарии игровых и документальных фильмов.

Как прозаик печатался в журналах «Юность», «Наша улица», «Техника — молодежи», «Знание — сила. Фантастика», «Энергия» и др., а также во многих коллективных сборниках. Как поэт — в журналах и альманахах «День поэзии», «Останкинский альманах», «Эолова арфа», «Русский колокол», «Библиография», «Футурум арт», «Дети Ра», «Слова» (Смоленск), «Новый Карфаген» (Краснодар), «Независимой газете» и «Литературной газете», в сборниках «Мистическая механика», «Мировая механика», «Поющие письма. III Международный поэтический фестиваль славянской поэзии», «Часовые памяти», «Московские салюты», «Котэрра», «12-16-45. Сборник юмора». Выступил как редактор, составитель и один из авторов сборника фантастики «Пятая стена». Автор нескольких книг прозы, книги стихов «Дневник наблюдений за природой» и теоретических исследований «Древний миф и современная фантастика, или Использование мифологических структур в драматургии жанрового кино» и «На экране — Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909–2002): Материалы к популярной энциклопедии» (в соавторстве с Евгением Харитоновым).

Сотрудничал с молодыми кинематографистами ВГИКа. Участвовал в создании короткометражных фильмов — игровых и документальных. Сыграл роль второго плана в полнометражной картине «Вальс на прощание» (реж. К. Фолиянц).

Лауреат призов: «Старт» (Свердловск, в номинации «За лучшую дебютную фантастическую книгу»), «Интерпресскон» (дважды, Санкт-Петербург, в номинации «За лучшее фантастическое произведение сверхкороткой формы»), «Фанкон» (Одесса, в номинации «За мини-жанр в фантастике»), «Серебряный Роскон», «Бронзовый Роскон» (дважды, в номинации «Критика, публицистика, эссеистика»); награжден дипломом Волошинского фестиваля.

Рисунок Елизаветы Горяченковой

РАССКАЗЫ

Иногда...

*Матросы мне пели про остров,
Где растет голубой тюльпан,
Он большим отличается ростом,
Он огромный и злой великан...*

Александр Вертинский

Иногда... Да, именно — иногда! Иногда я могу себе это позволить. Когда все дела на станции сделаны и предстоящий день целиком свободен.

Я просыпаюсь рано утром, лишь только ярко-красный лик местного солнца выглядывает из-за дымчатого горизонта и его лучи нехотя проникают в мою комнату сквозь небольшой иллюминатор. Они ползут по стене и в какой-то миг освещают небольшую потертую цветную фотографию, приклеенную к стене над моей кроватью двумя кусками грязного скотча. На ней — красивый ярко-розовый цветок, раскинувший свои рыхлые лепестки среди бурых шероховатых скал. Эту картинку я вырезал давным-давно, еще на Земле, из какого-то журнала и храню до сих пор...

Я быстро собираюсь, не беру ничего лишнего — только длинный широкий нож с удобной ручкой и небольшой щит, кое-как сделанный мною самим из листа толстой жести...

Я никак не могу себе в этом отказать. Собственно, из-за этого я и оказался здесь. Ради этого я покинул тихую, кроткую Землю, бросил дом и престижную работу и прилетел сюда, на эту страшную и вместе с тем неуловимо прекрасную планету. Я зову ее женским именем — не скажу, каким, я люблю и боюсь ее одновременно, как будто женщину-зверя, всех прелестей которой не знает никто, кроме меня, зато могущество и опасность заметны всем...

Я осторожно приоткрываю толстую стальную дверь переходника и выглядываю наружу. В этот момент неясная крупная тень проносится по земле,

краем касаясь моих глаз. Я прячусь. Выглядываю снова, озираюсь по сторонам — больше опасности вроде бы нет, ну, с богом — и, набрав полную грудь воздуха, бросаюсь бежать...

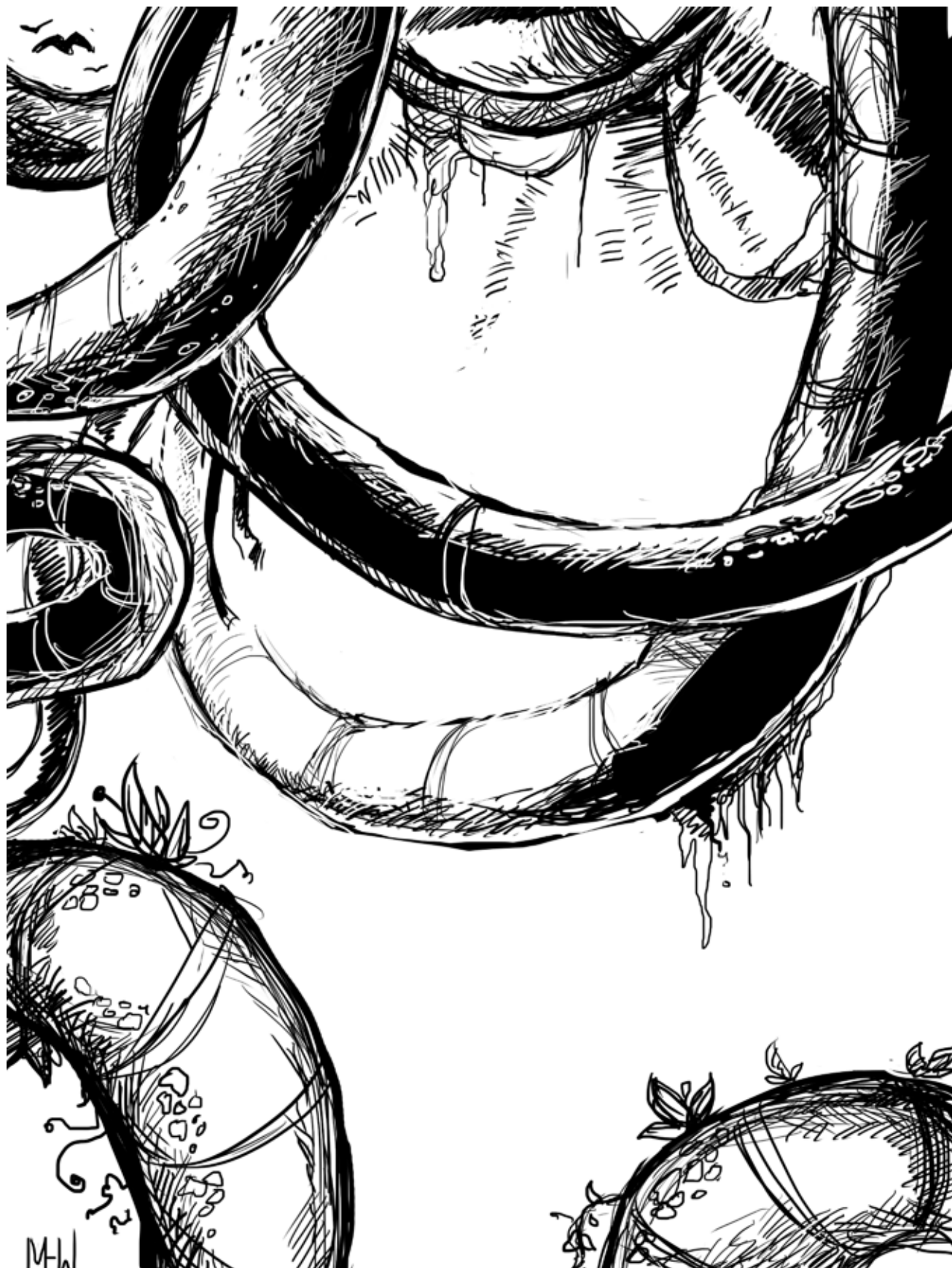
Солнце едва поднялось над лесом, полускрытое марью. Я бегу через рыжую пустошь к ближайшей зелени, маячащей где-то вдаль. Все время смотрю на небо — пока спокойно...

Примерно полпути я успеваю пробежать без помех, но тут меня замечают сразу два дракончика. Мерзкие животные — хорошо еще, что я вовремя их углядел. Они рисуют надо мной круги и петли и, резко встряхивая длинными хвостами, метают вниз острые вытянутые чешуи...

Эти твари покрыты чешуей с ног до головы, точнее, от головы до хвоста — даже крылья, причем на хвосте чешуи особенно крупны и похожи на лезвия небольших ножей; они легко отделяются и летят вниз — иногда довольно метко. Дракончики так охотятся. При определенном стечении обстоятельств одного такого попадания вполне хватило бы, чтобы оставить станцию без ее хозяина. Вообще-то мне запрещено выходить без особой необходимости...

Я закрываюсь своим щитом. Чешуи сыплются градом — стучат о жель и, отскакивая, входят в сухую землю, как стекло, хрустят под ногами. Пользоваться оружием мне тоже запрещено, поэтому я терпеливо бреду, накрывшись щитом. В ушах звенит от постоянной дробни...

Солнце ползет все выше, начинает припекать.

Добравшись наконец до леса, я прячу под кустом щит и, зная, что передышки не будет, тут же выхватываю из-за пояса нож. Без него здесь не сделать ни шагу — одна за другой с легким шелестом тянутся ко мне все зеленые ветви этого леса. Все деревья здесь плотоядны, и, почувствовав что-то живое, ветви, как змеи, ползут, прощупывая себе путь мягкими кончиками. Если такой кончик отсечь — ветвь буд-то бы слепнет и становится безопасной; однако ветвей сотни, и махать ножом приходится очень часто. Они пытаются обвить мои руки и ноги, неприятно скользят по одежде, но я все-таки не спеша продвигаюсь сквозь их зеленую кишашую массу. Пот такими же змейками стекает с плеч, щекочет и слетает каплями при каждом ударе. Остановиться нельзя ни на миг — хищные ветви тут же скрутят, парализуют, могут задушить, могут растерзать — у основания они сильнее слоновьих хоботов. Сразу же за моей спиной тоннель, прорубленный в сплетении зелени, вновь затягивается, как только я делаю очередной шаг...

Прошло, пожалуй, часа два, прежде чем между копошащимися ветвями замаячил голубоватый просвет. Вздохнув с облегчением, я было бросаюсь вперед, но тут же, наказанный за невоздержанность — о боже! — куда-то падаю, потеряв под ногами опору. Живые лианы, словно щупальца гигантского спрута, мгновенно оплетают мое тело с головы до ног, и я зависаю где-то в пространстве, заполненном шевелящейся зеленью, так и не долетев до дна ямы. Лианы тянут меня в разные стороны, стараясь разорвать на части. А-а-а-а...

Нож все еще в руке — это хорошо. Собрав все силы, я высвобождаю правую руку и, не давая захватить ее снова, не спеша начинаю подрубать те побеги, что тянут вниз. Кажется, получилось: я медленно, но верно начинаю двигаться вверх, лианы сами тянут меня. Само собой, возни будет еще достаточно, но жить буду, и то — слава богу.

Вот уже виден край. Подтягиваюсь, ползу на четвереньках... Еще чуть-чуть — и можно будет встать в полный рост.

Солнце уже поднялось высоко, но до зенита еще не добралось.

Последний побег, теряя жизнь, сползает с моего плеча — я выхожу из леса. Сразу за деревьями начинается каменистый склон — не очень крутой, но сейчас он мне дается трудней любого Эвереста. Пройдя шагов пятнадцать, падаю без сил — лежу, хоть лежать тут не стоило бы. Дракончиков тут уже нет, но других тварей хватает.

Едва различимый шорох заставляет вскочить на ноги, стряхнуть с мышц усталость, как капельки влаги, — прямо надо мной взметнувшийся тем-

ный силуэт горного зверя. Размером и повадками он похож на земного барса, только морда более вытянута. Увернувшись от прыжка, тут же — еще в полете — бью зверя кулаком между глаз. Тот, оглушенный, грузно валится на камни. Необычайно красивое, грациозное животное: все, чем прекрасна кошка, присуще ему втрое. Загадочный блеск глаз, мягкие лапы, изгиб тела, манящий взгляд совершенством линий, — однако любоваться им нет времени. Пока он не пришел в себя, хорошо бы уйти подальше, да не помешало бы запутать след, чтобы не драться с ним еще раз.

Солнце почти в зените — надо спешить.

На вершине горы среди скал и камней я безошибочно нахожу почти круглый провал метра три в диаметре — я смог бы его отыскать на ощупь ночью, в кромешной тьме, будь даже мертвецки пьяным. Вертикальным колодцем он уходит вниз, внутрь горы.

Закрепив на краю веревку, я погружаюсь в темноту провала. Что-то внутри подсказывает мне, за что взяться, обо что опереться, куда поставить ногу — уже здесь я начинаю не принадлежать себе.

Коснувшись дна, я бросаю веревку и сажусь, скрестив под собой ноги. Жду.

Солнце ползком достигает зенита, и по мере этого движения, так же неспешно, вниз по стене колодца опускается круг солнечного света. Он освещает все щели и выщербины, по которым я только что полз.

Едва только луч достигает дна, с легким шорохом из трещины, похожий на голову анаконды, выходит огромный бледно-зеленый бутон. Он томно потягивается в лучах солнца — как кошка, как женщина — и вдруг раскалывается на несколько крупных лепестков. Медленно и изящно, подобно рукам балерин, лепестки расходятся в разные стороны, обнажая нутро — ярко-розовое, нежнее и мягче лучшего бархата. Миллионы микроскопических ворсинок колышутся, впитывая солнечный свет. Одна за другой, волнами, от центра до самых кончиков лепестков прокатываются светло-фиолетовые полосы. В центре, как на большой глубине у водоросли, шевелятся крупные сочно-оранжевые тычинки. У корней их выступают хрустальные капли вязкой жидкости, сверкают на солнце и скатываются к краю...

Все это время я сижу в стороне, прижавшись спиной к холодному камню стены, боясь ненароком задеть край цветка, заполонившего собой все дно колодца. И нет в моей жизни секунд большего счастья, чем эти, — зачарованный, я не могу оторвать взгляд от этого зрелища. В такт с волнами на цветке по моему телу прокатываются сладкие судороги...

Когда же солнце прошло зенит и круг света не- хотя начал взбираться вверх по противоположной

стенке колодца, цветок так же грациозно сомкнул свои створки и спрятался в щель.

Я встаю, и оцепенение, как шерстяной плед, сползает с меня на пол. Все кончилось — я берусь за веревку и лезу наверх, догоняя солнечное пятно.

С вершины горы я бросаю взгляд на путь, пройденный мною за первую половину дня: каменистый склон, за ним живой лес, дальше пустошь с парящими над нею дракончиками, и только где-то далеко-далеко, на самом горизонте, — станция. Все это расстояние мне предстоит пройти снова. Только теперь мне уже совсем не страшно, теперь мне кажется, что ни один горный зверь не посмеет наброситься на

меня из-за скалы, живые лианы расступятся передо мной, уважительно пропуская, и лихие дракончики, глядя с небесных высот, не посмеют тряхнуть хвостом, а только проводят взглядом.

Я знаю, что это всего лишь иллюзия. Но так мне легче — без этого я не могу.

А еще я знаю, что, вернувшись на станцию, я упаду без чувств и тут же усну, а завтра утром начнется простой рабочий день, каким нет числа. Я буду что-то изучать, измерять, записывать — сейчас я даже не знаю, что именно, сейчас мне на это плевать — и так продлится несметное количество дней... До тех пор, пока я вновь не смогу себе это позволить...

НА МОСТУ

Светает. Большое ярко-красное солнце медленно поднимается над темным городом.

Город спит. Этот город не проснется с рассветом — он спит всегда. Промышленный сектор пострадал особенно сильно. Все реже сюда заходят люди. Им здесь просто нечего делать. Это не их мир.

Здесь царит полный развал. Косые лучи освещают руины цехов и обрубки рассыпающихся труб, отражаются в грудях битого стекла и тонут в жирной, густой пыли, покрывшей все вокруг. Это мир хаоса и мертвых вещей.

Ни звука, ни единой живой души. Только камень, стекло и металл, какие-то аппараты и сооружения — прежнее назначение всего этого уже давно невозможно понять.

И надо всем этим поднимается чистое утреннее солнце...

Странное, зловещее зрелище. Мне с высоты очень хорошо видна каждая мелочь, каждый фрагмент этой жуткой картины: и пыль, и развалины, и серые тени, и утреннее солнце.

Я живу прямо на мосту. Может быть, кому-то это покажется смешным и странным — в Жилом секторе, говорят, нетрудно отыскать себе свободную комнатушку, — но мне нравится здесь. У меня есть большая круглая бочка, и, когда идет дождь, я забираюсь вовнутрь и кутаюсь в плед. Мне тепло и сухо.

Рядом с моей бочкой в бетонной плите есть щель. Там живет небольшой зверь, похожий на крысу. Шерсть у него серая, густая и пушистая, уши маленькие, круглые, хвост короткий. Каждый день он выходит из своей норы и подходит ко мне. Он садится рядом и смотрит на меня своими широкими

выпуклыми глазами; я разговариваю с ним, и, кажется, он понимает.

Внизу, в двух шагах от моего моста, есть кафе-автомат. То, что он синтезирует, вполне съедобно и питательно. Как и все автоматы города, он до отказа забит обесценившимися монетами и работает бесплатно.

Так что, несмотря на кажущиеся неудобства, я устроился не хуже других. Да, я один. Совершенно один. Но зато, в отличие от всех других, у меня есть дело. В таком мире, где никого не волнует даже его собственная жизнь, это редкость. Я очень горжусь и очень дорожу своим делом. Хотя не все, далеко не все меня понимают. Большинство думает, что я сошел с ума. Про меня говорят много глупостей, но я не обижаюсь, потому что верю в свое дело.

Два раза в день под мостом проносится поезд: утром с востока на запад, вечером — наоборот. Конечно, он никого не возит, он давно никому не нужен. Но он все продолжает мотаться туда-сюда на автоматике. Говорят, в нем урана еще лет на сорок — так и будет, наверное, ездить. А что — машины живут дольше людей...

Это единственный целый мост и единственный движущийся поезд во всем городе.

Иногда на мосту появляются люди. Они смотрят вдаль тупым, застывшим взглядом и ждут поезда.

Они приходят из далекого Жилого сектора. Там сохранилось много полуразрушенных домов, подвалов... В них, как звери в норах, живут люди. Почти все время они спят, зарывшись в груды старого тряпья. Только несколько раз в сутки они выходят

наружу, чтобы дойти до ближайшего кафе-автомата, насытиться и вернуться назад, в свои гнезда.

Мне непонятно, как могут люди так долго спать.

Но даже когда не спят, они все равно погружены вглубь себя, и их глаза не видят ничего вокруг. Мне кажется, что каждый покрыт полупроницаемым панцирем. Наверное, это реакция организма на то, что происходит вокруг.

Во всем мире царит хаос, и человек тщетно пытается найти в нем себе место.

За долгие годы люди привыкли жить так. Они перестали обращать на что-либо внимание, перестали задумываться о жизни, перестали мечтать... Они уже не представляют иного бытия.

Это жизнь по инерции. Это существование полуавтоматов. Но зато так проще и спокойней.

Те, кто приходит на мост, понимают никчемность такой жизни. Им надоело жить бесцельно и незаметно. Они разуверились в том, что эта жизнь когда-нибудь изменится. Они пришли на мост, чтобы навсегда уйти из этой жизни. Чтобы, дождавшись поезда, броситься под него. С моста. Вниз.

И тогда появляюсь я.

Я подхожу к ним и убеждаю их остаться. Они всегда внимательно слушают меня, молча кивают, а потом уходят и больше не появляются. Я возвращаю их к жизни. Спасая от самих себя.

В этом я вижу смысл своей жизни. Свое главное дело.

Ведь семнадцать лет назад я был таким же, как они. Я был молод и неглуп. Я видел мир таким, какой он есть, без всяких искажений, стереотипов... Я понял, что теперь люди не нужны друг другу. Люди не нужны себе. Люди не нужны вообще никому. Если где-то и сохранилась природа, то только далеко отсюда, за городом, и люди отрезаны, отделены от нее... Так жить больше нельзя. Просто не имеет смысла.

И я собрал людей. Тех, кого знал, с кем жил рядом. И я сказал им все это. Сначала я думал, что они меня побьют! Но нет. Они стояли и молча смотрели на меня. Смотрели в упор, но не видели. Не слышали. Не понимали и не пытались понять. Я кричал, рвал на себе одежду... Но они так же молча повернулись и разошлись. И только один подошел ко мне и сказал: «Помолчи. И так тошно». Сказал и тоже ушел.

И тогда я покинул дом, в котором жили люди, и пошел на мост. Я шел через рассыпающийся город по грязным улицам, мимо покосившихся домов. Я ненавидел этот город. Я видел серые, сморщенные лица людей, высунувшихся из подвалов. Я ненавидел этих людей. Я шел не оборачиваясь и стараясь ни о чем не думать. Я ненавидел себя.

Я поднялся на мост. Вдалеке показался поезд. Я уже перекинул ногу через ограду, но вдруг за моей спиной раздался спокойный, уверенный голос:

— Извините, вы не скажете, сколько времени?

Я вздрогнул, обернулся — передо мной стоял странный мужчина средних лет. У него была неровная борода и пышная шевелюра с тонкой проседью, а на голове — непонятная фиолетовая шляпа с широкими увядшими полями. Он смотрел на меня острыми, глубокими, проникающими внутрь предметов глазами и, казалось, гипнотизировал — я не мог пошевелиться. Он тоже был неподвижен.

Поезд промчался под мостом. Все вздрогнуло, и он ожил.

— Вы знаете, сколько времени существует человечество? — спросил он меня. Я стоял и тупо моргал, а он, не дожидаясь ответа, продолжил: — Забыли? Уже около трех миллионов лет! И вы хотите, чтобы оно исчезло? Нет?! Ну а как же тогда вас понимать? Вы видите, как живут эти люди? Вы понимаете, насколько жалко и бессмысленно их существование? А они — нет! Они этого не понимают! Изменить, исправить все это может лишь тот, кто ступень за ступенью прошел весь путь, кто открыл глаза, кто понял... А вы, поняв все, спешите на мост, чтобы уйти из этого мира. Уйти навсегда и больше не вернуться!

Исчезнуть проще всего. Но кто останется?! На кого вы бросаете весь этот мир?! Как вы вообще можете его бросить! Такие, как вы, не должны уходить! Они просто не имеют права уходить! А вы... Как вы можете...

Его слова, наполненные пафосом, сейчас кажутся наивными, даже какими-то неправдоподобными. Но все было именно так. Он все это говорил серьезно, переживал каждое слово. На лице его была искренняя досада, губы дрожали, глаза слезились. Шляпа все время сползала на глаза, и он судорожно поправлял ее. Он сглотнул слюну и продолжил, перейдя на «ты»:

— Пойми, это лишь испытание, одно из многих, выпадающих на нашу долю. Неважно, кто послал его — судьба, бог, дьявол... Его нужно перетерпеть, выдержать. Каждый, кто прошел весь путь и понял, подвергается испытанию. Пойми это, и тебе станет легче... Ты должен жить — ты нужен людям. Хотя они и не знают, как ты им нужен...

В руках у тебя огонь, и пусть им не осветит всего мрачного мира — не спеши его гасить. Когда ты будешь не один, и таких огней будет много, мрак и темень отступят сами. Из остывшего пепла последней войны родится государство света, любви и справедливости... Самое страшное — в прошлом.

Не спеши гасить свой огонь, как бы трудно тебе ни было... В такое время от каждого может зависеть будущее. Может быть, от тебя...

Имей силы и терпенье...

Он говорил, говорил, говорил... Я не все понял, но все запомнил. Я был в страшном полуоцепеневшем состоянии. Я прислонился к чему-то спиной, присел и в такой позе неожиданно заснул. То ли день, полный волнений и стрессов, так утомил меня, то ли тот человек и правда был гипнотизером...

Я проснулся от шума поезда, проносающегося под мостом. Вокруг клубился утренний туман, он плотной белесой стеной заслонял от меня город. Легкий ветерок трепал пожелтевшие бумаги. Мост был пуст. Я прошел по нему, вернулся назад — никого. Тихо. Только мои шаги звучали гулко и тревожно. Я подошел к ограде, посмотрел вниз — там сквозь неровные потоки тумана что-то темнело. Ветер подул сильнее, и что-то яркое покатило по рельсам. Я узнал фиолетовую шляпу своего вчерашнего собеседника. Да, это был он.

И тогда я понял — он пришел на мост за тем же, что и я, и все, что он говорил, он говорил не мне, а себе. Он пытался переубедить себя, но не смог. Но

он убедил меня. Я поверил в то, что у нас есть будущее, что оно непременно будет. Но только если мы, люди, этого по-настоящему захотим. Еще не поздно. Все можно поправить, повернуть вспять, создать заново.

С тех пор я стою на мосту и, когда здесь появляются люди, я подхожу к ним и слово в слово повторяю все то, что мне сказал в тот день тот человек:

— А вы знаете, сколько времени существует человечество?..

Каждый мост что-то соединяет.

Красное солнце встает над разрушенным городом. Город кажется мертвым, но где-то далеко живут люди, спустившиеся с моего моста. Они прошли страшный путь, они открыли глаза, они многое поняли, они нашли свое место в этом хаосе. Они начнут новую жизнь. Они отстроят этот город заново. Я не знаю, каким он будет — наверное, чистым и светлым, наверное, все люди в нем будут любить друг друга, наверное, в нем найдется место животным и растениям... Я не знаю этого, но я верю в этих людей! Я их люблю... Всех.

ПРИМЕТА

Их, определенно, двое. Это единственное, что я знаю точно.

Возможно, это милиционеры, и они патрулируют район. Например, стоят у входа в метро с собакой в наморднике.

Или, может быть, они простые охранники — офис уже закрылся, а они стоят на своем боевом посту и скучают. То есть, конечно, сидят спокойненько. Это же только так говорят: «Стоят на боевом посту...» Сидят — кофе пьют.

А еще они могут быть строителями — к примеру, малярами. Они висят в люльке под самым потолком огромного ангара и красят его. Или, скорее, не красят, а уже покрасили. Или еще не покрасили, а только сделали перерыв на обед. Они сидят, свесив ножки, на каких-нибудь строительных лесах на самой высоте, едят батон и запивают кефиром. Потому что пиво — не положено.

Хотя, скорее всего, это все-таки милиционеры...

Один крупный, красивый. Он элегантно поигрывает своим профессиональным инвентарем — неважно, это резиновая дубинка или малярная кисть. Он горд собой и своей работой. И на коллегу своего смотрит немного свысока. Второй поменьше, по-

скромнее. Он ничем особенно не горд и ничем не поигрывает. У него мелкие черты лица и красные уши. И он молчаливо признает лидерство первого.

А разговор у них такой.

— Что-то у меня нос чешется... — говорит тот, который Второй, тот, что поменьше. — К чему бы это?

— У меня вот тоже нос чешется, — нехотя, после секундного раздумья отвечает ему Первый. — И тоже вот все думаю — к чему?

Еще секунда раздумий.

— Хотя знаю — к пьянке... Примета верная!

— К пьянке? — с надеждой спрашивает Второй.

— Ага. Похоже, напьюсь я сегодня, — смачно, с наслаждением от предвкушения говорит Первый. — Вот и нос чешется...

— Точно?

— Да точно, точно... Говорю же, примета верная...

Но Второй все же смотрит с недоверием.

— А скажи, приметы, они как — для всех одинаковы?

— То есть как?

— Ну, для всех они — такие верные?

— В каком смысле? — от всей души недоумевает Первый.

Второй неловко пытается пояснить свою мысль:
 — Ну, вот у тебя нос чешется — ты напьешься... Так?
 — Так, — с чувством полного удовлетворения говорит Первый. — Непременно напьюсь! С преогромным, скажу тебе, удовольствием!
 — А я?
 — Что — ты?
 — А я — напьюсь?
 — Ты-то?
 — Да. Я.
 На этот раз Первый думает уже несколько секунд. Второй терпеливо ждет.
 — Ты — вряд ли... — наконец произносит Первый.
 — Это почему же? Ты напьешься, а я — нет?
 Второй даже как-то испуган таким поворотом разговора.
 — Ну а с чего тебе напиваться-то? — поясняет Первый.
 — Как это — с чего?
 — А так. С чего?
 Второй растерян.
 — А тебе — с чего? — с напускной бравадой спрашивает он.
 — А у меня другого выхода нет — у меня сегодня у брата день рождения. Не могу я сегодня не напиться... Просто обязан — брат ведь все-таки... Хоть и младший. Рад бы не пить, да не могу!

Первый довольно поглаживает брюхо. Второй еще больше растерян, он даже моргает.
 — А я?
 — А что — ты? У тебя, что, тоже у кого-то день рождения? Или еще какой юбилей?
 — Нет... — вынужден сознаться Второй. — Но у меня тоже нос чешется!
 — Ну и что?
 — Так примета же... Верная... Ты же сам сказал: «Примета верная...»
 У Второго в голосе появляется надежда. Но Первый ее давит в самом зачатке:
 — Все приметы — фигня.
 — Фигня?
 — Да, фигня.
 — Даже верные?
 — Даже верные.
 — Но ты же сам говорил!
 — Да мало ли чего я говорил... Когда это было... А теперь говорю — фигня.
 Второй опускает взгляд. Теперь он размышляет несколько секунд.
 — Ну что ж... — вздыхает он. — Значит, останусь трезвым... Вот только к чему же тогда нос чешется? Непонятно...
 Первый довольно поглаживает брюхо, Второй старательно чешет нос.

ВСЕ ИДЕТ К ЛУЧШЕМУ...

Вот и все. Теперь не надо будет пить мутный и гнусный туман, спускаясь по узкой тропе к озеру. Не надо будет каждый день с надеждой налаживать хитроумную аппаратуру, в которой кроме меня и Джона может разобраться разве что черт... Не надо будет объяснять надоедливим туристам, почему я до сих пор не поймал это чудовище. Мы уезжаем навсегда.

Но нельзя уехать, не простившись, даже если расстаешься не с человеком, а с мечтой. Поймать лох-несское чудовище было мечтой не только моей юности, но и всей прошедшей части жизни. Когда солнце только восходит, тень человека гораздо длиннее его роста, когда жизнь только начинается, мечты превышают наши возможности. Увы... Но это вовсе не значит, что от них надо отказываться. И я не отказался тогда от своей мечты и позже не отказывался никогда. Окончив колледж и потратив все отцовские сбережения на сверхчувствительные приборы, я приехал сюда, в Шотландию, и с голо-

вой погрузился в поиски. Потом приехал Джон, потом Кристина. Мы работали вместе. Несколько раз нам казалось, что животное найдено, но оно снова ускользало из-под самого носа. И так в течение двадцати пяти лет. А теперь мы должны уехать, и я иду прощаться со своей мечтой.

Карабин привычно оттягивает плечо. Я иду прощаться со своей мечтой. Я не ропшу, я не клянусь судьбу. Последнее время я стал убеждать себя в том, что все, что ни делается, — все к лучшему. И то, что Кристина и Джон нашли здесь друг друга, поженились и, наконец, решили уехать, бросив поиски... И то, что я теперь уже без Джона как без рук... Все это к лучшему, а значит, и то, что я взял с собой карабин, тоже, наверное, к лучшему...

Вовремя же я пришел — солнце едва поднялось над гладью озера, и вечный туман насквозь, как спицами, прошит его лучами. Удивительное зрелище. Я на холме. Прямо передо мной безбрежная

поверхность озера, к которому ведет тропа, начинающаяся у моих ног. Я бегло оглядываю тропу: спуск, берег... И тут, присмотревшись, вижу то, что искал двадцать пять лет. На самой кромке, между водой и сушей, лежит животное размером с корову. Небольшая голова на змеиной шее откинута и чуть дрожит от размеренного дыхания. Толстые лопатообразные лапы непроизвольно двигаются, загребая влажный песок. Это Несси! Она спит.

Горячая кровь ударила в виски, глаза затянулись пеленой. Я зажмурился и опустил на колени. Затем лег на живот и открыл глаза, убеждаясь, что животное мне не пригрезилось. Оно по-прежнему спокойно спит.

Вот я и нашел тебя, Несси! Жаль, что нет кинокамеры: какой бы фильм получился! И тогда все газеты мира писали бы об этом открытии, радио- и телекомпании запели бы хором о моей находке. А ученые умы, которые прежде смеялись надо мной, признали бы свою ошибку. «Да, — сказали бы они, — теперь мы верим, что это не миф. Несси существует!»

Несси зашевелилась. Как-то по-человечьи вздохнула, потянулась и медленно поползла к воде...

Двадцать пять лет безнадежных поисков...

Ее тело плюхнулось в воду и застыло у берега. Несси не спешила уплывать...

Двадцать пять лет унижений и насмешек... Нет, я всем докажу, что Несси — это реальность. Вскинув карабин, я прицелился ей в затылок — все, что ни делается, — все к лучшему. Только бы не промахнуться...

И тут вдруг логичная, но весьма неожиданная мысль блеснула в мозгу, словно вспышка. Я подумал, что вот я всю жизнь пытался убедить людей, что Несси существует... А сейчас, выстрелив, я вовсе не докажу, что она есть; наоборот — я нагляднейшим образом докажу, что Несси нет. Больше нет. Что раньше она была, а теперь — после моего выстрела — ее уже нет... Ну и для чего же тогда были все эти годы поисков? Если я в результате докажу совсем не то, что хотел, а прямо противоположное!

Я стою во весь рост на холме и любуюсь солнцем, озером и Несси, которая то поднимает, то опускает голову, втягивая ноздрями запахи озера. Затем она разворачивается и грузно ныряет в коричневую воду. Через минуту ее голова показывается в пятидесяти метрах от берега и больше не исчезает, а только медленно удаляется в сторону солнца.

Я стою с карабином в руке и не могу оторвать взгляд. Теперь можно уезжать, ведь я-то твердо знаю, что Несси есть — была, есть и будет! — и никто мне не докажет обратного...

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры еще пять лет проработала в школе. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

ЛАЙФ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ АДВЕНЧЕРЗ ПЕРЕВОДОВ

Существует профессия, отдельные представители которой, не зная собственного языка, претендуют на знание иностранного, которого, по сути, тоже не знают. Это наши доблестные переводчики.

К сожалению, далеко не всем из них известны элементарные правила перевода с одного языка на другой: слова, которые могут быть переведены, должны быть переведены; в то же время нельзя все переводить дословно, а похожие по звучанию и написанию слова не всегда значат в разных языках одно и то же.

И было мне омен

На то, что теперь, к сожалению, превращается в норму, в первый раз я обратила внимание, когда в наших видеопрокатах появился шумевший американский фильм под загадочным названием «Омен». Люди, не владеющие английским языком и наивно полагавшие, что это — имя собственное, после просмотра остались в некотором недоумении: кто это? А это, скорее всего, брат Психо. Что, не помогает?

Между тем еще раньше именно так «перевели» на русский название знаменитого триллера Хичкока «Psyho». Красиво, необычно, это вам не посконный русский «псих», что, в общем-то, «psyho» в переводе и означает. Потом была осуществлена попытка переименовать «Психо» в «Психоз», но прижилась первая версия, народ привык. Но ладно, псих там, психоз, психопат — кто угодно, это хоть не препятствует пониманию. А насчет того, что «omen» по-русски означает «знамение», боюсь, в курсе не все. Во всяком случае, этого явно не знал переводчик.

Отдельный разговор — дословный перевод там, где его быть не должно. Вряд ли кто-то переведет выражение «hot dog» как «горячая собака». Зато известен случай, когда жертвой прямого перевода пало название романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери» («Notre Dame de Paris») и превратилось в «Нашу даму из Парижа». И это еще раз подтверждает истину, что ни идиоматические выражения, ни устойчивые словосочетания не переводятся дословно: необходимо найти соответствующую конструкцию и воспользоваться ею.

Еще один пример. Вы не обращали внимание на то, что герои английских и американских фильмов на наших экранах постоянно прощаются при помощи дебильной фразы «увидимся позже», даже если больше никогда в жизни встречаться не собираются? А это так переводят на русский «see you later», что, в общем-то, значит всего-навсего «пока».

Распространенное (в том числе и Михаилом Задорновым) русское убеждение, что все американцы тупые, поддерживает и тот факт, что переведенные нами кинематографические американские дети обращаются к родителям исключительно с уменьшительно-ласкательными суффиксами — «мамочка» и «папочка». Но и «mom», и «mam», и «mum», и даже «mummy» — это в первую очередь просто «мама», равно как «dad» и «daddy» — «папа».

Ложный друг переводчика

Этому учат еще в школе: если слово из одного языка на письме или при произношении выглядит или

звучит так же или очень похоже, как слово из другого языка, совершенно необязательно, что оно означает то же самое.

Мало кому придет в голову, что английское «look» — это наш «лук», но почему же тогда практически все средства массовой информации упорно переводят английское или французское слово «hospital» («больница») как «госпиталь»? Слово «госпиталь» у нас имеет значение «военная больница», и русский человек очень удивляется, узнав, что в дикой загранице пострадавших гражданских лиц постоянно распикивают по госпиталям.

Или еще одно слово — английское «lunatic». Ах, как велико искушение перевести его старым добрым словом «лунатик»! И ведь переводят. Но, увы, «lunatic» — это наше «сумасшедший», «умалишенный», «безумный». А «лунатик» по-английски — «sleepwalker» или «somnambulist». Есть, кстати, и русское слово «сомнамбула». Почувствуйте разницу.

А вот еще пример. Когда-то благодаря телевизионной рекламе собачьего корма мы узнали, что шарпей — интеллигентная собака (ничего против шарпеев не имею, но привычных атрибутов интеллигентов — очков и шляпы — на них не вижу). А переводчикам хорошо бы знать, что понятие «интеллигентия», «интеллигентность» в том значении, к которому мы привыкли, существует только у русских. В однокоренные слова наши иностранные друзья вкладывают иной смысл: с английского слово «intelligent» переводится как «развитой», «умный», «толковый», «смышлелый».

Пшепрашам, не пшешкадзам

Хочется сказать несколько слов и о переводах с польского языка. Польскую классическую литературу переводили компетентные специалисты, а литературе современной повезло значительно меньше. Вот, например, столь популярная в России Иоан-

на Хмелевская, которую переводят, мягко говоря, очень по-разному.

Для польского языка характерен пропуск личных местоимений: там, где русский скажет «я знаю», поляк довольствуется одним словом — «znam». И этого будет достаточно. Русские тоже иногда опускают в речи эти местоимения, но далеко не в том количестве, что поляки.

А некоторые переводчики, видимо, стремясь передать колорит польского языка, на русском развлекаются приблизительно так: «Знала ведь, что будет, когда пришли к Тадеку, но думал, что уже опоздали. Убила без малейшего угрызения совести, надеялись, что труп спрятал. Потом жалела, но ничего исправить не могли». Узнаете? А понимаете хоть что-нибудь? Кто к кому пришел, кто убил, кто прятал хладный труп, кто жалел... Но мало того: многочисленные российские последовательницы Хмелевской на ниве «женского иронического детектива» почему-то тоже стараются писать с польским акцентом.

Второй ляпсус в переводах с польского проявляется приблизительно в таких диалогах:

- Как пани себя чувствует?
- А почему пана это интересуе?
- Меня всегда волновало здоровье пани...
- Ах, пан такой любезный!

Между тем эти двое беседуют не о каких-то посторонних пане и пани: в данном контексте это означает всего лишь то, что собеседники на «вы». Сообразуясь с русским речевым этикетом, переводить это следует таким образом:

- Как вы себя чувствуете?
- А почему вас это интересуе?

И т. д.

Если же кто-то считает, что благодаря этому теряется аромат польского языка, то не хочет ли он вообще всю иностранную литературу переводить с акцентом? С японским, с грузинским... Правда, воспринимать будет трудно, но зато окончательно разучимся говорить по-русски.

Петр ПУСТОВАЛОВ

Петр Пустовалов — преподаватель русского языка и литературы с шестидесятилетним стажем (МГПИ им. Ленина, Полиграфический институт, московские школы), кандидат педагогических наук, доцент, методист. Отличник народного образования СССР, отличник народного просвещения РСФСР.

Автор более пятидесяти литературных статей, восьми учебных пособий для вузов, школ и техникумов. Его работы публиковались в ГДР и Польше. Под руководством П. С. Пустовалова защищено восемь кандидатских диссертаций.

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ — ОДНА ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ТАЙН СЛОГА

БЕСЕДА ВТОРАЯ. О ВАРИАНТАХ ФОРМ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ

Мы продолжаем разговор о словорасположении в предложении, в какой-то степени помогаем понять, почему некоторые исследователи считают его одной из величайших тайн слога.

В первой беседе с читателем мы попытались «вскрыть» те подводные камни, с которыми сталкивается пишущий, когда ему приходится согласовывать сказуемое с подлежащим. Говорить об этом мы посчитали важным потому, что большинство начинающих журналистов (порой даже и те, у кого уже есть определенные навыки работы в газетной публицистике) не видит в этом особых трудностей, привыкнув со школьных лет к правилам грамматического согласования. В предыдущей статье мы попытались разрушить эту иллюзию и показать пишущим, с какими, повторяем, подводными камнями они могут столкнуться при выполнении этих, казалось бы, простейших операций в речи. В этот раз мы решили поговорить о вариантах форм, связанных с управлением, — не менее сложном явлении в русском языке. Почему? Прежде всего, потому, что оно включает в себя многочисленные конструкции, способные передать самые разнообразные оттенки и значения понятий, о которых берется говорить автор, так как прежде всего выбор той или иной формы управления связан со значением глагола (по мнению известных лингвистов, глагол «цементирует» нашу речь). В свое время крупнейший лингвист

А. М. Пешковский («Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики», 1930) указывал: «Речь может идти, конечно, только о тонких оттенках, о нюансах, потому что стилистика вообще ведает только ими. <...> Другими словами, изучаться и сравниваться должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, т. е. значения слов и словосочетаний, близкие друг к другу по их грамматическому смыслу».

Попутно уточним: разница в управлении связана не только со значением глагола, но и с семантикой управляемого слова. В одних случаях значения разных управляемых падежей могут расходиться, в других эти значения близки и при определенных условиях допускают замену: *письмо отправлено отцу* — *письмо отправлено отцом* (значения управляемых падежей расходятся); *принес отцу* — *письмо принес для отца*; *ехали берегом реки* — *ехали по берегу реки* (при определенных условиях возможна взаимозамена).

Перейдем к рассмотрению вариантов возможных форм, связанных с управлением.

Так, у отдельных слов (или у небольшой группы слов, близких по значению) наблюдаются случаи разного управления, отдельные разновидности которого выражают разные семантические оттенки. Например, при некоторых глаголах наблюдаются случаи употребления винительного и творитель-

ного падежей. В большинстве своем эти конструкции далеки по значению: *вернуть деньги — вернуть деньгами; написать стихи — написать стихами* и др. О чем нужно помнить, выбирая нужную конструкцию? Как правило, в таких случаях винительный падеж обозначает объект действия («раскидать мусор», «срубить дерево»), творительный — *способ или орудие действия (засыпать песком — срубить топором дерево)*. Правда, обычно винительный падеж невозможен у глаголов с приставкой (*лить воду, но залить водой*).

Ряду глаголов в русском языке свойственно двойное управление: *знать английский язык, но знать об отъезде*. В этих случаях при выборе нужного словосочетания поможет следующее: винительный падеж будет нужен автору, когда он хочет передать достаточное знание самого материала (*проанализировать статью*), предложный — сообщить общие сведения о проблеме, событии, обозначить лишь тему (*сообщить о собрании, рассказать о поездке*).

Нужно отметить, что в единичных случаях при некоторых глаголах словосочетания с винительным и творительным падежами могут быть близки по значению: *бросить мяч в товарища — бросить мячом в товарища*.

Максимально внимательным при выборе требуемого падежа управляемого слова нужно быть в предложениях с двумя глаголами, требующими разных падежей. Именно невниманием, а может, и недостаточным знанием грамматики можно объяснить появление подобных ошибок: *дочь любила и восторгалась своим отцом; мы ценим и постоянно перечитываем рассказы Тургенева*. Как исправлять подобные ошибки? Рекомендуем при одном глаголе употребить существительное, при другом — местоимение: *дочь любила отца и восторгалась им; мы ценим рассказы Тургенева и постоянно перечитываем их*. А. Н. Гвоздев («Очерки по стилистике русского языка») напоминает пишущим и еще об одной возможной ошибке: «Необходимо следить, чтобы не было допущено омонимических выражений. Они бывают тогда, когда совпадают формы разных падежей или один падеж имеет разное значение. Необходимо следить, не вызывает ли употребленный оборот другого понимания. Так, *девочка несколько раз перечитала письмо матери* (от матери или к матери?); *казалось, конца этой повести не будет* (повести — родительный падеж или дательный?)».

Далее мы считаем необходимым остановиться на синонимике предложных и беспредложных конструкций. Варианты подобных словосочетаний в составе предложения характерны как для глагольных, так и для именных словосочетаний. Мы имеем в виду следующее: *идти берегом — идти по берегу, гу-*

лять вечерами — гулять по вечерам, просить помощи — просить о помощи, приехать поездом — приехать на поезде и т. д.

В подобных случаях, когда возникает необходимость выбора нужного сочетания, следует помнить: предложные конструкции, в которых отношения между словами выражаются не только падежным окончанием, но и предлогом, имеют более конкретный характер, внося часто оттенок уточнения: *идти лесом — идти по лесу* (налицо дополнительное указание на характер поверхности, по которой происходит движение). Иногда различия между предложными и беспредложными сочетаниями слов могут носить чисто стилистический характер: *прослыть игроком — прослыть за игрока; считать болтуном — считать за болтуна; считался весельчаком — считался за весельчака*. По мнению Д. Э. Розенталя, в настоящее время вторые сочетания принято считать устаревшими. К устаревшим относятся выражения «что касается до меня», «представлять из себя» (сейчас рекомендуется употреблять «что касается меня», «представлять собой»). Нормативными конструкциями стали: «равноправны друг с другом», а не «равноправны друг другу»; «оперировать фактами, проверенными данными», а не «оперировать с фактами».

Казалось бы, в наших рекомендациях особых открытий нет, но вот, просматривая периодику, читаем: «Толстой глубже Фрейда копнул в суть музыки...» (Е. Дуда. «Сергей Танеев — Софья Толстая». «Комсомольская правда», 15.12.2008). Поясним: «суть — самое главное и существенное в чем-нибудь («вникать в суть дела»), «копать — разрыхлять, отваливать лопатой, делать углубление, доставать из земли что-то; скрупулезно изучать что-либо». Читателю непонятно, почему автор статьи использует при этом глаголе предложное управление «в суть музыки?»

Автор «Практической стилистики русского языка» обращает внимание и на возможность появления речевых ошибок при употреблении оборотов с предлогами «кроме», «помимо», «наряду», «вместо» и др. Как правило, они управляются сказуемыми: «вместо журналиста на вопросы читателей отвечал редактор газеты», «кроме ребят в турпоходе приняли участие и родители». Но, как замечает Д. Э. Розенталь, «если глагол — сказуемое не управляет подобным оборотом, синтаксическая связь может оказаться разорванной», например: «Кроме прочих титулов, Н. Н. Демидов числился и российским посланником во Флоренции» (оборот «кроме прочих титулов» не управляется глаголом «числился»).

Продолжая рассмотрение вариантов форм управления, остановимся на возможных колебани-

ях падежных форм управляемого слова, в частности на конкуренции форм родительного падежа на -а (-я) и -у (-ю). Последние сохраняют вещественные существительные при обозначении *части целого* (*кусочек сыру, стакан чаю*), собирательные существительные (*множество народу*), существительные в структуре фразеологических оборотов (*с миру по нитке*). Правда, нужно не забывать, что эти формы стилистически снижены и приобретают разговорную окраску. И еще одно: кроме указанных случаев, формы родительного падежа на -у (-ю) дольше всего удерживаются у односложных или двусложных существительных «чай», «квас», «хлеб», «сахар». Для трехсложных и многосложных слов такое окончание малохарактерно («плитка шоколада»). Следует не забывать, что выбор формы родительного падежа зависит и от особенности предлога. Так, с предлогом «от» чаще всего употребляется форма на -а (-я): *от голода, от смеха* и, наоборот, с предлогом «с» («со») предпочтение отдается форме на -у (-ю): *с голоду, со смеху*.

При выборе вариантов беспредложных и предложных конструкций необходимо учитывать различие и в смысловых оттенках. Так, предложные конструкции (в них отношения между словами выражаются не только падежным окончанием, но и предлогом) имеют более ясный, конкретный характер, связь между словами как бы уточняется: *осанка юноши и осанка у юноши, объединяться группами и объединяться в группы*. Легко увидеть, что смысловые оттенки более конкретны и, к примеру, в следующих словосочетаниях: *полезный взрослым и детям и полезный для взрослых и детей; чуждые взгляды и чуждые нам взгляды* и т. д. Потребуют правки и конструкции со слабым управлением (они часто порождают смысловую двусмысленность): «Гостей из Великого Новгорода приехали встречать местные журналисты» (непонятно, гости из Великого Новгорода или из Великого Новгорода приехали местные журналисты?). В синонимических конструкциях при выборе предлога следует не забывать о смысловых и стилистических оттенках между ними. Например: *справка за подписью и печатями* (официально-деловой стиль), *справка с подписью и печатями* (нейтральный стиль); *все говорило за то, что он...* (просторечное выражение), *все говорило о том, что он...* (сочетание, отвечающее нормам литературного языка).

Мы уже писали о том, что в нашу речь все активней и бесцеремонней вторгается «канцелярий» (термин К. И. Чуковского). Так, в периодической печати, в выступлениях государственных чиновников мы все чаще встречаем словосочетания с предлогом «по»: «В обществе все чаще стали говорить

по вопросу реформирования пенсионной системы» (правильнее: стали говорить о необходимости реформирования пенсионной системы); «Министр сельского хозяйства Московской области заверяет, что Подмоскowie полностью покрывает потребности Москва и области по картофелю, капусте и другим овощам» (правильнее: Подмоскowie полностью покрывает потребности в картофеле, капусте и других овощах).

Из того же источника хлынули в нашу речь в настоящее время предлоги «в деле», «в области», «в чести», «за счет», «по линии». Невольно опять вспоминается А. П. Чехов: «Какая гадость чиновничий язык!» Безусловно, мы не за «репрессивные» меры: изгнать — и язык обретет первоизданную чистоту. Мы, как говорится, сторонники золотого правила: во всем должны быть мера и свое место. Так, если автор хочет передать выигрыш одной стороны с ущербом для другой, уместен предлог «за счет» («Удалось оборудовать небольшой кабинет за счет другой комнаты»); предлог «по линии» уместен, когда автор хочет указать на направленность какого-либо действия («Реформа народного образования, по мнению чиновников, должна пойти по линии укрупнения школ») или обозначить ту или иную систему деятельности («По линии профсоюзов сделано немало для организации летнего отдыха детей»).

С очень серьезными трудностями сталкиваются пишущие, когда им предстоит выбрать падеж (родительный или винительный) прямого дополнения *при переходных глаголах с отрицанием*. Чаще всего это вызывается степенью зависимости прямого объекта от переходного глагола с отрицанием. Она, как известно, может быть непосредственной или опосредованной. Обычно прямое дополнение в форме родительного падежа употребляется в том случае, когда оно непосредственно зависит от глагола с отрицанием. Например: «Прощай же, море! Не забуду твоей торжественной красоты...» (А. Пушкин); «Директор долго говорил с мальчиком, старался не задеть его самолюбия».

Рассмотрим те случаи, когда прямое дополнение чаще всего ставится в *форме винительного падежа*. Так, если дополнение имеет вполне определенное, конкретное значение (объект хорошо известен, ясен), то оно ставится в винительном падеже («К сожалению, я не встретил свою сестру»; «Я так и не сумел прочитать последний роман В. Астафьева». Этого правила следует придерживаться и в конструкциях, в которых прямое дополнение выражено именем собственным: «Отец, отец, оставь угрозы, свою Тамару не брани...» (М. Лермонтов). Форму винительного падежа принимает прямое допол-

нение и в случае, когда в предложении оно стоит в препозиции к глаголу: «Осень и зиму Павел не любил» (Н. Островский). Если же объект неопределенный, отвлеченный, то прямое дополнение ставится в родительном падеже (родительный падеж отрицания): «На нас не кинет взгляда: он занят небом, не землей!» (М. Лермонтов).

Выделим еще ряд возможных вариантов постановки прямого дополнения при переходном глаголе с отрицанием.

Так, при переходных глаголах в форме повелительного наклонения прямое дополнение также ставится в винительном падеже: «Не трогай эту вазу!»; «Не подпускай к себе собаку!». Прямое дополнение в форме винительного падежа обязательно в конструкциях с двойным отрицанием: «Не могу не рассказать вам эту забавную историю». Нужна она и в предложениях, в которых могут совпадать одинаково звучащие имена существительные в родительном падеже единственного числа и в именительном падеже множественного: «Я не смог приобрести нужной книги» (родительный падеж); «Нужные книги для меня были в шкафу» (именительный падеж множественного числа). Всегда влияет на выбор прямого дополнения и наличие при глаголе с отрицанием наречия со значением ограничения: «Я чуть не пропустил прибытия поезда».

Обычно ставится в винительном падеже и дополнение, находящееся в опосредованной зависимости от переходного глагола с отрицанием («Я не стану реставрировать эту картину»), и крайне редко в родительном. Обычно это мы наблюдаем в тех случаях, когда существительное обозначает отвлеченное понятие: «Я не выношу лжи и фальши».

С определенными трудностями можно столкнуться при выборе падежной формы управляемого слова и при синонимических словах, требующих чаще всего постановки дополнения в разных падежах: *вера* (во что?), но *уверенность* (в чем?); *заслужить* (что?), но *заслуживать* (чего?); *беспокоиться* (о ком?), но *тревожиться* (за кого?); *поражаться* (чем?), но *удивляться* (чему?); *оплатить* (что?), но *заплатить* (за что?) и т. д.

Попутно заметим, что иногда, выбирая падежную форму дополнения (оно при одном и том же слове может стоять в разных падежах), надо помнить, что дополнение может изменять оттенок значения слова или словосочетания в целом.

Сравним два предложения: «Руководство фирмы назначило собрание коллектива на 13 часов» и «Руководство вновь открытым отделом поручено опытному специалисту». Нетрудно увидеть, что в первом предложении сочетание «руководство фирмы» имеет собирательное значение и обозначает

лиц, осуществляющих действие, во втором же конструкция «руководство отделом» указывает на непосредственное действие лиц со стороны, действие, осуществляемое кем-то.

Ряду глаголов вообще свойственно двойное управление, причем каждая конструкция передает свои оттенки значения:

а) *знать оперу Чайковского «Пиковая дама»* (винительный падеж обозначает достаточное знание самого материала), но *знать об опере Чайковского «Пиковая дама»* (предложный падеж передает лишь общие сведения о сообщаемом);

б) *забыть документы дома*, но *забыть о документах, отправленных заранее* (близко к тому, о чем мы сказали выше);

в) *наблюдать лунное затмение* (проводить наблюдение), но *наблюдать за поведением митингующих* (выполнять административные функции);

г) *пожертвовать деньги на восстановление храма* (объект, вносимый жертвователем), но *пожертвовать жизнью* (отказаться от чего-либо в каких-либо интересах);

д) *торговать зерном* (предмет продажи), но *торговать дом* (предмет покупки: «Тут башмачки козловые дед внучке торговал», Н. Некрасов).

С известными трудностями можно столкнуться и при выборе падежа дополнения *при предложном управлении* (как и выбор предлога при управляемом слове). Казалось бы, со школьных лет известно, что предлоги «благодаря», «согласно», «вопреки» в современном языке *управляют дательным падежом*, тем не менее сочетания *согласно приказу, согласно распоряжению* не редкость не только в канцелярских документах, но и в газетных публикациях.

Нужно признать, что почти «комфортно» стали чувствовать себя в нашей речи сочетания с предлогом «по» в значении «после». Предлог «по» в этом случае управляет предложным, а не дательным падежом: *по возвращении из отпуска, по окончании школы, по истечении установленного срока*. А это в свою очередь приводит и к грубой орфографической ошибке: *по истечению установленного срока, по возвращению из отпуска*.

Надо быть внимательным и при употреблении местоимения «он» после предлога «по»: в современном языке оно, как правило, ставится в дательном падеже («По нему открыли огонь», Э. Казакевич), но во множественном числе местоимений 1-го и 2-го лица обычно употребляется предложный падеж («Из окна по нас стреляли», К. Паустовский). Правда, при некоторых глаголах со значением чувства («скучать», «горевать», «тосковать» и др.) обычно употребляется дательный падеж («тосковать по своему отцу», «скучать по детям»). Прямое дополнение

в винительном падеже ставится всегда в поговихах, поговорках, устойчивых сочетаниях: «Без труда не вынешь рыбку из пруда»; «Яйца курицу не учат». Нужно быть особенно внимательным при выборе падежа прямого дополнения при глаголах с отрицанием «не», оно чаще всего ставится в родительном падеже («Я никогда не забуду твоей прощальной улыбки»), и при глаголах с приставкой «недо-» (приставка не имеет значения отрицания, а лишь указывает на выполнение действий ниже нормы: «недолить стакан», «недооценить силу противника»), при которых обязательно прямое дополнение в винительном падеже. А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении») указывал, что винительный падеж употребляется и при инверсии дополнения, поскольку «при постановке существительного перед глаголом говорящий может не держать еще в уме при произнесении существительного глагола с отрицанием» («Я дверь не открою»; «Эту песню не задушишь, не убьешь»).

С серьезными трудностями можно столкнуться и при выборе предлогов «в» и «на» с пространственным значением, так как здесь надо учитывать не только значение управляющего глагола, но и значение всего словосочетания. Так, мы фактически не задумываемся, когда говорим «пошел в бассейн», «пошел на спортплощадку», хотя разница в значении словосочетаний налицо: в первом словосочетании предлог указывает направление внутрь чего-либо или нахождение внутри чего-нибудь, предлог во втором словосочетании — нахождение на поверхности или направление на поверхность.

Предлоги «в» и «на» употребляются, как известно, и при существительных, обозначающих средства и способ передвижения: «на» указывает на способ передвижения («кататься на мотоцикле», «ехать на машине»), «в» подчеркивает пребывание внутри средства передвижения («передвигаться в микроавтобусе», «переночевать в машине»). Незнание этих оттенков в значениях предлогов может привести к грубым речевым ошибкам типа: «Отсюда, от церкви Большого Вознесения, Пушкин с молодой женой на карете отправился на Арбат (из телепередачи об

А. Пушкине)», «Екатерина Великая вот на такой карете отправилась из Екатеринослава в Херсон» (канал «Культура», 19 июля 2012 г.).

Читатель вправе спросить нас, почему же мы сейчас говорим и пишем «на почте», «на заводе», «на фабрике»? В этих случаях исходят из исторически сложившейся традиции: на крупных дорожных трактах строились почтовые станции, на которых смотрители меняли лошадей, предоставляли возможность проезжающим отдохнуть и т. д. («Так думал молодой повеса, летя в пыли на почтовых». А. Пушкин), заводы и фабрики обычно занимали открытую территорию (до сих пор мы говорим «заводская территория»). Исторически традиционным осталось и написание «на Украине» («территория у края Российской империи, окраина»), что вызывает сейчас всплеск негодования у украинских националистов, усмотревших в таком написании «ущемление национальной самобытности украинского народа».

Как антонимы к предлогам «в» и «на» выступают предлоги «из» и «с»: *в лодке лежала пойманная рыба — из лодки вышли работники рыбнадзора; на катере мы подплыли к берегу — с катера нам что-то прокричали.*

Завершая беседу, хотим еще раз напомнить, что наши рекомендации не являются универсальными, так как в словосочетаниях «глагол плюс управляемое слово» надо учитывать и влияние таких условий, как семантика глагола — сказуемого и семантика дополнения, способ выражения отрицания, наличие в предложении слов, усиливающих или ослабляющих отрицание, и т. д.

Напомним и еще об одном: конструкции, нарушающие нормы литературного языка, нельзя рассматривать как варианты в нейтральных стилях речи (часто приходится слышать оправдательную оговорку: так теперь все говорят). Рассматривая их, мы ставили своей целью привлечь внимание пишущих (и говорящих!) к распространенным, часто встречающимся отступлениям от принятых норм, что приводит, к сожалению, к замусориванию родного языка.

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжают споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусице. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем и всем спасибо за первые отклики.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008–2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ДУШИ

«Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня». Это сказал великий писатель, драматург, поэт, публицист. Николай Васильевич Гоголь. Имя которого еще при жизни стало великим. Хотя он сам и не был счастлив. А вот судьба его произведений действительно счастливая. Впрочем, его имя до сих пор склоняют со всех сторон. И те, кто любит. И те, кто ненавидит. Может, потому, что по сегодняшний день Гоголь является одним из самых популярных писателей. После Библии, после Достоевского — он, Гоголь. И поэтому какими слухами земля полнится! И параноик, и сумасшедший, и отшельник, и колдун, и Пушкин его не терпел, и, оказывается, завел дружбу с дьяволом, и в гробу он перевернулся. И вообще родился в день дураков — 1 апреля... А он даже и не в апреле родился, а в марте (по старому стилю). А остальное... Действительно для дураков, ува-

жаемый Николай Васильевич! От подобных слухов можно действительно перевернуться в гробу.

«Сейчас прочел “Вечера близ Диканьки”... Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился...» (Пушкин). «Что такое Тарас Бульба? Герой, представитель жизни целого народа, целого политического общества в известную эпоху жизни...» (Белинский). «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне — больше всех...» (Николай I о «Ревизоре»). «Мне очень приятно, что г. Гоголь знает, что в глубине Сибири он имеет пламенных почитателей...» (декабрист В. Л. Давыдов).

Литература Гоголя такая неправдоподобно разная. И народная, и романтическая, и комичная, и реалистичная, и фантастичная, и символичная, и мистичная. А еще он, безусловно, первым предвосхитил модернизм. Гоголь был очень сложен, очень

противоречив. Если бы он был простым и прямым, вряд ли бы мы вообще узнали его имя. Не в этом ли тайна такого таинственного писателя?

В основном творчество писателей совпадает с их мировоззрением. Гоголь, пожалуй, единственный из писателей, мировоззрение которого всю жизнь воевало с его произведениями. Его произведения были гораздо смелее. И шли гораздо, гораздо дальше его мировоззрения. Дальше вверх. Потом дальше вниз... Крайности. Сам Гоголь всегда мог остановиться. Его талант — нет. Он часто отрекался от того, что любил. И часто принимал то, что ненавидел.

Гоголь — это и украинские Сорочинцы, где он родился. И Петербург, где он стал писателем. И Рим, где он прожил с перерывами десять лет и писал «Мертвые души». И Москва, где он умер и похоронен...

Он не был ни с кем. Ни со славянофилами, ни с западниками. Ни с революционерами, ни с государственниками. Хотя в начале его горячо поддерживали прогрессивные силы. Как его произведения — их. В конце — реакционные. Как его произведения — их. А он сам?.. В этом весь Гоголь. Он был сам по себе. А вот его творчество — нет. Когда его творчество желало, жаждало немедленной борьбы и справедливости, он сам останавливался. Когда его творчество желало, жаждало немедленной смиренности, покаяния, он сам останавливался. Впрочем, шумиха вокруг его имени была, есть и будет не столь литературная и тем более личная, сколь идейная. Разве не символично, что в истории остался первый том «Мертвых душ». Для истории. Главное произведение Гоголя.

«Мертвые души» — история болезни, написанная рукой мастера» (Герцен). История болезни России, диагноз которой поставил Гоголь. Пушкин после знакомства с первыми главами этой грандиозной поэмы грустно произнес: «Боже, как грустна наша Россия!» Она была грустна, есть и всегда будет.

«Будьте не мертвые, а живые души», — завещал нам Гоголь. Его всю жизнь мучили мертвые души. Он мучит своим невероятным талантом живые. По сей день.

По сей день среди нас живут пять характеров гоголевских помещиков. Слэбывые паразиты маниловы, безалаберные панибраты ноздревы, сетующие торгашки коробочки, твердолобые грубияны собакевичи, патологические скряги плюшкины. Ни одного утешения! Мертвые души. Умирание человеческого в человеке. Сегодня они живучи, как никогда.

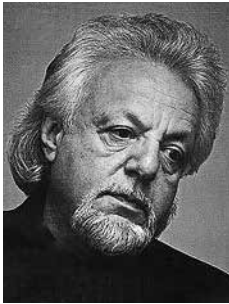
И конечно — главный мерзавец. Чичиков. Этаким мошенник, авантюрист, скупающий мертвые души. Точнее, по Гоголю, — «хозяин», «приобретатель», а по-простому — подлец. Этаким представитель бандинского капитализма в России. В советский период

был перерыв для чичиковых. Они, конечно, были. Но не как явление. Явление их случилось позднее. Они ворвались в нашу жизнь вместе с перестройкой, уже откровенно скупая мертвые души и убивая живые. Они были гораздо, гораздо хуже... Сегодня пришло время другой эпохи. Когда вор Чичиков должен сидеть в тюрьме! И как же не хватает сегодня Гоголя!..

И все-таки это Россия. Гоголя могли обвинить в мраке, безнадежности, в депрессивности поэмы. Но ведь он завершил первый том «Мертвых душ» на высокой ноте: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются, и дают ей дорогу другие народы и государства...» А еще когда-то сказал: «Если русских останется только один хутор, то и тогда Россия возродится». И в этом тоже Гоголь. Уж если великий фантазер верил в Россию, нам сам бог велел верить.

Второй том «Мертвых душ» Гоголь сжег. Почему? «Почему» неуместно. Хотя над этим почему-то бьются несколько веков. Он знал — почему. И этого достаточно. Если талант победил свое произведение, уничтожая его. К тому же он не раз сжигал свои рукописи. И не раз рвал их. Для этого нужно не просто мужество. Для этого нужно понять, что творение оказалось не достойным гения. А на меньшее он не соглашался... Хотя Гоголь не был максималистом. Скорее, наоборот. Особенно к концу жизни. А в смерти шептал: «Лестницу, поскорее давай лестницу!..» Он всю жизнь шел по этой лестнице. Которая все выше, выше, ступенька за ступенькой вела его к бессмертию. Как и еще 99 писателей. Которые потрясли мир.

Продолжение. Начало в № 4–12 за 2012 г., № 1, 2, 3 за 2013 г.

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

Эмиграция. Это сейчас можно взять билет и за-просто полететь в Москву, Питер, Минск, а на Укра-ину вообще виз не надо. А тогда уехавшие люди знали, что никогда больше родину не увидят. Поэты писали (мы уже старики, и недолог наш путь, и из Волги-реки нам воды не черпнуть): «Неужели я ско-ро умру, улечу, как листок на ветру, одинокую жизнь доживая, испарюсь, как вода дождевая». Так дума-ли. Я спросил одного старого украинца:

— Не хотите ли лежать после смерти на Украине?

Он ответил по-своему мудро:

— Земелька везде одинакова. Мне бы попасть в небесную страну!

Никто не предполагал, что колосс в одночасье рухнет.

Больше всего меня ругали из-за Лукашенко. За мою симпатию к нему. Понимаю, он не ангел. Так нет ангелов на земле, особенно среди президен-тов. С ним встречался четыре раза. Помню его сло-ва: «Наверное, наш путь не лучший путь. Но это наш путь. Если бы мы пошли другим путем, нас бы давно проглотила русская мафия, а русский рэкет задавил бы нас. Мы бы погибли, как нация. И стали бы при-датком типа Вятской губернии».

Потом он мне рассказал, что, когда работал пар-торгом в совхозе, пришли к нему как-то верующие, человек пятнадцать, и сказали, что негде молиться. Не мог бы он помочь построить маленькую цер-ковь, типа простого домика. И вот он завез им до-ски, строительный материал, и они построили себе дом молитвы. А ему после этого райком партии вы-

говор объявил: «За оказание помощи религиозной группе». И вот тогда Александр Григорьевич мне и сказал: «Мне кажется, что если есть хоть самая ма-ленькая церковь, значит, она кому-то нужна и никто не вправе ее закрыть».

Я по-простому скажу: тех людей, к которым мы относимся с симпатией, ругать трудно. Но я его всегда ободрял, потому что верю: он с массой ошибок искренне верен своему народу. Не знаю, правда ли это была, но он мне сказал, показыв-вая на руки: «К ним ни одна копейка не прилип-нет, не смогу этого сделать!» Недруги его говорят другое. Все возможно. Власть — это постоянные искушения. Власть — это самый сильный нарко-тик в мире. А там, где этот наркотик, появляется другой — деньги. Я как-то в России на телевидении сказал: «Доллар оказался сильнее КГБ». Когда я поздравил Лукашенко с избранием на должность президента, сколько грязи на меня вылили! Прав-да, маленькие люди, не очень грамотные и справед-ливые, но с осиными жалами. Интересно, что были в этой группке «революционеров» и верующие христиане. А я писал тогда: место христиан — не на баррикадах, а в молитвах и мирных, настоятель-ных и открытых заявлениях правительству. А он мне когда-то сказал: «Наверное, я православный атеист, но Бога стараюсь познать».

Я пишу эти воспоминания после того, как по-просил его отпустить на свободу двух нарушивших закон молодых людей, одного православного веру-ющего, а второго — пятидесятника. Мне прислали

ответ, что Президент рассматривает мою просьбу. Не знаю, чем закончится, вы узнаете это уже не от меня.

«Диктатор», избранный народом

*Поднимаю руку мою к Господу.
Быт. 14:22*

К этому человеку относятся столь по-разному, что уже само по себе свидетельствует о его неординарности. Я говорю об Александре Григорьевиче Лукашенко, Президенте Республики Беларусь. Не секрет, что в последние годы в США, да и в других странах о нем сложилось мнение как о жестком, деспотичном правителе, пытающемся диктаторскими методами подавить в Беларуси основные права человека.

Если откровенно, то поначалу и во мне (особенно после прочтения некоторых сообщений в прессе) этот человек симпатий не пробуждал. Но Богу было угодно, чтобы мы встретились лицом к лицу.

Эта встреча явилась кульминацией нашего официального визита в Минск, состоявшегося по приглашению администрации Президента. Я представлял тех, кого консультирую в Конгрессе в рамках концепции духовной дипломатии, разработанной и осуществляемой нашей международной ассоциацией «Христианский мост». Свои первые плоды она дала в 1991 году, на встрече с Президентом М. Горбачевым. Суть ее в том, что, когда обычные методы дипломатии исчерпывают себя и не дают результатов, логично и правомерно использовать духовные контакты. В данном случае контакты американских верующих, представляющих большинство населения страны, и представителей государственных структур Беларуси, которые понимают, что отношения между странами можно строить на основе духовных ценностей христианства.

Встреч в Минске было немало — и с ведущими политиками и официальными государственными лицами, и с общественными и религиозными деятелями. Мы вели переговоры с министром здравоохранения, министром культуры, заместителем министра иностранных дел, главой Комитета по делам молодежи, заместителем министра обороны. Состоялась встреча с главой православной церкви Беларуси владыкой Филаретом, а также с руководителями евангельских союзов республики. Я участвовал в воскресном богослужении в центральной минской церкви, посетил христианский колледж и семинарию, где провел служение с преподавателями и студентами. В один из дней в национальном пресс-центре прошла встреча с журналистами. В ходе этой пресс-конференции я ответил на многочисленные

вопросы корреспондентов различных газет, информационных агентств и телекомпаний. Кстати сказать, белорусские средства массовой информации довольно широко и объективно освещали наш визит и высоко оценили его результаты.

Все эти многочисленные встречи стали прелюдией к встрече с Президентом страны. Она состоялась в рабочей резиденции главы белорусского государства. Несмотря на свою занятость, Лукашенко вместо запланированных сорока минут беседовал со мной почти два часа. Между нами сразу установилось какое-то особое взаимопонимание и симпатия. И, хотя на нас были нацелены объективы известных телекомпаний, у меня возникло чувство глубокой личной доверительности во всем, что мы обсуждали. По признанию Президента, эта беседа была и для него столь важной и интересной, что он отложил другие встречи.

Собственно говоря, это была не просто встреча, это было эксклюзивное интервью Президента Беларуси «Христианскому мосту» для показа по телевидению США, фактически — обращение ко всему американскому обществу. В ходе нашего разговора затрагивались различные аспекты нынешней социально-экономической и политической ситуации в республике. Примерно процентов сорок всей беседы было посвящено духовным вопросам. Впрочем, пересказ — дело неблагодарное. Поэтому я хотел бы предложить вашему вниманию некоторые существенные отрывки из интервью, уже частично показанного нами по телевидению. Уверен: по прочтении вы сами сможете сделать необходимые выводы. Это интервью, в свою очередь, является частью книги о Беларуси и ее лидере, готовящейся к выходу в одном из известных американских издательств.

М. Моргулис: Г-н Президент! Десять лет назад на древней славянской земле, в Беловежской Пуще, были подписаны соглашения, повлекшие распад СССР, а теперь, на том же геополитическом пространстве, во многом благодаря вашей инициативе возникло новое государственное объединение — содружество Беларуси и России. Вы являетесь Председателем этого Содружества. Скажите, каким вам видится будущее союза двух стран? Каковы причины и цели этого объединения? Не сделан ли тем самым первый шаг к восстановлению прежнего СССР, как прогнозируют некоторые обозреватели и на Западе, и в России?

А. Лукашенко: Мне кажется, западным странам нечего опасаться. Знаете, Майкл, невозможно повторить историю, повернуть ее вспять. В то же время нет ничего плохого в попытках осуществить концепцию многополюсного, сбалансированного мира, что мы и делаем. Такая система будет намного ста-

С Лукашенко

бильнее, чем нынешняя, когда доминирует только одна страна — Америка... Возможно, вам, американцам, нынешнее положение вещей нравится, но нельзя построить рай в одной, отдельно взятой стране. Невозможно поддерживать высокий уровень жизни без здоровой конкуренции. Вы можете оказаться в таком же тупике, в который мы загнали себя в Советском Союзе. Да, мы стараемся на этой земле, для этих людей восстановить сильное государство или сильный союз. Что в этом опасного? Почему Европейский союз не вызывает у вас возражений? Я против того, чтобы подходить к тому, что происходит у нас, с двойными стандартами.

М. М.: В Америке существуют различные точки зрения на то, кто больше выиграет от нового союза — Беларусь или Россия. Для Беларуси немедленные практические дивиденды, казалось бы, очевидны — поставки дешевого российского сырья, в первую очередь нефти, ее реэкспорт, опора на более мощного в финансовом отношении партнера и т. д. Что касается России, то некоторые американские политики понимают смысл объединения для Москвы в создании «буфера» между НАТО и непосредственно российскими землями на стратегически самом важном в Восточной Европе направлении. Недаром ведь в бывшем СССР Белорусский военный округ считался одним из самых сильных. Но кроме политического расчета есть ведь, наверное, и другие мотивы — то же чувство исторической общности двух народов, например? Были ли у вас какие-либо сомнения в исторической правильности своего выбора?

А. Л.: Сомнений не было. Прежде всего, потому, что это было не мое личное желание, а решение всего народа Беларуси, подтвержденное в ходе общенационального референдума. Были и сугубо практические причины. Как Президент я стремлюсь к тому, чтобы все жители Беларуси были обеспечены

работой. В советские годы наша республика была «сборочным цехом» страны. Мы и поныне сохранили мощный научный и промышленный потенциал. Однако он слишком велик по отношению к численности населения и нашим нуждам как небольшой независимой страны. Скажем, мы производили раньше сто тысяч тракторов в год, больше, чем какая-либо другая страна в мире... В нашей нынешней ситуации мы просто обязаны создавать новые рабочие места, сглаживать разницу в доходах, находить сырьевые источники и стабильные рынки сбыта. Ну а теперь ответьте мне на простой вопрос: где мы можем найти все это, если Запад нас отвергает? Только в России. Конечно, у нас те же самые исторические корни. И все же одна из главных причин образования нового союза — экономическая.

М. М.: Года два назад на обеде в Республиканском клубе на Капитолийском холме, в Вашингтоне, мне пришлось возразить одному уважаемому сенатору. Он убеждал меня в том, что для Америки Беларусь не представляет специального интереса, и критиковал за поддержку этой «неудобной» страны. Помнится, я ответил ему: хорошо, сейчас можно Беларусь обвинять, игнорировать. Но если выбор своего пути и своего лидера десятками миллионами человек представляется вам недостаточным для разговора на равных, будете ли вы вести переговоры с Лукашенко, если он станет одним из лидеров Содружества двух государств, если за его спиной будут стратегические ракеты и объединенные ресурсы? Тогда моему собеседнику это показалось нереальным. Теперь объединение — исторический факт. Юридические формулы договора обрастают плотью хозяйственной практики, восстанавливаемых общественных и человеческих связей. На повестке дня — вхождение нового Союза в сферу мировой политики. Вместе с тем, как заявлено, обе страны остаются самостоятельными субъектами международного права. Каким, господин Президент, вам видится развитие отношений между Беларусью и Россией, Беларусью и Западом? Что нового привнесет в эти отношения с Западом союз двух стран?

А. Л.: Чтобы не повторяться, скажу коротко: я верю, что здравый смысл или, если хотите, государственный прагматизм в наших отношениях восторжествует. К этому ведет вся логика мирового экономического развития. Этого требует политическое здравомыслие, если мы хотим безопасного будущего для своих детей. И это произойдет тем быстрее, чем быстрее из отношений между Америкой и Беларусью будет удалена предвзятость, субъективность, идеологическая зашоренность.

Сама ситуация подталкивает нас к международному сотрудничеству. И с соседями. И с вами. В свое

время я не дал развалить нашу промышленность, как случилось это во многих других республиках. Наоборот, я сделал все, чтобы стимулировать производство товаров и продукции, способных конкурировать на мировом рынке. И теперь мы предлагаем товары высочайшего качества, но намного дешевле, чем другие. Выгодно ли это для американского потребителя? Я думаю, очень выгодно. Однако, по политическим мотивам, вы закрыли свой рынок для нашей продукции. Типичный экономический железный занавес. В то же время, и это тоже несправедливо, западные страны стараются сбыть нам товары низкого качества, которые сами потреблять не хотят.

В такой ситуации я просто обязан защищать белорусский народ, проголосовавший за меня на выборах. Националист ли я? Нет. Я просто отстаиваю белорусские национальные интересы, как отстаивает интересы своей страны любой другой национальный лидер. И я никому не дам заблуждаться и рассматривать Беларусь в качестве российской губернии. Исходя из этой позиции мы строим наш союз с Россией и готовы строить отношения с Америкой, чтобы использовать все возможности для плодотворного взаимовыгодного сотрудничества. И с этой точки зрения я готов к любому разумному компромиссу.

М. М.: Мы, американские христиане, верим, что перед Богом нет больших и маленьких людей, нет больших и маленьких стран. Перед Богом все равны, все едины. При всех достижениях Америки мы понимаем, что в нашем обществе остается все еще немало проблем. Мне кажется, вы человек искренний и открытый. Считаете ли вы справедливым все, что происходит в мире, — к примеру, в Америке и в Беларуси?

А. Л.: Не мне судить о внутренних проблемах Америки. Что касается Беларуси... Наша главная проблема — это отнюдь не проблема оппозиции, как кажется многим на Западе. Это и не проблема демократических свобод. Наша проблема — обеспечение социальной защиты, достойного уровня жизни для всех членов общества.

Как вы знаете, я был избран большинством населения, а не бюрократами или небольшой группой интеллектуалов. Мне было тридцать восемь лет, когда миллионы простых людей доверили мне руководство страной. Это доверие я не забуду до конца моих дней, я не могу предать его. Вот почему я защищаю нужды простых людей. Вот почему стараюсь уменьшить разрыв между богатыми и бедными в Беларуси. Я говорю нашим бизнесменам: «Когда Бог призвет вас, вы не сможете захватить с собой по костюму на каждый день и по лишней паре обуви.

Все, что у вас останется (и у меня тоже), — это пара белых тапочек. Поэтому если ты богат, поделись с тем, кто сегодня пребывает в нужде». Этой задаче подчинена вся деятельность правительства и, конечно, моя лично — как Президента и как гражданина своей страны.

М. М.: Я часто повторяю, что рая на земле нет. И подчас успешному бизнесу мешают причины отнюдь не экономического плана. Я хотел бы задать вопрос о соблюдении прав человека в Беларуси. В этой области все ясно только наивным иностранцам, которые ни разу не были у вас в стране, или же тем западным политикам, которые по каким-то причинам тенденциозно используют информацию только из одного источника. Скажите, соблюдают ли, по вашему мнению, законодательные и исполнительные, в том числе судебные, структуры Беларуси международные постановления о защите прав человека? Не создается ли подчас напряжение по этим вопросам сознательно — как средство достижения политических целей?

А. Л.: Сначала отвечу на первую часть вопроса. Мы стремимся, чтобы международные соглашения о правах человека выполнялись в полном объеме. И сделали в этом отношении немало, хотя наверняка какие-то недоработки еще остались. При желании можно сослаться на свидетельства многих независимых экспертов. Что касается второй части вашего вопроса... Да, напряжение создается, очень активно и целенаправленно.

То, как меня живописует западная пресса — диктатор и тому подобное, — для меня, господин Моргулис, конечно, не секрет. Но я далек от того, чтобы без разбора обвинять в предвзятости всех западных политиков. Ведь заблуждаться можно искренне. Особенно если заблуждаться «помогают» наши доморожденные оппозиционеры. Они не признают, что исторически русские и белорусы — одна нация. Ну а я не могу согласиться с их философией, потому что твердо знаю: линия между национализмом и нацизмом очень тонка и условна... Они меня упрекают в том, что я плохой националист. И это обвинение тоже используется в политических играх. Но, повторяю, я очень ясно вижу, что там, где начинаются национализм и шовинизм, рукой подать до нацизма и фашизма.

Вы, американцы, помогаете моим оппонентам, не понимая, что поддерживаете людей, которые пекутся не о демократии, а о своих личных интересах — о своей власти, о связанных с этим деньгах. Поймите, это ведь не новые лидеры, которые хотят себя проявить! Эти люди уже стояли у руля власти. Они дискредитировали себя, и потому народ отказал им в доверии на выборах. Теперь они апеллируют к американскому правительству. Заводят друзей в

Конгрессе. Многие чиновники высокого ранга, многие законодатели рассматривают ситуацию в нашей стране, основываясь на оценках этих групп. В этих обстоятельствах для Беларуси естественно крепить свой союз с Россией. Почему вас удивляет это?

Я не запрещаю прессе критиковать меня, но порой с газетных страниц льется так много лжи... Клевета меня огорчает, но не пугает. Я живу открыто. Народ видит каждый мой шаг. Наши люди умеют отличать правду ото лжи. Я был бы стерт в порошок, если бы присвоил себе из казны хотя бы один доллар. Наверное, меня можно упрекать в чем-то другом, но в казнокрадстве меня обвинить не могут даже мои противники.

Говоря откровенно, Майкл, меня очень беспокоит, что многие американцы не понимают разницы между реальной жизнью в Беларуси и измышлениями. Вот пример. Америка повсюду воюет с коррупцией: у себя дома, в России, на Украине и т. д. Вы

прекрасно понимаете, что не может быть здоровой экономики, если не побеждена разъедающая общество ржавчина коррупции. Когда-то, пусть и недипломатично, я начал заседание на самом высоком уровне словами: «Кончайте воровать, мужики!» Эту линию борьбы с коррупцией я продолжаю и с нее не сверну. Когда меня спрашивают о личных счетах в зарубежных банках, я всегда говорю: вот, пожалуйста, возьмите мою доверенность и, если они там есть, получите эти деньги, оставьте их себе на здоровье. К слову, после нашумевшей истории с Ельциным, с его якобы счетами в иностранных банках, я то же самое посоветовал сделать Борису Николаевичу: если это неправда, выступите по телевидению, в прямом эфире, с таким же предложением, и все станет на свои места. Но Ельцин моим советом не воспользовался...

Продолжение следует.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Тамара Жирмунская — современная писательница, автор двенадцати книг стихов и прозы, вышедших в Москве.

С журналом «Юность» была тесно связана с 1960 года. Здесь неоднократно печатались ее стихи, среди которых «Бессонница», «Шаги», «Снегурочка», «Я продаю свою библиотеку...» и др. Именно в «Юности» она дебютировала как прозаик (повесть «Вместе со светом», рассказ «Дорога через Корабельную рощу»).

Одно время вела устные консультации для начинающих авторов.

Недавняя работа Тамары Жирмунской — беседы о Библии и русской поэзии за три века: «Я — сын эфира, Человек» (2009).

Публикуется в России и за рубежом (журналы «Новый мир», «Континент», «Грани», «Дружба народов», «Мосты», «Крещатик», «Партнер Норд», газета «Новое русское слово» и пр.).

Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

Член редколлегии журнала «Грани».

Лауреат премии Союза писателей «Венец» в номинации «Поэзия» (2002).

Живет в Мюнхене (Германия).

Продолжение. Начало в № 2 за 2013 г.

«ОТ ПРОШЛОГО ЖИЗНЬ ПРОСТОРНЕЙ...»

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

Глава 2. Одна из нас. Римма Казакова

Холодным и дождливым майским днем Москва прощалась с поэтессой Риммой Казаковой...

Пришли сотни людей. Цветы, цветы, венки, букеты.

«Узнав, для кого я покупаю четное количество роз, денег с меня не взяли, — рассказывает очевидица. — Продавщицы погоревали и решили: пусть будет подарок от нашего магазина. Мы очень любим ее стихи...»

Почему такая боль, когда уходит коллега-современница? Потому что вспыхивает в памяти ее девчоночье лицо на страницах «Юности». И под ним стихотворение «Капитолина качает сына» — одно из первых о послевоенной женской судьбе, повто-

ряемой в такой огромной стране, как наша, бесчисленное количество раз.

Столько лет прошло, а строки из тех ранних стихов остались во мне: «Поделись со мною счастьем, / Офицерская жена...»; «Выходит, слава / утешает слабо. / Поудивляйся: пробивная баба. / О, я пробьюсь до самого генштаба. / Но ты прощай, прощай, мой лейтенант!»; «Мы молоды, у нас чулки со штопками...»; «Так будь же мужчиной, и в пору черемухи, / когда ничего еще толком не начато, / мальчишка, смиришь, поступай в подчиненные, / побегай, побегай у девочки в мальчиках...», «Люби меня только, / Только люби!..»

Римма рассказывала мне, что при переводе то ли на английский, то ли на французский иностранная

«профи» стала в тупик перед словом «штопки». Пришлось объяснять, что это такое.

Стихи были звонкие, правдивые, ненатужные, касались не только автора, но и меня, многих таких, как я. Поэтессы-шестидесятницы... Все мы жаждали справедливости, социальной, человеческой, семейной. Максималистки в гражданском смысле, мы частенько попадали впросак, когда речь шла о любви, о близости, о сложных человеческих отношениях. В лирике выплескивали свои недоумения, чисто женские разочарования. Римма была одной из самых бескомпромиссных.

— Что ж ты, поэтессочка, все время одна? — жалела Римму хозяйка съемной комнаты на Дальнем Востоке.

Можно составить целую сагу из ее любовных стихов первой и последней полосы одиночества, хотя такие деления всегда условны. К какому времени относится стихотворение «Я остров», которое всегда помню, люблю, читаю самой себе, потому что поэтически оно безукоризненно, ни на кого не похоже; в нем не мастеровитость, порой убивающая живое чувство, а самое настоящее мастерство. Не часто удается из слов, имеющих разновеликий объем, построить здание стиха, совершенно адекватное пережитому, где лишнего — ничего, а необходимое удивляет краткостью и скрытой под простотой изощренностью:

Я остров, я атолл, коралл,
и среди бела дня
мужчина, как большой корабль,
уходит от меня.
Уходит прямо, не тайком,
сияя и трубя!
А я мечтала о таком,
а я ждала тебя...
...Прощай, мой берег, мой корабль.
Ни слезоньки из глаз.
К тебе, как к дереву кора,
прильну в последний раз.

Нет, это не стартовый отрезок пути — вначале все-таки случаются сбои. А тут и придаться не к чему. Поэтому отнесем эти стихи к более зрелому периоду. Когда женщина уже получила то, что желала и чего не желала, и отшатнулась от полученного. «Мечты — дьяволу! Богу — молитва!» — предостерегал нас, неразумных мечтательниц, поэт-волшебник Георгий Иванов.

А до того была встреча с Ним (Он — с прописной буквы, но уж никак не Бог! Человек, со своими редкими достоинствами и разящими недостатками). Впрочем, подытоживая жизнь, она скажет о нем с

Римма Казакова на сцене Политехнического

высоты своего благородства: «Замечательный, прекрасный человек...» Рождение ребенка, опозитизированное еще до срока: «Мой маленький, мне тесно, / и все трещит на мне. / Я подхожу, как тесто, / зажатое в квашне...» Это она, новоявленная мать, дерзко сказала в стихах о новорожденных: «Горячие, как поковки».

«Или дети, или книги» — кто это придумал? А нельзя ли угнаться за двумя зайцами?! Егорка рос с нянькой, преданной Ульяной. А Римма писала запоем, выпускала книгу за книгой, ездила, летала. Сначала родные города и веси. Потом зарубежные «литературные десанты». Как-то раз, в другой части света, знаменитый классик, кумир нашей юности, взглянув на ее грустное лицо (недавно развелась!), предложил... любовь на несколько дней. «Я так не могу, Михал Михалыч (назовем его этим именем)!» — сказала она. Он не удивился. Подвел черту: «Жаль! Нам могло бы быть хорошо...» Нет, не мстил ей потом, небезупречный рыцарь. Наоборот: публично похвалил за высокую мораль. Передаю Риммин рассказ почти дословно.

Когда спустя годы попала в Индию и была сопровождена вместе с другими членами группы в настоящий индуистский храм, отошла в сторону и стала молиться втихомолку: «Господи! Мне уже немало лет, а я по-прежнему одна. Пошли мне настоящую любовь, приведи ко мне человека, способного на высокое и глубокое чувство...» И такой человек, как по шучьему велению, появился. Не отходил от нее. Через переводчика и на ломаном иностранном говорил слова, о которых грезила когда-то.

— Ну и что же? — не выдержала я длинной паузы. — Кто же этот человек?

— Старый индус! — огорошила меня Римма. И едко добавила: — Никогда не молись чужим богам!

Рыцари являлись и потом. Но всем чего-то не было додано. Кому меча, кому забрала. Уцененные рыцари...

Подлинным же рыцарем была она сама. Какой бы «руководящий пост» в Союзе писателей ни занимала, старалась творить добро. Бескорыстно. Безвозмездно. Узнав, что по непонятной причине я — невыезжая, пошла по начальству. Доказывала. Опровергала сплетни. И добилась своего. В середине 1970-х меня впервые выпустили за границу.

Вокруг нее бурлила молодежь: поэты, поэтессы. Несколько лет вела в ЦДЛ Клуб одного стихотворения, в высшей степени демократичный. Каждый мог прийти с улицы, прочитать свои вирши. К пишущим девушкам и дамам, которых появилось непредусмотренно много, относилась по-матерински строго, но справедливо. «Поэзия — мужичье дело, / воловий труд, соленый пот. / Зачем же Орлеанской девой / в поэты девочка идет?..» Далеко не все прибившиеся к Римминому клубу отвечали ее высоким требованиям. Но, убеждена, никого она не обидела, никого грубо не оттолкнула. К ней прислушивались. С ней считались. Кровавый же сын, при всей его одаренно-

сти, оказался трудно поддающимся. Любила его до безумия.

Дочь русского офицера, не забывала и материнской ветки своей родословной. «Дед похоронен на еврейском кладбище...» — так начинается одно из ее стихотворений. В то время, когда оно было написано и напечатано, громогласно объявить об этом — значило совершить поступок.

Могила Риммы Казаковой — на Ваганьковском, недалеко от могил Игоря Талькова, Михаила Танича, Булата Окуджавы. Поэты и поэтесса. На памятнике (честь и хвала тем, кто собрал на него средства! Низкий поклон художнику и скульптору!) рядом с Риммой увековечен ее сын Егор Радов, прозаик-новатор, отец двух взрослых уже детей, безвременно ушедший, поспешивший вслед за матерью...

— Мама, мне твои стихи не нравятся. Но мне нравится твоя авангардная лексика, — не без гордости процитировала она однажды его снисходительные слова...

Кто-то сравнил смерть от тромба со смертью от пули. Миг — и человека нет. Но от поэта остаются стихотворения, состоящие из летучего вещества. Некоторые из них становятся народными песнями.

Продолжение следует.

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2013 г.

Рисунок Юлии Спасовской

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР

РОМАН

С огромным нетерпением я ждал окончания съемок. Шесть серий были сняты за рекордно короткий срок. Впрочем, этот срок был достоин фильма. Но Песочному, Лютику, Альбине все было мало. Им казалось, что события развиваются настолько увлекательно, что завершение фильма равноценно плевку в душу зрителю. Меры киношники не знали. И вовремя остановиться не могли. Так пролетел еще месяц, который превратился в настоящую пытку, поскольку меня мучило и от Бины, и от Любаши, и от кино, и от киношников. Любовь же Бины, Любаши и всего киномира ко мне только возрастала. И когда наконец было решено завершить этот бесконечный сериал, радости моей не было предела. Я уже мечтал, как всех пошлю к черту. И подумывал, чем бы заняться дальше.

Заключительная серия должна была сниматься в зоопарке, поэтому я был в приподнятом настроении. Наконец-то за все время съемок я смогу увидеть умные и честные глаза. И когда Лютик сообщил, что по договоренности с Песочным решено изменить финал, я остался к этой новости равнодушен. Поскольку считал, что подобный фильм уже ничем испортить нельзя.

— Да, но ты не знаешь главного! — Лютик возбужденно бегал по студии и потирал потные ручонки. — Это, если хочешь, сюрприз для всех вас! Завтра день нашей с Любашей свадьбы! И снимать мы ее будем в зоопарке! Как заключительную сцену!

Да уж, это действительно был сюрприз так сюрприз. Ладно, что Лютик вдруг наряду с режиссурой заделался сценаристом. Ему и этого было мало. Он теперь действительно вообразил, что Аллен Делон ему в подметки не годится. И зритель будет безмерно счастлив созерцать его красную, круглую, как мяч, рожу на экране. Более того, он решил сделать доброе дело и для всех своих родственников и дру-

зей, которые будут гулять на свадьбе под пристальным вниманием кинокамеры.

— Понимаешь, — радостно прыгал возле меня Лютик, — а чем они все хуже этих актеришек? И почему бы им не сняться в кино? Вот это свадьба! Они мне потом всю жизнь будут по гроб обязаны! А этот день останется в веках! Усекаешь? Хочешь, так и быть, кого-нибудь из своих пригласи. Кстати, твоя жена не хочет сняться? Могу ей по благу выделить эпизодик.

— Спасибо, Лютик, за твою безмерную доброту. Но моя жена плохо получается даже на фотографиях.

— А какое это имеет значение? — искренне удивился режиссер Лютик.

Где вы, мои хвостатые, пернатые друзья, и когда же я вас наконец увижу, чтобы хоть на миг понять, что в мире еще есть логика и совершенство?

Логика и совершенство разрушались у меня на глазах, когда это скопище друзей и родственников нагрянуло вечером в зоопарк уже изрядно навеселе. Впереди шествовал шатающийся Лютик в блестящем фраке и «бабочке», которые шли ему так же, как бегемоту. Его под руку держала счастливая невеста Любаша в длинном белом платье и белом веночке на голове. Она целовала Лютика в красную рожу и искоса поглядывала на меня. И даже умудрилась опять послать воздушный поцелуй. За ними торжественно несли ящик шампанского. Свадьба продолжилась в зоопарке. Где в клетках сидели звери. Они были такие разные, многих я, долго прожив в лесу, даже не знал. Их привезли из разных стран, и все равно они были частью моего мира. Такого знакомого, такого теплого, трепетного, благородного. И мое сердце защемило. Я почувствовал себя в своей стихии. Я глубже вдыхал этот запах, словно впервые за долгое время вновь смог насладиться чистым воздухом. Я вглядывался в эти детские мордочки и вспо-

минал свою родину. Мне вдруг показалось, что это я долгое время нахожусь в вольере за железными прутьями. Это меня оторвали от родных мест, и это я по-настоящему одинок.

Лютик изгалялся, как мог. Он всю изобразил из себя великого режиссера, наследника Эйзенштейна и Феллини. Он командовал, где нужно ставить свет, как выбирать ракурс. Матерные слова являлись частью его бутафорского костюма. Все гости смотрели на режиссера Лютика заворуженно. Даже если кто-то тайно и ненавидел его, то старался эту ненависть на время съемок зарыть поглубже. А в клетках сидели недоумевающие звери. В их взглядах читались удивление, непонимание и неловкость за это сборище непонятных персонажей.

Пожалуй, лишь по недовольному взгляду я смог угадать в толпе работника зоопарка. И тут же направился к нему.

— И зачем вы допустили такое?

Мужик в рабочем костюме недоуменно пожал плечами.

— Я человек маленький. К тому же мне сказали, что реклама неплохая зоопарку будет. Все же кино! Опять же, деньги не помешают.

— От такой рекламы не только посетители, но и ваши звери разбегутся.

— Да уж, пожалуй! — Он глубоко затыкнулся папиром и сплюнул.

А Лютик уже разливал шампанское и озирался по сторонам. Возле вольера с белым барашком возбужденно кружилась какая-то дамочка — одна из гостей Лютика — и щебетала:

— Ой, а у меня такая же шубка, и тоже беленькая! Но уже совсем истрепалась, ах ты миленький! — Она цокала язычком, дразня зверя. — Ах ты, какой хорошенький! И шерстка такая гладкая, а моя шубка совсем истрепалась.

Лютик вслед за ней подскочил к вольеру и стал сквозь прутья подсовывать стакан с шампанским. Барашек задрожал от страха и робко лизнул искристое вино.

— Так, перед съемками не грех по глоточку, — возбужденно кричал Лютик. — Так сказать, за вдохновение!

Я со всей силы схватил его за локоть.

— Ты с ума сошел! — сквозь зубы процедил я. — Ну ладно, свадьба в зоопарке, может, это для вас и к месту. Но зачем же издеваться над животными! Ты посмотри на этих невинных тварей! — Я кивнул в сторону клеток. Звери со страхом наблюдали за событиями. — Они понятия не имеют, что такое спиртное! Они лучше, умнее, зачем ты хочешь все испоганить?!

Лютик со злостью отбросил мою руку.

— Заткнись! Святошей хочешь заделаться?! Не получится! Братьям меньшим хочешь уподобиться?! Рожей не вышел! Или хочешь стать чистым, как само первоздание?! Дудки! Поздновато, Ростик, ох как поздновато. На тебя столько грязи прилипло, что никакой родник не отмоеет. Ты, если помнишь, к тому же первый алкаш! Так что...

Да, от Ростика в наследство мне досталось больше грехов, чем достоинств. И от этого наследства я не имел права отказываться.

— Хорошо, пусть — первый алкаш. Но зачем здесь напиваться? Не проще ли пойти в ресторан?

— Если хочешь знать, в ресторане мы не нужны ни одному репортеришке. Там и без нас хватает великих. А здесь... Ты только посмотри...

Я оглянулся. Недалеко от нас под деревьями толпилась кучка папарацци. Они были во всеоружии, мертвой хваткой вцепившись в фотоаппараты, как в ружья. Казалось, вот-вот откроют огонь на поражение.

— Прикажи им сейчас же убираться! — Я бросился с кулаками на Лютика. — Ты не у себя на площадке! Ты в зоопарке, скотина!

Нас вовремя разняли гости. Они держали меня за руки. Напротив пыхтел красный Лютик. Пожалуй, я мог бы его сравнить с каким-нибудь зверем, но у меня не поворачивался язык — не хотелось обижать животных.

— Ах да, — брызгал слюной Лютик, — как я сразу не сообразил. Ты же мстишь, сволочь! За Любашу мстишь! И как мелко!

Лютик орал все громче. Ему непременно хотелось, чтобы его все услышали, особенно репортеришки. Как он, Ален Делон Лютик, отбил во время съемок хорошенькую актрисочку у главного героя, признанного супермена.

— Боже! Как я сразу не сообразил! — Лютик театрально схватился за голову. — Но мы же честно тебе признались, что любим друг друга. И поверили, что ты простил. А ты... Мстишь тайно, исподтишка... Какая низость...

Я тут же заметил на себе презрительные взгляды. Некоторые даже отошли от меня подальше.

— Да! — не унимался Лютик, продолжая спектакль. — Да! Мы хотели сделать нашу свадьбу незаурядным событием. Чтобы запомнилась на всю жизнь! Но, похоже, зависть... Зависть того, кого я называл лучшим другом... Она не знает границ!

Лютик явно переигрывал, потому что был изрядно пьян. Похоже, он действительно когда-то мечтал стать артистом, и наконец его детские мечты начинали сбываться. Я ненароком бросил взгляд на Любашу. Она буквально пожирала меня горящим влюбленным взглядом. Меня это окончательно

убило. И я даже пошатнулся. И машинально рукой схватился за клетку. И вдруг почувствовал на своей ладони что-то теплое и шершавое. Я оглянулся. Косуля, стройная, тонкая, с удивительно красивыми раскосыми глазами лизала мою руку и смотрела понимающим взглядом. Я улыбнулся. В один миг мне стало легко. И я уже не слышал дикого визга за своей спиной. Звона бьющихся бутылок. Я погладил косулю по мягкой шерстке.

— Ну что, красавица, тебе плохо? Ничего, скоро все уберутся отсюда. Потерпи чуток. Совсем скоро.

Косуля прилегла возле железных прутьев клетки, поджав худые ноги и вытянув мордочку поближе ко мне. Я присел возле нее. Нащупал в кармане печенье.

— На, бери, не бойся... Угощайся, красавица.

Косуля ела из моих рук.

— Я тоже был знаком... Давным-давно с такой, как ты, очень на тебя похожей. Ее хотели убить какие-то негодяи. Но я им не позволил. А ты не бойся. Эти не смогут убить. Хотя... Хотя они такие же...

Кто-то тронул меня за плечо, и я резко оглянулся. Напротив стояла Бина, прижимая кружевной платочек к носу.

— А я и понятия не имела, что ты любишь животных. Это так трогательно. — Она язвительно рассмеялась. — Говорят, те, кто слишком любит животных, так же сильно ненавидят людей.

Я оглянулся. Моей знакомой косули уже не было. Она скрылась в своем домике. Мне вновь стало спокойно на душе и удивительно одиноко.

— Фу, ну и вонища же здесь! — Бина закашлялась. — Терпеть не могу эти запахи. Когда же мы наконец выберемся из этого хлева?

Она, так же тяжело дыша через платок и покашливая, отошла в сторону, подальше от вольера. Туда, где веселились люди. Дикое ржание, гогот, мычание, чавканье. Кто-то упал в лужу с шампанским, кто-то подполз к клетке, хрюкая, как свинья. Вокруг разбитые бутылки, непогашенные окурки, фантики от конфет.

А по другую сторону в «хлеву» в недоумении застыли животные. Десятки умных, печальных глаз следили за людьми. Их благородные сердца разрывались от жалости. И я вдруг подумал, что животные всегда свободны. Даже в клетках, даже в вольерах, даже под плетью. Потому что они хотят быть свободными, в отличие от нас. А свободу не купишь, не закуешь цепями. И мне вдруг показалось, что это именно мы находимся за железными прутьями. Просто наши клетки гораздо шире, в них много места и мало воздуха. Это нас приручают и приучают. Это мы умоляюще просим пищу и в жадности бросаемся на жирный кусок. Это мы распускаем перья перед маленькими и прячем голову в песок перед

большими. Это мы пожираем себе подобных и топчем слабых. Это у нас есть хозяин. И это нас погоняют в дикой спешке. И это мы редкими вечерами воем, глядя на звезды, и мечтаем о воле...

Я смотрел на людей. И мне все меньше хотелось быть с ними. Мне хотелось встать по другую сторону барьера. Где есть настоящая свобода и благородство.

Кино продолжалось. Все были так увлечены процессом, что и не заметили отсутствия режиссера. И только когда пропал и оператор, началось замешательство. Поскольку все и без режиссера знали, что и где снимать, без оператора это было сделать гораздо сложнее. Помощник режиссера, тонкий, худой Витек, по-моему, какой-то троюродный племянник Лютика, бегал возле пруда с дикими утками и рвал на себе волосы. Возле пруда, положив под голлову пиджак, сладко спал оператор.

— Все, к черту! Провалим съемки! Остался какой-то жалкий час! Где этот жирный индюк? Молодожен чертов! Кто-нибудь, кто-нибудь в этом гадюшнике снимать умеет?

Наступило гробовое молчание. Снимать никто не умел. В искусстве разбирались все, а вот в технике — увы. Рядом со мной стоял работник зоопарка Степаныч, который должен был за нами присматривать. Он уже тоже слегка окосел, поэтому глаз его был неровен, слегка дергался, и присмотр не совсем удавался.

— Вообще-то я... — начал он, слегка заикаясь. — В общем, я... Ну, как это, долгое время работал фотографом в ателье. Вроде волоку в этом деле. Да и чего такого сложного... Подумаешь — кино...

На Степаныча смотрели, как на спасителя, как на бога, его готовы были качать на руках. Помреж Витек закружился возле него в каком-то диком индейском танце.

— Ну же, Степаныч, миленький, выручай! Не дай погибнуть отечественному кинематографу.

— Да уж не дам, коль такое дело. Хотя кина и так много. Но так и быть, выручу... Только я уж лучше буду работать со зверушками. Так мне легче.

Нас действительно выручил Степаныч. Он завершил фильм. Его финал, последние кадры с животными оказались самыми лучшими и были отмечены даже на международном фестивале как подтверждающие возрождение российского кинематографа, как проявление оригинальности, широты и масштаба кинематографической мысли. Их часто крутили на Западе как пример безмерной любви к живой природе. Люди же в финале оказались за кадром. А фамилии Степаныча и вовсе не оказалось в титрах. Всю славу пожинал Лютик. Но это было уже гораздо позднее... А в тот вечер мы еще долго искали его. Гости и

родственники разбрелись по всему зоопарку, веселые и счастливые, пугая своими криками зверей.

— Лютик! Лютик! Выходи!

— Ты — молодожен, тебе негоже прятаться!

— Проворонишь первую брачную ночь!

Первую брачную ночь Лютик провел в вольере с диким кабаном. Тот от страха забился в угол, и Лютику был предоставлен в распоряжение весь загон. Он лежал посередине и громко храпел, изредка присвистывая. Онемевший от страха кабан периодически выглядывал из укрытия и с ужасом смотрел на хрюкающего режиссера.

— Пока эта свинья спит, давай поцелуемся? — раздался позади меня голос Любаши.

Я обернулся. Беленькая, пушистая, с распахнутым невинным, почти ангельским взглядом. Свадебный веночек, как ореол, украшал ее кудрявую точеную головку.

— Ну же, Ростичек, миленький. Ты же знаешь, что я от тебя без ума.

Лютик звонко хрюкнул и перевернулся на бок. Кабан робко осмелился подойти к нему и лечь рядом.

— Ой, вдруг он сейчас затопчет Лютика, — всполошилась Любаша, наконец вспомнив о муже.

— Лежачего не бьют. Правда, это правило записано лишь в зверином уставе.

— Тем лучше! — Любаша звонко захохотала. И обвила мою шею пухлыми белыми ручками. — Ну же, миленький!

Она подставила губы для поцелуя и закрыла глазки. Я осторожно освободился из ее объятий.

— Не нужно, Любаша. Я хоть и не зверь, но не пылаю к твоему мужу горячей любовью и тоже не привык бить лежачих.

— Похоже, моя брачная ночь не удалась. — Любаша притворно зевнула.

— Как знать, как знать... Выручай лучше мужа.

— А ты куда, миленький? Еще как следует и свадьбу-то не отпраздновали.

— Зато сняли кино. И я очень устал.

Я резко повернулся и пошел прочь. Позади меня раздавался храп Лютика. Я чувствовал на своей спине взгляды невинных животных, которые благодарили своего бога, что родились такими. И я им искренне завидовал.

У выхода меня нагнал Степаныч.

— Я это, чего подумал, — начал он слегка заплетаясь языком. — Может, мне, это... в кино податься? Снимать я умею. Может, и не хуже, ты как, парень, думаешь?

— Я просто уверен, что снимаете вы гораздо лучше. И от всей души мечтал бы поменяться с вами местами. Но киношной доли даже врагу не пожелаю.

Степаныч растерянно оглянулся.

— А может, ты и прав, парень, здесь оно как-то роднее и культурнее, что ли. Здесь все свои.

— Вот именно, Степаныч, здесь все свои...

Наутро желтые газетки вышли с большими фоторепортажами. На огромных фото был запечатлен спящий в обнимку с диким кабаном Лютик. И надпись: «Режиссер Лютик снимает кино». Несмотря на то, что я сильно разозлился на него, все же решил поддержать в трудную минуту. И позвонил, чтобы успокоить и посоветовать не обращать внимания на желтую прессу. Но не смог вымолвить и слова. В телефоне послышался радостный вопль.

— Ростя! Какой класс, Ростя! Ты уже видел фотки? Все, дружище, я теперь знаменитость! У моего порога уже толпятся репортеры. Слава нашему фильму обеспечена!

Мне вдруг показалось, что я схожу с ума. Мне нужно было решить, чем заниматься дальше, как только я получу деньги. Я налил себе полный стакан виски и выпил. Это было лучше, чем оказаться в сумасшедшем доме. Впрочем, разве не в нем я находился вот уже несколько месяцев — с тех самых пор, как связался с кино?

Лютик оказался прав. Наш сериал имел ошеломляющий успех, насколько вообще мог иметь успех нынешний сериал. Лютик раздавал интервью направо и налево. Про него кричали на каждом углу, что, дескать, на небосклоне российского кинематографа взошла новая звезда в лице гениального режиссера Лютика. Хотя его лицо меньше всего походило на звездное, оно красовалось во всех столичных журналах. Красное, круглое, с заплывшими глазками. Лютик от всего сердца наконец-то смог отомстить своему заочному конкуренту Алену Делону. Каждый журналист подчеркивал, что слава, талант и красота французского актеришки Делона не идут ни в какое сравнение со славой, красотой и талантом Лютика. Не говоря уже о родословной последнего. Лютик, как оказалось, был потомок дворян, служивших при царском дворе, и не исключено, что и потомок самого государя... Самое удивительное, что все искренне верили в эту чушь. А я думал, что человечество чуть-чуть умнее.

Впрочем, на меня обрушилась не меньшая слава. То, чего так долго и упорно добивался Ростик, получил я. Афиши с моей смазливой физиономией были расклеены по всему городу, на каждом углу, разве что не на биотуалетах, в чем, однако, я не был до конца уверен. После каждой творческой встречи меня атаковали толпы поклонниц с цветами, а каждый поклонник предлагал выпить на брудершафт. Я все реже и реже отказывался...

Как и подобает сценическому образу супергероя, а точнее, исходя из условий договора, я должен был ходить в белом костюме, серебристом галстуке и широкополой черной шляпе, небрежно жуя кончик сигары. И я добросовестно следовал всем правилам игры, изображая крутого парня. А где-то в глубине моей потерянной души над всем этим цирком хохотал Даник.

Но поскольку популярность далась не мне потом и кровью, поскольку из-за желания славы я не кричал по ночам, не предавал и не продавал близких, то довольно легко справился с тем, что в один прекрасный день проснулся знаменитым. И однажды, слегка протрезвев, вспомнил, что у меня еще есть другой договор — договор со своей совестью. И что пора сматываться. Я даже собрал чемодан, даже по традиции присел «на счастливую дорогу», но было уже поздно. Я уже себе не принадлежал. Мне некуда было идти. И хотя на первое время у меня хватило бы денег, чтобы снять квартиру и устроиться на работу, я вдруг понял, что уже не знаю, какую работу искать. И хочу ли я искать ее вообще. Кино у меня отбило всякую способность к труду.

Я довольно долго сидел «на счастливую дорожку». За это время мне позвонили несколько продюсеров с предложением ролей. И я стал себя уговаривать, настойчиво убеждать, что уйти из кино смогу всегда, в любой момент. И начать новую, более достойную жизнь. Так почему бы не подзаработать еще немного денег, чтобы новая жизнь протекала еще достойнее? Кое-какой опыт я уже имел. К тому же мог выбирать. И уже был полностью свободен от Бины и ее мужа. Я долго успокаивал свою совесть. Она возражала, доказывала, что этот мир либо превратит меня в законченного подонка, либо погубит, как погубил артиста Неглинова.

Ростик вспоминался все реже и реже. Я почти знал, что он не вернется. Хотя и не мог знать, что с ним произошло. И все же, собрав чемодан и посидев перед дальней дорогой, я решил использовать последний шанс и напрямик направился в кафе «Дубравка», где впервые повстречал Ростика. Я давно не был в этих местах. Здесь ничего не изменилось. Та же дешевая забегаловка с круглыми, как иллюминаторы, окошками, так же невзрачно мимо снуют машины. Странно. Могут бушевать войны, погибать люди, рождаться дети, а места остаются прежними. Я был уверен на все сто, что здесь подадут то же мартини, а фирменным блюдом остаются «картофельные поросята». Так же навязчиво бьет в нос запах пережаренного мяса, а столики — такие же скривленные, да и посетители наверняка те же, хотя как знать, что с ними могло произойти за это вре-

мя — та же война и та же любовь. Во всяком случае, на работе кафе это не отразилось.

Мне казалось, что именно теперь я мог бы спокойно объясниться с Ростиславом Неглиновым. Только бы он распахнул дверь, как в тот вечер. Уселся за столик у окна, бросил небрежно на стул широкополую шляпу. Вот тогда я бы все ему рассказал и, возможно, попросил прощения, что взял на себя ответственность распоряжаться его судьбой. И он бы на меня не обиделся. Ведь сбылись его мечты — его имя, а не мое, стало известным. И если бы он появился, я бы навсегда распрощался с кино и без капли сожаления уступил ему всю славу. Но, увы, я был на все сто уверен, что Ростик не появится. И это стало еще одним аргументом в мою пользу, чтобы остаться в кино, и еще один проигрыш моей совести. И еще один факт, доказывающий, что Ростик пропал навсегда. Но все же я решил убедиться в этом окончательно, чтобы совесть стала ко мне более милосердна.

Уверенно и решительно распахнув дверь кафе, я прошел в маленький зал. И резко остановился. Мои ноги стали ватными, во рту пересохло, я слегка пошатнулся, резко зажмурил глаза и тут же их распахнул. В этот миг искренне пожалел, что не близорук. Что со зрением у меня все отлично.

Здесь действительно ничего не изменилось. За угловым столиком у окошка сидел Ростик. В широкополой черной шляпе, белом костюме, а серебристый галстук небрежно съехал набок. Он бросил на меня рассеянный взгляд, но не узнал. Еще бы! Слава богу, что у меня хватило ума одеться попроще — джинсы и куртка. К тому же он видел меня только с бородой. Теперь же я мало чем отличался от сотни джинсовых парней. Все мои теории о благородстве, мечты о том, как я брошусь к нему на шею и на руках преподнесу славу, рухнули в один миг. Я машинально прошел в зал и сел за столик спиной к нему. Когда ко мне решительно приблизился знакомый официант Митя, я так и не поднял головы. Моя совесть кричала, больно скребла мою душу, приказывала тут же раскрыть правду. Но я нашел самый легкий выход ее усмирить. Так же, не поднимая головы, заказал яичницу с беконом и бутылку мартини. Заказ принесли удивительно быстро, и мне показалось, что Митя так и норовит поймать мой взгляд. Но у него ничего не получилось. Мой взгляд был прикован к бутылке, а моя совесть потихоньку напивалась, и ей становилось все теплее и легче. Она даже стала легко уступать место предательским и нечистым мыслишкам. И какого черта он здесь появился?! Я, можно сказать, проделал за него всю черную работу, кланялся перед этими зажавшимися продюсерами, целовал их жен, разбирался с его лю-

бовницами и супругой, даже с ней помирился. Мой талант заслуженно признали, и теперь — на выход? Ваше выступление окончено, и вообще, катитесь ко всем чертям! И зачем он проделал со мной эту гнусную шутку? Эксперимент? Почти по Бернарду Шоу? И куда теперь мне после знакомства с Бернардом Шоу и просто шоу податься?

Я налил себе полный бокал и залпом выпил. И ни разу не оглянулся, хотя казалось, что мою спину внимательно изучают за столиком у окна. Но спина мало что может поведать. А глаза мои были устремлены только в бокал, где я безуспешно пытался найти ответ: что делать?

А с другой стороны... Разве я сам не мечтал об этом? Когда-нибудь послать всех и вся к черту и попытаться вернуться. Ну если для начала не домой, то хотя бы в те места, которые напоминают дом, хотя бы к себе самому? А эти люди, которые окружали меня последнее время, разве они мне стали дороги? Сомневаюсь. Разве я кого-нибудь смог полюбить и к кому-нибудь привязаться? Не уверен.

У меня была куча женщин, но я никого не любил. Их любил Ростик. У меня была куча друзей. Но никто из них мне не дорог. Они дороги Ростiku. У меня была настоящая работа, но и она не стала моей. Она была для Ростика. У меня был уютный дом, но мне он не принадлежал. Он принадлежал Ростiku. У меня была слава. Но и она не стала моей. Потому что у меня даже не было своего имени. Даже имя принадлежало не мне. И теперь мне предстояло вернуть все это законному владельцу. А самому попытаться найти и свой дом, и свою женщину, и свое дело. Но главное — вспомнить свое имя и постараться, чтобы оно зазвучало достойно.

Я вдруг отчетливо осознал, насколько мало теряю. Перед моими глазами проходили последние месяцы бурной жизни. Мелькали преувеличенные лица, похожие на персонажей неудачного фарса. И мне было не жаль все это терять. Мне вдруг так захотелось иметь законные права! На дом. На признание. В конце концов, на любовь. Мне захотелось стать свободным. Для этого я должен был вернуть имя. Имя Ростик мне не нравилось никогда. Я почти физически ощутил где-то внутри себя собственную совесть. Словно она была частью тела, как рука или нога. Теплая, разморенная, она сладко спала, как ребенок. Мы с ней помирились. И я с легким сердцем твердым шагом направился к столику, где сидел Ростик.

— Ну здравствуй, — решительно начал я тоном человека, во всем виноватого, но никогда не признающего свою ошибку.

Парень резко поднял голову, и его широкополая шляпа слегка съехала набок. Зря я гордился своим стопроцентным зрением. Передо мной си-

дел человек, совсем не похожий на Ростика. Более того, у него были ярко-рыжие брови и ресницы. От неожиданности я отпрянул и пробормотал извинение. И так же, пятясь, направился прочь. И в кого-то с размаху ударился. За спиной раздалось звонкое ругательство. Я обернулся и столкнулся с... Ростиком. В белом костюме и шляпе.

— Ростик! — от неожиданности выкрикнул я.

Парень расхохотался во весь голос. И сморщил курносый веснушчатый нос.

— А что, и впрямь похож?

Он не был похож ни капельки. Разве что костюм и фигура. Я внимательно оглядел зал. Голова моя пошла кругом, ноги подкашивались. Мне казалось, я теряю чувство реальности. За столиками сидели Ростики, у стойки бара толпились Ростики, у двери курили Ростики... Их было так много, они все были одинаково одеты. И с первого взгляда удивительно похожи. Я машинально бросался от одного Ростика к другому. Я не мог найти настоящего. Они плыли у меня перед глазами, в итоге превращаясь в одно целое, где не было плоти, не было лица. Только широкополая черная шляпа, белый костюм и серебристый галстук набок. В этом сгустке Ростиков я единственный им не был. И мне не преминули об этом напомнить.

— Эй ты, мужлан, знай свое место, здесь принято одеваться по этикету. Разве не видишь! — Один из Ростиков кивнул в противоположную сторону, и я заметил огромную фотографию, на которой во весь рост был изображен Неглинов, вернее, я в соответствующем наряде и сигарой в зубах. Более того, у фотографии стоял в большой китайской вазе пышный букет роз. Словно Ростик умер, а вокруг него кружили живые и вполне благополучные Ростики. Я даже смирился с мыслью, что схожу с ума или просто спился. Слава богу, моя мысль прервалась на добром слове.

— Ростик, — услышал я за своей спиной и огляделся, словно искал поддержки у многочисленных Ростиков. Я даже не мог предположить, что обращались ко мне.

— Ростислав Евгеньевич, перестаньте разыгрывать комедию.

Вообще-то комедия игралась вне моей сцены, но я оглянулся и столкнулся нос к носу со своим знакомым официантом Митей. Он смотрел на меня во все глаза и лукаво подмигивал.

— Ну автограф хотя бы дадите?

— Да вроде бы тут много желающих. — Я беспомощно огляделся.

— Не-а, мне настоящий Неглинов нужен. — Митя ловко, как фокусник, вытащил из кармана фартука мою журнальную физиономию и протянул мне. — На вечную память, так сказать.

Я машинально расписался и даже начеркал пару ласковых слов.

— Вот это по-нашему, без всяких там... А то некоторые ваши дружки, которые из графьев, даже нос в нашу сторону не показывают.

Насколько я понял, речь шла о Лютике. Я все еще ничего не понимал. И робко кивнул на портрет с моим изображением.

— Что это? И кого хороним?

Официант всплеснул возмущенно руками.

— Напротив! Только жить и здравствовать! Вы на них только посмотрите!

Я вновь огляделся. Это был не мираж. Ростики никуда не испарились, напротив, их стало больше, они стали еще изысканнее, а некоторые даже поменили серебряный галстук на золотой.

— Митя, послушай, мой миленький Митя, — я в сердцах схватил его за воротник и притянул к себе. — Ты только скажи, здесь есть, существует хотя бы один парень, полностью похожий на меня?

— Обижаете, Ростислав Евгеньевич. Да они все похожи! Хотя, конечно, разные. Но честно скажу вам, от всего сердца. Вы, Ростислав Неглинов, — единственный на всем белом свете. И такие больше не рождаются. А это, — он махнул в сторону гуляющих Ростиков, — ребята молодые совсем, вот и ищут своего кумира. А кому еще быть для них кумиром, как не вам. Вот они и подражают, свой фан-клуб организовали — имени артиста Неглинова. Да, видно, плохо получается. Вот если бы вы выступили...

Я со всей силы вцепился в рукав Мити.

— Только не это! Ради бога! Умоляю! Проведи меня незамеченным!

Митя не выдержал и расхохотался, бесцеремонно оглядев меня с ног до головы.

— Да вы не переживайте, здесь никто и червонца не поставит на то, что вы настоящий Неглинов. Это еще долго придется доказывать.

Митя оказался тысячу раз прав. Мы спокойно прошли мимо Ростиков, никто из них даже не взглянул в мою сторону. Мне даже стало чуть-чуть обидно.

На пороге кафе Митя слегка пожал мою руку.

— Да, чего я хотел вас спросить, Ростислав Евгеньевич... Вы сегодня так неожиданно появились, я поначалу подумал, может, выступить пожелаете. А потом... Вдруг я вас вспомнил в тот вечер, ну, когда весна еще была ранняя, такой холодный ветреный вечер... Вы словно что-то для себя решали... Так долго решали... Я вижу, у вас все хорошо, наверное, правильно решили?

— Правильно, Митя. — Я слегка поежился, хотя был теплый безветренный вечер. — Все правильно, и все у меня хорошо.

— А сегодня не за этим ли заходили, опять чтобы решить?

— За этим, Митя.

— Ну и?..

— И тоже решил. У меня опять будет все хорошо.

— Это хорошо.

Я резко повернулся и пошел прочь, мне вслед смотрели многочисленные Ростики. Они так и не смогли понять, что этот безликий парень с трехдневной щетиной и в джинсовом потертом костюме делал в знаменитом фан-клубе Ростислава Неглинова.

Я попытался о чем-то спросить свою совесть. Но она молчала. Она больше не желала вести со мной диалог. Я свой выбор сделал.

С этого дня Ростик перестал для меня существовать. Я сам стал Ростик. И все проблемы, которые он успел нажить за свою недолгую жизнь, с этого дня стали моими. И разрешать я их должен был сам.

Предложения о съемках не прекращали сыпаться на мою голову. А я уже мог выбирать. Но поскольку выбирать было особо не из чего, то остановился на своем приятеле Лютике. Он был не хуже и не лучше. Просто я его знал и уже умел с ним работать. Съемки тоже мало чем отличались от предыдущих. Все та же рутинная работа. Все те же диалоги, за которые бывало стыдно. Все та же игра в страсти, от которых в сердце возникает лишь пустота. Одно успокаивало — на сей раз никакой влюбленной жены продюсера не предвиделось. Правда, продолжались легкие домогательства Любаши, которая за спиной Лютика умудрялась щекотать своими ярко накрашенными губками мою щеку и томно шептать:

— Ничего, миленький, после этого фильма я уж точно стану звездой, и мы пошлем с тобой всех Лютиков, вместе взятых, к черту...

Я не знал всех Лютиков, вместе взятых. Мне достаточно было и одного. И посылать его я никуда не собирался. Во всяком случае, в ближайшее время.

Впрочем, Любаша особых хлопот не доставляла. Она была просто Любашей — ни плохой, ни хорошей, но очень наивной. В глубине души она мне нравилась. Я бы даже смог с ней подружиться, если бы не ее влюбленность. Оставалось надеяться, что недолгая.

Мои прогнозы сбылись достаточно быстро. Однажды в один из немногочисленных выходных дней, в которые Рита предложила мне прогуляться в парке с Джерри, насколько я понимал, для важной беседы,

ко мне заявился Лютик. Он — ни свет ни заря — был пьян в стельку и бухнул бутылку водки прямо на журнальный столик, который не выдержал и скрипнул от негодования.

— Все, Ростя, это конец! — Лютик упал прямо в грязных ботинках на плюшевый диван.

Я не понимал, о каком конце речь, если он решил продолжать, судя по начатой бутылке.

— Вот стерва! — истерично закричал Лютик, размахивая толстыми кулачками. — А я думал, она ангел небесный.

Наконец до меня дошло, что речь о Любаше.

— Ничего ты такого не думал, — попытался я успокоить его. — Любаша — она и есть Любаша. Ни больше и не меньше.

— Нет, больше! Эта дрянь посмела бросить меня! Ме-е-еня! Потомка Трубецких и Волконских, приближенных к самому императору. Ме-е-еня! Люциана Второго... Мой папа был первый, если хочешь знать.

Насколько я знал, его папа Люциан Первый был из рода бедных польских сапожников. Но я решил о столь сомнительном факте не упоминать.

— Нет, Ростя, подлец, ты слышишь! Ме-е-еня! Говорят, когда Ален Делон увидел мой фильм, то прилюдно разрыдался! И был прав! Я, только я посмел поставить жирную черту под его карьерой! И эта... Эта потаскушка, эта дешевенькая девка... Эта смазливая дрянь посмела... Посмела замахнуться на самого... Самого... — Лютик заплакал, его и без того одутловатое красное лицо вовсе распухло, как красный шар, который, казалось, вот-вот лопнет.

Мне оставалось мучительно гадать, не я ли виновник этой шекспировской трагедии. Но Шекспир меня пощадил.

— И знаешь, к кому она переметнулась? Нет, ты никогда не поверишь! У тебя крыша отъедет, ты от ужаса полезешь на стену! К этому... К этому... — Лицо-шарик Лютика словно сдулось и сморщилось. — К этой бездари — Жорке Горлееву!

Крыша у меня отъезжать не собиралась, и от ужаса на стену я и вовсе не желал лезть. Поскольку понятия не имел, кто такой Жорка Горлеев. Но своему приятелю все же решил сделать приятное.

— К кому? — Я выразил на лице изумление. — Ты говоришь, к Жорке Подлееву?

Лютик вытаращил на меня глаза. И вдруг расхохотался во весь голос.

— Точно! Точно! Как ты в точку попал! Какой он, к черту, Горлеев! Хоть горло драть любит. Подлеев — как пить дать!

Лютик катался в своих грязных ботинках по моему дивану, держась за круглый живот и дрыгая

короткими толстыми ножками. Я облегченно вздохнул. Мне удалось хоть чуть-чуть отвлечь приятеля от мрачных мыслей. Но ненадолго. Он вновь как-то сник и открыл бутылку.

— У тебя хоть стаканы есть, а, Ростя?

— Пей один, — твердо ответил я. — И то не советую. У меня единственный выходной, и я хочу провести его в здравии и согласии с собственной совестью.

— Много ты понимаешь, чего хочет твоя совесть. Может, она как раз и хочет нажраться.

— Сомневаюсь. Мы с ней умеем находить общий язык.

— Это не она ли тебе подсказала год назад такое наболтать про этого Подлеева, что он только теперь сумел постановку выбить. Правда, ты это сделал спьяну, и все же...

— А у тебя длинная память, Лютик.

— Не-а, — Лютик помотал лысеющей головой. Потом сам вытащил из буфета самый большой бокал, до краев его налил и залпом выпил. Его красные глазки буравили меня насковзь.

— Ты и понятия не имеешь, какая длинная. Более того, моя память, как губка, все впитывает. Стоит только в нужный момент нажать — и вся грязь выльется наружу. Так что...

Я поехал. Мне не нравился разговор с Лютиком. Хотя я понимал, что тот убит горем, неадекватен, и все же что-то насторожило в его словах. Он и впрямь напоминал губку, из которой вот-вот потечет грязь.

— Ладно, Любашу я тебе простил, хотя ты меня и за дурака держишь. Думаешь, не видел, как она с тобой перешептывалась? Да ладно, дело было. Но этому Подлееву и особенно ей... Ох как мало им не покажется. Они просто не знают еще, кто такой Лютик.

Он вновь затряс своими круглыми кулачишками. Из его красных глаз текли слезы. Но пахли они почему-то водкой. Я вдруг понял, что слов своих он на ветер не выбросит. Любаше и ее новому любовнику сегодня объявили войну. Слава богу, мне в этой войне была отведена роль рядового. Но разрядить обстановку я постарался по меньшей мере как генерал: схватил маленького Лютика за шиворот, слегка встряхнул и подтащил к зеркалу.

— Да ты только взгляни на себя! До чего ты довел себя из-за какой-то бабы! Плюнь ты на нее и забудь. Тоже мне — потомок Трубецких! Победитель Алена Делона! Если бы тебя Трубецкие вместе со всем царским двором и Аленом Делоном в придачу увидели...

Эффект был поразительным. Слова возымели такое воздействие, что я сам не ожидал.

Лютик с нескрываемым удовольствием разглядывал свою круглую красную рожу в зеркале, щурил

свои заплывшие водочные глазки. Потирал от удовольствия потные ручонки и наконец важно произнес:

— А ты прав, Ростя! Ты, дружище, тысячу раз прав! Если бы они меня сейчас увидели, они бы окончательно поняли, что их род имеет самое достойное продолжение. А про этого Делонишку я вообще молчу. Он бы на месте умер от зависти.

Я вздохнул и вытер вспотевший лоб. Лютик был неисправим. Все-таки не слишком уж тяжело жилось на свете этому парню. Ведь он жил так, словно всем делал одолжение своим существованием. И за это ему положена пожизненная благодарность.

Мне же благодарить Лютика было не за что, и я тихонечко стал выпроваживать его за дверь. Я помнил о встрече с Ритой. По пути я все-таки еще раз попросил его оставить Любашу в покое, поскольку на звездном небосклоне полно и клаудий шифер, и дэми мур. И все они дожидаются Лютика. Тот с этим легко согласился, правда, не преминув заметить на полном серьезе:

— Но, мне кажется, они слегка староваты, ты как думаешь, Ростя?

Я не выдержал и грубо вытолкнул Лютика из подъезда. Мы нос к носу столкнулись с Ритой. Лютик застыл на месте. Он даже перестал шататься, а его лицо обрело какую-то трезвую осмысленность, и я бы посмел сказать — одухотворенность.

— Здравсте, — смущенно поздоровалась Рита и покраснела.

В это летнее солнечное утро она была хороша, как никогда. Ее пышные волосы были собраны в маленький трогательный хвостик. В ней было столько обаяния и детской непосредственности, что я со всей силы толкнул в бок режиссера Лютика. Но он таки удержался, хотя пять минут назад был вдребезги пьян.

— Имею честь познакомиться. — Лютик снял ображаемую шляпу и низко поклонился, шаркнув толстой ножкой. — Известный режиссер Люциан Трубецкой, потомок польских князей и друг Алена Делона.

Рита покраснела до корней волос и опустила взгляд.

— Вот она — девушка моей мечты! Стоит подумать над фильмом с таким названием, ты как думаешь, Ростя, а? Правда, что-то подобное было... Но разве гениальные мысли не имеют права на повторение? И разве такие красивые девушки не имеют права сняться в таком фильме?!

Лютик разошелся не на шутку. Его красноречие лилось медовыми реками и уже мало напоминало грязную губку, которую он приберег на черный день. Пора было спасать Риту от этого старого жир-

ного индюка. Правда, в этой ситуации был и положительный момент — он в один миг забыл про Любашу.

— И как зовут столь очаровательную принцессу, эту богиню невинности и целомудрия?

— Ее зовут Рита, она недавно окончила школу, мечтает стать кинологом и влюблена в очень хорошего парня, кстати, взаимно.

Взаимная большая любовь Лютика никоим образом не тронула.

— Кто не проходил через школьную любовь, Риточка! И через кого не проходила она! Но, как опытный старый волчара, замечу, ни на ком не останавливалась подолгу, все равно проходила мимо. Я же... Испытавший все разочарования, все взлеты и падения и вновь взлеты, спешу бросить к твоим ногам больше, чем мир. Поверь мне, гораздо больше!

— Разве бывает что-то больше мира? — тихо спросила Рита, даже не спросила, а словно утверждала. Но мы услышали.

— Боже, какое ты еще дитя! Я брошу к твоим ногам все кино! Весь мировой кинематограф встанет перед тобой на колени. А ты станешь его триумфом!

— Я хочу быть всего лишь кинологом. — Рита опустила голову, погладила загривок Джерри, обняла его изо всех сил, словно пыталась найти у своего четвероногого друга спасения от кино.

— Прекрасно! Прекрасно! — Лютик кружил возле Риты и Джерри, как маленький люцифер, и потирал ручки в предвкушении добычи. — И твоей псине мы тоже подыщем подходящую роль. Он не останется не у дел. Слово режиссера Лютика Трубецкого!

Я понимал, что пора заканчивать этот дешевый спектакль, и силой отвел Лютика в сторону.

— Послушай, парень, вали отсюда и не смей трогать эту девчонку. Она видела в жизни только хорошее. И дай бог, чтобы видела хорошее еще долгие-долгие годы. А дряни ей на жизненном пути и без тебя хватит. Не бери грех на душу.

— Уж не ты ли хочешь взять этот грех на свою душу вместо меня?

Я замахнулся, но Лютик ловко увернулся. И неожиданно дружески рассмеялся.

— Ну ладно, ладно, мы же с тобой больше, чем друзья. Мы же еще коллеги. Мы повязаны, Ростя. И успех у нас на двоих. И провал. Так что лучше уж на двоих. — Он дружески похлопал меня по плечу и пошел прочь. Уже откровенно шатаясь. И я молил Бога, чтобы он оказался все-таки пьяным в стельку, ничего не вспомнил из сегодняшнего воскресного утра. И особенно Риту.

Рита со страхом смотрела вслед удаляющемуся Лютику. И машинально схватилась за горло.

— Почему-то трудно дышать, правда, Ростислав Евгеньевич?

Я бы этого не сказал. Скорее наоборот. Воскресный день выдался настолько легким, безветренным, что казалось, все запахи листвы и цветов, собравшись воедино, вопреки городской пыли и городскому смогу источали приятный освежающий аромат. Я даже демонстративно глубоко вдохнул воздух.

— А по-моему, ты преувеличиваешь, девочка. Знаешь, по-моему, в городе вкуснее всего пахнет бабье лето.

Рита вслед за мной вдохнула запахи бабьего лета. И вновь сморщила нос.

— Я не знала, что бабье лето пахнет еще водкой и лютиками.

Я расхохотался и взял Риту под руку.

— Ты хотела о чем-то поговорить. Пойдем в парк. Там уж точно не продают водку и не водятся режиссеры. Разве что цветут лютики. Но это не страшно.

По пути в сквер, который находился в квартале от нашего дома, мы шли молча. И лишь однажды Рита заметила, очень серьезно, очень значительно, как могут замечать лишь совсем юные люди:

— Мне не нравится ваш друг. Мне кажется, он нехороший.

— Ну что ты, Риточка. Он не плохой и не хороший. Он просто работник кино, понимаешь? В кино тоже разные персонажи. И те, кто его делает, порой утрачивают способность быть самими собой. Они слишком много берут на себя ролей. И зачастую оказывается, что свою, настоящую, от природы, утрачивают навсегда. Знаешь, я и сам понятия не имею, кто такой Лютик.

— А про себя, про себя вы знаете?

— А про себя тем более.

— А я про вас знаю...

Оставшийся путь мы прошли молча, и только Джерри изредка подавал голос, доказывая свое право на земле.

В сквере действительно было лучше. Шумела листва, уже тронутая желтой и бурой краской. Чирикали воробьи, подбирая крошки с асфальта.

— Сядем? — Рита указала на скамейку.

Я покорно уселся вслед за ней. Сердце мое тревожно забилося. Эта девочка действительно все слишком серьезно воспринимала. Я уже боялся и этой серьезности, и предстоящего разговора. И все же надеялся, что она на него не решится, она была слишком еще молода.

Рита мяла поводок в руках, накручивала его на запястье и вновь отпускала.

— Ростислав Евгеньевич... А то, что вы сказали этому режиссеру про взаимную любовь... Словно у меня уже есть парень и мы любим друг друга... Вы кого-нибудь имели в виду?

Я вздохнул и посмотрел на пушистые облака, плывущие медленно друг за дружкой. Я бы хотел в ответ сказать другое. Хотел сказать то, что она хочет услышать, но не мог этого сделать. Не имел права. Потому что давно утерять свои права. И тем более не имел права на это невинное добродушное создание. И лгать ей, только чтобы не сделать больно, я не мог.

— Нет, Рита, я никого не имел в виду. Я просто хотел, чтобы этот старый поросенок от тебя отцепился.

— И все? — Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, полными слез. И я заметил на ее щеках пару веснушек. Совсем как у Вальки. Боже, как это было давно! И милая девочка Валька, которую я оттолкнул от себя. И которая любила меня не меньше.

— Да, моя милая девочка, и все.

— Вы в кого-то влюблены, Ростислав Евгеньевич?

Я промолчал, не зная, как лучше ответить. Я подбирал самый разумный ответ. Мне нравилась, очень нравилась Рита. И даже более того. Но я знал, что она любит Ростика. И все еще помнил, что я — не он. И даже если бы теперь сознался, даже если бы она меня поняла, простила бы она мою ложь? И потом... Я вдруг вспомнил красную нахальную рожу своего друга Лютика. Как я его предупреждал не делать девочке больно и не брать грех на душу. И теперь что же, этот грех должен взять я? И где гарантия, что не разрушу эту юную душу, не раню ее сердце? Я сам настолько запутался в собственной жизни, что брать на себя ответственность за другую у меня не было сил и прав. Рита же совсем еще девочка. И она обязательно встретит хорошего, доброго парня, иначе и быть не может. И еще вспомнит с благодарностью, что я когда-то отверг ее любовь...

— Вы кого-нибудь любите, Ростислав Евгеньевич? — Широко распахнутые детские глаза, в которых такая тоска, нет, что-то большее, мольба, словно она пытается кого-то спасти. — Кого же?

Джерри подпрыгнул на задних лапах и лизнул меня в лицо, словно умолял, чтобы я ответил. А я молчал, цепляясь взглядом за караван пушистых облаков, словно пытался улететь на них далеко-далеко, туда, где меня не знают и где не задают вопросов. Туда, где не нужно никому отвечать, чтобы не ошибиться с ответом.

Неожиданно поднялся ветер. Он разнес листья по парку, стал гнать и гнать облака, и мой взгляд за ними уже не поспевал. Рита вскочила и присела передо мной на корточках, взяла мои руки в свои.

— Что с вами, ну ответьте же, ответьте, пожалуйста, вы кого-нибудь любите?

Я никого не любил, я давно никого не любил. Но чувствовал, нет, уже знал, что могу, что способен,

стоит только ответить на это пожатие теплых рук, стоит только посмотреть в глаза. И я смогу.

Ветер трепал пышные волосы Риты, ее хвостик сбился набок, на своем лице я почувствовал капли дождя.

— Ростислав Евгеньевич, не отвечайте, не надо. Я же все, все про вас знаю, вы никого не любите, вы не любите даже свою работу! И этот фильм... Все его хвалят, и вас хвалят, а он... Это дурной, очень дурной фильм. Вы же мечтали о роли лесного бога. А играете дешевого супергероя. Это не про вас! Вы же совсем другой! Ростислав Евгеньевич! Вы запутались, вы сами ничего не понимаете. А я понимаю, вам нужно все бросить, абсолютно все. И мы уедем! И не нужно играть роль лесного бога. Можно просто быть им. Я знаю, вы сможете... Мы будем жить в деревне, у самого леса, там все по-другому. Вы просто не знаете, вы там не были, но я вам покажу. И вы навсегда влюбитесь в лес... В рощи, дубравы, поля... Птиц и зверей. Только они настоящие... Им не нужно притворяться, чтобы жить...

— Рита, Рита, успокойся, не надо. — Я почти грубо разжал ее пальцы и резко встал.

Хлынул ливень, ветер мешал говорить, разнося слова вместе с листвой по промокшему асфальту.

— Ты ничего не можешь знать, Рита. У тебя другая жизнь! Если бы я захотел изменить свою, то сделал бы это. Но я ничего, больше ничего менять не буду! Потому что уже поздно...

— Это неправда, неправда, я ненавижу кино точно так же, как вы. И почему, ну почему слово «кино» и «кинология» так похожи?! Это же два разных мира, как ложь и правда. Я для себя выбрала правду. Вы тоже, тоже сможете ее выбрать... Только откажитесь. А я... Я вам помогу...

Мне было настолько плохо, настолько больно, что внезапный холод меня спасал. Физическая дрожь заглушала душевную боль, и мне становилось легче, и я благодарил Бога, что пошел дождь.

— Рита! — Я кричал, перебивая вой ветра. — Рита! Ты совсем замерзла, беги домой, Рита! Я никогда, никогда не смогу полюбить тебя, и лес тоже, и твою кинологию. Я всего лишь дешевый киношник, и этим все сказано!

— Я вам не верю... Не верю... Вы просто потеряли что-то дорогое и боитесь его искать... Но я смогу помочь! — Риту тоже бил озноб, она задыхалась, она продрогла до нитки, ее зубы стучали. Джерри взволнованно терся у ее ног, пытаюсь хоть чем-то помочь. — И я знаю, знаю, что вы... Вы меня... Почти... Почти...

— О боже! — я схватился за голову. — Нет, девочка, ты ошибаешься, ты глубоко ошибаешься! Я тебя не люблю! — Я жестоко чеканил слова,

и они ударялись о стволы деревьев и застревали в листве. — Я никогда не смогу тебя полюбить, потому что я люблю совсем другую женщину. Совсем другую. И никогда от нее не откажусь. Как не откажусь и от теперешней жизни. Она моя! Плохая или хорошая, но она моя! Я ей принадлежу, я к ней приручен и я ее приручил!..

Ливень резко закончился. Резко закончился и наш диалог. Стало настолько тихо, что капли дождя, падающие с деревьев, напоминали звуки камнепада. Рита медленно повернулась, зацепила промокшего Джерри за ошейник и пошла прочь. Я смотрел вслед маленькой трогательной фигурке, за которой еле поспевал огромный промокший пес.

Правда, которая так и не была произнесена, повисла в воздухе. Правда, что я никого не любил, но мог влюбиться в Риту и быть с ней счастливым, как мог когда-то стать счастливым с Валькой. Правда, что эта жизнь совсем не моя, ни плохая, ни хорошая, и я ей не принадлежал, как и она мне. Правда состояла в том, что я был никем. Этот воскресный дождь мог меня смыть, не оставив и следа на асфальте. И еще правда была в том, что эта девочка пыталась сегодня спасти меня своей любовью. А я отказался. По доброй воле отказался от своего счастья. Потому что считал, что не имею на него права. Я почему-то решил, что знаю все на свете и, отказавшись от Риты, спасу ее. Я чувствовал себя мучеником, принесшим себя в жертву. И только моя совесть, мой вечный оппонент, робко заметила, что я не мученик, а просто трус, который бежит по замкнутому кругу, считая, что из него нет выхода, ни разу не попробовав просто остановиться на каком-то этапе пути. Я чувствовал себя окольцованным, не пытаюсь даже понять, что окольцованы в этом мире все. Просто многие умеют остановиться и не пытаются разбить этот круг.

Мне очень хотелось сказать что-то доброе, теплое Рите. Но было так холодно. И все же я попытался.

— Девочка, — окликнул я ее. — Счастье — это не обязательно тот мир, тот человек и та профессия, которые ты сама выбираешь. Бывает, что выбирает оно. И оно тебя выберет, попомни мое слово. И мне еще скажешь спасибо! — кричал я ей вслед.

Она оглянулась.

— Спасибо! — крикнула Рита в ответ. — Я запомню ваши слова. И буду ждать, что меня выберут...

Джерри в ответ только зло гавкнул в мою сторону. Похоже, он не на шутку на меня рассердился.

С тех пор мы редко встречались с Ритой. То ли она избегала меня, то ли я ее. Во всяком случае, нас это устраивало. И только в один воскресный вечер не-

ожиданно нагрязнула ее мамаша, вполне симпатичная женщина, которая старалась казаться гораздо моложе своих лет. Хотя это было напрасно. Она выглядела и молодо, и свежо. Пройдя в мою комнату и оглядев обстановку оценивающим взглядом, она заявила:

— Я вас уважаю, Ростислав Евгеньевич. И как нашего соседа — вы никогда не причиняли нам хлопот, разве что иногда, когда по ошибке ломались пьяным в дверь.

Похоже, она не умела ничего забывать.

— Уважаю и как знаменитого актера. Фильмы с вашим участием действительно великолепны и заслуживают самой высокой похвалы.

Похоже, с Ритой у нее были противоположные вкусы.

— И все же. — Она поправила высокую прическу, стараясь выглядеть передо мной светской львицей. — И все же. У девочки первая влюбленность. Я этого ее увлечения не одобряю. Но первое всегда быстротечно. Потому что оно необязательно и без обязательств. Это потом все идет медленнее и труднее. Погрязаешь в долгах и обязанностях... И вот поэтому...

Она присела на край плюшевого дивана и стала теревить шелковый шарфик в своих ладонях, как совсем недавно ее дочь — поводок.

— И все же. — Она наконец откровенно посмотрела в мои глаза. И вдруг в один миг с нее спал весь лоск и вся спесь. Она стала просто мамой. Мамой очень хорошей девочки Риты. — Ростислав Евгеньевич, если у вас нет серьезных намерений... Моя дочь очень молода. Я не хочу, чтобы она пережила трагедию. Конечно, рано или поздно она ее переживет. Но пусть попозже. Пусть хотя бы наберется опыта. И к миру станет относиться не так серьезно и не так драматично. Возможно, тогда ей станет легче. Вы меня понимаете?

Я ее понимал. Вдруг я ясно и отчетливо, словно это было вчера, вспомнил свой разговор с доктором Кнутовым. Когда он просил за Вальку. Мама Риты тоже просила. И они были так в этом похожи. Они всего лишь родители.

— Обещаю вам, обещаю, — я сказал это твердо, как когда-то говорил Кнутову. У меня уже был опыт. — Я никогда не причиню вашей дочери зла. Никогда. Она очень хорошая девочка. И она найдет свое счастье.

— Но мне не нравится это ее чрезмерное увлечение кино... — Она вдруг запнулась и сердце мое екнуло. — ...кинологией. Эти собаки. Их так много. Молодая девушка должна дружить не только с собаками, она же так красива, умна. Разве стоит тратить жизнь на этих четвероногих?

Я считал, что стоит. Именно этого жизнь и стоит. Но я промолчал.

— Возможно, ей стоит подумать о другой профессии. И о другом человеке.

— Возможно, — покорно согласился я. Мне вдруг захотелось, чтобы меня оставили в покое.

— Я рада, что вы меня понимаете. И что вы поддерживаете мои тревоги.

Ничего я не понимал. И ничего не поддерживал. Мне просто вдруг показалось, что я вновь уже своим молчанием или равнодушным поддакиванием предал Риту. Она этого не заслуживала. И вдруг меня окончательно осенило. Не мне она в любви объяснялась. Вернее, это было не столь важным. Ей было важно меня спасти. Она не знала — от чего или от кого, но спасти. Я же ее спасти не мог. Точнее, просто не захотел. Так было удобнее. Мне казалось, тогда казалось, что жизнь сама знает, кого спасти и от кого. Но я глубоко ошибался...

А этим вечером я знал только одно. Что смогу организовать маленькое спасение. Спасти от несметной тоски, которая после встречи с Ритой и разговора с ее мамашей меня настолько заела, что казалось, еще чуть-чуть — и на мне не останется живого места. И я решил заглянуть на вечеринку, куда был приглашен еще неделю назад, но идти не собирался, поскольку хотел провести хоть один достойный выходной. Достойного выходного не получилось. Пришлось выбирать из двух зол меньшее. И я выбрал. Правда, в очередной раз ошибся.

Вечеринка была устроена в каком-то крутом клубе по случаю дня рождения режиссера Горлеева, или, как я его успел окрестить, Подлеева. Не знаю, зачем я ляпнул это, но столь обидное прозвище с моей легкой руки и грязного языка Лютика мгновенно разнеслось по всем киношным углам. И к вечеру, когда я там появился, доброжелатели мне уже радостно шептали на ухо:

— Ну как, явился праздновать рождение Подлеева? И зачем Подлеевым вообще рождаться на белый свет?

Похоже, у этого парня было много «друзей», и я входил в их многочисленный круг, поскольку когда-то мой двойник Ростик подставил ему подножку. Я же вообще не знал этого парня, даже в глаза не видел, но меня мучила совесть, что я вновь, вслед за Ростиком, приложил руку к его уничтожению.

Атмосфера была гнетущей. Мрачной. Недружелюбной, как подобает в таких эстетских кругах. Но более всего меня поразило, что они все приползли на день рождения с подарками, стихами и поздравлениями, ненавидя именинника от всей души. И не забывая об этом сообщать. В эту душную атмосферу

немалую толику злобы внес и мой друг Лютик. Хотя ему-то вообще не стоило переступать порог этого заведения. Но остальные... Как я успел узнать из местных сплетен, Горлеева когда-то жалели, даже уважали, поскольку благодаря моему двойнику Ростик у он долго не мог снимать. Теперь же у этого парня дела пошли на лад. Вот этого ему простить не могли. Поэтому ненависть зависла над клубом бомбой замедленного действия. И я с опаской смотрел на двухметровую люстру.

Я задышался в прямом смысле слова. Здесь не просто пахло водкой и лютиками, как говорила Рита. Здесь вообще не было ни одного живого растения. И я, как человек-амфибия, чувствовал себя на краю гибели, словно загнанный в бочку. И поэтому мне ничего не оставалось, как решительно подойти к этому парню, пожать ему руку и во всеуслышание заявить:

— Я не просто поздравляю тебя, но еще и приношу свои извинения. Я был тысячу раз не прав. Нельзя делать подлости. Я ее сделал. И не расплатился. Я теперь знаменит. Но искренне желаю, чтобы твоя слава затмила мою. Я в это верю.

Наступило гробовое молчание. Именно гробовое, поскольку от меня ждали такого подвоха, который способен загнать Горлеева в могилу. Им и в голову не пришло, что все гораздо проще — я искупаю грехи Ростика.

Горлеев замялся и вяло пожал мою руку.

— Я вообще-то думал, что мы — квиты. Ведь я живу с твоей женщиной.

Я вообще поражался умению Любаши представить все так, словно она была всегда чьей-то женщиной. Более того, самой дорогой и желанной.

Я подсел к столику, за которым сидели более или менее знакомые ребята. Лютик даром времени не терял и уже горячо обнимался с какой-то актрисочкой, обещая ей не менее горячую роль.

— А ты умница, Ростя! — Он небрежно похлопал меня по плечу. — Нужно вовремя подойти, чтобы потом не отшили. Я всегда поражался твоему таланту приспособливаться. Поверь, это твой главный дар. Ты-то, по большому счету, кто? Твое место в массовке!

Я был никто, во всяком случае, в кино, и мне возразить было нечего.

— Но ты, парень, каким-то звериным чутьем просекаешь ситуацию. Вот как теперь с Подлеевым. Считай, он твой должник на всю жизнь, смотри, еще захочет тебя увести у меня.

— От тебя не уведешь, — мрачно пошутил я.

— А вот это ты верно заметил. От меня никуда нельзя спрятаться. Разве что скатиться в пропасть. Помнишь, ты уже был на ее краю.

Я не помнил. Это помнил Ростик. Возможно, там он и оказался.

— Так что советую со мной дружить. — Лютик уже успел отрезветь и, похоже, собирался наверстать упущенное. — А вот эта девочка с зелеными, как изумруд, глазками и чистенькой, как утренняя заря, душой и вправду хочет стать кинологом?

— Правда, Лютик, правда. — Я невольно сжал кулаки.

— Прекрасная профессия. Ки-но-лог! Мы все, Ростя, кинологи. В некотором роде. Только вместо собак приручаем и дрессируем артистов. А насчет Подлеева и думать забудь. Эта сволочь не иначе как на «Оскара» претендует. И представляешь, этой дрянной душонке везет! Он такой сценарий откопал у какого-то зачуханного студенткишки с Урала! Уметь надо! Но ничего... У нас будет не хуже, нет, черт побери, у нас будет в тысячу раз лучше! Студенткишки — они народ пока чистенький. Подобострастный. Потому что будущего у них еще нет. Я, знаешь, Ростя, уже понял, что для искусства нужно искать людишек только с юношеским прошлым. Как твоя дамочка с собачкой. Тогда выигрыш обеспечен. Люди с созревшим настоящим — они гнилые. А если им еще светит будущее! Тогда конец фильму, усек?

— У нас уже есть сценарий, — мрачно выдавил я, глотая второй бокал мартини. — Чего еще надо?

— В том-то и дело, что ничего, и этого сценария тоже! Мы отказываемся от него во имя будущего и во имя памятника на могиле Подлеева. У подножия которого мы положим цветы.

— Зачем? — Я пожал плечами. — Сценарий довольно прочный, уважаемого человека...

— Уважаемые — все с прошлым, Ростя, мы же будем искать людей с будущим. Которые еще смеют думать, что будущее прекрасно! И пусть думают! Дадим им осознание этого счастья бесплатно. А сами снимем прекрасный фильм, усек? Ни одно дело не проходит напрасно, поверь. А эти юные неопытные души проживут прекрасную, юную, неопытную жизнь. Так подарим им счастье!

Я не понимал, о чем говорит Лютик. Мне кажется, я порядком надрался. Я вглядывался в эти лица, и они все казались удивительно похожими. Правда, можно было разбить их по группам и типам. Словно маленькие фан-клубы. Здесь было много смазливых рекламных Эдигов, толстых красномордых режиссеров Лютиков, легкомысленных пушистых и теплых Любаш, готовых отдать любовь первому встречному, много продюсеров с их молодыми женами, стреляющими глазками направо и налево. И, конечно, уйма широкоплечих суперменов Ростиков. А я — один из них. И меня словно не было. Они

маячили перед моими глазами, будто персонажи самого дешевого сериала, в котором вместо любви бушуют слезливые страсти. Вместо дружбы заключают сделку. Вместо правды — поток грязной лжи. Они были моим сегодняшним днем, от которого совсем недавно меня пыталась спасти Рита. А я отказался от этого спасения. Что, впрочем, еще не означало, что я собирался отказаться от себя. Хотя, по-моему, уже начинал забывать свое имя. Боже, как же меня звали когда-то? Старое, редкое, по-моему, очень сильное имя, данное мне родителями с любовью.

— Даник, — прошептал я пересохшими губами. — Даник, прости меня...

Я услышал хихикающий тоненький голосок Лютика.

— Еще перед кем-то согрешил. Кто этот Даник? Нужно запомнить...

И я провалился в пропасть. Там, в низине, шумел густой темный лес. Я всегда думал, что лес растет наверху, ближе к солнцу. Неужели я ошибался? В яме возвышались сосны, пахнущие терпкой смолой, иголки которых кололись, как острые копыя. Приглушенно пели лесные птицы. А наверху, над моей головой, у края стоял настоящий Ростик. Он смеялся. И я протянул к нему руку.

— Вытащи меня отсюда.

— Зачем? — он пожал плечами.

— Я не должен расплачиваться за тебя или за тебя жить. Я даже любить за тебя не могу.

— А кто тебе сказал, что не можешь? И разве тебе плохо?

Я огляделся. Леса уже не было. В низине стояли столики, на них бронзовые подсвечники. Я взял со столика бокал вина и залпом выпил.

— Разве тебе плохо? — спросил сверху Ростик.

— А тебе было плохо? — ответил я вопросом на вопрос.

— Ты лучше знаешь, — пожал плечами Неглинов.

— Что с тобой происходит? Где ты? — вдруг спросил я.

— Не знаю. Это можешь знать только ты.

— Странно, уже совсем не пахнет лесом. И птицами не пахнет. Все ушло, Ростик? — Я жадно вдохнул воздух. В воздухе приторно запахло лютиками.

— Наверное.

Вдруг я увидел, что наверху стоит не Ростик, а я. И закричал. И стал бить кулаками по песочной стене.

— Ты не имеешь права! Ты не имеешь права быть там! И почему? Там должен быть я! Там я! И там мое место!

— Нет, ты — здесь. По собственному желанию. И не все ли равно?

— Пожалуйста, отпусти меня, вернись! Я не хочу здесь жить! Я хочу туда! Где жил и где жить имею все права. Ты же ничего не имеешь!

Мой двойник смотрел на меня сверху глубокими задумчивыми глазами, взметнув густые брови, его лицо было покрыто щетиной, его руки были мозолисты, а тело покрыто коричневым деревенским загаром. Где-то вдали стояли его родители. А вокруг шумели многовековые сосны, пели соловьи, и на могиле костюмерши расцветала сирень.

Я сидел на полу посреди ночного клуба, где дымилась сигареты, лилось вино, пьяно хохотал Лютик, развязно обнимая очередную подругу. Слышался звон бокалов. А за столиками все шептались на ухо друг другу, что настоящая фамилия режиссера не Горлеев, а Подлеев.

— Здравствуй, Ростик, — крикнул он мне сверху. — Тебе протянуть руку?

— Нет, — хрипло ответил я. — Уже все кончено. Или все начинается, я еще не знаю...

Я больно ударился головой о стол и наконец-то очнулся. Мой мимолетный сон ушел с облаками сигаретного дыма. Среди облаков стояла Лида. Я долго, мучительно вглядывался в ее красивое лицо, чтобы понять, правда ли это. Она ли это. И почему она так вдруг, непрошено, явилась из прошлого. Я ошибся. Она была всего лишь настоящим. Это ее я так беззаветно, так преданно любил тысячу лет назад в Сосновке. Это ради нее я предал свой дом, своих друзей и свою собаку. И все же она была из настоящего.

— Вам плохо? — встревоженно спросила она.

Видок, похоже, у меня был еще тот. Бледен, как мел, безумный взгляд, дрожащие руки. Спрашивать, плохо мне или нет, было излишне.

— Да, спрашивать, похоже, излишне. — Она слегка прикоснулась к моей дрожащей руке. — Я вижу, что плохо.

Черт побери, она по-прежнему умела озвучивать мои мысли.

Она молча помогла мне подняться и, взяв под руку, повела к выходу.

— Ее зовут Лида! — кричал мне вслед пьяный Лютик. — Ей не очень везет в кино. Но с поклонниками у нее все в порядке!

Лида вывела меня на улицу. Осенний промозглый ветер с дождем вскружил голову, ударил в нос так, что я захлебнулся. И опьянел еще больше. Мне стало совсем худо. Лида открыла дверцу серебристого автомобиля, кое-как меня усадила и даже участливо прикрыла ноги пледом.

«Господи, неужели она меня узнала?» — вертелась в моей голове единственная трезвая мысль.

Неужели? Ну конечно, иначе зачем бы она пыталась меня спасти от этого угарного дыма, от этих лживых насковозь людей. Она меня узнала. Ну и хорошо. Ну и слава богу. Наконец-то кончится этот кошмар. Лучше уж угодить в тюрьму за присвоение чужого имени, чем жить безымянным. И разве сейчас я не в тюрьме? Просто нет железной решетки, а, впрочем, разве ее нет и разве меня не бьют железными прутьями? Бьют так, что я теряю собственное имя, свою настоящую биографию, себя самого, в конце концов. Господи, как хорошо, что кончился этот кошмар. И как хорошо, что она меня узнала.

— А я вас узнала, — подтвердила, как всегда, мои мысли Лида, когда автомобиль плавно двинулся с места и легко поплыл по влажному асфальту, как гондола.

— Я очень рад, — пролепетал я.

— Хотя у вас видок еще тот. — Она рассмеялась, продемонстрировав ровные, безупречные зубы. — Пожалуй, не сразу можно догадаться.

— Да, раньше я был совсем другим. — Я старался говорить внятно. — Тогда все было другим. И мне было лучше.

— Еще бы. Трезвому всегда лучше. Хотя пьяные так не думают. Но вы, похоже, уже трезвеете. Так что...

— Так что, несмотря ни на что, я очень рад нашей встрече! — Я даже попытался изобразить галантный поклон, но не рассчитал и ударился башкой о панель приборной доски.

Лида рассмеялась. Она была прежней Лидой. Слегка высокомерной и смешливой. Которая когда-то хотела открыть для меня новый мир. И похоже, теперь попытается спасти меня от этого нового мира. Я был неслышанно за это благодарен. И я ей простил сразу все. Даже свой утеранный дом.

— Я тоже очень рада нашей встрече. — Она слегка повернулась и погладила меня по плечу. — Хотя хотелось, чтобы все произошло по-другому. Но раз так... Не все в нашей власти.

— Зато в нашей власти сегодняшний вечер. — Я, похоже, постепенно уже приходил в себя. — И в нашей власти говорить друг другу «ты». Мы имеем на это право.

Лида слегка повернула ко мне голову. Эта нежная кожа, эти лучистые зеленые глаза. Она казалась мне похожей на всех моделей. И она была единственной.

— Я знала, что ты другой. Что ты совсем, совсем другой. Если бы ты знал, что мне за это время пришлось пережить, сколько унижений и сколько предательств! — Ее голос дрогнул. — Но я знала, чувствовала, нет, была уверена на все сто, что мы с тобой встретимся, иначе и быть не могло. Эти вечные Эдики, окружающие меня...

Я не выдержал и рассмеялся, насколько позволяло мое состояние.

— А еще есть Лютики и Бины, и много-много других...

— Ты о чем? Впрочем, я понимаю. Они есть. И все они бессмысленны, как эта мокрая после дождя дорога. Проезжаешь в одну секунду — и ничего не остается. Но ты... Ты другой. И я это поняла. И мне для этого столько пришлось пережить.

— Мне тоже.

Я вспомнил побег из Сосновки, роковую встречу с Ростиком, свою собаку, которая меня не простила, и сирень, совсем молоденькую, полыхающую маленькими фиолетовыми огонечками на могиле Марианны, моей костюмерши и бабушки Лиды. А еще скрипучую калитку, колыхающуюся от ветра, и ее заунывный плаксивый скрип в ожидании Лиды. Мне так хотелось ей все рассказать! Что пережил и зачем все это переживал. Мне так хотелось, чтобы она наконец-то меня поняла. Она поймет, иначе и быть не может. Потому что она уже давно все поняла. С тех пор, как осталась без меня. И не нужно будет ей ничего объяснять. Хотя у нас впереди целый вечер и целая ночь, и как знать, сколько у нас еще впереди.

— Лида. — Я прикоснулся ладонью к ее шее, длинной, теплой. И она встрепенулась. Она любила меня точно так же, как тогда, в Сосновке. Поэтому она единственная смогла меня узнать.

— Ты — лучше их всех! — Лида оторвала одну руку от руля и протянула ее к моему лицу. И нежно погладила.

— Нет, я не лучше. Я просто несчастнее.

— Я это знала. И поэтому поняла, что наша встреча не случайна. Потому что ты должен быть и лучше, и счастливее. Ты имеешь на это право.

Машина казалась наэлектризованной. Температура воздуха в салоне автомобиля, казалось, зашкаливала за все всевозможные пределы. Меня колотило. Теперь я увезу Лиду от этого бессмысленного, пустого мира. Туда, где мы были так счастливы. И возможно, на старом погибшем дубе, где мы встречались, уже расцветают молоденькие листочки.

— Лида, — прошептал я пересохшими губами, — Лида...

Она не выдержала, на секунду оторвала руки от руля, чтобы ответить на мой мимолетный поцелуй. И прошептала горячо, страстно, беззаветно, так умела шептать только она:

— Ростик...

Машина, оставшись на секунду без управления, подпрыгнула на кочке. Лида судорожно вцепилась в руль. И мы едва успели увернуться от грозно надвигающегося самосвала, съехав на обочину. Я опять

ударился головой о лобовое стекло. Все же Лида вовремя смогла взять ситуацию — вместе с рулем — в свои руки. Она вовремя опомнилась. Опомнился и я. И полностью отрезвел. Голова моя гудела. И на лбу выступили капли крови.

— Боже, Ростик! — Лида выскочила из автомобиля, уселась на колени и стала прикладывать к моей ссадине салфетку с йодом. — Господи, Ростик. Мы чуть не погибли.

— Но не погибли же, — пробубнил я.

Она даже не заметила, что мой тон из приторно-ласкового тут же превратился в ледяной. Она списала это на шок.

— И слава богу! — Она без конца взывала к Богу. Слово Бог просто обязан был выполнять ее прихоти. Хотя, похоже, он выполнял.

— Ростик, миленький, я совсем сошла с ума из-за тебя. Я даже не помню, как все случилось. Ты только прикоснулся, милый. Ко мне еще никто так не прикасался. И ничего подобного я не чувствовала.

Она откинулась на заднее сиденье и не к месту расхохоталась. Похоже, она тоже пережила шок. Но, в отличие от меня, иной. Чисто физический.

— А знаешь, теперь наша любовь окроплена кровью. Как бы мелодраматично это ни звучало.

Мой лоб по-прежнему кровоточил. Лида осторожно прикоснулась к ране губами.

— Мог бы получиться прекрасный финал для фильма про любовь. Правда, Ростик?

Я смотрел на Лиду и молчал. Даника вновь не существовало. А я-то думал, что меня еще кто-то помнит в этом мире, что я кому-нибудь еще нужен. Какая наивность. Это ведь прежняя Лида. Она ни капли не изменилась. И ничего не пережила. Она просто вновь влюбилась. Правда, ее амбиции пошли дальше. Она уже не хотела любить смазливового Эдика из рекламных клипов, не хотела эксцентричной любви к леснику Дане. Это все в прошлом. И все для нее стало гораздо проще. Она повзрослела. У нее появился шанс сочинить роман с преуспевающим актером. Только она не учла одного. Преуспевающий модный актер этого не желал. И все же он помнил, что впереди ночь. И наверное, на что-то еще смел надеяться. Вдруг этой ночью к ней вернется Даня? Вдруг она его вспомнит? И вдруг вновь полюбит?

Эта ночь не вернула Даника. Лида страстно повторила имя модного актера Ростика и всеми богами, которые были придуманы и еще нет, клялась, что любит его навеки. А Даня старался, чтобы его вспомнили. Ведь это его давным-давно так любили в Сосновке. Но чуда не произошло. Даже у женщины, которая с ним когда-то провела не одну ночь и которая, наверное, любила его, ни разу не возникла

мысль, что это не Ростик. Она любила этой ночью только Ростика. И никто для нее не существовал на белом свете.

Не скажу, что с моей стороны это было мезью. Меня оправдывало, что я тоже любил или хотя бы пытался реанимировать нашу любовь. И не моя вина, что ничего из этого не вышло. Любовь была другой. Я не был Даней. Только Лида осталась прежней.

Утром я долго смотрел на нее, еще спящую. Одежда отброшена в сторону, лучи осеннего солнца освещают ее золотистый загар. Она была прежней. Той же тысячной топ-моделью, которую я по ошибке когда-то полюбил. Потому что в Сосновке подобного не встречалось. И этой ночью я навсегда уничтожил любовь, убил, раздавил, в моем сердце не осталось даже капли жалости. И даже мой вечный оппонент — совесть — мудро и тактично молчала.

Я торопливо оделся. Я был похож на тысячу супергероев, сбегающих по утрам от восторженных девиц, чтобы не видеть слез и не слушать мольбы. Я становился истинным Ростиком, и меня это уже не столь угнетало.

Лида проснулась от шорохов, сладко потянулась, потеряла кулачками сонные глазки. Широко их распахнула. Она играла во влюбленную девочку. Казалось, что вот-вот она попросит подобную роль. Разве плохо она ее сегодня отретировала?

— Ты куда-то уходишь, Ростик? — В глазках неподдельный испуг.

— Сама понимаешь, милая, я артист нарасхват. Сплошные съемки. Как они меня достали! — сказал я тоном уставшей знаменитости.

— И когда ты придешь?

— Я? — Мой тон был удачно выстроен под легкое непонимание. Слово спросили у меня какую-то несусветную глупость. — А зачем, милая, и разве нам так было плохо, чтобы пытаться что-то исправить?

И Лида расплакалась. Наверное, искренне. Супергерой ускользал из-под носа. Ее не любили. А впереди маячили лишь одни Эдики. Мне вдруг стало ее искренне жалко. К тому же когда-то я ее искренне любил. Я пригладил ее светлые волосы и потрепал по румяной после сна щечке, на которой еще виднелся след от подушки.

— Ну же, девочка, не нужно плакать. У меня и впрямь много дел. А ты такая хорошенькая.

— Правда? — Она подняла на меня умоляющий взгляд, пытаясь зацепиться за последнюю фразу. Она была похожа на всех хорошеньких девушек. Но считала, что хорошенькие дорого стоят. Вдруг и на сей раз повезет.

Мне больно было смотреть на этот умоляющий взгляд. И я решил воспользоваться последним шансом.

— Ты к тому же такая оригинальная, знаешь, я как-то сразу понял, что ты довольно необычна.

Она воспрянула от моих слов. И даже приподнялась на кровати, демонстрируя, как на подиуме, свою безупречную фигуру.

— К тому же я уверен, что ты способна на неординарные поступки, — продолжал провоцировать я.

Она беспомощно оглянулась. Она не знала, как доказать свою эксцентричность. И ее взгляд упал на старинное хрустальное блюдо. Это в мои планы не входило.

— Ну же, пока есть чуточку времени, расскажи, ты ведь была влюблена?

Лида замотала головой.

— Так, как в тебя? Это невозможно.

Еще бы она сказала другое, когда я был рядом.

— Ну хорошо, но не так. Но я чувствую, всем сердцем чувствую, что ты настолько оригинальна, что в твоей жизни случился какой-нибудь экзотический персонаж. По-моему, даже что-то прослышал о твоей любви, которая всех шокировала.

Лида сморщила узенький лобик. Она не понимала. Более того, она вспоминала. Неужели она напроць забыла лесного бога?

— Экзотический? — робко переспросила она, словно пыталась вспомнить какую-то гориллу, вдруг возникшую у нее на пути.

— Ну же, я по твоим глазкам вижу, чистым и невинным.

Она вновь растерянно похлопала глазками, демонстрируя чистый и невинный взгляд.

— Ах да, — она запнулась. Даже попыталась покраснеть. Но я помнил, что Лида, в отличие от Риты и Вальки, никогда не краснела. — Ах да, даже стыдно вспомнить. Лесник какой-то. Такой большой, заросший, с длинными руками. На гориллу похожий. Это я назло Эдику закрутила и с ним интрижку. Ну, на спор, что ли. Он не верил, что я, из такой хорошей, порядочной семьи...

— Из среды золотой молодежи, — поддержал ее я.

Эта поддержка возымела действие. Лида даже гордо встряхнула головой и повела своими покатыми белыми плечами. И поправила золотой перстень на тоненьком пальчике. Ведь она была из «золотых».

— Да, именно. Я решилась на этот скандал! И он удался. Та горилла влюбилась в меня без памяти! А я его даже не запомнила.

— Трудно не запомнить гориллу. Хотя... Если она всего лишь издалека бросала к твоим ногам полевые цветы... И любовь гориллы закончилась этим...

Лида тщательно стала тереть от неловкости щеку. Щека зарделась. Кто краснеть не умеет, добивается этого другим путем. Лида всего добивалась.

— Конечно, не только этим. Но стыдно вспомнить. И отвратительно. Я иногда по ночам просыпаюсь от стыда. А когда встречаю своих друзей. Ну, настоящих мужчин. Эдика, например...

— Лютика, — продолжил я за нее.

— Ну, не помню. То вообще от стыда сгораю.

Лида принялась усердно тереть вторую щеку, демонстрируя стыд. Но тут же вновь гордо вскинула голову.

— Я считаю, в жизни настоящего творческого человека должны быть не только взлеты. И падения тоже.

Горилла, то есть я, был, похоже, падением в жизни девушки, которую так беззаветно любил. Мне вдруг стало ее жаль. И я даже поцеловал ее в оголенное плечико. Так в детстве целуют кукол.

— Не переживай, милая. Все мы произошли из горилл. Вдруг твоя — не самая худшая?

Лида потерлась лицом о мой пиджак. О горилле она забыла начисто.

— Ростик! — Она подняла на меня умоляющий взгляд. — А ты кого-нибудь любишь?

Мой взгляд упал на фотографию в золотой рамке. На ней было запечатлено очень молодое, очень красивое и ни на кого не похожее лицо... Лицо моей костюмерши. И несмотря на давность снимка, ее я узнал с первого взгляда.

— Знаешь, я бы мог влюбиться только в такую, — я кивнул на фото.

Лида бросила мимолетный взгляд и поморщилась.

— Ты опоздал. Это моя бабушка, она умерла. К тому же в бабушек не влюбляются.

— Значит, я обречен на вечное одиночество. И все же мне хотелось положить на могилу этой прекрасной женщины цветы.

Лида пожала плечами.

— Она похоронена очень далеко. В какой-то деревне. То ли Дубровка, то ли Еловка, не помню. Там еще заповедник, занесенный в Красную книгу. И пансионат для киношников. Так себе местечко.

Я внимательно смотрел на Лиду. Она откровенно лгала. Она ревновала меня даже к умершим. И назвала, почти назвала место моей родины. Даже вспомнила, как я утверждал когда-то, где именно похоронена костюмерша. Ну что ж. Хотя бы это. Хотя бы это до нее дошло. Это уже шаг, маленький, лживый, но шаг.

— Ты ко мне вернешься? — Лида вскочила с кровати и со всей силы обвила мою шею руками.

Мне так хотелось сказать, что гориллы не возвращаются, что они ушли в прошлое вместе с эпохой. Но я мудро промолчал. А затем ляпнул нечто еще более мудрое.

— Я ведь женат. Ты не знала? И очень люблю свою жену. Ее зовут Вика. У нас было много проблем, но думаю, вскоре все образуется.

Лида отпрянула от меня. Попыталась заплакать, но вдруг раздумала. И вполне осмысленным взглядом посмотрела на меня, словно лихорадочно сообщая. Я уже уходил вместе с гориллами в прошлое. Лиде нужно было жить дальше.

— Скажи, Ростик, а вот этот... Его фамилия, кажется, Горлеев, какой-то негодяй от зависти дал ему даже кличку Подлеев... Он режиссер, и кажется, ему дали очень перспективную постановку... Там возле него крутится какая-то дурочка, то ли Любаша, то ли Дуняша. Но так, дешевка. Ты его хорошо знаешь?

— Да так, вроде бы...

— Ты бы не мог... Ну, в память о нашей ночи... Согласись, мы же любили друг друга и совсем не притворялись. Ты бы не мог в память о нашей ночи... Ну, напомнить ему обо мне?

— Я подумаю, Лида.

Плотно захлопнув дверь, я выскочил на улицу. Как ни странно, на душе не было ни грязно, ни слизко, ни мерзко. Моя душа уже привыкала ко всему. Моя душа забывала Даню. А душе Ростика любое море по колено. Во всяком случае, за Лиду я был спокоен. Она не отравится и не повесится из-за меня. А ведь так любила! Я вспомнил ночь любви и расхохотался во весь голос. На меня в недоумении оглядывались прохожие. Как она меня любила, и в Сосновке тоже. А теперь... Что ж, теперь пришла очередь Горлеева. Его будут любить не меньше. В этом я ничуть не сомневался.

Мои немудреные прогнозы совсем скоро сбылись. И на одном из киношных праздников, устроенном по случаю начала съемок фильма Горлеева, я увидел этого гениального режиссера прилюдно целующимся с Лидой. После парочки бокалов шампанского он демонстративно вышел в центр зала и громко объявил, что его фильму будет обеспечен успех, поскольку после многодневных изнуряющих поисков главной героини он наконец-то нашел ту, что искал. После чего вытащил зажигалку не иначе из чистого золота с рубинами и прикурил от нее узкую золоченую сигариллу. Похоже, у Горлеева были спонсоры из чистого золота.

Та, которую он нашел, стояла в золотистом платье с накинутым поверх песцовым манто, с высоко поднятой головой, украшенной золотой цепочкой, почти диадемой. Она презрительно оглядывала присутствующих. Особенно презрительный взгляд был

небрежно брошен мне. Не иначе Лида уже представляла себя на церемонии вручения «Оскара» вместе с мужем — режиссером Горлеевым. Нет, все же не зря я его когда-то переименовал в Подлеева. Он подло обошелся с Любашей. И дело даже не в том, что он ее бросил. Здесь всех всегда жестоко бросали. Зачем нужно было ее так демонстративно унижать на глазах злорадствующей толпы? Зачем устраивать всенародную экзекуцию на лобном месте?

А на лобном месте царило веселье. Все бросились целоваться и обниматься с новой кинозвездой, хотя ни в один кадр она еще не попала. Но они на всякий случай заручались поддержкой на будущее. А вдруг Подлеев и впрямь положит в свой карман «Оскара», так, между прочим, вместе с золочеными сигариллами?

Мои глаза рассеянно бегали по лицам. И не находили Любашу. Зато тут же, как в водевиле, на мои глаза попался Лютик. Ему, как никогда, подходила роль ассистента палача. Лютик довольно потирал потные ручки. И со всей силы пихнул меня в бок.

— Получила свое, дешевая девка! — прыгал он, как сатир. — Возмездие свершается быстро. Да и Бог кое-что видит, хотя, конечно, за всеми уследить невозможно, но Любашу-то уже наверняка записал в своей потаенной книжке.

— Оставь хоть Бога в покое. И, кстати, Любашу тоже. Нашел самую большую грешницу.

— Ну, нашел — не нашел, а подлянок она много сделала. То тебя пробросила, то меня. Думала, Подлеев ей целовать ножки будет. Мнила себя кинозвездой — мадам Подлеевой. Вот и получила.

— Меня хотя бы из этого списка обиженных вычеркни. Мне Любаша ничего дурного не сделала, — резко ответил я, продолжая искать ее взглядом. Я искренне желал, чтобы ее здесь не было.

— И разве можно эту дешевку сравнить с Лидой? Какая горделивая поступь, какой поворот головы, какая шея! Нефертити! И родословная из дворян, не то что эта дочка швей из глухомани. Мне за Лиду Подлеев должен в ноги пожизненно кланяться. А тем более — за Любашу, вернее, за ее своевременный уход. И «Оскара» подлецу Подлееву придется со мной разделить. Как и сигариллы, которые я, кстати, сейчас у него стрельну.

Я недоуменно смотрел на Лютика. Его лицо, и без того мясистое, рыхлое, расплывалось у меня на глазах, словно видел я его в нерезком фокусе.

— При чем тут ты, Лютик? При чем тут ты, черт побери!

— А при всем. Это я познакомил Лиду с Подлеевым. Я знал, что можно рассказать о Любаше. Я много о ней знаю, впрочем, как и ты, Ростя. Так сказать, ради искусства готов на все. Искусство передо мной

в неоплатном долгу. Как и Подлеев. Со своим «Оскаром» и золотыми сигариллами.

Я хотел со всей силы врезать Лютику, но его рожа настолько расплылась, что я промахнулся. Хотя, конечно, причина состояла в другом. Я вдруг увидел Любашу. Она одиноко стояла на театральных подмостках, словно пытаюсь сыграть свой последний бенефис. И мне вдруг на миг показалось, что она стоит на каменном помосте лобного места. Как на старых, выцветших открытках — перед казнью еще ждет помилования, а рядом приготовлена виселица. И тысячи зевак смотрят с презрением на нее, радуясь, что они законопослушные.

Помилования не последовало. Индальгенция не зачиталась.

Любаша выглядела жалко и нелепо в своем ярко-красном пальтишке с зеленым, слегка общипанным воротничком из искусственного меха. Ее пухлые губы, чрезмерно покрашенные пурпурной помадой, были слегка приоткрыты, как у ребенка. А под синими распахнутыми глазками размазалась черная тушь. Любаша пыталась с кем-то поздороваться, поговорить, но все делали вид, что ее не замечают. Сегодня был не ее праздник. Сегодня Подлеев праздновал свой будущий «Оскар». И все были уверены, что он его получит, хотя съемки еще даже не начались. Но какое это имело значение? Киномир уже официально признал Подлеева гением... Я уже давно понял, что гением назначает не Бог, правда, еще не понимал — кто? Но не Бог — это точно.

Любаша выглядела нелепо и смешно настолько, что хотелось расплакаться. И я со всех ног бросился к ней, силой утащил с подмостков и скрылся с ней в фойе. Я пригладил ее взбившиеся волосы, вытер носовым платком тушь под глазами и губную помаду. Она по-прежнему застыла в оцепенении и, казалось, не узнавала меня.

— Ну же, девочка, — я встряхнул ее за плечи. — Ну ты же умница. И красавица, ты лучше всех этих размалеванных девиц.

Любаша была не менее размалевана, но я об этом факте решил умолчать. Я усадил ее на бархатную скамейку. Она, как безжизненная кукла, сидела прямо, глядя на меня и совершенно меня не замечая. Я со всей силы толкнул ее в спину. Она слегка покачнулась и, как кукла, пропела:

— Да.

Я мигом сбегал в зал, притащил бутылку шампанского и заставил Любашу сделать несколько глотков прямо из горлышка. Ее глаза заблестели, губы задрожали. Она ожила. И разрыдалась. Из состояния шока я девушку вывел. Но дальше — хуже. Нужно было выводить ее из стресса, который

неминуемо повлечет за собой глубокую депрессию. Я не был врачом-психиатром. И, наверное, во мне осталось немного Даника, этого сильного, чуткого к чужим бедам лесного бога. Я был всего лишь вялым, уставшим, ленивым, погрязшим в своих переживаниях артистом Ростиславом Неглиновым. Мне ужасно не хотелось возиться с девушкой, которую я не так близко и знал. Я беспомощно огляделся по сторонам. Черт побери, ведь Любаша настолько общительна, весела, у нее уйма друзей и подружек, в нее влюблены десятки парней. Где они? Куда все подевались? Попрытались? Почему все они, пробегая мимо нас, трусливо прячут глаза и не отвечают на мои призывы? Боже, неужели так легко отказаться от человека? Только потому, что какой-то негодяй Лютик решил отомстить. Похоже, ему это удалось. Но неужели это так легко — отвернуться от человека, зная его много лет? Наверное, легко. Я знал Любашу совсем мало, ее знал хорошо Ростик. И я уже ненавидел Ростика, что он так ловко сбежал от всех этих проблем, зависти, лжи, предательства, от всех так называемых друзей и любимых. Я это все взял на себя. В наследство от Ростика мне остались не только профессия, квартира и женщины. А гораздо худшее. Мне осталась в наследство его жизнь. И почему я когда-то решил, что она будет лучше моей?

Любаша рыдала у меня на плече, и я не знал, как ее успокоить.

— Ну же, девочка, подумай, не снялась в какой-то киношке. Будут у тебя еще сотни фильмов. Твое личико настолько фотогенично. — Я гладил ее по голове, как маленькую.

— Все кончено, Ростя, — повторяла сквозь всхлипы она. — Все, все кончено. И ничего уже не будет. Лютик навсегда перекрыл мне дорогу в кино. Я его хорошо знаю. Он не умеет прощать.

— Глупости все это, какая чушь! Лютик — не страшный злодей, а всего лишь мелкий интриган из дешевого водевиля. Покуражится — и на этом все закончится. Люди все забывают быстро.

— Люди... Наверное, да. Но здесь ничего не забывают, особенно если прилепили клеймо. Ведь ты даже понятия не имеешь, сколько и кому он на меня наговорил. И потом, кто он, а кто я? Ведь я всего лишь эпизодическая актрисочка, которая все время дрожащей рукой вымалывает роль. У меня был единственный аргумент — обаяние. Может быть, поэтому... Поэтому у меня было много мужчин. Потому что больше ни связей, ни аргументов не было...

— Ну что мне с тобой делать? И что мне для тебя сделать, чтобы ты успокоилась?

Я огляделся. Пустой холл. Какой-то полупьяный артист прошмыгнул в туалет, даже не обернувшись в

нашу сторону. Из зала раздавалась музыка. Я вдруг схватил Любашу за руку.

— Идем потанцуем?

Я вывел ее в центр зала. И зал сразу же стал пуст. Всем вдруг танцевать расхотелось. Я закружил Любашу в танце. Закружил — это было слишком громко сказано. Танцевать я так и не научился. И, как когда-то в Сосновке, походил на косолапого медведя на балу. Во мне вновь проснулся Даник. Я неуклюже двигался, наступал партнерше на ноги, спотыкался. Это был танец неудачников. Но я считал, что он удался. Во всяком случае, если это и был плохой танец, то вызов получился отличный.

Я демонстративно взял Любашу под руку, как свою даму, и повел к выходу. Меня нагнал Лютик и прошипел, как змея, прямо в ухо:

— Не связывайся с отверженными, это я тебе как друг советую. Иначе очень легко можешь оказаться в их списке.

Я усмехнулся, пропуская Любашу вперед. И на секунду задержался у выхода.

— А кто тебе сказал, что отверженная она, а не все вы? Кто тебе это сказал? К тому же список составляет, по твоим же словам, сам Господь Бог. Думаю, мы окажемся не на последнем месте.

— Смотри, Ростя, очень сильно потом пожалеешь, я ведь помню, как ты на меня замахнулся.

— Но промахнулся. А вот это действительно жаль.

Я захлопнул перед носом Лютика дверь. Мы поймали такси и примостились на заднем сиденье.

— Тебя куда отвезти?

Любаша вдруг вцепилась в мои плечи и умоляюще, почти плача попросила:

— Можно к тебе, Ростя? Ну пожалуйста, можно?..

Я знал, она цепляется за любую соломинку. Она хочет выжить. И как всегда, неверно выбирает способ выживания. Потому что видит его только в мужчинах.

— Ведь мы так когда-то любили друг друга, Росточек. Нам так хорошо было вместе. Мы все, все, все, все можем начать сначала. Я ведь теперь многое поняла... Или начинаю понимать.

Отказать нужно было решительно, резко, бесповоротно, иначе я вновь влипну в любовь, которая мне не нужна.

— Нет, Любаша. Я очень ценю наше прошлое, правда, ценю. Но ты не знаешь... Ко мне вернулась Вика.

Любаша расцепила руки, обмякла и устало прикрыла глаза.

— Тогда едем ко мне, ко мне никто не вернулся. — Она назвала адрес.

И минут через двадцать мы были у нее дома. Я мало знал Любашу. Пожалуй, только то, что

она всегда казалась очень легкой, веселой, немножко нелепой. Вокруг нее всегда вертелись мужчины, потому что она не умела жить одна. Я не смел ее упрекать за это. Я знал, что у нее мало вкуса и был на все сто уверен, что ее квартира забита дорогими, ненужными и безвкусными вещами. И был искренне ошарашен ее домом — крохотной комнатухой на последнем этаже. Старый круглый стол, железная кровать, допотопный буфетик с дешевой посудой. Я не мог даже предположить, что она так бедно живет. Единственное, что украшало, делало живым, почти одухотворенным дом — это уйма цветов. Растения были повсюду — на полу, на подоконнике, на столе. Комната сделалась похожей на маленький палисадник, на уютный ботанический садик, на благоухающий розарий. Я вдохнул запахи растений. Мне стало легче. Это был не луг, а модель луга. Но это напомнило мне родину. Захотелось лечь на пол, осторожно дотронуться до нежных лепестков, почувствовать на лице прикосновение сочных зеленых листьев. И попытаться на протекающем потолке разглядеть солнце. Модель родины не могла быть родиной. И все равно на душе стало легче.

— Не ожидал, что так все бедно? — Любаша рассмеелась.

Она вновь становилась прежней беспечной девчонкой.

— Ты первый гость в моем доме. Сам понимаешь, я жила всегда у своих покровителей. И всегда делала вид, что очень богата. Этому я научилась. А когда покровители кончались, прибегала сюда. Ну, как на родину возвращалась. Только зелень, цветы и запахи. Вот такая моя родина.

— У тебя очень хорошая родина. И она так похожа на мою...

Любаша остановила на мне свой пристальный взгляд.

— Ты о чем, Росточек?..

Я вздрогнул. Во мне вновь, именно в этой комнатухе, просыпался забытый Даник.

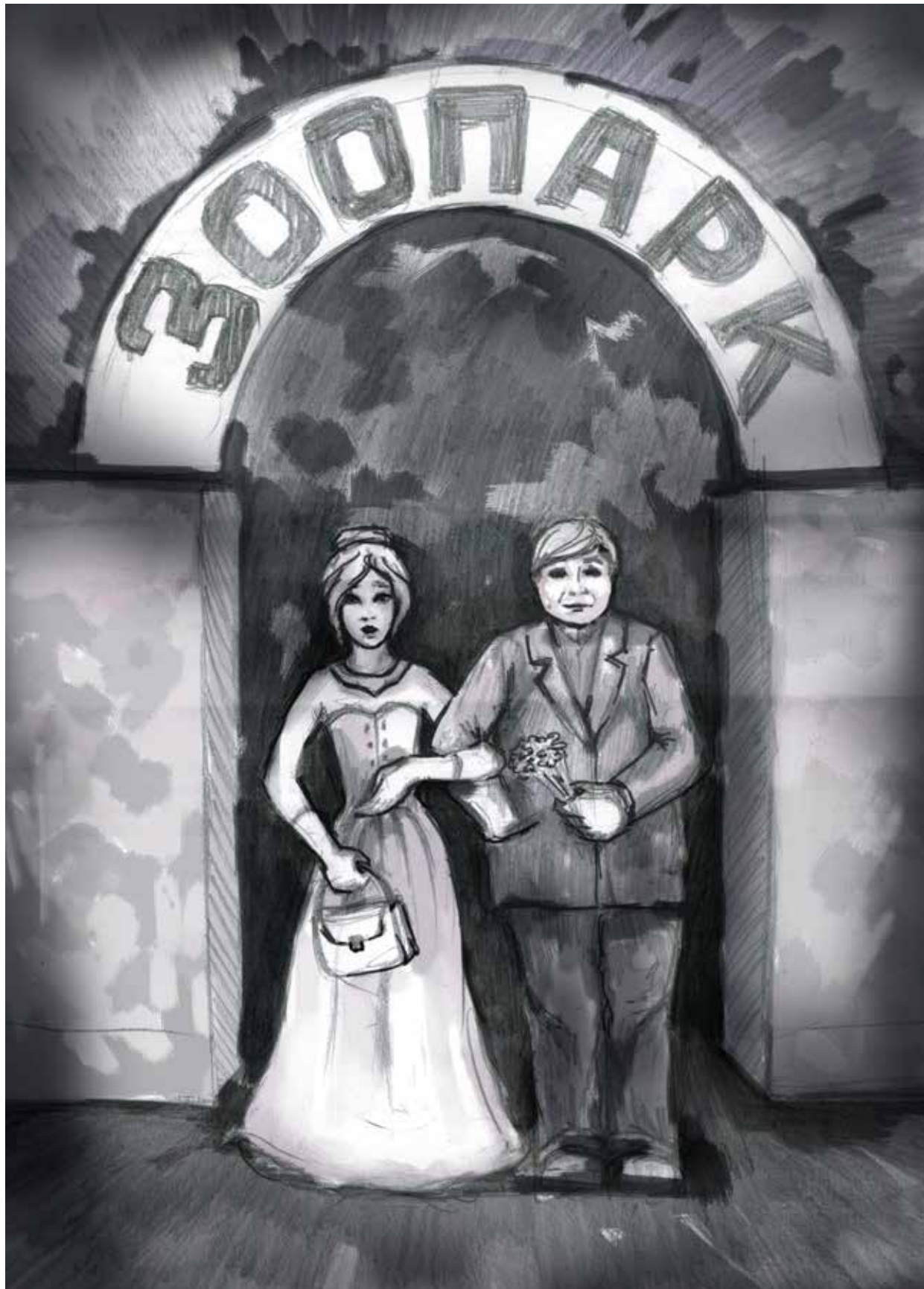
— Это я так. У меня в квартире тоже много цветов.

— Тоже мне, сравнил. И потом... Они же не твои... Ты даже понятия не имеешь, как какой цветок называется. Ты всегда сторонился природы. Или боялся ее. Почему?

Я приблизился к лантане — кустарнику с нежными цветочками самого разного цвета. Желтые, розовые, красные, белые, они удивительно дополняли друг друга и создавали многоцветную гамму.

— Это лантана камара, — пояснила Любаша.

Я это прекрасно знал. Не зря проработал в Ботаническом саду. А вот в Сосновке таких цветов не было. Но были не хуже. Но об этом я не мог рассказать Любаше.

— У нас в поселке таких цветов не было, — вздохнула Любаша. — Но были не хуже. Просто я всегда очень увлекалась ботаникой. А стала артисткой. Потому что лучше всех пела в доме культуры. И танцевала тоже лучше всех. А ты проходи, раздевайся. Я сейчас чай сделаю. Его мама научила готовить. А рецепт еще от прапрабабушки. Но я могу тебе его открыть, хочешь? — Любаша говорила без умолку, суетливо. Словно боялась, что я вот так возьму и уйду. И она вновь останется одна. Она не умела жить одна.

— Любаша, ты извини, — сказал я то, что она боялась больше всего услышать. — Но мне и впрямь нужно идти...

— Ростик, миленький, я что-то хотела сказать... Погоди... Не припомню. Имя какое у тебя замечательное, тоже звучит, как природа. Ростик, Росток, Росточек...

— Любаша, пожалуйста... Мне и впрямь нужно. Я к тебе завтра обязательно загляну.

— Знаешь, я же одна с нашего поселка поступила в театральный, за всю его историю. Представляешь, какой был фурор! Все так в меня поверили! Все так мной гордились! А как ждали моих ролей! А один раз меня даже показали в клубе на большом экране — так, ерунда, эпизодик. Но весь поселок аплодировал! И мне целую бочку меда привезли, представляешь! Словно я медведь. Вся студия его ела...

— Любаша, милая. У тебя все еще получится. Все еще будет, поверь мне, вот увидишь...

— Знаешь, я так давно не была дома. Я не могу... Ну как я там появлюсь? Я все хотела честно делать, честно поступила, честно ждала ролей. Но мне нужно было приехать домой победителем, понимаешь, как же иначе? А победы все не было и не было. И ты, помнишь, нам с тобой трудно пришлось. Ты хоть снимался в рекламах. Тебе повезло. А меня даже туда не звали. По-моему, ты этого не хотел.

Еще одна заслуга Ростика. Держал Любашу при себе, как куклу, забавлялся, даже в какие-то жалкие рекламы ее не захотел пристроить.

— А я... Вот я и подумала... Я ведь многим нравилась. Я веселая. Вы любите веселых. Потому что вам всегда плохо. Вот я и подумала... Ты меня поймешь, милый, ты сам в кино... В кино любви нет. Вернее, она есть только в кино, но не в кругу тех, кто кино делает. Кто сочиняет любовь, тот любить не умеет. Ты помнишь, как я настрадалась из-за одного парня... А потом тебя полюбила. Все готова была вынести. Но ведь это кино... Нет, я не жалею, просто у меня не получилось. У меня ничего не получилось. Ни в любви, ни в кино... Ведь я хотела и того и другого. Наверное, я слишком много хотела...

— Зря ты так, девочка. Ты еще так молода.

— Это ты так считаешь. Я уже так не думаю. Здесь быстро стареют, быстрее, чем в другой профессии. Я знаю другое...

— Любаша, милая, выпей что-нибудь успокоительное и ложись спать. Меня ждет Вика...

Любаша расхохоталась. Она была похожа на Белоснежку. Беленькая, кудрявая, голубоглазая.

— Успокоительное? А это мысль. Знаешь, когда я была маленькой, когда меня обижали и я плакала, я прислушивалась... Знаешь к чему? К скрипу калитки. Она так смешно скрипела, когда открывалась и задевала сирень. У нас чудесная сирень цвела под окном. Вот они вместе и скрипели. И я так ждала... Мне казалось... Если они скрипнут. Обязательно кто-то придет. Придет — и все, все в моей маленькой жизни исправит. Как ни странно, так оно и было. То доктор приходил, такой смешной очкарик, он все время заставлял открывать рот и говорить: «А-а-а...» А я пела. Звонко и громко, на всю округу: «А-а-а-а!..» Я тебе говорила, я ведь хорошо пою... А еще скрипела калитка, и приходил лесник. Такой большой бородатый медведь. Я садилась к нему на колени, дергала за бороду, а он мне рассказывал невероятные истории, как спас всех на свете зверей. Потому что они единственные, кто достоин спасения. Люди... Он говорил, что люди этого не достойны. Они сами выкарабкаются. Как ты думаешь, он был прав?

— Пойду, Любаша. Я обязательно завтра вернусь к тебе утром. И мы обо всем поговорим.

Я не мог больше этого выдержать. Нет, наверное, мог, просто не знал, что делать. Я просто не знал. И решительно направился к выходу.

— Росточек! Миленький! Еще чуть-чуть...

Я оглянулся. Это была ошибка. Любаша вдруг начала танцевать. Наверное, именно этот танец она исполняла в клубе. Она действительно великолепно танцевала. Кружила между цветами, как бабочка, взмахивала руками, как крыльшками, легко, грациозно, ее головка подвижно склонялась то к одному, то к другому цветочку. Она была в том же нелепом наряде с облезлым зеленым воротничком. Но он уже ее не портил. Он был даже кстати. Я вспомнил, как кружились бабочки на лесной поляне, и Чижик звонко лаял на них и высоко прыгал, пытаясь их запугать. Но у него ничего не получалось. Бабочки львов не боятся. Тогда чего боялась Любаша? И я вдруг подумал, что она очень талантливая комедийная актриса. И сам поразился этой мысли.

Любаша перевела дух.

— Ты как бабочка, Любаша.

— А это и есть танец бабочки, я его танцевала в клубе, потом с ним поступила в театральный. И мой мастер сказал, что я стану великой комедийной актрисой.

— Он не ошибся. Настоящие мастера не ошибаются.

— Правда? Но по ночам я все жду этого скрипа калитки. Я жду, что кто-то придет и спасет меня. Только сама не знаю, от чего.

— Знаешь, девочка... — Я приблизился к ней и крепко обнял, как самого дорогого и маленького друга. — Если бы я не видел этот танец, я бы посоветовал тебе вернуться домой. Чтобы вновь услышать скрип калитки, увидеть сирень. Потому что я думаю, я почти уверен, что хуже кино ничего нет. Эту твою калитку можно снять на пленку, можно снять слезы девочки. Но никогда, никогда эти съемки не будут стоять настоящей, истинной жизни. Потому что хуже кино ничего нет.

— И лучше тоже, Ростя. — Любаша потерялась о мой небритый подбородок. — И лучше, и хуже есть только кино.

— Знаешь, девочка, завтра будет новый день. Он обязательно принесет новое. Может, вновь скрипнет калитка... И кто-то постучит в твою дверь. Не унывай.

— Завтра... Конечно, Ростя. Завтра обязательно наступит завтра. Это так просто! — Любаша рассмеялась. Ее белые зубы сверкнули в полумраке. У нее была обаятельная улыбка. — А ты иди. Тебя ведь ждет Вика.

— С тобой все в порядке?

— Абсолютно все! Ты знаешь, сегодня — самый долгий день в моей жизни, когда я так долго грустила и так долго плакала. Но все прошло. Даже такое проходит, правда?

Я облегченно вздохнул и потрепал Любашу по румяной щечке.

— Все проходит. Абсолютно все. Может, именно поэтому нужно просто смириться с жизнью. И станет не так страшно жить. До завтра, девочка.

— Ростя. — Любаша взяла меня за руку. Но мне вдруг показалось, что она уже не хочет меня удерживать. — А ты так плохо танцевал сегодня.

Моя рука в ее ладони слегка дрогнула. Я не понимал, что она имеет в виду.

— А ведь ты был превосходный танцор, Ростя. И вряд ли ты делал это специально. Специально плохо танцевать не получится. Даже у актера. Я это знаю, ведь сама актриса.

Я минуту просто смотрел на нее. Словно подыскивал нужные слова, веские оправдания, а может, мне просто нравилось, что меня наконец-то разблачают. Мне нравилось, что хоть один человек вспомнил Даника. Этого неуклюжего бородатого лесника. Но я сказал совсем другое. И потом очень пожалел.

— Ты же знаешь... Я один раз умирал. Ничего не получилось из моей смерти. Но я многое разучился делать в этой жизни хорошо. Зато хорошо научился думать.

Она еще крепче сжала мою руку.

— Знаешь, научиться гораздо легче, чем разучиться. А ты многому разучился. Даже твоя несостоявшаяся смерть... Впрочем, неважно. Просто мне кажется, что разучиться вообще нельзя. Люди, бывает, забывают свое имя, своих родных, свою родину, вообще все забывают. Но, как ни странно, их физическая память отлична. Они делают то же, что и делали. Это голова забывает, а тело помнит все.

— Что ты этим хочешь сказать? — Мои руки похолодели. И Любаша это почувствовала. Она стала тереть их в своих ладонях.

— Совсем замерз. Холодная квартира, конечно. Что я хочу сказать? Я бы хотела узнать твое настоящее имя.

Я отшатнулся от нее и отдернул руки.

— Ты о чем?

Любаша вновь рассмеялась. И ее белые кудряшки весело прыгали на плечах.

— Чего ты так испугался? Имя дают родители. У тебя прекрасное имя. Ростя, Ростик, Росточек. Но оно тебе не подходит. А я думаю, что есть еще имя для человека, которое дает природа, многие говорят — Бог, я не знаю, я не настолько верующая. Не успела. Так что... Мне бы хотелось узнать твое настоящее имя...

— Ну, я же не бог. Я его знать не могу. Наверное, настоящее имя можно узнать только после смерти. Как и свою настоящую судьбу. Которая могла быть, но не получилась по нашей вине.

Любаша со всей силы обняла меня, она была такая теплая и мягкая. И ее облезлый зеленый воротничок коснулся моей холодной шеи.

— Я обязательно узнаю твое имя, Ростя.

Я не выдержал и горячо поцеловал Любашу в губы. Они были сладкими и липкими от помады. И пахли сиренью, которая когда-то росла и под моим окном.

— Ты выпей что-нибудь успокоительное. А я обязательно приду завтра. Обязательно. И мы обо всем поговорим. Это нужно завтра.

Я сказал это искренне, от всего сердца. И вдруг почувствовал, что в этом мире есть человек, очень похожий на меня. И мне даже захотелось раскрыть ему свое настоящее имя. Я поклялся это сделать не позднее чем завтра утром. Ведь завтра все будет по-другому. Я не ошибся.

Продолжение следует.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН XXI ВЕКА

Портал ThankYou.ru и банк «Метрополь» возрождают в Москве традиции литературных салонов, оказавших огромное влияние на русскую литературу XIX века. Литературный салон XXI века — это и презентация книг, и авторское чтение, и творческий клуб, а также место, где поклонники могут пообщаться с любимыми писателями в дружеской обстановке. Организаторы стремятся сделать эти мероприятия веселыми, развлекательными и неформальными, поэтому называют свои творческие вечера «литературными вечеринками».

Первое мероприятие прошло 27 февраля в интерактивном кафе «Песочница». Гости вечера отметили, что красивые, обаятельные писательницы

контрастировали со своей мрачной, жесткой, «не женской» прозой. Среди участниц — Марина Степнова, Марина Ахмедова, Алиса Ганиева, Улья Нова и Ирина Горюнова. Вела вечер Елизавета Александрова-Зорина.

Портал ThankYou.ru собирается проводить не только литературные вечера, но и мастер-классы, на которых писатели, журналисты и редакторы поделятся секретами своего успеха. Литературные вечера ThankYou.ru будут проводиться два раза в месяц в лучших клубах и кафе столицы. По мнению организаторов, такие мероприятия помогут вернуть молодежной аудитории интерес к современной литературе.

Евгений НИКИТИН

Персевал Гиббон (1879–1926) — английский писатель и журналист. Путешествовал по Европе, Африке и Америке, во время Первой мировой работал военным корреспондентом. Дружил с Джозефом Конрадом, признанным классиком английской литературы, и посвятил ему свою книгу «Цветок персика». Известен в первую очередь своими рассказами с часто неожиданными и ироничными концовками. Предлагаем вашему вниманию рассказ из сборника «Прецеденты Вроув Гробеллар».

Рисунок Эдуарда Дудина

КРОВНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Вроув Гробеллар быстрым шагом вошла в дом, захлопнула дверь и села, тяжело дыша.

— Если б мой последний муж, — сказала она, — да что там, если б любой из моих мужей дожил до сего дня, он бы застрелил эту тварь за то, что она посмела так взглянуть на честную женщину. — Старушка нервно оглянулась.

— В чем дело? — спросила Катье.

— В той готтентотской ведьме! — ответила старушка. — Она выглядит как ведьма, и, уверена, ведьма и есть. Я могла бы заставить кафиров¹ выгнать ее отсюда, однако с ведьмами лучше поосторожней. Она только что сидела на корточках у двери, словно гигантская жаба, а ее взгляд... От ее взгляда у меня кровь застыла!

Катье попыталась что-то возразить.

— Что? Не носи вздор! — Вроув Гробеллар подбоченилась и напустила на себя сурово-величественный вид. — Это действительно вздор! Катье, остерегайся гордыни. Остерегайся самодовольства. Разве в Библии не описывались ужасные, злые ведьмы? Разве царь Давид не видел, как мертвые вылезали из

земли, словно бегущие к ноге собаки, стоило ведьме щелкнуть пальцем? Вот так-то!

Катье мотнула головой в знак протеста.

— Да-да, знаю, — продолжала старушка. — В школе тебя многому научили, но не научили самому важному — вере. И хорошим манерам. Вот сейчас ты скажешь, будто в наше время ведьм нет.

— Ничего я такого не скажу, — ответила Катье.

— Нет, скажешь, — упорствовала Вроув Гробеллар. — Я хорошо знаю тебя. Но ты ошибаешься. Ты ничего не знаешь о жизни. В наше время девушки ведут себя, как свиньи: визжат, хрюкают, сопротивляются — а в итоге из них ничего не получается. Разве брат жены моего единокровного брата умер не от черной ведьмовской магии?

— Об этом мне ничего неизвестно, — возразила Катье.

— А ему — еще как известно. Сейчас расскажу. — Старушка устроилась поудобнее и начала: — Его звали Фанни. По линии отца он происходил из рода ван дер Мервов, однако его мать была всего лишь Принслоу (правда, мать его матери происходила из Кутзее). Не могу сказать, что он всегда вел себя добропорядочно, но был большим, сильным, известным и людям нравился. Женщины часто выдавали черное за белое, доказывая, что он все говорил и

¹ Кафиры — прозвище темнокожих племен Южной Африки и Индии.

делал правильно, — хотя рыдали бы всю ночь напролет, если б их мужья вели себя, как Фанни. Знаешь, как говорят, — припомнила Вроув Гробеллар древнюю и редкую голландскую поговорку, — когда женщины молятся, они представляют себе Бога в виде привлекательного мужчины.

Мне в нем не нравилось его отношение к кафирам. В конце концов, кафиры — не собаки, они полезнее; да и собаку не всегда можно бить и пинать. А Фанни не мог пройти мимо кафира и не ударить его ногой или кнутом. Помнится, все кафиры прятались по хижинам, стоило им увидеть его на дороге.

Жил у нас один старый кафир — дряхлый, слабый и бесполезный. Он сидел целыми днями у ворот, что-то бормотал себе под нос и, похоже, видел то, чего не было. Его голова поседела — а у кафиров, как ты знаешь, такое редко бывает. Он был настолько беспомощен, что другим кафирам приходилось кормить его с палки, как цыпленка, лишившегося матери-наседки. А чтобы птицы не садились ему на спину, когда он лежал на солнцепеке, и не клевали, к старичку приставили черненького, как ворона, кафирчика. Тот постоянно сидел рядом с ним и играл. Боже мой! Я видела, как эта парочка сидит, молча глядя на друг друга, часами — словно два ребенка или два старика. Никто ничего не имел против; мы даже бросали сахар черненькому и смотрели, как он, перекатываясь на животе, словно цыпленок, пытается отогнать от сладкого жадных птиц.

Что же до Фанни... Ох... Произошло ужасное...

Мне до сих пор больно вспоминать об этом. В тот день он примчался к нам в спешке, чтобы сообщить, что Август де Вильер, отец предиканта¹ Допфонтейна, умер, подавившись персиковой косточкой. Фанни скакал очень быстро. Когда он был уже почти у дома, появился черненький — и угодил прямо под копыта коня. Такая быстрая, почти безболезненная, но все равно ужасная смерть. Конь споткнулся об него. У меня перед глазами все стоит эта сцена: конская нога с легкостью раздавила грудь кафирчика. Черные ножки-ручки дернулись и замерли. Он умер.

Фанни, казалось, был расстроен. Конечно, его вины в этом не было, но мы повели себя довольно глупо: глазели на него и смеялись над его «горем». Вскоре Фанни слез с лошади и вошел в дом, чтобы поведать новости.

Когда мы вместе вышли из дома, конь смиренно стоял у двери там, где его оставил Фанни. Однако рядом с ней на коленях стоял старый кафир. Он трогал окровавленные копыта; когда хозяин коня при-

близился, старик протянул руку и оставил кровавое пятнышко на ботинках Фанни.

Фанни встал как вкопанный. Его лицо побелело — разительный контраст с черной бородой. Он знал, что это означает проклятие. В нем тут же вспыхнула ярость; он начал бить старика по лицу кнутом. Тот не шелохнулся. Мои братья удержали Фанни и позвали кафиров, которые тут же увели старика. Однако Фанни пребывал в бешенстве — как и любой мужчина, которого силой заставляют вести себя «прилично».

В тот день больше ничего не произошло. Фанни ускакал — он гнал скакуна изо всех сил. А стоявшие у хижины кафиры смотрели ему вслед.

Несколько дней спустя мы почти забыли о трагическом происшествии — правда, мне порой снился маленький кафирчик. Однако родственники — одно дело, а кафиры — совсем другое. Спустя некоторое время Фанни снова приехал; мы угостили его кофе. Он рассказал нам, как один черный решил купить овцу. Продавец подsunул ему пса в мешке, а тот заплатил и ушел. Мы дружно посмеялись над рассказом. В тот день Фанни был душой нашей компании. Помнится, он сказал, что планирует жениться на старухе: та быстро помрет, а все владения достанутся ему. Когда он начал собираться, уже совсем стемнело.

Спустя четверть часа мы услышали быстрый, гулкий, лихорадочный топот копыт. Мы открыли дверь. Перед нами вырос конь. Фанни съехал с его спины и опрометью ринулся в дом.

Мы исторгли дружный вопль. Наш родич был бледен, как полотно. Со лба струился пот. Он так сильно дрожал, что едва держался на ногах.

— Что стряслось, Фанни?! — вскричала моя сестра.

Тот застонал и спрятал лицо в ладонях.

Вскоре он заговорил, непрерывно дрожа и оглядываясь через плечо.

— Что-то появилось у меня за спиной, — начал он.

— Что-то? — переспросили мы хором.

— Да, что-то... мертвое. Оно преследовало меня до ворот. Я не смог оторваться, даже прищпорив лошадь. Наверное, это пришла моя смерть.

Мы страшно напугались, но по-прежнему горели от любопытства, желая услышать больше.

— Нет-нет, — уточнил Фанни, — я не видел это и не слышал — я просто знал, что оно там есть.

— Это был знак, — сказала моя мать, очень мудрая старуха. — Давайте помолимся Господу.

Мы помолились Господу, стоя на коленях — сами не зная зачем.

Фанни рассказал нам все, что знал... то есть, по сути, ничего. В ущелье на него накатила приступ ужаса. По его словам, он словно стал живым покойни-

¹ Предикант — проповедник.

ком. Он повернулся, и это нечто — чем бы оно ни было — последовало за ним; тогда он поскакал во весь опор. Он скакал так быстро, что конь едва касался копытами земли, а сердце было готово вылететь из груди. Затем, не разбирая дороги, он примчался сюда.

Воцарилась полная тишина.

Затем заговорил Ум Ян. Он был очень стар и очень редко открывал рот.

— Убийца! — воскликнул он обвиняющим тоном.

Я не смогла бы передать словами — даже если бы говорила непрерывно, пока не кончится дыхание, как похолодело в моей груди от этих слов. Ведь черненький был расплющен прямо у меня на глазах — и все же я не могла не испытывать жалость к Фанни. В то время он мне нравился.

Он заночевал у нас. Он не мог ни уехать, ни спать в одиночестве, и потому спал в одной комнате с моими братьями, причем полночи ворочался, молился и крепко держал их за руки. Утром братья отвезли его домой на одной из наших лошадей. Его собственный конь после ночной скачки был полумертв.

Больше я не видала Фанни живым. Он словно отправился от нас напрямик на небеса. Перед уходом он расцеловал меня в обе щеки и взял мои руки в свои. Наверное, я ему тоже нравилась. Ты ведь согласна, Катъе?

— Да, — мягко ответила та.

— Он уехал с моими братьями по дороге, повесив голову, словно старик. Я смотрела ему вслед. Мне

было очень-очень грустно. Может, я даже расплакалась — сейчас уж точно не помню. Фанни был великолепным мужчиной.

Однажды, когда я готовилась ко сну, в комнату вошли мои братья. Один остался стоять в дверях, а другой что-то прошептал на ухо моей матери. Она оглянулась на меня.

— Ложись спать, — велела она.

— В чем дело?

— Ложись спать, — повторил брат.

— Нет, скажи правду... Фанни?

Брат посмотрел на меня, бессильно махнул рукой и кивнул.

И я осознала — гораздо яснее, чем если бы мне прокричали прямо в ухо, — что Фанни мертв. Я знала это; не могу объяснить словами, почему.

— Значит, он мертв, — сказала я. — Где он?

Братья вышли и вскоре вернулись с телом Фанни. Его одежда и борода были покрыты грязью. Они положили его на стол, и я увидела его лицо... Боже мой!.. На лице мертвеца навсегда застыла маска неопишемого ужаса — ужаса, от которого кровь застыла у меня в жилах. Даже теперь я порой просыпаюсь посреди ночи и дрожу от страха перед воспоминанием — бледной тенью прошлого.

Но это еще не все. Когда мы начали приводить тело покойника в божеский вид и стащили башмаки из сыромятной кожи — Господи, надеюсь, я умру своей смертью, мирно лежа в кровати! — оказалось, что на пальце ноги блестит свежая капелька крови.

Наверное, в ту ночь сама десница Божия сберегла мой рассудок — иначе бы я сошла с ума.

На следующее утро я услышала рассказ о том, как все произошло. По дороге домой мои братья обнаружили его вот... вот в таком виде лежащим в ручье. По следам копыт они нашли уже окоченевшего коня. Когда Фанни свалился с лошади... он, должно быть,

продолжал бежать и кричать, пока не упал в ручей. Хотелось бы верить, что перед смертью он наконец обрел душевный покой, однако лицо мертвеца было вовсе не спокойным...

Вроув Гробеллар спрятала лицо в ладонях. Катъе приобняла ее в знак поддержки и сочувствия.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Евгений Никитин — студент пятого курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Арина КАЛЕДИНА

От редколлегии

Уважаемые читатели! Всякий труд, терпение и стремление всякое — вознаграждаются! Особенно приятно, когда это происходит с человеком одаренным. Хотя наличие дара писательского всегда предполагает кропотливую, каждодневную работу за письменным столом.

Несколько лет назад в дверь отдела прозы «Юности» настойчиво постучала Арина Каледина. Потом годы ученичества и работа над словом с редакторами отдела прозы. Получилось. И состоялись публикации первых опытов короткой прозы в рамках «Творческого конкурса». А вскоре с радостью и удивлением «письмо» Калединой оценил на страницах журнала Лев Аннинский.

И вот настало время публикации в разделе «Проза». Сделаем это прямо сейчас! По решению редакционной коллегии продолжим публикацию калединского романа «Бразильский карнавал» уже на ином презентационном уровне.

В литературу пришел хороший писатель. Поздравим друг друга и Арину Каледину! Не станем распространяться о ее будущем. Но еще раз повторим: главное — работа за письменным столом! И, как видите, мечты сбываются! Мечты ли?

Продолжение. Начало в № 2, 3 за 2013 г.

Рисунки Натальи Болотских

БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ

РОМАН

4.

Областной центр — полуторамиллионный город — встречал знакомыми силуэтами дымящих труб. Только завод здесь был не один, а много. Игорь без труда сдал вступительные экзамены в политех и с легкостью и оптимизмом влился в студенческое братство, откуда через пять лет должен был выйти в свет молодой специалист физик-ядерщик. На ядерную физику был самый большой конкурс, сюда поступали самые умные, избранные. Игорь бросил вызов собственной удаче и выиграл.

Закрутилась студенческая жизнь. Вместе с напутствием от отца Воронович получил толстую пачку

денег, перевязанную тонкой резинкой, для оплаты съемной квартиры на год вперед. Отец считал, что сын не должен жить в общежитии.

Первый курс был проглочен, как слоеный пирог, чередующий лекции, семинары и пьянки, семинары и лекции. Учить нужно было много, преподаватели поблажек не делали. Но и пили студенты много, впервые вырвавшись из-под родительской опеки. К концу года выстроилась очередь претендентов на отчисление. Игорь стоял одним из первых. Приехать к отцу несолоно хлебавши было немислимо. Он поднажал, под омофором благоволившей к

нему удачи пересдал все предметы и закрыл задолженности. Впредь следовало быть осторожнее.

Сердечные дела молодой Воронович решал просто, без особого напряжения и эмоциональных затрат, регулярно меняя подружек, ни к одной не прикипая душой. О любви не тосковал, считая вечную влюбленность исключительной привилегией женщин.

* * *

Отец умер внезапно. Сердце. Инфаркт.

Хоронили с почестями, достойными членов правительства. Организацией похорон занимались друзья отца. Мама была не в состоянии даже двигаться. Ее водили под руки Игорь и старая тетя Клава — уборщица из музея. Мама казалась не живым человеком, а замороженной ледяной бабой.

Народу на похороны пришло много. Очень много. Респектабельного и почитаемого криминального авторитета провожал в последний путь фактически весь город.

А через год слегла мама, отказываясь жить в этом мире без отца. Еще через полгода Игорь похоронил ее на городском кладбище под старой березой рядом с отцом и бабушкой, которой не было на этой земле уже три года.

* * *

Неожиданно осиротев, Игорь растерялся. Пытаясь убежать от одиночества, перебрался к ребятам в общежитие, пустился во все тяжкие. В один из запойных дней, когда он спал на узкой студенческой койке, в очередной раз прогуливая лекции, его нашел некто Аверьянов — хмурый мужчина средних лет, назвавшийся другом отца. Никогда раньше Игорь не видел этого человека с низко, как шапка, надвинутым лбом и густыми бровями, скрывающими и без того глубоко посаженные глаза.

Аверьянов привел его в небольшой тихий ресторан из дорогих, налил водки — опохмелись. Под тихие всхлипы музыки долго расспрашивал о том о сем. Чем Игорь думает заниматься в будущем? Что умеет? Что любит — не любит?

Игорь отвечал пьяно и, кажется, не очень внятно. Аверьянов вернул его в общежитие, но на следующий день появился снова, велел прийти по такому-то адресу в ближайшую субботу. К субботе студент Воронович проспался и в назначенный срок прибыл на встречу.

* * *

Он продолжал учиться в институте, а в свободное время теперь бегал по городу, выполняя курьерские поручения Аверьянова: разносил и развозил большие и маленькие свертки, посылочки, передачи. Это могла быть пачка почти пустых конвертов без марок, содержащих в нижнем углу какие-то мелкие предметики, колющиеся через бумагу, как канцелярские кнопки. Ее нужно было вручить веселой старушке пиратского вида, живущей в большой профессорской квартире в сталинском доме на проспекте Ленина. Иногда приходилось тащиться за город в трясущемся стилем автобусе с длинным, похожим на обернутые бумагой лыжи свертком в руках, разыскивая садовое хозяйство «Петушок». Содержимое пакетов Игорю было неизвестно, вскрыть и полюбопытствовать и мысли не возникало. Иногда он пытался на ощупь определить, что именно везет в кармане или сумке. Закрывал глаза и старался представить ощупываемый предмет. Но чаще всего это была простая бумага — переписка, которую не желали доверять официальной почте.

Время шло. Он уже учился на пятом курсе и писал диплом, когда Аверьянов пригласил его к себе домой, что было странно: в этой среде в дом никого не приглашали.

Жил Аверьянов в старом обветшавшем районе. Единственная комната в его квартире, где не признававший кухонных чаепитий хозяин аристократично принимал гостя, была похожа на вытянутый пенал, самовольно стиснутый по бокам обнаглевшими соседями. Уровень этой недвижимости явно не соответствовал финансовым возможностям Аверьянова.

— Где собираешься осесть после диплома? — спросил хозяин, подливая в чашку Игоря крепкий чай цвета густой смолы, который, едва остыв, тут же начинал горчить.

— Куда распределяют, — пожал плечами Игорь. — Выбирать не приходится.

— В Москву поедешь, — сказал Аверьянов так, будто вопрос распределения был уже решен. — Ты нужен мне там.

Игорь удивленно вскинул брови. Их институт молодых специалистов в столицу не направлял. В Москве хватало своих вузов и квалифицированных выпускников.

— Я позабочусь, — заверил Аверьянов.

* * *

Следующие несколько месяцев Аверьянов вводил парня в курс дела. Это были первые уроки построения частного бизнеса, о котором в те годы в России еще никто и не мечтал.

Система существования организации Аверьянова была создана по принципу холдинга. Шеф выделял лидера и через него управлял другими, даже лично ему не известными людьми. При этом соблюдалась конспирация, к которой Аверьянов имел природные способности, подобные, по-видимому, способностям музыкальным или математическим. Конспиративные квартиры, где он встречался со своими людьми и его люди встречались между собой, можно было посещать годами, принимая своих же коллег и партнеров за случайных соседей по подъезду. Стандартные усики или бритые щеки, очки, кепки, грязные ботинки... Псевдожильцы в поношенных костюмах фабрики «Пролетарка» выглядели очень убедительно. Аверьянов умудрялся отследить и предусмотреть каждую мелочь. Его система работала на бизнес весьма эффективно. Что это был за бизнес, Игорь пока не объяснили. Но, судя по его собственной зарплате, — дело более чем доходное. Тайнственность же организации особенно волновала и притягивала. Казалось, что рядом с Аверьяновым Игорь кардинально отличается от себя институтского. Здесь он был другим, сильным и успешным человеком. Осознание того факта, что Аверьянов приблизил его к себе, сделал из него не просто мальчика на побегушках, а «посвященного» и теперь готовит к новой работе в масштабе столицы, льстило, кружило голову, вселяло надежды на какое-то неожиданное и необычное будущее.

Аверьянова убили весенним вечером, когда они вдвоем выходили из подъезда, в котором жил гениальный конспиратор. Расстреляли прямо у Игоря на глазах. Сам Воронович уцелел лишь благодаря молниеносной реакции и многолетним спортивным тренировкам. А может, просто убивать не хотели...

Перестройка в стране шла полным ходом, но до лихих девяностых было еще далеко. Случай заказного убийства в городе был редкостью, местная милиция шумихи не поднимала...

А вскоре в стране случился Чернобыль. Студентов-ядерщиков пятого курса отправили в двухмесячную командировку, выдав дипломы досрочно, без факта защиты и выпускного бала.

5.

Семейная жизнь оказалась делом непростым. Зарплаты Генриха молодой семье катастрофически не хватало. Но Леля не была избалована и шиковать не привыкла. Жили с родителями Генриха общим домом, общим столом. Свекры к русской невестке относились по-доброму, с пониманием.

Леля устроилась работать в детскую балетную школу, и, хотя платили немного, самостоятельно заработанные деньги радовали и грели душу.

Через несколько месяцев, поднатужившись, купили подержанную, но вполне приличную машину. Унаследовав от отца страсть к механике, Генрих теперь возился с автомобилем, как с любимой игрушкой, копаясь в моторе или полируя капот.

В один из солнечных воскресных дней решили выбраться за город на природу, к озеру.

Генрих вел машину легко и уверенно. Отец с юношеских лет обучил сына вождению.

Узкая лесная дорога поднималась вверх. Озеро уже было рядом — с горки спуститься. Из леса неторопливо выполз огромный лесовоз, нагруженный длинными бревнами, и, развернув большелобую тупую морду, медленно покотился навстречу легковушке.

«Странно, — подумала Леля, — разве лесники работают по воскресеньям?»

Солнечные блики, пробиваясь сквозь листву и беззаботно резвясь, слепили глаза. Многотонный грузовик неожиданно легко набирал скорость. Генрих полез в бардачок за темными очками.

Все, что происходило дальше, Леля помнила плохо. Ужасающий скрежет тормозов... Могучие бревна, рассыпающиеся в разные стороны, словно игрушечные палочки микадо... Дикий грохот. Удар.

И тишина...

...Она пришла в сознание через сутки.

В больничной палате было светло и тихо. Снаружи в окно билась толстая пчела, мечтающая полакомиться спелой черешней на подоконнике. Все те же веселые солнечные зайчики скакали по потолку, играя в бесконечные догонялки. Будто ничего не случилось, ничего не произошло.

Вошла медсестра, старательно улыбнувшись, сказала: «Повезло. Ни одного перелома, только царапины и ушибы».

О том, что она вдова, Леля узнала позже.

На следующий день в телевизионном репортаже бойкий журналист, смакуя подробности, рассказывал о жуткой аварии на лесной дороге, о доблести врачей и пожарных, прибывших на помощь в рекордно быстрые сроки. На экране среди сосредоточенных лиц спасателей вдруг мелькнуло знакомое лицо. Леля не сразу сообразила, кто этот человек, стоящий поодаль. Его присутствие в лесу в десятках километров от города именно в этом месте в этот час казалось невозможным и неестественным. Ветер шевелил остатки седых кудряшек на его затылке, брови были сурово сдвинуты к переносице, редкие усики топорщились над приоткрытой губой... Спины пожарных, вытаскивающих из-под за-

вала изуродованный корпус легковушки, то и дело заслоняли его. В какой-то момент камера наехала почти вплотную. Застывшими глазами навывкате на Лелю смотрел менеджер международной компании International show production господин Нико Хьюсс.

* * *

Несколько месяцев Леля жила у родителей Генриха. Видеть постоянно плачущую свекровь, потерявшую единственного сына, было невоготу. Леля сама едва справлялась с горем. Но если у свекров были еще две взрослые дочери и четверо внуков, что, конечно не могло служить утешением, то Леля осталась совсем одна в чужой стране и чужой семье.

Едва оправившись от шока, она с необыкновенным упорством взялась за освоение языков, записалась на ускоренные курсы, училась, проходила стажировки. Работа хореографа была слишком ненадежным занятием: малейшая травма могла лишить заработка.

Сдав необходимые экзамены и получив дипломы, вскоре она уже работала мелким клерком в солидном и уважаемом банке. Должность обеспечивала пусть небольшой, но стабильный доход, кое-какие жизненные гарантии, сулила вполне реальные перспективы. Руководство ценило деловые качества обаятельной сотрудницы, владеющей помимо привычных европейских языков еще и русским. Россия на международном рынке набирала обороты, все прочнее укрепляя позиции. Русский язык входил в моду.

Вечерние уроки танцев и фитнеса приносили дополнительные доходы и позволяли оставаться в прекрасной форме.

Разумеется, мужчины не оставляли без внимания хорошенькую русскую девушку с грустными глазами. За ней периодически пытались ухаживать то начальник отдела кадров — тучный, даже зимой потеющий весельчак, то случайный красавец бармен, виртуозно владеющий техникой липкого взгляда, чаще всего приклеенного к бюсту и ягодицам посетительниц бара. Она нередко получала цветы, презенты и приглашения на ужин. От приглашений мягко, но решительно отказывалась, букеты и сувениры принимала благодарно, но равнодушно. В мечтах она рисовала замки надежд и искренне верила, что когда-нибудь обязательно в них поселится. Когда-нибудь и в ее жизни будет просторная гостиная с камином, топот босых детских пяток, лохматый пес с тапочками в зубах и запах мандаринов под Новый год. Мечты своей простодушной стеснялась. Вдова не имеет права

мечтать о простом женском счастье. Почему? Вряд ли она смогла бы дать ответ.

Нередкими бессонными ночами, лежа с открытыми глазами, Леля смотрела на светящийся циферблат часов, измеряющий давление времени, и ей казалось, что пульсирующие цифры издеваются над ней, стремительно набирая скорость, разгоняясь все больше и больше, убегая вперед, унося в никуда ее настоящее. Наваливалось злобное отчаяние, хотелось бросить все и сбежать домой, в Россию. Там — жизнь, там родные! А здесь... Что теперь здесь? Скорбные лица свекров, ни на минуту не позволяющие забыть о трагедии. Вдовья постель. Бесконечная работа. И для разнообразия — редкие посиделки с приятельницами, которые, искренне сочувствуя и переживая, только и делают, что лезут с глупыми советами: «Ты должна найти кого-нибудь и начать новую жизнь». Вот именно — кого-нибудь. Зачем ей кто-нибудь? Она вообще не готова к новым отношениям. Нет, конечно, подруги не предлагали предать забвению прошлое. «Нужно жить дальше!» — убеждали они и, едва проглотив ванильное пирожное, спешили домой к сытым мужьям и розовощеким детям с красными, похожими на божьих коровок простудами на губах. Леля снова оставалась одна...

Тоска все чаще навевалась в гости, а вскоре и вовсе поселилась в ее однокомнатной квартирке, которую она теперь снимала, сбежав от родителей Генриха.

Нужно было заставить себя выйти из затянувшегося ступора, постараться стряхнуть с плеч бремя одиночества. Сердце ныло без любви и простого человеческого тепла.

Порой, решив бросить вызов судьбе, она шла гулять по старому городу, лениво греющему массивные каменные бока на не слишком щедром центрально-европейском солнышке. Незнакомцы проезжали и проходили мимо. Леля напряженно вглядывалась в лица, пытаясь узнать его — мужчину своей мечты, отца будущих детей и владельца собаки, живущего в доме с камином. Но каждый раз наткалась на какую-нибудь досадную мелочь, криком кричащую: «Не он!» Слишком пустые, блеклые, словно вымоченные в молоке глаза. Слишком жгучий, пробирающий до костей запах туалетной воды. Слишком жесткая фальшивая улыбка. Все было не тем, не правильным, не ее.

Она так ждала своего единственного мужчину, что однажды он ей приснился. Родной, до боли.

Во сне она мучительно старалась узнать его, услышать имя. Не узнала. Лишь явно ощутила присутствие рядом. И счастье. Полное, всепоглощающее, какое бывает только во сне.

Проснулась в волнении, четко понимая, что это был именно тот, кто ей так необходим, о ком все эти годы стонет душа.

Несколько дней ходила сама не своя. То смеялась без причины, то сердилась на весь мир. Даже плакала украдкой. Но теперь она точно знала — он есть. Он живет где-то на этой планете, нужно просто его найти. Хотелось счастья не во сне, а на самом деле.

* * *

С той ночи Леля решила — пришло время что-то менять. Наверное, пришла пора покончить с затворничеством.

Она стала чаще появляться на людях, больше не оказываясь от приглашений на дни рождения и прочие торжества. Иногда бывала на выставках, концертах и даже в кино. Веселее жить не стало. Просто теперь одиночество было будто не ее собственным, а общим. Одиночество в толпе. Толпе чужих...

Однажды на вернисаже именитого российского художника в центре русской культуры приятельница Аллочка представила ей некоего благообразного господина довольно преклонного возраста с подтянутым лицом, коротко стриженной густой сединой и мальчишеским чубчиком. Эта стрижка, выглядевшая чудаковато и умилительно, позволяла предположить, что в более молодые годы дедуля не чуждался экстремального дизайнера и был, пожалуй, хорош.

По сведениям Аллочки, он был вдов и искал среди русских красавиц достойную партию. Перечислив его официальные регалии, Аллочка принялась нашептывать Леле что-то о его недавнем высокопоставленном прошлом, принадлежности не то к политическим, не то к артистическим кругам Цвергбурга, откровенно намекая, что эта партия — что надо! Глядя на желто-лимонный галстук-бабочку и такой же шелковый платок, торчащий из кармана фиолетового велюрового пиджака, Леля, немедленно окрестив потешного господина «попугаем», только умиленно улыбалась. Несмотря на столь неожиданно ярое оперение, был он несуетлив и обходителен. Мягкие манеры, глубокий, проникновенный голос выдавали в нем потомственного аристократа. Он взирал на мир любопытными глазами-гвоздиками, озаряя пространство многообещающей улыбкой доброго волшебника.

Весь вечер забавный старичок развлекал новую знакомую рассказами о приватном шатишке¹ на севере страны, об уникальной коллекции полотен русских художников, собираемой им в течение мно-

гих лет, о своих крупных инвестициях в российскую экономику, что, очевидно, давало ему повод рассчитывать на особую благосклонность русских женщин, надо полагать, и Лели в том числе.

Угощая девушку шампанским, он время от времени опускал сухую ладонь на ее круглое колено, будто невзначай. Она рассеяно слушала, отодвигая колено и стряхивая назойливую руку. До замка ей не было никакого дела. До его владельца тем более.

Соврав, что замужем, Леля попыталась ускользнуть от навязчивого ухажера. Прищурился пронизательные глазки, тот позволил себе высказать сомнения по этому поводу.

«Неужели у меня на лбу написано: незамужняя, никому ненужная?» — думала Леля, чувствуя, как непрошенные слезы катятся по щекам.

Решив, что он тому виной, господин «попугай» вызвал машину и велел шоферу отвезти расстроенную барышню домой. Прощаясь, вложил Леле в руку визитную карточку. Она сунула ее в сумочку и достала уже возле подъезда вместе с ключами. «Вagon Zamaron, член-корреспондент... почетный член... заслуженный член партии... ассоциации...» и еще чего-то там. Нашла ручку и на обратной стороне приписала по-русски: «Барон Замарон — член ассоциации заморенных попугаев».

Ночью ей приснился остров в океане, над которым, утопая концами в воде, коромыслом перекинулась радуга. На радуге, как синицы на проводах, нахохлившись, сидели серые невзрачные попугаи. Их было так много, что казалось, радуга не выдержит и вот-вот переломится пополам. Шел дождь. Вода, просачиваясь сквозь разноцветную дугу, лилась на землю яркими потоками, образуя спектральные лужи. Попугаи вдруг загалдели, чем-то недовольные, закричали человеческими голосами. Леля никак не могла разобрать слов, напрягалась, вслушиваясь в птичий гомон. «По-п-пугай-по-п-пугай-по-п-пугаю...» — кричали пернатые задиры.

Неожиданно перед самым носом возник косящий круглый глаз.

— Поп-пуга-аю! — басом заорала птица Леле прямо в лицо, широко разевая беззубый клюв.

Леля отпрянула, попятилась, отступая.

Вытягивая телескопически удлиняющуюся шею, попугай преследовал Лелю, продолжая орать:

— Говор-рил попугай поп-пугаю...

— Я тебя, поп-пугай, поп-пугаю! — хором откликнулись птицы на радуге. И вдруг захохотали, в приливе внезапной радости принялись дружной гурьбой соскальзывать по дуге, как по горке, на хвостах, как на салазках. Плюхнувшись в цветную лужу, они, словно водоплавающие, уходили под воду, а вынырнув, отряхивались с головы до хвостов, как соба-

¹ Искаженное от фр. château — замок.

ки, превращаясь из серых в фиолетовых, салатных, бордовых и даже золотых.

Попугай с телескопической шеей искупался последним и вынырнул, как Иванушка-дурачок из котла, писаным красавцем цвета фуксии.

— Говор-рил поп-пугай поп-пугаю! — истошно вопил он.

— Я тебя, попугай, попугаю! — пробасила в ответ Леля, сделав страшные глаза и выставив вперед когти, как злой и страшный серый волк. — Знаю-знаю вашу считалочку! — пугала она заморскую птицу, ощущая себя участницей детского шоу по мотивам сказок народов мира. — Вовсе она и не страшная!

— Стра-ашная! Стра-ашная! — по-змеиному зашипел ярко-розовый красавец и в тот же миг начал увеличиваться в размерах, расти, на глазах превращаясь в гигантскую фигуру, затмевающую полнеба. Он зловеще навис над Лелей темной тучей. Яркие краски внезапно потухли. Цветная картинка сменилась черно-белой. Последняя теплившаяся в сердце из-за обилия радужных цветов надежда на то, что этот сон совсем не страшный, окончательно исчезла. Ощущение холодной тревоги стремительно заполняло душу.

Стая попугаев испустила победный вопль. От этого звука у Лели заложил уши. Она инстинктивно зажала их ладонями и даже зажмурилась, а когда открыла глаза, было утро.

Мягкий ветерок трепал легкие цветные шторы. Сунув ноги в тапочки, Леля подошла к распахнутому в лето окну.

Внизу у подъезда чирикали цвергбургские воробьи, очевидно, обсуждая последние новости. Убор-

щица, домыв ступеньки крыльца, принялась драить жесткой щеткой асфальтовую дорожку, ведущую к подъезду, обильно поливая ее мыльным раствором. Потревоженные воробьи взвились в воздух. Один, прочертив на лету замысловатую фигуру, приземлился на Лелин балкон.

— Я тебя, попугай, попугаю! — грозным шепотом пообещала Леля воробью и отправилась звонить Аллочке.

— Слушай, ты не знаешь, к чему снятся попугаи? — загробным голосом поинтересовалась она. Смутное беспокойство, вызванное неприятным сном, не отпускало.

— Попугаи? — задумалась Аллочка. — Подожди, сейчас посмотрю... Так-так, попугаи... — Приятельница зашелестела страницами невидимого Леле сонника. — Вот. Попугай является олицетворением человеческой глупости. Если вам приснился обыкновенный попугай, следует быть начеку, в противном случае вы серьезно пострадаете от людской глупости.

— По-моему, я гораздо больше страдаю от своей собственной, — философски заметила Леля.

— Если вам приснился попугай на воле, — продолжила читать Аллочка, — то в скором времени вам предстоит встреча со злым, угрожающим вашей чести человеком.

— Моей чести? — хмыкнула Леля. — Может, это барон Замарон — страшная угроза моей женской чести?

— Барон — душка! — запротестовала Аллочка. — Слушай, не перебивай. Если во сне попугай громко кричит, то такой сон предупреждает о большой опасности. Вам угрожает бандитское нападение.

— Только бандитского нападения мне и не хватало! — Лелю начинали веселить заключения сонника. — А если попугаев было много и все они орали благим матом, это значит, нужно ждать бандитского нападения с последующим похищением, взятием в заложники и пыткой? — Ей стало смешно. — Надо же такое придумать. Вот где налицо глупость составителей сего научного трактата.

— Подожди, — не унималась Аллочка. — Тут продолжение есть. Увидеть во сне большое количество попугаев означает, что в реальной жизни вы выгодно выделяетесь на фоне окружающих вас людей. Вы очень умны и сообразительны для того, чтобы быть простым служащим...

— Ну, это другое дело! С этого бы и начинала. Может, мне повышения зарплаты у шефа попросить? Сказать, что мое бессознательное диктует необходимость...

— Увидеть во сне красивого заморского попугая, — будто не слышала ее рассуждений увлеченная

чтением приятельница, — знак того, что в реальной жизни вы будете всячески пытаться вернуть себе расположение влиятельного компаньона, доверие которого вы потеряли в силу собственной недалекости. Кстати, как тебе барон?

— Барон как барон, — вздохнула Леля. — Попугайстый...

Барон позвонил около полудня. Номера Леля не давала, язык Аллочки оказался действительно без костей.

— Как чувствует себя прекрасная Элен? — промурлыкал господин Замарон в трубку.

Леля с удивлением констатировала, что его голос ей вовсе не противен.

— Кажется, — вкрадчиво начал барон, — я расстроил вас вчера. Наверное, наговорил лишнего. Поверьте — исключительно по глупости.

Леля улыбнулась.

— Может быть, вы не откажете мне в любезности и поужинаете со мной? — продолжал барон. — Не сомневаюсь, нам есть о чем потолковать...

Он не давил и не настаивал, давая ей возможность самой принять решение.

И Леля вдруг согласилась, сама не зная почему.

Вечером тоже же дня она подъезжала к отелю «Ру-аяль» на своем подержанном, но еще притком крепше «фольксвагене-гольф». Отыскивая свободное парковочное место, долго кружила по близлежащим улицам, рискуя опоздать. Но остановиться у входа, как это делали клиенты на новеньких блестящих «мерседесах» и BMW, передать ключи привратнику — паркуйте, cher monsieur! — не решилась.

По иронии судьбы встреча была назначена в том самом отеле, где наивные русские барышни когда-то намеревались работать и где, прожив в Цвергбурге уже несколько лет, Леля так ни разу и не побывала. Здешний ресторан слыл одним из самых уважаемых и дорогих в городе.

Сидя в роскошном зале с мраморными колоннами, помпезными старинными люстрами и тяжелыми бронзовыми подсвечниками, она чувствовала себя неудобно. Вышколенные официанты передвигались по лакированным паркетам восемнадцатого века со скоростью чемпионов-конькобежцев. Наблюдая за их работой, Леля украдкой разглядывала себя в зеркальной стене, вдвое увеличивающей и без того гигантское пространство. Блестящая шелковая блузка, длинные янтарные серьги и кулон — мамин свадебный подарок, макияж... И темные круги под глазами, серый цвет лица, пугающий даже при неярком освещении... Она себе решительно не нравилась!

Нет, она не готова к новым отношениям. Ей еще нужно время... Время, которое лечит...

6.

Ни в областной, ни тем более в родной захолустный город Игорь больше не вернулся. В суровом уральском крае его ничего не держало. Искать лучшей жизни в неприветливых рабочих городах было глупо.

На черныбыльской «передовой», как они называли реактор, Игорь познакомился с Мишей Зенкевичем — веселым и общительным парнем из артистической семьи. Выбор профессии нового друга — сына известных на всю страну мамы и папы — был довольно странным. Но Миша не жаловался, работал наравне со всеми и вообще не был похож на барчонка и маменькиного сынка. Родился и вырос он в Ленинграде. Город свой боготворил и, в отличие от Игоря, уезжать никуда не собирался. Напротив, настойчиво приглашал друга в гости.

Сразу по окончании «атомной командировки» Игорь, недолго думая, в гости приехал. Тут-то и выяснилось, что у Миши есть сестра Валерия — тоже актриса, и служит она в Малом драматическом театре.

Игорь выразил желание немедленно попасть на ее спектакль. Билеты оказались все проданы, пришлось напроситься на репетицию.

Он сидел в зале и смотрел, как Валерия репетирует.

Есть актеры — лицедеи, способные к перевоплощению. Им доступны любые лица и характеры. Валерия играла себя как таковую. Цельная, чистая личность. Личность сыграть невозможно. Она либо есть, либо нет.

Валерия произносила текст и видела со сцены Игоря, сидящего в зале. Он смотрел на нее, и ей это было приятно. Очень. Не просто играть, а играть для него — неравнодушного.

Репетировали «Три сестры». Валерия играла старшую — Ольгу. Блеклые волосы, зачесанные вверх, блеклое платье — вся блеклая в отсутствие любви. Младшую сестру Ирину любит Тузенбах. Машу любит Вершинин. А Ольгу не любит никто. Она ждет и не ропщет.

Валерия ждала свою любовь. И дождалась.

По сей день Игорь не мог понять, как все случилось, но уже через месяц они расписались с одобрения и согласия ее родителей. Правда, предварительно молодые сообщили о двухнедельной беременности Валерии. Мама сильно всполошилась и зачем-то упекла дочь в больницу на сохранение на все месяцы якобы сложно протекающей беременности.

Новобрачный муж многомесячным отсутствием жены был удивлен, но расстроен не очень. Он просто-напросто не успел с ней даже как следует познакомиться. Да и скучать в одиночестве ему не позволяли: пока мама хлопотала о здоровье дочери, отец Валерии активно занимался трудоустройством новоиспеченного зятя. Кресло в профильном министерстве — не слишком удобное, но с перспективами — быстро нашлось. Всеми любимый, поистине «народный» тесть действительно имел большие возможности.

Работать Игорю было на удивление легко. Крепкие знания, полученные в институте, явились для начинающего сотрудника отличной базой, а горячий опыт «передовой» внушал уважение коллегам. Правда, Игорь не раз ловил на себе их сочувственные взгляды: всем было известно о необратимых последствиях, грозящих здоровью тех, кто побывал в аду реактора. Однако Господь оказался милостив. Ни Игорь, ни Миша не чувствовали никаких недомоганий, были активны, молоды и сильны, как и раньше.

А вот здоровье Валерии оставляло желать лучшего. Она оказалась слишком болезненной и слабой, чтобы выносить плод без проблем. Ей действительно пришлось лежать почти все девять месяцев, отчего она стала раздражительной и капризной, беспрестанно плакала, как работающая на нескончаемых

батарейках кукла, брошенная в ящик с игрушками и там позабытая. Угроза выкидыша, по мнению врачей, на самом деле была велика.

Мальчик родился в конце апреля слабеньким, недоношенным. Он лежал в закрытом кувете под специальными лампами, беспомощный, крошечный, и помочь ему сейчас могли только врачи.

Валерия больше не плакала, будто весь запас слез отошел с родовыми водами. Подолгу стояла у окна, глядя вдаль сухими глазами. В больничном саду бушевала весна, наполняя мир ароматами черемухи и сирени. А в палате пахло дезрастворами, хлоркой и еще чем-то приторным и противным, отчего становилось мутно в желудке и на душе.

Малыша выносили не без вмешательства заведующей педиатрическим отделением. Родители Валерии на подарки не поскупились.

* * *

У Игоря теперь снова была семья, полноценная, хлопотная. Женщина и младенец — его новорожденный сын. Иван. Ваня.

Нужно было учиться их любить, заботиться, хлестить и лелеять.

Валерия, истерзанная родами и маститом, с бескровным, словно инеем покрытым лицом, с первых дней совместной жизни вызывала в душе Игоря щемящую жалость. И только. Нечто подобное он испытал однажды в детстве, увидев на телевизионном экране инопланетное существо с огромными, полными неземной тоски глазами, погибающее в непригодных для жизни на чужой планете условиях.

Жена как сомнамбула передвигалась по комнате от супружеского ложа к детской кроватке и обратно, падала без сил, запрограммированная только на бесконечное кормление и короткий сон. Игорь помогал, как мог, неумело пеленая и осторожно потряхивая кряхтящий кулек в непослушных пеленочных складках, басовито мурлыча что-то невразумительное про серенького волчка и его маму и папу, мечтающих только об одном — выспаться.

Изо дня в день, разделяя с Валерией общие хлопоты, Игорь даже по-своему привязался к жене, испытывая жгучую, почти болезненную благодарность за сына и за ничем, как ему казалось, неправданную и необъяснимую любовь к нему самому. Не понимая природы столь сильного ее чувства, возникшего мгновенно и неожиданно в первый же день знакомства, он ни на минуту в нем не сомневался. И было неловко за то, что сам он не переживает ничего подобного, воспринимая Валерию как

данность, оспаривать которую так же бессмысленно, как воевать с ветряными мельницами.

О том, что люди обычно женятся по любви взаимной, как-то не думал. Не до того было.

* * *

Ване исполнилось четыре, когда в их доме впервые появилась молоденькая студентка ЛГИТМиКа, где теперь работала располневшая после родов, постоянно болеющая Валерия, которой пришлось оставить театр и довольствоваться преподаванием актерского мастерства.

Жили Вороновичи в просторной квартире с большими окнами и высокими потолками, доставшейся Валерии от знаменитой бабушки-актрисы, когда-то явленной театральному миру самим Товстоноговым. Студенты здесь были частыми гостями.

Помимо обычных занятий в аудиториях Валерия нередко устраивала вылазки в парки и музеи — на натуру, где ученикам приходилось импровизировать в зависимости от места действия и антуража, выполняя задания увлеченного своим делом педагога. Походы в театр тоже были частью обязательной учебной программы.

После общих мероприятий дружной гурьбой вваливались к Вороновичам. Пили чай с вареньем и сухарями, нередко засиживаясь допоздна.

Игорь любил эти посиделки. Молодежь была живой, любопытной, горячей. Хорошо быть молодым — бездна энергии, легкое тело, жизнь впереди, смерти нет, любовь — за поворотом. И поиск нового сценического языка — разговоры, разговоры. Здесь каждый — яркая индивидуальность. Сема Нагорный — музыкант от Бога, известный умением подчинить себе любой инструмент. Женя Старицын — мастер каламбура, прирожденный комедийный актер из породы шутов гороховых. Дима Сатин — философ и утонченный эстет, будто случайно забредший сюда из девятнадцатого века. Ребята постоянно сталкивались лбами в словесных поединках. Игорь тоже иногда спорил, выковыривая зерно истины. Чаще слушал, вглядываясь в разгоряченные лица, стараясь угадать, какое будущее ждет этих пылких юнцов-максималистов, а может, и мудрецов.

В дом были вхожи далеко не все. Обладая обостренным чутьем потомственной актрисы, чьи предки в совокупности отдали служению театру не один десяток лет, Валерия приближала лишь наиболее одаренных. Безошибочно распознавая в учениках зерно неординарности и таланта, она с первого этапа

становления профессиональной карьеры трепетно отслеживала творческую судьбу своих подопечных.

К личному пространству Игоря и жена, и гости относились уважительно, переходя на тихий шепот, если он работал или отдыхал в своей комнате.

Хрупкая, словно ваза тончайшего стекла — непревзойденное творение гениального стеклодува — большеглазая и большеротая первокурсница с неправдоподобно длинным горлышком-шеей в первый момент поразила Игоря своей абсолютной непривлекательностью. Прядь темных волос то и дело выбивалась из гладко зализанного балетного шиньона. Девушка поправляла ее, почему-то смущаясь, будто непослушная прядь была одушевленным существом и ставила ее в неудобное положение. Рядом с вызывающе яркими красавицами — будущими актрисами с самооценкой, раздутой амбициозными родителями и поклонниками до размеров индивидуальных вселенных, — эта казалась невидимкой. Несуразно юная, бестелесная, она сидела на краешке стула — спина прямая — и внимательно наблюдала за уверенными в себе и своей неотразимости студентами-старшекурсниками, что сыпали остротами, как кавээнщики высшей лиги. Красавицы, парящие в призрачных облаках собственных мирозданий, непринужденно кидали ответные реплики, а она молчала, не участвуя в общей веселой пикировке. Трогательная. Милая.

И только когда по настоянию Валерии она негромко запела, Игорь понял, почему эта неприметная на первый взгляд девушка оказалась в компании избранных.

Гитара, ласкаемая чувственными пальцами Семы, струилась душевными переливами, а девушка пела простую старую песню. Длинные ресницы едва заметно вздрагивали в трепещущей темноте. Свеча беззвучно плакала стеариновыми слезами, боясь потревожить ровное и свободное течение глубокого низкого голоса, что лился словно из земных недр могучими потоками, берущими свое начало где-то далеко в горных ущельях, доступных лишь птицам. Вмиг заполнив пространство полуночной кухни, спящего дома, города, бесконечности, мощными струями удивительного голоса выплескивалась сейчас наружу накопленная веками боль земли русской, переданная этой тоненькой девушке многовековой генетической памятью предков.

Игорь слушал, взволнованный и потрясенный, чувствуя, как внутри неумолимо разрастается пылающий огненный шар. Сердце наполнялось предчувствием чего-то важного и неизвестно, но уже неотвратимого...

Продолжение следует.

По адресу arinakaledina@mail.ru вы можете присылать отзывы о прозе Арины Калединой

Софья ГЕТЬМАН

Здравствуйте, дорогая редакция журнала «Юность». Я, Софья Гетьман, очень рада возможности опубликовать у вас свой рассказ «Тайна Лох-Несса», повествующий о легендарном существе и вполне реальных героях.

Я учусь в седьмом классе гуманитарного лица. Помимо школы увлечена историей, языками (английским и французским), музыкой, хореографией. В литературе моими любимыми писателями стали Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Булгаков, а также поэт В. Высоцкий. Я очень люблю путешествовать и познавать мир, поэтому в будущем хочу связать свою профессию с дипломатией.

ТАЙНА ЛОХ-НЕССА

МОЕЙ СЕМЬЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Если человек живет,
то он во что-нибудь да верит.*

Лев Николаевич Толстой

Первое чудо

Мистер Макфайлен, предприниматель из Глазгоу, решил перебраться из очень шумного индустриального города в более спокойное и тихое место. Поэтому он купил заброшенный хозяевами замок на берегу озера Лох-Несс. Это было замечательное место. Зеленые луга, словно с картинки, расстились перед замком. Изумрудная трава сверкала на солнце. Воздух, пропитанный запахом свежей листвы, кружил голову, и трудно думать о чем-то, когда так хочется вдоволь насладиться этим ароматом, вдохнуть всем телом, чтобы каждая клеточка почувствовала его. Тихое гладкое озеро будто заснуло. На другом его берегу возвышались многовековые холмы. Они походили на волны, покрытые зеленым шелком.

Однако бывший хозяин сразу предупредил Макфайлена о мрачных

слухах, ходивших вокруг озера, в котором якобы обитало чудовище. Но покупатель был непреклонен, и в 1910 году прежний владелец Омаркес и предприниматель подписали сделку.

Замок представлял собой огромное сооружение с четырьмя башнями, заросшее снаружи плетистыми кустами диких красных роз, которые ползли по неприступным стенам и словно говорили: «Ну же, подойдите к нам, попробуйте сорвать — ничего у вас не выйдет». Их бутоны с каждым лепесточком становились все ярче. Особенно красиво они смотрелись ранним утром, когда на их цветках появлялись капли росы, похожие на маленькие бриллиантики.

Четыре башни замка, смотревшие в разные стороны света, не имели темных историй в своем

прошлом, как какой-нибудь иной замок Англии. Не думайте, дорогие читатели, что в них, как в Тауре, кто-то умирал.

Любого посетителя встречала бронзовая морда льва, украшавшая массивную входную дверь. Большим кольцом, свисавшим из раскрытой пасти зверя, полагалось постучать, извещая о своем визите. Правда, редко кто этим пользовался, отдавая предпочтение тоненькому, но крепенькому шнурочку механического звонка, за который обычно дергали с такой силой, что чуть ли не отрывали. С внутренней стороны дверь закрывалась на четырнадцать замков, и бедному дворецкому приходилось каждый раз отпирать и запирать все до единого.

Первый из четырех этажей замка занимали парадная столовая и бальный зал, соединенные

широким коридором. По стенам его были выставлены целые отряды канделябров с разными висюльками, воинские части ваз со всевозможными сиреневыми, бордовыми, красными и даже золотыми цветами, дивизии подсвечников с давно сгоревшими свечами.

Огромный овальный дубовый стол с двадцатью стульями нашел себе место в центре столовой. Его ножки походили на львиные лапы. Что касается стульев, то они представляли собой очень жесткие приспособления для сидения, а на их спинках был вырезан чей-то фамильный герб, но никто не мог сказать, чей, так как замок сто раз перекупали (род Омаркесов не являлся стабильным в денежном смысле, и порой замком владели совершенно посторонние люди). На гербе два единорога держали ромб с красовавшимися на нем звездами и тиграми. На правый угол комнаты пришелся сервант из красного дерева с инкрустированными звездами и тиграми. Однако он был покрыт таким слоем пыли, что их едва можно было разглядеть, и, конечно, прежде чем что-то туда ставить, требовалось его протереть, но, как всегда бывает, ни у кого не хватало на это времени. В двух углублениях левой части просторной столовой поместились винтовые чугунные лестницы, ведущие на второй этаж. Из окон открывался чудесный вид на малахитовые луга, изрезанные трилистником. Красивая люстра со сто двадцатью тремя свечами облагораживала столовую, но зажигалась редко, так как высокие сводчатые окна пропускали достаточно лучиков солнца днем и сияния звезд и луны ночью.

Зал не нуждался в большом количестве мебели, поскольку предназначался исключительно для балов. Главным украшением стали помпезная люстра муранского стекла, с которой тоже давно не смахивали пыль, и величественный рояль, блестящий черным лаком. Доба-

вим к этой картине ряды выцветших золоченых стульев, стоящих вдоль стен, и будем иметь полное представление о том месте, где в старые добрые времена часто звучали музыка и смех гостей. Истертый временем паркет еще помнил нежный вальс, набиравшее в ту пору популярность страстное танго, народные шотландские танцы.

Следующий этаж располагал большим холлом, куда выходили лестницы. Стены, поклеенные желтыми с птичками и цветочками обоями, смотрелись вполне уместно. Два детских были обставлены абсолютно одинаково: коричневый письменный столик на гнутых ножках, деревянная кровать, уютные клетчатые кресла с «ушами», шкаф для одежды и комод с зеркальцем такого небольшого размера, что увидеть свое личико мог только ребенок. Окошки детских выходили на озеро. Особенно хорошо было вечером перед сном распахнуть их настежь и надышаться свежим воздухом, после чего так крепко спалось!

Ванная, расположенная в юго-восточной башне, отличалась изумительным приспособлением для мытья. Оно напоминало большое корыто, покоящееся на львиных золотых лапах (думается, в этом доме очень любили львов).

Спальня хозяев, обставленная инкрустированной дубовой мебелью, могла похвастаться ручной резьбы мраморном камином, над которым висело овальное зеркало в торжественной бронзовой раме. Из спальни имелся выход на балкон, откуда открывался прекрасный вид на холмы, луга, озеро...

Рядом со спальней соседствовал кабинет с письменным столом, старым, потрепанным жизнью диваном, камином и французским балкончиком.

Что касается третьего этажа, то он, пожалуй, был самым непримечательным. Огромная библиотека занимала не менее огромное пространство. В ней можно было найти

книгу на любой вкус и тему. Даже сами хозяева не могли назвать приблизительное число томов, здесь хранившихся. Чуть ли не половину составляли справочники по спасению собственного имущества от коз, овец и прочей живности. Двадцать одно окно пропускало в помещение солнечный свет. А когда становилось темно, зажигали настенные канделябры.

Еще на третьем этаже находился холл с креслами и столами для традиционной игры в бридж.

Четвертый этаж являлся вотчиной гостей. Несколько изысканно обставленных гостевых спален и два салона — мужской и женский — для того, чтобы женские сплетни не мешали мужским разговорам, а мужская серьезность не препятствовала женской легкомысленности.

Чердак представлял собой удивительное помещение, в которое тащили все нужное и ненужное. И каждый раз, когда что-нибудь пропадало, виноватым оказывался бедный чердак. Он даже не делился на комнаты, так как сделать это было невозможно, а просто был большим приютом разного барахла.

Подвал ничем примечательным не отличался. Как и в других замках, здесь мирно сосуществовали пропахший сыростью винный погреб, кухня с давно не менявшейся побитой утварью, прачечная, демонстрирующая все разнообразие тазов, мыла, утюгов, и комнаты слуг, обставленные весьма небогато.

Через неделю после подписания сделки вся семья — хозяин Генри Макфайлен, хозяйка Джейн Макфайлен и их дети Фиона и Ангус — переехала в свой новый дом, захватив с собой двух лакеев, двух кухарок и одну горничную.

Первый день работа в замке кипела. На всех этажах шла грандиозная разборка вещей. Обязанности распределялись: в наведении порядка участвовали абсолютно все.

И вот под вечер Фиона спустилась с третьего этажа, держа в руках

какой-то потертый желтоватый, пахнувший стариной свиток. Она нашла мать расставляющей статуэтки в серванте столовой на первом этаже. Миссис Макфайлен явно устала. Ведь она взялась за великое дело — вычистить, в конце концов, этот несчастный сервант от пыли.

— Мама! Мама! Смотри, что я нашла. — И она показала находку. — Я разбиралась у папы в кабинете и обнаружила это в ящике стола.

— Доченька, мы сейчас заняты, отложи его до ужина. Кстати, скажи кухаркам, чтобы начинали его готовить.

Вообще в семье Макфайлен всегда царил дружеская атмосфера. А сейчас уделим внимание каждому из родственников.

Генри был высоким стройным мужчиной лет сорока шести с темными волосами. Глаза его серого цвета всегда внушали спокойствие; нос с горбиной говорил о принадлежности к какому-то роду (хотя никто не знал, к какому); глава семьи обладал широким лбом, бровями формы полумесяца. Он был человеком добрым, щедрым, отзывчивым, но экономным: сам ходил и везде гасил канделябры, подсвечники, даже люстры. И самое главное, он очень любил свою семью. Это являлось взаимным.

Его жена, Джейн Макфайлен, была стройной шотландкой с каштановыми волосами. Она походила на своего мужа и по характеру, и по внешнему виду: правильной формы брови, зеленые глаза, нос с горбинкой. В общем, прекрасная женщина, но немного вспыльчивая и упертая, как, в принципе, и ее дети. Дочь Фиона тоже была немного упрямой девочкой четырнадцати лет. Она была счастливой обладательницей голубых глаз, длинных темно-русых волос. Лицо раскрашено солнцем. Длинные пальцы подсказывали, что она занималась игрой на фортепиано. Фиона обучалась бальным танцам (в то время это еще в неко-

торых семьях оставалось обязательным), и ей необыкновенно повезло с хореографом.

Ангус походил на сестру во всем относительно внешности и характера: складный мальчуган с синими глазами, причем цвет их был невероятно глубоким, напоминал цвет воды в Марианской впадине. Иногда его, такого серьезного и самостоятельного, хотелось назвать маленьким мужичком: ему только-только минуло десять лет.

Вот уже сели за стол. На ужин подавали бараний пастуший суп, мясо, тыквенный сок и грог. Через час, когда уже поужинали, к великому удивлению (обычно трапеза затягивалась часа на два, ведь за столом принято говорить, но в тот день все настолько устали, что сил оставалось только на то, чтобы жевать), вдруг Фиона вспомнила про свиток.

— Ой, папочка, я сегодня разбиралась в твоём кабинете и в ящике стола нашла что-то интересное. — Девочка сбегала в свою комнату и принесла это.

Только Генри хотел распечатать непонятного вида закрученную и обвязанную ленточкой бумагу, как раздался звонок в дверь. Лакей тут же побежал открывать. Через три минуты двадцать секунд на пороге столовой появился невысокий плотно сложенный человек. Нельзя сказать, что одет богато, но очень аккуратно и со вкусом. На нем была белая рубашка с джемпером, черные брюки сочетались с черными ботинками.

— Здравствуйте, меня зовут Кристофер, я живу неподалеку. У меня домик в соседней деревне. Я хорошо знал бывшего хозяина мистера Омаркеса, а когда услышал, что его замок купили, решил познакомиться с новыми соседями... — Кристофер хотел еще что-то протараторить, но вдруг остановился и стал приглядываться к свитку в руках мистера Макфайлена. Он вытаращил глаза так, как будто увидел нечто удивительное. — Что это у вас в руках? —

дрожащим голосом спросил гость, руки его затряслись, глаза забегали, на лбу выступил холодный пот.

— Мистер Кристофер, присаживайтесь, — любезно пригласила хозяйка. — Давайте познакомимся. Меня зовут миссис Макфайлен, или Джейн, это моя дочь Фиона, сын Ангус и муж мистер Макфайлен. — Она по очереди указывала на членов семьи.

Кристофер прошел к ближайшему стулу, не отрывая глаз от свитка и даже как будто не слыша того, что говорила хозяйка. Визитер присел и повторил вопрос.

— Мистер Кристофер, это нашла сегодня моя дочь Фиона, убираясь у меня в кабинете. А почему он вас интересуется?

Кристофер еще больше удивился.

— Вы что, не знаете легенды? — удивленно спросил посетитель, но, увидев на лицах выражение недоумения, начал рассказывать. — В XVI веке Генри Омаркес решил построить замок. Он выбрал участок земли близ озера Лох-Несс. Тогда это было тихое, забытое Богом местечко. Через десять лет замок был полностью построен. В первый же день своего пребывания Генри заметил, что по воде ходят круги. Ночью он услышал странный, терзающий его сердце вой. На следующее утро Омаркес отправился в ближайшую деревню, где услышал о чудовище, обитавшем в озере. По слухам, оно огромного размера, у него маленькая голова, длинная шея, такой же длинный хвост, два плавника, оно темно-зеленого цвета. У чудовища имелись зубы, но неострые; существо травоядное, хотя при желании может съесть человека. Таинственный обитатель озера не любил, когда его беспокоили. Говорят, что однажды по воде плыла лодка с рыбаком. Вдруг под лодкой стали ходить круги. Они становились все больше и больше. Рыбак подошел к краю челнока, наклонился к воде, и вдруг по его лицу ударило что-то плоское, а затем поднялся песок. Из все-

го этого заключили, что чудовище зарывается на дно время от времени. Также говорили, что оно практически плоское, поскольку бесшумно передвигается.

С того дня Генри Омаркес просто сошел с ума. Он днями и ночами сидел у озера, желая увидеть таинственного обитателя Лох-Несса. Говорят, что однажды ему это удалось. По легенде, когда он стоял на балконе спальни, то заметил те самые круги, и затем из озера показалась голова, а потом и шея.

За неделю до смерти Генри сделал два свитка. В одном хранится под-сказка, как найти другой. А за десять минут до того, как смерть постигла первого Омаркеса, он сказал: «Появится человек, который раскроет... свиток попадетс я тому, кто поможет». Это и есть известная легенда, — закончил Кристофер.

Десять минут спустя после длительных споров о том, правда это или нет, Кристофер ушел. Дело приблизилось к ночи.

Второе чудо

Этой ночью все долго не могли уснуть — думали о легенде. Она навела страх на жителей замка. Конечно, прежде всего испугались дети. Лежа в постели, каждый шорох они воспринимали как нечто мистическое. Вот ветерок, влетевший в открытое окно комнаты Фионы, пошевелил тюль, и девочке показалось, что это чудовище влезло к ней. А вот мимо окошка Ангуса пролетела птица, которая стала для мальчика птеродактилем... Появилось желание самим понять, правда это или нет, самим докопаться до разгадки.

Следующим утром глава семьи был неразговорчив, хмур, задумчив. После завтрака он отправился в свой кабинет. В замке царил странная атмосфера. Утром Фиона вбежала в комнату Ангуса и плюхнулась на кровать с какой-то тяжелой старой книгой в руках.

— Братец, смотри, что я нашла сегодня утром в библиотеке. Эта книга написана Омаркесом, жившим в XVIII веке. Здесь дано подробное описание дома, среди которого отдельная глава о лох-несском чудовище. Вот слушай: «Каждый день Омаркес приходил к озеру. Но однажды утром он увидел с балкона голову чудовища. На следующий день был сделан тайник в замке. Координаты его дошли до меня: Он180», — захлебываясь прочитала Фиона.

— И что? — недоумевал брат.

— Как что? Ведь если тайник был сделан, то неспроста. Мы можем найти его. Я уверена, что там хранится что-то очень важное и интересное.

— Но чтобы найти тайник, надо разгадать шифр.

— Нужно просто подумать, — деловито ответила Фиона.

Брат хотел что-то возразить, но не успел — раздался оглушающий вой. Это не был волк или собака. Нет. Эти животные слишком малы, чтобы издать такой ужасающий вопль огромного раненого зверя.

Дети в испуге выскочили из комнаты и побежали вниз. Там они застали маму, сидящую на столе в столовой.

— Дети! Дети! Быстрее ко мне!

Через минуту тридцать секунд все стихло, но обнаружилось, что пропал мистер Макфайлен.

Миссис Джейн, Фиона, Ангус и слуги обыскали весь замок, но никого не нашли. От безнадежности стали смотреть в самых неожиданных местах: в шкафах, ящиках, под кроватями, на чердаке...

Дети все время мешались под ногами. В доме царил нервная беготня.

Через два часа парадная дверь распахнулась, и в коридоре послышались шаги. Все побежали из комнат и увидели пропавшего, уже практически похороненного и оплакиваемого мистера Макфайлена. Бледная хозяйка подошла к мужу и расхохо-

талась. У нее началась истерика, она смеялась и не могла остановиться. Две служанки подхватили ее под руки и увели в спальню. Мистер Макфайлен стоял и ничего не понимал. К нему подбежали дети и начали рассказывать, что произошло, но рассказывали они не по очереди, кричали, перебивали друг друга, говорили в два голоса. В конце концов Генри не выдержал и остановил дочь и сына.

— Дети, подождите, я ничего не понимаю. Давайте пройдем в столовую, и там вы мне все расскажете.

Так и сделали.

О том, что случилось с ним, отец обещал рассказать за обедом. Сам он услышал все, что произошло в доме во время отсутствия, за исключением истории с книгой, найденной Фионой.

Третье чудо

За обедом леди Джейн хорошенько выругала мужа за то, что он ушел, ничего никому ни сказав. Было впечатление, что Генри не супруг, а сын достойной госпожи, который в очередной раз нашкодил. Но через семь минут сорок секунд миссис Макфайлен закончила свою пламенную речь, и наступила очередь «обвиняемого».

— Дело в том, что после завтрака меня мучило любопытство. Я долго ходил по кабинету, выглядывал в окно, выходил на балкон, но ничего не видел. Вдруг ноги сами понесли меня к озеру. Я прошел так быстро, что никто меня не заметил. Через четыре минуты тридцать пять секунд я был у озера. Все оставалось спокойным, пока на меня не нашел интерес такой сильный, что я пошел на риск — поднялся на небольшое возвышение над озером и увидел камень, затем столкнул его в озеро, и тут раздался такой вой! Я от неожиданности даже упал, а затем побежал домой.

Во время рассказа Фиона размышляла, сказать или не сказать

отцу о книге, но в конце концов не выдержала.

— Папа, смотри, что я нашла в библиотеке. — И она снова побежала наверх за своей находкой, спустилась через полминуты, дала потрепанную, старую с пожелтевшими страницами книгу Генри, который открыл ее на нужной странице и прочел главу о тайнике.

— И что ты думаешь? — спросила Фиона.

— Доченька, я думаю, что человек, писавший это, сам толком ничего не знал.

— А вдруг?

— Фиона, это очень интересно для любителей древностей, но не для меня.

— А ты веришь в существование чудовища, папа? — неожиданно спросил Ангус.

— Верить во что-то — значит, быть уверенным в этом.

— А ты уверен? — неожиданно встряла Джейн.

— Дорогая, если бы я был уверен, то не размышлял бы о нем, не думал, не пытался найти.

— Но не всегда верить — видеть, — заметила Фиона.

После обеда все пошли заниматься своими привычными делами.

Генри отправился в кабинет и долго там сидел, читая какие-то документы, но в голову ему абсолютно ничего не приходило.

Джейн вышла гулять в сад, разбитый около замка. Там цвели растения удивительной красоты: поразительные ярко-желтые солнечные лилии, нежно-розовые махровые тюльпаны, сиреневые ромашки, винно-бордовые пионы, изумительнейшие белые, лимонные, красные огненные розы. Клумбы, усыпанные цветной галькой, располагались в строгом порядке. Вымощенные плиткой дорожки, веками лежавшие в этом саду, казалось, могли пролежать здесь еще много-много лет.

Дети снова отправились в детскую изучать книгу. И все было хорошо

до появления всем нам известного Кристофера.

Четвертое чудо

В 16:02 в дверь постучали. Лакей пошел открывать. Перед ним предстал человек, похожий на мистера Кристофера, но он не был таким ухоженным и аккуратным. На нем просто висели рваные штаны, некогда белая рубашка, ставшая почему-то черной, волосы были взъерошены. Лакей сначала удивился, но затем пришел в себя.

— Быстрее, мне нужно к мистеру Макфайлену.

Это единственное, что удалось услышать от посетителя.

Слуга проводил гостя в столовую и позвал хозяина. Поняв, что дело срочное, Генри спустился на первый этаж незамедлительно.

Когда хозяин вошел в столовую, то был слегка ошарашен. Перед ним стоял непонятного вида человек, в котором прослеживались черты мистера Кристофера.

— Мистер Макфайлен, я понимаю, что мой вид ошарашил вас, но дело срочное.

— Мистер Кристофер, присядьте, — вежливо сказал Генри, и гость устало опустился на ближайший стул.

— Вы слышали вой? — спросил посетитель.

— Да, — и Генри рассказал о случившемся.

— Мистер Макфайлен, я никого не хочу винить, но вам не кажется, что когда вы с семьей переехали в замок, начались странные вещи: вой, круги, а вот теперь в нашей деревне пропали два мальчика. Они пошли на озеро и не вернулись спустя три часа. Мы уже вызвали полицию — они не хотят верить в мистическое объяснение, но долго скрывать то, что происходило в замке — появление свитка, ваше исчезновение, — я не могу.

— Что вы мне предлагаете, мистер Кристофер? — уточнил Генри.

— Я предлагаю прочесть свиток.

Генри посмотрел на Кристофера удивленно, но тем не менее встал, подошел к комоду и достал оттуда свиток. Гость наблюдал за этим очень пристально.

«Дереп имав йынжол котивс. Йищяотсан еж ястинарх 081но 0»

Кристофер прослушал это внимательно.

— И что это такое? Какой это язык? — поинтересовался он.

— Где-то я видел эти буквы и цифры, — задумался Генри.

Особенно странным показался знак, стоящий в конце зашифрованной строки.

— Точно такой формы висит в нашей спальне зеркало! Но все равно, что бы это значило...

— Мистер Макфайлен, это означает, что цифры написаны справа налево, — сказал Кристофер, взял свиток из рук Генри и попытался прочитать. Вышло вот что: «Перед вами ложный свиток. Настоящий же хранится 0н180».

— Я видел эти координаты. Фиона приносила мне книжку, где были написаны такие же знаки. В книге говорилось о тайнике, сделанном первым Омаркесом.

— Значит, свиток хранится в этом тайнике, — заключил мистер Кристофер.

Пятое чудо

Итак, Кристоферу и Генри удалось обнаружить некоторые детали картины. Мужчины поднялись в кабинет и что-то долго там обсуждали, как вдруг снизу раздался пронзительный крик, похожий на крик Фионы.

Генри и Кристофер сбежали вниз. Им казалось, что кричали в подвале. Миссис Джейн они не встретили, так как она снова гуляла в саду, отводя душу.

Когда оба спустились в подвал, то увидели крайне растерянного Ангуса, стоявшего около стены и державшего фонарик.

— Ангус, что произошло? Кто кричал? — запыхавшись, спросил отец.

— Папа, нам с Фионой удалось разгадать шифр Он180: 0 — нулевой этаж, н — начало, 180 — это градусы прямой. Это означает, что надо пройти прямую от начала коридора нулевого этажа. Мы так и сделали. А когда Фиона подошла к стене и прикоснулась к ней, то та развернулась вместе с сестрой.

— Быстрее, толкаем стену, — почти приказал отец.

Все трое навалились, и огромная кирпичная стена развернулась.

Шестое чудо

Кристофер, Генри и Ангус оказались в темном сыром помещении. Перед ними была лестница, крутая и узкая.

— Фиона! — кричал мистер Макфайлен, но это не принесло пользы. — И что нам делать?

— Я считаю, надо идти вперед, — сказал Кристофер.

Остальные с ним согласились и по очереди начали спускаться. Это надо было делать осторожно. Ступеньки от времени стали разваливаться, перил и в помине не было, а стены настолько древние, что осыпались, к ним страшно было прикоснуться; и вообще в темноте всегда страшно, особенно в незнакомом месте.

Через две минуты пятьдесят три секунды трое оказались у входа в пещеру.

Благо, что у Ангуса имелся фонарь. Весь пол пещеры, если так можно назвать то, что находилось под ногами, был неровным, каменистым, с какими-то препятствиями. Вся пещера обросла сталактитами и сталагмитами, говорившими о ее древности.

Трое продолжали путь, не останавливаясь.

В грязной, сырой пещере пахло рыбой и водорослями. Чем дальше заходили, тем холоднее становилось.

— Стойте! — крикнул Кристофер. — Смотрите, дорога разветвляется на три тропы.

— И что нам делать? — спросил Ангус.

Генри предложил разделиться. У Кристофера оказались спички, которые поделили между собой взрослые, а мальчику оставили фонарик. Так и отправились.

Седьмое чудо

Ангус свернул налево. Он шел долго и упорно, пока не споткнулся и не покатился кубарем вниз. Пока он катился, слышал какой-то непонятный звонкий стук, а когда остановился, то обнаружил что-то неровное, мутное в своем кулачке. Это походило на необработанный алмаз... Мальчик поднял фонарь и увидел целое хранилище драгоценных камней. Они не блестели, что придавало им действительно природный оттенок.

Восьмое чудо

Кристофер пошел направо. Он шел не очень долго, пока не набрел на какую-то могилу. На ней было написано: «Здесь похоронен Генри Омаркес, родоначальник и единственный из рода, сумевший разгадать тайну Лох-Несса».

Девятое чудо

Генри отправился прямо. Он шел недолго и набрел на какой-то странный ящик из дерева. Макфайлен поднял его, тот же развалился у него в руках, а остался свиток, гласивший: «Тот, кто держит в руках сей свиток, преодолел все препятствия. Теперь я раскрываю ему правду. Тот, кто налево пойдет, — богатство обретет. Тот, кто направо пойдет, соврет и несчастье найдет, а тот, кто прямо пойдет, правду узнает и помощь получит. В конце трое встретятся».

Десятое чудо

И действительно, находя интересные вещи, трое пошли вперед и в конце встретились. Это нельзя было назвать помещением, скорее, это было большое полукруглое пространство с неровными стенами. Три тропы снова свели людей.

— Итак, кто что нашел? Я лично свиток. — И Генри прочитал его.

— Папа, я набрел на хранилище алмазов. — И Ангус достал из кармана камень.

— А вот я ничего интересного не нашел, за исключением могилы Омаркеса, родоначальника.

Как ни странно, но Кристофер стал еще грязнее.

— Ну что ж, а Фиону мы так и не нашли, — закончил отец. — В таком случае, надо возвращаться и вызывать полицию, — скомандовал мистер Макфайлен.

— Нет, мистер Макфайлен, я еще не кончил, — заявил Кристофер, и на его лице появилась отвратительная улыбка. Он вынул из кармана пистолет и нацелил на мальчика.

— Мистер Кристофер, что это значит? — спросил Генри.

— Это значит, что я действительно вам наврал. Я никогда не верил в эту легенду с чудовищем, а вот про тайник с алмазами, сделанный Омаркесом при жизни, читал. Бывший хозяин знал меня, но на пороге дома даже не пускал, он догадывался о моих намерениях. Я ему стал угрожать, и тот быстренько продал свой дом. Я предупредил, что если он кому-нибудь расскажет о моей тайне, то ему не поздоровится. Я выдумал про свой дом, про исчезновение мальчиков. Все это было вранье. Я хотел втереться к вам в доверие. Я контрабандист, перевожу алмазы через границу. У меня есть товарищи, кстати, они скоро будут здесь.

Одиннадцатое чудо

Итак, наши герои оказались в ужасной ситуации. В еще более ужасной ситуации оказалась миссис Джейн, которая вновь должна была искать, но теперь не только мужа, но и детей.

В конце концов она решила отправиться к озеру. Было уже темно и прохладно. Легкий ветерок гулял на улице.

Джейн вышла из замка и начала путь к озеру. Она шла по неровным тропинкам, по каменистым тропам, проходила мимо ущелий, мрачных и страшных, в темноте пролетали птицы, которых мы бы испугались, но она шла.

Вскоре миссис Макфайлен добралась до озера. От воды шел холодок. Она смотрела и смотрела на воду, пока на ней не стали появляться круги. Они становились все больше и больше.

Вдруг посередине озера стало что-то всплывать, что-то круглое, затем что-то длинное, прикрепленное к чему-то большому. В темноте миссис Джейн разглядела... чудовище. Оно было похоже на описанное! Женщина не знала, что делать. На самом деле она почему-то не испугалась, а существо подплывало все ближе. Вот оно перед Джейн, приблизилось прямо к берегу. Его круглые глаза казались грустными, как будто говорили: «Вот он я. Разве я кого-то обидел, причинил вред? За что меня так ненавидят? Пускают столько слухов? Сбрасывают камни? За что? Я ведь живу тихо и никому не мешаю. Все слухи — вранье. Я невинен».

— Бедное, бедное существо. Ты настолько безобидно. — И миссис Макфайлен протянула свою тоненькую ручку и коснулась шеи чудовища. Оно было раза в три выше ее.

Существо стало выползать на берег, наклонило свою голову, будто прося женщину дотронуться еще раз до его мордочки. Ведь материнские руки самые нежные. Кожа «монстра» была сморщенной, холодной, но приятной для прикосновения и напоминала сырую рыбу чешую.

— Бедный, бедный. Ты не монстр и не чудовище. Ты — безобидное существо. Я назову тебя Несси. Несси, а ты видел моих близких?

В этот момент Несси наклонил шею, и Джейн поняла, что существо повезет ее. Она кое-как в длинном платье вскарабкалась на спину своего нового друга, и они поплыли.

Двенадцатое чудо

Тем временем Ангус и Генри пытались освободиться от веревок, которыми их связали помощники Кристофера. Их было трое: Саймон, Джерри, Джордж. Саймон и Джордж, похожие, словно братья, брюты невысокого роста и плотного телосложения, с серыми глазами и загорелой кожей, не блистали умом, но и глупыми их нельзя было назвать.

Джерри, блондин высокого роста с белой кожей, зелеными глазами и курчавыми волосами, обладал умом в большей степени, нежели его товарищи.

Итак, Кристофер отправил своих помощников за алмазами, которые они с поразительной жадностью и свирепостью собирали в огромную холщовую сумку. Сам же он отправился с ними смотреть, как они выполняют доверенную им работу.

Пока он отсутствовал, Ангусу и Генри удалось освободиться (благо, что мальчик в школе проходил тему про узлы), но что делать дальше, никому не приходило в голову — ведь Фиону они так и не нашли.

Тринадцатое чудо

А тем временем Несси и Джейн плыли по озеру. Существо действительно передвигалось довольно плавно. Ночь была на редкость светлой. Друзья плыли под лунным светом, отражаясь в иссиня-черной озерной глади драккаром с поднятыми парусами.

Вскоре добродушный великан подплыл к расщелине и высадил женщину на берег. Миссис Макфайлен приказала ждать ее здесь, и он послушно остался.

Джейн вошла в расщелину, где было темно и сыро, у нее имелся фонарь. Она шла и шла. Под ногами было скользко и каменисто. В конце концов миссис Джейн дошла до какого-то тупика. Вдруг она услышала голос Ангуса.

— Сынок! Ты здесь?

— Мама! — закричал Ангус.

— Дорогая, где ты? — спросил мистер Макфайлен.

— Генри, я за стеной.

Поскольку стены были нетолстыми, сыну и папе удалось выломить одну. Перед ними предстала любимая мама и жена. Все бросились обниматься. Но вдруг Джейн заметила, что нет дочки.

— А где Фиона?

— Дорогая, это долгая история.

Дело в том, что Кристофер — контрабандист и охотится за алмазами, ведь первый Омаркес сделал тайник с алмазами. Он нас обманул, а Фиону мы не нашли...

— Так, так, так, — послышался знакомый голос, — я вижу, вы все разыскиваете Фиону. Я вас обрадую. Она у меня. Мои ребята еще раньше нас троих нашли тайник и похитили девчонку. Не волнуйтесь, она цела и невредима, но есть одно условие, при котором я ее верну.

— Я вас слушаю, — твердо сказал Генри.

— На одни алмазы не прожить. Если вы, мистер Макфайлен, отдадите мне некоторые акции вашего предприятия, то вы увидите свою дочь, а если нет, то мне даже печально об этом говорить.

— Пойдемте, — твердо заявил Генри.

Вдруг миссис Макфайлен издала такой крик, какого от нее никто не ожидал. Она громко позвала:

— Несси!

Послышался звук, похожий на вой, затем чьи-то очень громкие шаги,

вернее, не шаги, а мокрое шлепанье лап, которое все приближалось. Кристофер и его помощники стояли в холодном поту, руки тряслись, глаза бегали. Из-за стены показалась огромная голова, потом шея, а потом и все тело чудовища.

— Где моя дочь? Отвечай, а то Несса съест тебя со всеми помощниками и даже не подавится, — заявила миссис Джейн.

Через минуту Джерри привел Фиону. Ее руки болели от веревок, а ноги еле несли тело, но она про все забыла, когда увидела свою семью.

Кристофер вместе с подручными скрылся, и никто больше о нем не слышал.

Эпилог

Все вернулось на свои места. Теперь тайна озера раскрыта, но только

для тех четверых. Они никому не сказали о произошедшем. Всю жизнь семья навещала Нессу, а тот порой катал их по озеру. Дар Лох-Несса и по сей день живет на дне озера.

Прототипами главных героев (Джейн, Генри, Фиона и Ангус) стали члены моей семьи, которых я от всей души благодарю за их любовь и возможность писать.

г. Москва

Александр КУПРЕЙЧЕНКО

Среди экзотических, древних японских поэтических жанров, постепенно распространившихся среди других языков, может быть, самым малоизвестным пока остается хайкай-но бунсё, или сокращенно хайбун.

Поэтом, превратившим хайбун из второстепенного прозаического комментария в самостоятельный литературный жанр (близкий к европейскому жанру стихотворения в прозе), был все тот же великий Мацуо Басё (1644–1694), прославленный мастер хокку.

Формально хайбун — это некий прозаический текст, заканчивающийся трехстишием-хокку.

Одним из признаков хайкай-но бунсё предполагается наличие в нем духа хай, который Басё трактовал как свободу от ограничений в представлении о высоком и низком. По Басё, поэт должен быть благороден в своих помыслах, и тогда все, что привлечет его внимание, даже то, что лишено,

казалось бы, всякого изящества, наполнится в стихах высоким смыслом и изысканной красотой.

Занимаясь исключительно поэтическими переводами и никогда не покушаясь на самостоятельное сочинение стихов (что многим кажется странным), я однажды познакомился с японскими танка и хокку (хайку). В переводах, конечно. Меня поразили предельная лаконичность языка и богатство подтекста, заложенного в пяти, даже в трех строках. И это так перекликалось с моей работой над текстами переводов, когда необходимо в пределах строфы, а то и одной строки передать как можно точнее авторскую мысль и, «не перетягивая одеяла на себя», сохранить в переводе по возможности максимум авторского текста, при этом найти те единственно точные слова, что свободно укладываются в заданный

размер (про рифму уж и не говорю!). Здесь и приходится считать каждый слог — вот она, лаконичность хайку, где всего семнадцать слогов! Поэтому я и считаю, что сочинения в стиле хайку — очень хороший тренинг для переводчика.

Поскольку современный мир более многословен, чем был во времена Басё, у меня всегда возникало неосуществимое желание сказать больше, чем мне удавалось вместить в короткие хайку, даже и в предположении богатой читательской фантазии. Так я и вышел на идею написания хайбунов...

Подснежник над Волгой

Верхняя Волга. Ледоход. Весенняя вода мощна и стремительна. Льдины громоздятся, напирают, выползают на каменистый берег. Шум до грохота. Но день-два, и все кончилось. Только одинокие, отставшие стремятся по течению, и видно, как быстра здесь река. И полноводна. Не то что летом — тогда кое-где и по колону можно перейти на другой берег.

А выброшенные на берег льдины лежат долго под весенним солнцем. И вроде бы не тают, только темнеют. И тогда — ударишь ногой — они рассыпаются на множество прозрачных шестигранных, как карандаш, продолговатых кристаллов.

Но это все внизу, у воды. Круты и высоки берега, в которых, как в каньоне, течет древняя река. Они уже отогрелись под солнцем, последний снег стекает вниз по склонам, смешиваясь с водой многочисленных родников и родничков, которыми так богаты известняковые

берега. И, не дожидаясь настоящего тепла, проглянули под безлистными и прозрачными еще кустами орешника и ольхи уже живые, самые первые цветы — синие и лиловые на зеленом.

*Фиолетовый,
под коркой льда подснежник.
Весна на Волге.*

Путник. В память о Басе¹

«Вроде бы все успел, но снова опоздал», — так думал одинокий путник, которого, может, где-то ждали, но он не знал — кто. А если и знал, то не вспоминал, его мысли посвящались теперь Ей одной. То нежная и близкая — то жестокая и бесконечная, то знойная и пыльная — то сырая и промозглая, она забирала его силы. Да он и сам не щадил их. Он был Странник, а она — его Дорогой. Она была только Его дорогой, и он

¹ Идея Ирины Серёгиной.

принимал и любил ее такой. При этом никогда не задумывался: возможно, какой-нибудь бродяга ступал по ней своими босыми ногами, ведь он никогда и не думал, что он — такой же бродяга.

Он слышал и видел вокруг и душевную жизнь ревуших городов, и мирную пьяную деревню, и безбрежные поля, и мечтательные убаюкивающие леса — все пронеслось мимо него, а он все шел, шел по своей Дороге, отмеряя шагами путь, с которого некуда было свернуть, да он и не уверен был, что надо.

Была ли у него цель? Наверное, была. Он говорил, что у него много стремлений: сначала дойти до Реки, потом до Горы, потом дальше и дальше, а потом он просто шел туда, где небо... и, может, все еще идет?

*Эта дорога —
крест или счастье его?
Кто теперь скажет?*

г. Киев

Сергей УШАКОВ

Родился в 1964 году в Оренбурге. Окончил Оренбургское художественное училище и был призван в армию, где написал свои первые стихи, часть из которых вошла в сборник «До и после тишины», изданный в 2012 году по результатам областного конкурса «Оренбуржье — 21-й век». В лихие 90-е работал отделочником, в нулевые — дизайнером и о стихах забыл вплоть до 2008 года. Именно тогда цепь случайностей и жизненных обстоятельств привела меня в Интернет. Появилась возможность и желание выговориться. В 2012 году вышел и второй сборник «Под знаком рыбы», в который вошли стихи, написанные в период с 2009 по 2012 год. Помимо слов время от времени на бумагу (или холст) ложатся краски. Областные художественные выставки — тому подтверждение.

Наиболее значимые произведения автора — сын Евгений 1989 г. р., дочь Анастасия 2010 г. р. и сын Артемий 2012 г. р.

Печеная картошка

Растительный орнамент на стекле!
 Морозно.
 Нелогично и нелепо
 почудилось обугленное лето,
 картошка, запеченная в золе...
 Цветы в горшках кичливо зелены.
 Не дом, а экзотические джунгли...
 Ах, где же взять магические угли
 и дни такой же солнечной длины?
 Завидуйте мне, пленники квартир,
 затворники, заложники высоток.
 Я — совладелец трех с лихвою соток,
 где дом, сарай и во дворе сортир...
 Никто, ничто не сможет помешать:
 ни управдом, ни снег...
 Найдется повод,
 чтоб утолить мой сумасбродный голод,
 разжечь костер, как требует душа,
 стоять, гипнотизируя огонь,
 и ждать его горячую кончину,
 шептать стихи не к месту, не по чину,
 смешно жестикулируя рукой.
 Пусть в погребке моем не божоле,
 есть у меня причины быть счастливым:
 домашнее вино из терносливы,
 картошка, запеченная в золе...

..и та, что терпит пиршество со мной
 и не желает участи иной.

Рыба

Легко, спокойно, без надрыва
 На непонятном языке
 Свои стихи шептала рыба,
 Беспечно лежа на песке.
 В чешуйке каждой солнца лики
 Горели ласковым огнем.
 Был день обычный... не великий.
 Но дело, в общем-то, не в нем...
 Над рыбой зло кружили птицы,
 Горланя что-то невпопад,
 А рыба жмурила ресницы
 И затуманивала взгляд.
 Она была довольно странной:
 В глазах и мудрость, и печаль...
 И даже в очень дальних странах
 Таких вы встретите едва ль.
 Ее сородичи поодаль
 В глубоководной тишине
 Глубокомысленно про воду
 Вели беседы...

...Знаешь, мне
 Знакома ласковость песочка!
 Слова бросаю в пустоту,
 Я день за днем и строчка в строчку
 Напоминаю рыбу ту...

г. Оренбург

Руслан ЖИГАЛОВ

Зовут меня Руслан Жигалов, мне четырнадцать лет. Живу в Ярославле, учусь в восьмом классе школы с математическим уклоном. Школа носит имя философа, экономиста и социолога Карла Маркса. Обучаюсь игре на гитаре и фортепиано в музыкальной школе имени Леонида Собинова. Люблю слушать классическую и современную музыку, подбираю некоторые любимившиеся произведения на гитаре. Занимаюсь в секции плавания, в школе играю в волейбол.

Писать рассказы начал со второго класса по мотивам произведений различных авторов. Люблю наблюдать за природой и общением людей, слушаю диалоги и монологи, пытаюсь подыскать тему для новых рассказов. Летом мы часто ездим на природу с палатками. Много читаю фантастики и некоторую классическую литературу. Очень хочется побывать в Италии и написать о путешествиях по этой стране. Мне нравится эпоха Возрождения, и поэтому хотелось бы подробнее изучить этот период в самой Италии.

В будущем хочу написать книгу и поступить в МГИМО.

ЯБЛОКИ

На улице было жарко и душно. Август ярко взялся за свою работу, словно пытаясь отдать все то солнце, что недодали предыдущие летние месяцы. Пассажиры, красные и потные, как вареные раки, уныло двигались по перрону к дверям вагонов пригородной электрички. Августовское солнце цепко держалось за землю, ни на секунду не желая дать волю прохладным ветеркам и дождю. Даже ночью духота и жар городских улиц исходили от асфальта и каменных стен зданий. И лишь под утро можно было вдохнуть свежесть и прохладу.

Наконец посадка в электричку была закончена, и лишь пара опаздывающих в последний момент громко влетела в закрывающиеся двери. Состав нехотя тронулся с места и стал неспешно набирать скорость. Пассажиры расположились на свободных местах. Некоторые окна в электричке были приоткрыты, и за местами рядом с ними велась настоящая охота. В вагон заглянула молодая женщина с яркой боевой раскраской на веках и щеках. Внутренняя сумка билетерши, полная косметики вперемешку с билетами, болталась на боку. Недовольно пыхтя, она взяла деньги, вытащила билет из бездонной сумки и вручила его мне. Я ехал к бабушке на деревенское молоко, на творожники с медом, на чистый воздух соснового леса... (Эти главные факты приводит моя бабушка в разговоре с родителями, да я и не возражаю: мне нравится у нее в гостях.) Сорок минут езды на электричке, потом еще три остановки на деревенском автобусе до сельского поселения (так теперь называется деревня, это обозначение придает ей другой статус, а жителям — гордость за свое место жительства). По окончании

седьмого класса меня изредка стали отпускать одного, и бабушка всегда встречала на станции: она очень недовольна моей самостоятельностью. «Береженого бог бережет» — ее любимая поговорка.

Я уселся поудобнее и стал рассматривать соседей. Пригородная электричка — одно из немногих интересных мест, где можно спокойно наблюдать за пассажирами, здесь от долгого ожидания и безделья люди становятся более естественными. Очень интересно слушать их разговоры. Большинство пассажиров доселе были незнакомы, а теперь общались, словно давние друзья. Вагонная дружба иногда дает приятное общение и позволяет коротать время. Когда они выходят из вагона, то почти сразу забывают друг друга, как будто ничего и не было, но остается какое-то приятное послевкусие разговора. Две дачницы, которые сидели сзади меня, пытались пенять на жару: как плохо вызревают огурцы, помидоры и как часто нужно ездить их поливать... Мужчины проповедовали сконструировать автономную поливочную машину, горячо обсуждая некоторые ее детали. Это была дачная электричка с ее радостями и прелестями предвкушения загородной жизни.

Передо мной восседала грузная дама непонятного возраста с двумя полными корзинами яблок и холщовыми сумками. Из одной сумки торчал пакет с куском белого хлеба и чем-то сладким, в котором билась и жужжала неизвестно как попавшая туда маленькая оса. Запах яблок, усугубляемый жарой, носился в воздухе, раздражая обоняние. Над всем этим съестным добром кружил добрый десяток откормленных мух. Дама время от времени пыталась лениво отмахиваться,

когда они нагло подлетали к сумкам. По правую руку от меня читал книгу маленький старичок с длинной тонкой бородкой и такими же тощими усами, в которых, по моим подозрениям, водились крошки не только завтрака, но и прошлого обеда и ужина. Круглые очки интеллигентно сидели на крючковатом носу и гордо взирали на окружающих. У старичка были впалые бледные щеки с торчащими кустиками небритых седых волос. Он держал в сморщенных руках томик «Евгения Онегина» и, сильно щурясь, пытался дочитать XX главу. «...Партер и кресла, все кипят...» — успел я заметить фразу, которая как нельзя лучше подходила к обстановке. Рядом с дамой на лавке ерзал маленький мальчик лет восьми, пытаясь достать из карманов какие-то предметы. Неожиданно один из них упал на пол, и послышался характерный хруст. Маленький оловянный кавалерист бессильно лежал на полу без обеих рук, с немым укором глядя на своего незадачливого обидчика. Солдатик отлетел как раз мне под ноги, бесславно почив на железном полу электрички. Я нагнулся, поднял его вместе с отвалившимися частями и отдал их мальчику. Тот тихо поблагодарил меня, сунул солдата в карман и стал приставать к даме. Скорей всего, это была не его мать, потому что мальчик постоянно называл ее тетей. Дама, сердито потев под повязанным на голову платком, повернулась к мальчугану и строго цыкнула на него.

Я принялся смотреть в окно. За окном медленно проплывали стройные силуэты берез, замершие своими кронами в жарком безветрии, тонкие петли речушек, несущих свои воды куда-то вдаль. Могучие дубы сурово смотрели на проходящие по-

езда. И небо... Огромное светло-голубое пространство, заполненное кудряшками облаков, убегающих от поезда. Я погрузился в мечтания. Неожиданно удовольствие от музыки стука колес и созерцания прекрасных пейзажей грубо прервал нахлынувший откуда-то шум. Я обернулся. В дверном проеме стоял бородач лет шестидесяти, а может, и моложе: по его неряшливому и убогому виду невозможно было определить возраст. Он был в помятой одежде. Потертый во многих местах пиджак с редкими дырками балахоном сидел на его костистых плечах. Сальные волосы были аккуратно расчесаны на пробор. В руках он держал небольшую пластмассовую коробочку.

«Проситель», — подумал я. Слово «попрошайка» мне не нравилось, оно было каким-то унижительным. Я посмотрел на его лицо в глубоких морщинах, с садиной на правой щеке и зацепился за взгляд. В глубоко посаженных под редкими кустистыми бровями черных глазах плавали неизбывная тоска, крохотность и стыд. Он потерянным взглядом осмотрел вагон электрички. Это не были глаза бездомного человека: видимо, произошло что-то странное и нехорошее, если он вышел с протянутой рукой. Да и не только я это заметил. Некоторые смущенно отворачивались, другие старались не смотреть ему в глаза, подавая деньги. Бросалось в глаза, какой он широкоплечий, высокий и сутулый. Он двигался очень медленно, сгорбившись, как будто нес на своих плечах груз, за который ему было очень стыдно. Когда он заговорил, я удивился: у него был сильный и глубокий бас. Его голос явно не вязался с внешностью. Он стал просить милостыню, подходил к каждому пассажиру и протягивал пластмассовую коробочку. Стук монет в коробочке капельным звонком разносился по вагону. Говорил что-то о сгоревшем доме, о том, что надо доехать, что у него никого нет.

Кто-то ссыпал в коробочку монеты, кто-то брезгливо отворачивался, кто-то делал вид, что спит, кто-то глумливо улыбался, к счастью, таких было мало. Но всегда его лицо оставалось каменной маской, не выражавшей никаких эмоций. Обо всем говорили только глаза. Они были красноречивей диктора и убедительнее оратора, выступающего с официозными речами перед собранием и толпами народа. Глаза кричали о помощи, но не просили.

Когда он подошел к нам и протянул коробочку, я выудил из кармана купюру в десять рублей, несколько мелких монет и протянул ему. У меня еще оставались деньги на обратную дорогу. Теплая и смущенная улыбка мелькнула на его лице, опять превратившись в каменную маску. Маленький мальчик тоже заметил эту улыбку, шмыгнул носом и стал рыгаться в своих многочисленных карманах, достал небольшую горсть мелочи и стал тянуть свою ручонку к коробочке. С невиданной прытью крупная дама, все это время дремавшая и посапывающая, вскочила и попыталась отдернуть руку мальчика. Монеты со стонущим звонком дробью посыпались на железный пол вагона. Мальчик не успел повернуть голову, как та наградила его звонким подзатыльником.

— Тетя-я Зина-а-а, — заныл мальчик и, хлюпнув носом, отвернулся к окну.

Затем дама тяжело повернулась к просителю и тонким противным и визгливым голосом стала кричать на него что-то типа «понаехали здесь, дай-подай, самим жрать нечего», покрывая его такими словами, от которых я покраснел. Самое приличное из них было «бандюга». Проситель как-то сразу на глазах съежился и постарел лет на десять. Стала более заметна белая проседь у него на висках. Морщины, избородившие темно-коричневое лицо, сделались еще глубже. Он слушал все это, молча понурился. К концу своей речи полная дама

уже задыхалась от ярости и гнева, но тут старичок, сидящий рядом со мной, оторвался от «Онегина» и тихо сказал:

— Женщина! Успокойтесь, присядьте и отдышитесь! Нечего вам кричать на весь вагон. Да еще такими малопривычными фразами. Где ваше воспитание?

— Да кто ты такой, чтобы меня учить жить?! — вскричала женщина, но видимо, уже выпустив пар, сухо сплюнула, плюхнулась на сиденье и отвернулась к окну.

Мы как раз проезжали болотистый пролесок, и там были видны сухие безлистые деревья, которые черным остовом печально провожали электричку, наклонившись в нашу сторону. Мужчина с коробочкой все это время стоял и слушал, затем сел на корточки и начал сгребать монеты в кучку. По его глазам я заметил, как ему при этом стыдно и обидно. Мне стало жалко его и очень горько за нас, но я не знал, как помочь. И мы с сидевшим рядом старичком стали подбирать рассыпавшиеся монеты. Мужчина нас поблагодарил и положил их в коробочку.

Поезд стал резко останавливаться. Крупная дама больно стукнулась о стекло, глухо выругалась насчет машиниста электрички, назвав его «поездинистом», и, обливаясь потом, стала вставать. Мужчина медленно поднялся, ссыпал монеты в карман и начал продвигаться к выходу. Стали выходить еще несколько человек, включая скандалистку и старичка с «Онегиным». Мы вышли на перрон, и я облегченно вздохнул. Наконец-то удалось выбраться из этого яблочного вагона на свежий воздух, и резкий горьковато-сладкий запах переспелых яблок перестал раздражать меня.

Тетка крикнула пареньку, чтобы шел к ближайшему спуску с перрона, и указала на ржавую лестницу рядом с нашим вагоном: видите ли, обходить долго и тяжело. Поставила корзины на верхнюю ступеньку

металлической лестницы, повернулась к мальчугану, с трудом тащившему остальные сумки, и резко крикнула, чтобы пошевеливался. Потом встала на верхнюю ступеньку, нагнулась за корзинами и начала спускаться. Двухметровая ржавая лестница утробно вздохнула, зашаталась, натужно заскрипела, как-то пощеньчи ржаво пискнула креплениями, потом тут же зарычала и начала прогибаться и заваливаться на бок. Женщина визгливо вскрикнула и стала хвататься за перила, еще больше раскачивая многострадальную лестницу... И тут кто-то светлой

тенью метнулся к краю перрона. Крепкая мужская рука схватила женщину. Он вытянул ее на перрон, оттолкнул плачущего мальчугана, который балансировал на самом краю, размахивая сумками в разные стороны. Проситель с трудом удержал оседавшее на колени грузное тело женщины. Корзины вместе с лестницей полетели вниз. Яблоки яркими желто-зелеными слезинками выкатились на утоптанную земляную тропу и раскатились. Спаситель спокойно отряхнулся, поставил мальчика на ноги. Ребенок оглянулся и обнял его, несмотря на

грязную, подранную одежду. Полная дама невидящим взором, полным смятения и слез, уставилась на того, кто спас ее и кого она недавно поносила. Я подошел к мужчине и протянул ему оставшиеся деньги. Он посмотрел на меня, улыбнулся:

— Я уже взял свое, — сказал он, повернулся и пошел в сторону ельника позади станции.

Еще некоторое время его сутулая фигура мелькала среди деревьев, оставляя осадок умиротворения, какой-то щенячьей радости и сжимающей грудь тоски.

г. Ярославль

Мирон ТИХОМИРОВ

Продолжение. Начало в № 3 за 2013 г.

Открою вам тайну: на самом деле я — Владимир Шмелев!
Мирон Тихомиров

ИНОСФЕРА

РОМАН

Ни домработница, ни Вэл, ни водитель не могли себе позволить никакой фамильярности, панибратства, это было оговорено сразу. Конечно, Вэл чувствовал, что к нему относятся с симпатией. И Ира не раз касалась его рукой не просто так, как бы невзначай ему заглядывала в глаза, а на ее лице проступала улыбка. И Вэлу казалось, что это был намек, что он нравится ей. Вспоминая озорной взгляд Иры, дразнящий и возбуждающий, он заметил, что постель не прибрана, и какое-то неведомое

желание вдруг увлекло его, и он лег на эту постель, судорожно схватил подушку и стал ее целовать, словно это была недостижимая девушка, что волновала и злила его своей недостижимостью, своим превосходством. Рядом он увидел лифчик, хотел почувствовать запах ее тела, но подумал, как это пошло, и вместо этого с силой сжал его в кулаке, и вдруг вождение такой силы охватило его, что он был поражен. При этом он с горестью подумал о Катюшке-простушке: «Могла ли она меня так возбудить,

может, у нее вообще интеллект отсутствует, и в то же время она любит меня, как ненормальная». Но как ни пытался он, вспомнив Катюшку, представить рядом Иру, ее статное тело, ее волнуемую грудь, его воображение заслоняло преданно заискивающий взгляд Катюшки: она такая доступная, может, любит, а может, она — распутная бл...ь.

Ну зачем ты так, народоволец? Так звали его друзья за то, что считал народ всегда правым и себя считал человеком из народа.

В кармане зазвонил сотовый: наверняка это она, с досадой подумал он.

Быстро встал и вышел из комнаты. В институте его нарекли народовольцем, удивительно, но в армии его звали так же за то, что у него всегда было свое мнение, он всегда отстаивал свое и чужое достоинство. «Конечно, ангельских крыльев у меня никогда и в помине не было. Как говорится, яблоки и клубнику воровал, а в солдатах, будучи поваром, слямзил не одну котлету, а сразу три. Деньги у матери без спроса брал, без билета в кино проходил, в общественном транспорте всегда ездил “зайцем”, в школе списывал, в институте не раз прогуливал», — размышлял Вэл про себя. Но это все так, по мелочи, а если глубже копнуть, да как он любовь крутил и не всегда был честным...

Понимая это, говорил себе: зачем так, это же некрасиво, надо исправляться. Копался в себе и в окружающих, историей увлекся и старался говорить то, что думал, иногда это выходило боком, но изменить себя не мог. Особенно обидно за народ — отсюда народовец.

В армии бычались на него за его прямооту, драки были, но потом стало ясно, на чьей стороне правда, а как известно, правда — сама крепость, и ее не осилить. Это безнаказанно не проходит. Вот тогда-то и понял Вэл, как сильна правда и как важно держаться ее: мать, честь и родина, ничего нового, только понимание приходит не сразу и не ко всем, а только к тем, кто думает об этом...

А чем он Катюшке приглянулся, он в толк не мог взять. «И чего во мне нашла?» — спрашивал он ее. Сидели-сидели на лекциях рядом, вначале вроде случайно, а потом уже по привычке, смеялись, ругались, ходили вместе, списывали у друг друга, отмечались друг за друга, а потом, наверное, просто привыкли. Катюшка стала прижиматься, а потом обнимать, а потом и целовать. А потом —

не могу без тебя. Стали ходить к ней на квартиру, когда родители были на работе. Она отдавалась с такой страстью, с таким трепетом принимала ласку, покрывая его поцелуями.

— Но почему я, почему, скажи?

— Не знаю, ты — все, слов не подыщу, не терзай меня, слышишь, как у меня сердце бьется, как у маленькой собачки. Ты один такой, народовец.

Отец Иры Петр Владимирович был посвящен не во все детали взаимоотношений между молодыми. Софья Федоровна считала не столь необходимым пересказывать ему слова Иры, и может, потому его сейчас так возмутила эта сцена за столом. Или ему показалось унижительным рассказывать Павлу о том, что их дочь плачет по нему, да еще в присутствии подруги. А может быть, он один знал, что стоит за этой сценой, так тонко разыгранной Софьей Федоровной. Он знал ее основательно отработанный лексикон, когда как в шахматной игре фразы выстраиваются так, чтобы кого-то убедить в том, в чем убеждена она сама. И все же некоторая схематизация, натяжка в стремлении убедить Павла в том, что он виноват, прорывалась, то, что она переигрывает, было заметно не только Петру Владимировичу. Это чувствовали все, и лишь Ира, единственная, любила Павла как никто другой.

Догадывалась об этом ее подруга, Оля, что сидела рядом с Павлом. Не проронившая ни слова во время монолога Софьи Федоровны в защиту чувств дочери, Оля не смогла скрыть усмешки, что невольно скользнула по ее лицу. Софья Федоровна, заметив это, пришла в негодование. «Я сказала что-то не так? — обратилась она к Оле. — Как мне понимать вашу улыбку, Оля? Я нахожу ее более чем неуместной, тем самым вы проявляете неуважение ко мне и своей подруге».

Павла передернуло после этих слов, он хотел что-то сказать, видимо, в оправдание Оли, и это разозлило Софью Федоровну еще более.

Когда она заметила, что Павел порывается что-то сказать, что на лице его смятение и замешательство, что чувство вины перед Ирой вдруг сменилось чувством тревоги за Олю, Софья Федоровна зло подумала про себя: «Мою дочь ему ничего не стоит обидеть, а Оле и сказать ничего нельзя». Это явственно проступило в следующей фразе, последовавшей за мыслями Софьи Федоровны.

— Я откажу вам от дома, Оля! — возвысив тон, выпрямившись и приподняв голову, заключила она.

Оля встала.

Ира сделала робкую попытку остановить ее, но взгляд матери был более чем красноречив.

— Оставь ее! — требовала она.

— Я не хотела вас обидеть, — сказала Оля, выходя из-за стола. — После этого я не смогу бывать у вас.

— Да, сделайте одолжение, прощайте, дорогая! — бросила вслед Софья Федоровна, не в силах совладать с собой и не зная, куда отвести свой взгляд и скрыть раздражение и досаду на лице.

Но вот самообладание вернулось к ней, и она взглянула на мужа, ища у него поддержки своего поступка.

Муж был зол, он покраснел, с трудом себя сдерживал, на нее, не мигая, смотрели горящие гневом глаза.

— Петр, не надо так осуждающе смотреть на меня, лучше попытайся понять! — попробовала она остудить и отрезвить его.

Петр Владимирович не ответил, показывая всем видом, что ее поступок должен иметь какое-то объяснение или логику. Павел был явно обескуражен.

— Вам показалось это дико? — обратилась она к Павлу.

Павел молчал, слова Софьи Федоровны задели его за живое, причиняя нестерпимую боль.

— Павел, вы жалеете о том, что ушла Оля? Она мила, не правда ли, но груба и невоспитанна.

Вэл стоял у стойки бара и невольно стал свидетелем этой сцены, он

был в замешательстве. Он никак не ожидал от этой воспитанной благородной дамы, Софьи Федоровны, такого выпада. Олю он видел всего лишь несколько раз, и она произвела на него самое приятное впечатление. Она была чем-то похожа на Катюшку, такая же открытая, искренняя, легкая, не обремененная мыслями о завтрашнем и прошедшем дне, живущая одним мгновением, любящая жизнь, людей. Про таких говорят: что в голове, то и на языке, видимо, ей не говорили в семье, что не всегда надо озвучивать свои мысли. А может быть, этого свободы мысли она набралась в Интернете, сейчас он вместо мамы и папы. Всемогущий Интернет воспитывает, учит, ломает, уродует, губит. Он заразный, опасный, неизлечимый вирус, одним словом, «идионизатор». Покажет и расскажет такое, что неокрепшую душу вывернет наизнанку. «Хотя я уверен, — думал Вэл, — у Оли, как у Катюшки, прививка от пошлости и мракобесия, прививка порядочности и человечности. Они воспитаны в духе традиций». Еще много чего думал Вэл, но вслух произнести этого он не мог. Павел не ответил.

— Может быть, вы тяготитесь нашим обществом? — обиделась Софья Федоровна.

Она опустила голову и остановила свой взгляд на тарелке с нетронутой едой, на лицо легла тень внутренней боли и отчаяния. Теперь Софья Федоровна терзалась мыслью, что поддалась эмоциям и что ее опять подвел характер. Сколько раз она твердила себе, что нельзя поддаваться дурному настроению. Почему она изменила своему аристократическому воспитанию — ни под каким видом не выдавать свои чувства? «Где былая легкость в мыслях, беззаботность и непринужденность в разговоре и манерах? Что меня так тяготит, что за беспокойство возрастает во мне с каждым днем?» Все началось с того момента, когда она заметила, что дочь повзрослела.

— Я просто не знаю, что сказать, — поспешил спасти положение Павел, чувствуя, что молчание становится тягостным для всех. Было ясно: не ответь он сейчас же, Софье Федоровне придется уйти.

— Ты не должна была так поступать, — заговорила Ира.

— Что за тон, Ира?! — одернула ее Софья Федоровна. — Как ты разговариваешь с матерью?! Твоя подруга — невоспитанный человек, как она могла позволить улыбку в тот момент, когда на моем лице были слезы? А как ее мама разговаривает по телефону? Вместо «здравствуйте» она отвечает плебейской фразой «Что надо?», а то, что она произносит ее на безукоризненном английском, нисколько ее не извиняет, и их семья еще претендует на возвращение ей старинного дворянского герба и особняка в придачу? Столько лет они были нашими друзьями... — На этом она запнулась, видимо, вспомнив, сколько в их жизни было общего... — Да, может быть я неправа, не знаю, как я изменилась.

Эти мысли вслух озадачили всех сидящих за столом еще более. На этот раз Петр Владимирович счел необходимым помочь выбраться жене из патовой ситуации. «Вот сейчас разум вернулся к ней, — подумал он, — сейчас как раз надо поддержать ее».

— Но, видимо, еще есть возможность исправить положение, — сказал он вслух и добавил про себя: «И исправить впечатление у Павла о родителях любимой девушки». А то, что Павел был влюблен в Иру, ему было ясно, как день. Он не сомневался ни в его чувствах, ни в его намерениях, ни в его порядочности, иначе бы он сказал дочери, что это не тот человек, который сделает ее счастливой.

«Да, пожалуй, ты прав, — сказала себе Софья Федоровна, — это произошло под воздействием эмоционального срыва, произошедшего от перенапряжения и переживания за дочь».

Она хотела произнести вслух и эту фразу, но подумала, что это опять прозвучит обвинением в адрес Павла, что, мол, из-за него такая нервозность в семье.

— А вы знаете, — обратился ко всем Петр Владимирович, — Павел решил нас порадовать новыми записями. Он привез два диска с музыкой Моцарта и Баха в исполнении оркестра Метрополитен-опера.

Таким образом отец пытался перевести разговор в другое русло. Но эти слова не произвели ни на кого должного впечатления. Ира, вяло улыбувшись, тем самым попыталась поблагодарить за диски, но, увидев, что ему не интересна ее реакция, сникла и перевела взгляд на мать, ища у нее поддержки. Софья Федоровна отреагировала на это несколько странно и неожиданно для дочери. Она встала и, увлекая за собой мужа, извинилась перед Павлом необходимостью принять лекарство и отдать распоряжения Вэлу на завтра. Молодые наедине уж как-нибудь поладят.

— Зачем ты это сделала? — с трудом сдерживая гнев, заговорил Петр Владимирович, как только они покинули гостиную.

— Разве ты не заметил, еще мгновение — и она рассмеялась бы? — раздраженно ответила Софья Федоровна.

— Не понимаю. — Недоумение сменило гнев на лице Петра Владимировича.

— Она могла бы все испортить. — Софья Федоровна раздражалась еще более.

— Что испортить? — На лице у Петра Владимировича отразилась неподдельно возмущение.

— Я хочу убедить Павла, что Ира любит его. — Софья Федоровна вот-вот готова была сорваться на крик.

— Разве это не так? — еще более удивился Петр Владимирович.

— Так, но мне кажется, что ему это непонятно, и, потом, мне показалось, что Оля нравится Павлу. «Ну как ты не можешь понять?» — читалось на лице Софьи Федоровны.

— А почему Оле не должен нравиться Павел? — Петр Владимирович понял всю абсурдность этого разговора, и улыбка появилась на его лице.

— О чем ты говоришь, Петр? Ты думаешь, что ты говоришь? А как же Ира? Боже мой, и это родной человек? — Софья Федоровна готова была расплакаться.

— Ничего не понимаю. Нравиться — это одно. Любить — другое. А если не любит, зачем он здесь? А девушек хорошеньких много, милее Оли, и все могут нравиться.

— Все намного сложнее. Они же еще дети, девятнадцать лет, у них все еще не определено. Сегодня любит, завтра встретит другую. Что я говорю? — испугалась Софья Федоровна. — Свят, свят, свят.

— О чем тогда говорить? — на этом Петр Владимирович хотел закончить разговор.

— Да пойми ты, Ира любит его, мне счастье дочери дороже приличий. Я на все пойду, чтобы они были вместе. — И на ее лице обозначилась такая одержимость, что Петр Владимирович решил спросить о другом. Его волновало случившееся с Олей. Он чувствовал неловкость перед ней.

— А как же правила хорошего тона, ты же обидела девочку.

— Не надо, Петр, я давно хотела расстаться с Олей, все Иру жалела: единственная подруга. Ее бескультурье угнетало меня постоянно, как и отталкивающее поведение ее мамы. Иногда меня приводило в бешенство их высокомерие, как они кичатся своим происхождением — «генетическая гордость нации, наш род, наш род один из древнейших...» Мне всегда хотелось одернуть их словами: «Ваш древний род выродился и выродки...» Хотя, надо признать, они сделали немало хорошего, и в памяти с ними многое связано... Но что это за манера вместо «здравствуйте» говорить «привет», и потом, что за невоспитанность, могла бы и отказаться, когда предлагают сесть за стол.

О, Софья Федоровна могла быть убедительной, сказанное ею было словно отлито из бронзы.

— А тебе не кажется, что ты навязчива в отношении Павла. Ты хочешь внушить ему необходимость любить Иру, но не зря же говорят — сердцу мил не будешь. Это, в конце концов, может не понравиться ему, обидеть. Ты не боишься перестараться? — Было заметно, что Петр Владимирович утомился этим разговором. Обо всем этом он думал совершенно иначе: если любит, то вопросов нет, а если нет, все без толку.

— Петр, у меня пропал интерес к чему-либо. Я видеть никого не могу, и ты даже не пытаешься меня понять! Ира страдает. «Боже мой, родной отец, ну разве он может чувствовать дочь, как я, каждым нервом, каждым вздохом».

Оставшись наедине с Павлом, Ира никак не могла начать разговор и никак не могла сменить на лице страдальческое выражение на что-то беззаботное или хотя бы спокойное. Осадок в душе после сцены с Олей усугубил ее и без того невеселое настроение. «Обними меня, — попросила она глазами Павла. — Сними с меня эту тяжесть, милый, только ты это можешь», — говорила она про себя. Павел взял ее руку, посмотрел в ее глаза и увидел там боль и муку. Он поднес ладонь к губам, и, словно продолжая движение руки, вся влекомая невысказанным чувством, она подалась ему навстречу и склонила голову ему на грудь. В ответ он обнял ее и стал целовать ее лицо. Она слушала, как учащенно бьется его сердце, и была рада уединению. Любый шорох сейчас мог разрушить вдруг появившееся в ней чувство сладостного спокойствия и долгожданного умиротворения.

«Я ничего не хочу в этом мире, — сказала она себе, — только бы он любил меня». Уже поздно вечером, попросившись с Павлом и стоя у окна, она дождалась его прощального

сигнала из машины, поставила подаренный диск, села в глубокое кресло и задумалась, представив его лицо. Когда он рядом, у нее на душе праздник, ей легко и свободно. Павел стал смыслом ее жизни, она поняла, что с ним она будет счастлива. «Я обрела любовь, — думала она, — а остального я не желаю знать...»

В ответ на все слова матери она только просила: «Умоляю тебя, мама, не говори мне ничего. Все, что происходит между мной и Павлом, касается только нас двоих».

«О, как мне трудно, — думала Ира, — сколько резкостей я наговорила родителям и в особенности маме. Но что это даст, все лишь осложнится, и резкости не разрешат ничего, а лишь усугубят конфликт. Дома и так все разобщены, далеки друг от друга, мне только любовь и может помочь».

Павел — он не простой, иногда непонятен мне, иногда трудно с ним, когда он вдруг не скрывает своих чувств, но без него я не представляю жизни. Наука увлекает его, мне тоже интересно в киноинституте изучать историю кино, вообще киноведение — интересная наука, — продолжала размышлять она, — но счастье лучше, и сейчас любовь интереснее всего, и любовь привлекает куда больше, видимо, во мне говорит молодость. Павел изучает неосреды, не абсурд ли это, бьется, бьется постоянно. А как завораживают слова о новой эре. А как он убедителен, как вкрадчиво внушает, что все это так, а никак не иначе. Хотя в науке нередко то, что сегодня отрицают, завтра — закон. Может, мои подозрения в том, что родители неискренни, что все это блеф, лишены основания. Тогда как я могу думать о них так? Но Павел тоже не проявляет рвения и симпатии к родителям, он позволяет даже в отношении моих родителей шутить. А у меня не хватает характера возразить ему... Как же трудно разобраться во всем этом, так тревожно жить. И как

волнуют кровь эти мысли. О, если бы мы могли быть всегда вместе». Музыка Моцарта, казалось, была иллюстрацией чувств, переживаемых ею. Ира растворилась в сонме божественных звуков, в желании любви, только любовь — спасение...

На следующий день после института, впорхнув в квартиру, с порога зашебетала:

— Мама, а хочешь посмеяться?

— Какая-нибудь очередная глупость? — без всякой заинтересованности ответила Софья Федоровна.

Мысли ее были о Петре, как бы он не пошел на поводу своей совести и не вступился бы за того ученого из Новосибирска, о котором было столько разговоров между ними. Предстояло голосование по работе новосибирца. Петр — в полном неведении и в полной растерянности. Ему всегда было сложно кривить душой. После таких случаев у него болело сердце, как бы еще инфаркт не случился.

— Представляешь, — продолжила Ира, — что произошло у Оргиева.

«Что у них могло произойти, — подумала Софья Федоровна, — с этим жрецом науки? Эти люди не сделали ни одного опрометчивого шага, настолько они осмотрительны, у них все просчитано на много шагов вперед со множеством вариантов, не сегодня — так завтра он будет президентом Академии наук».

— Павел в Интернете среди соискателей нашел Вэла, так и написано: «Студент из Вермонта Вэл Томсон ищет вакансию повара в России, желательно в Москве или в Санкт-Петербурге». Прочитал и сказал отцу, а тот: «Бред, на второй день его у Большого театра обворуют, а на третий к нам придет CNN, и когда узнают, что он обслуживает семью академика, не оберешься разговоров в желтой прессе. Уж если вы хотите следовать моде или думаете, что так вам будет интереснее, пригласите московского студента, нам нужен человек, потому что Танечке, нашей домработнице, нужны

выходные, а на празднике ей одной тяжело, я уж думал об этом».

— Вот так озадачили Павла, — смеялась Ира, — и что ты думаешь, и такой парень нашелся, и, самое забавное, из нашего института, из ВГИКа, только со сценарного факультета. Но это еще не все. Когда Павел связался с ним, то поставил условия, что его будут называть Вэлом, сказал как отрезал, вроде того, «между собой называйте, как хотите, а у меня свое имя есть. Мне при крещении его дали, и отказываться от него я не буду, а Вэл — это что-то вроде клички...»

Павел после этих слов оторопел. Рассказывая это, Ира захохотала:

— Представляешь его с открытым ртом! Он рассказывал, что не ожидал такого поворота, а потом заинтересовался человеком. Рассказал отцу о разговоре, а тот как обычно: «Бред, сразу видно, неординарная личность, умный, такой посмотрит на нас да такое выдаст, какой-нибудь сценарий или рассказик, а нам всем потом куда деваться? Хотя, впрочем, попробуйте, вдруг правда, талант, и с ним не скучно будет, может, жизнь повидал, может, нетепличное растение, как вы все, может, пробивается, любопытно...»

А потом Павел рассказал, как у них произошел разговор с отцом о его маме, что отдыхает в имении в Тоскане. Павел с удивлением узнал, что к родителям так относиться нельзя, что общаться только по электронной почте некрасиво, надо найти время поговорить с матерью по телефону: ей хочется услышать его голос.

Софья Федоровна слушала ее с горечью. Кто-то греется под тосканским солнцем, а она не может выбраться за город. Она всегда завидовала Оргиеву, как он высоко взлетел, и ему даже позволили жениться на немке, несмотря на железный занавес, какая-то там неземная любовь. И эта заморская дива, к тому же из западной Германии, после рождения Павла чаще жила в Италии, чем в Москве.

Ее звали Эмма. Породистая, прямая спина, гордо вскинутая голова и при этом никакой надменности, никакого намека на превосходство. За глаза ее звали «европейская знать». Некоторое время она преподавала, потом занялась переводом. Работала легко и плодотворно, но с рождением ребенка была поглощена только им.

Как она была приветлива, учтивая, сколько у нее было воспитанности и благородства. Во всем ее облике было столько блеска: статная, красивая, и Павел весь в нее: светлые волосы, голубые глаза, черты лица правильные, нос — чисто европейский, прямой и губы с таким соблазнительным изгибом, что даже Софья Федоровна с трудом сдерживала себя, чтобы не поцеловать их. «Я сама влюблена в Павла, но Вэл мне тоже нравится, в него я тоже влюблена. Как хочется той забытой молодой легкости, той улыбки счастья, когда все кажется прекрасным. Но почему никто не хочет меня обнять?» Сколько раз она думала обо всем этом и сейчас вновь все возродила в своей памяти. «Я заглянула бы в эти чудные глаза Павла и сказала бы: “Люблю”. Я смогла бы его очаровать, как когда-то это у меня получилось с Петром. Его семья никак не хотела меня принимать, за глаза они меня называли партийной, потому что отец был партработником, власть они не жаловали. Может быть, оттого, что они в гражданскую потеряли родственников, что были на стороне белых, а те, что остались в живых, бежали во Францию.

Да и им самим досталось, терзали их на Лубянке и за тех родственников, что сбежали, и за дворянство. Их спасло то, что оказались очень ценными специалистами. Отец Петра был ученый-физик, он участвовал в атомном проекте, ему сам вождь охранную грамоту дал. Лавры отца не дают Петру покоя, ему никогда не достигнуть такого успеха... Хотя само имя покойного до сих пор магическим образом помога-

ет ему. К счастью, имя моего отца, хоть и заметного партийного аппаратчика, не успели измазать грязью, он вовремя умер, хотя публично что-то сказали, где-то мелькало, он остался неизвестным большому кругу. Понятно, официоз и все, что с ним связано, или ложь, или полуправда, или с грифом “секретно” обнародовать через семьдесят лет. Отец хоть и работал в ЦК, и в опубликованных списках его имя встречалось в прессе, он был фигурой второстепенной, если не третьей-степенной, зато не замарал себя никакими расстрельными списками.

К судьбоносным решениям его не подпускали, и все равно в перестройку откопали, что якобы его отдел, курировавший оборонку, был коррумпирован и что он якобы всем этим верховодил. Такого отец пережить не мог, да кто-то ему еще и помог. Донимали звонками и, наконец, отправили на тот свет. Человека нет, с кого спрос? Никто не говорил вслух, но мать боялась конфискации, чего не случилось, ничего не отняли и даже дали приличную пенсию за мужа. Хорошо, подвернулся Петя, а тогда я в страхе думала, на что жить. Но все устроилось на удивление хорошо, я даже не ожидала такого благополучия и такой завидной светской жизни. Хоть бы так же повезло Ирочке, Иришке. Боже мой, она у меня прелесть, умница, нежная, ласковая, Павел будет счастлив с ней. Я так и скажу на свадьбе, что он нашел бесценный клад. Только бы они жили отдельно, тогда они будут счастливы, или, на крайний случай, со мной, с матерью. А Оргиёвы могут разрушить их счастье, женушка его неизвестно как себя поведет. Хотя мать Павла все же приятнее, чем Оргиёв. Она мне нравится больше, красивая женщина.

Оргиёв познакомился с ней на симпозиуме в Лондоне, она представляла Германию. Он звал ее белым облаком: пышные, светлые волосы, голубые лучезарные глаза, удивительно белая кожа. Она так

быстро освоила русский и говорит, словно здесь родилась, без акцента. Мне хотелось быть на нее похожей, — признавалась себе Софья Федоровна. — Думаю, что в приготовлении к свадьбе она примет участие, не придут же они как гости. Да нет, конечно, я в их порядочности не на минуту не сомневаюсь. Но только что надеть на такое торжество? Надо подумать».

Эл тоже думал о своем будущем. По просьбе Софьи Федоровны он ходил гулять с собакой. В это время он размышлял о том, как будет преподавать в школе историю. А главной целью его жизни было написание правдивого учебника по истории России. В этом его поддерживала Катюшка, она тоже критически воспринимала все современные учебники. Нередко, когда он гулял с собакой, они созванивались, она тоже присоединялась к нему. А так они виделись на лекциях и на выходных у нее дома. Софья Федоровна с самого начала оговорила его рабочий день не в ущерб лекциям.

Это было в субботу, а в воскресенье вечером Ира вновь была с Павлом.

На этот раз он сдержал слово и выходные провел с ней к вящему удовольствию Софьи Федоровны. Тот вечер они провели в Большом театре. В театре, казалось, все взоры были обращены на Иру. Ее темные волосы были уложены с изысканной простотой, подчеркивали ее безукоризненный овал лица. Декорльте темного платья было оторочено белым мехом норки. Единственным украшением было алмазное кольцо на точеной шее. «В нем нет необходимости, — сказал отец, провожая ее, — ты обладаешь более ослепительным достоинством — молодостью, она затмит все. У тебя великолепная осанка, и ты красиво держишь голову. Вот волосы прибраны хорошо, со вкусом, а платье несколько обязывает, но я думаю, что ты чувствуешь себя свободно в нем, ведь ты носила и более дорогие и изысканные вещи». Мать молча поцеловала

ее в лоб, она находила ее очаровательной. Вот так же когда-то и она собиралась на банкеты и приемы. Она любила бывать в посольствах и в залах Кремля, где все было так торжественно и ослепительно. Свою молодость она видела в дочери.

«Все повторяется», — говорила она про себя, уже готовая благословить ее со словами «Храни тебя, Господь!» — так когда-то осеняла ее мать.

— У твоей мамы безукоризненный вкус, — сказала Ира, садясь в машину, выполняя наказ матери непременно отметить с благодарностью внимание к ней мамы Павла. — Она каждый раз угадывает мои желания и достает билеты на мои любимые премьеры. Эту оперу я видела дважды, но сегодня я услышу знаменитый тенор Италии, настоящий праздник. Спасибо тебе, дорогой, — полушепотом произнесла она, с нежностью коснувшись кончиками пальцев его плеча.

Он улыбнулся ей в ответ...

Доехали быстро. Ира напрасно беспокоилась: платье не помялось, и стоянку нашли легко.

— Я рад, что ты довольна. Ты хочешь доставить мне удовольствие? Тогда возьми меня под руку — и мне будет приятно. — И с этими словами, счастливые, они вошли в театр.

В проходе партера они остановились, Павел взглянул на билеты, отыскал глазами места и с удовлетворением отметил, что на них смотрят: кто с одобрением, кто с восторгом, ему льстило это. Не зря мама каждый раз подчеркивала, что Ира может стать украшением самого изысканного общества.

Заняв свое место, Ира спросила Павла, что он думает по поводу авангардистского направления моды.

— Мне очень важно твое мнение, что бы ты сказал, увидев меня в комбинезоне и кроссовках?

Павел лишь улыбнулся в ответ.

— Нет, нет, ответь! — настаивала она.

— О чем ты, Ира? Это дело вкуса, если одежда не портит тебя, поче-

му бы и нет, а потом, ты знаешь, как я ценю время, на экипировку его просто нет, я во всем полагаюсь на маму.

— Понимаешь, мама подарила мне итальянский комбинезон, а я все не решаюсь его надеть. — В голосе ее слышалось что-то игривое. — Но почему хоть в театре не пококотничать?

— Ты очень мила, когда так по-детски рассуждаешь. — И при этом он подумал: «Она красивая, может, это любовь?»

— Это шутка?

«Как хочется изобразить светскую даму», — смеялась она про себя.

— Не сердись, — примирительно произнес Павел, беря ее руку в свою.

— Я не могу на тебя сердиться, — прошептала она, заглядывая в его глаза.

«Когда же ты скажешь мне те трепетные слова, я жду», — говорил ее взгляд. Он понимал это. «Не спеши, — отвечал он взглядом, — не надо торопить события».

Намерение сказать

Ире о своей любви возникло у Павла в следующий раз, когда он появился в доме. В тот вечер при свете хрустальной люстры в гостиной орехового дерева устроили танцы. В эти минуты Ира была оживлена, счастлива, улыбалась и казалась особенно красивой. Софья Федоровна предпочитала вальс, танго, современные танцы она не принимала. Павел брал за руку Иру, и гостиная наполнялась любовью, это чувство проявлялось в каждом движении замечательной пары. Все присутствующие гости любовались ими. Родители следили за ними с нескрываемым удовольствием. Родители Павла давно мечтали, чтобы у Павла была девушка, и были довольны, что ею оказалась Ира. Они ею восхищались, и не раз, когда видели ее, думали: вот как бы хорошо, если бы Павел связал свою судьбу с этой девушкой.

Павел дался им нелегко, сколько было тревог, когда он вдруг заболел и у него отказали ноги. Отец, светило в биотехнологии, объе-

хал с Павлом полмира, чтобы его вылечить. Как они тосковали, когда он учился в Кембридже, мать не выдержала этой тоски и упростила мужа перевести сына в Москву. Этому был рад и сам Павел.

Когда же Павел увлекся Ирой, он на глазах стал меняться, в нем появилось что-то мужественное, строгое и ответственное и в словах, и в поступках. Отец приветствовал его опыты, связанные с научными изысканиями. Он содействовал сыну во всем, добился разрешения использовать лабораторию Академии наук. На вечеру у Петра Владимировича приглашенных было немного: родители Павла, родственники Софьи Федоровны — ее сестра с мужем и их сын. Из прислуги только Вэл в белой форме официанта.

Софью Федоровну приводило в восторг в дочери все, она находила ее совершенством, она вложила в нее всю себя. Когда она родила ее, то сказала мужу, что все силы ушли с ребенком. Тогда она оставила преподавание в институте и посвятила себя воспитанию дочери. Софья Федоровна смотрела на дочь, ее осанку она находила царственной. А как она держала голову, словно бы на ней была корона! Плавные движения рук. А с какой грацией она танцует, с какой поразительной пластикой двигаются ее ноги в танце! «А после танцев, — со сладчайшей улыбкой думала она, — можно сыграть в преферанс, а заодно поговорить о прочитанном. И не забыть спросить Павла о скачках на ипподроме: как выяснилось, он пристрастился к этому в Англии. Он играл в тотализатор».

Когда разговор заходил о науке, про Софью Федоровну забывали. Вот и сейчас все ее попытки завести разговор о литературных новинках закончились опять неосредой... Софья Федоровна направилась на кухню посмотреть, как у Вэла дела, как накрыт стол в столовой... Вслед за собой ее слух шлейфом уносил обрывки разговора о неосредах.

— Мы создали новые, исключительно благоприятные среды, как бы это выразить, неосреды, идеал для развития индивидуумов, и что же произошло, что-то странное и необъяснимое, — рассказывал Петр Владимирович. — Аномалия вида, уродство, деградация.

После этих слов он развел руки и смотрел по сторонам, наблюдая за ответной реакцией.

— Да, — поддерживал его разговор Оргиев, отец Павла, который руководил этими исследованиями. — Как странно, что получается обратный результат. Создали неосреду для избранных штампов и столкнулись с тем же парадоксом. Искусственные среды оказались губительными. Все предусмотрели, когда воспроизводили среду, близкую к стерильной. Но какая-то незначительная малость, какая-то неуловимая грань — и все прахом. Конечно, нелегко в этом разобрататься, дело-то великое, глобальное, мирового масштаба. Как только мы сделаем открытие, оно перевернет все вверх дном. Это будет новая эра цивилизации.

В новую эру Софья Федоровна не верила, но верили ли в нее остальные, ставилось ею под сомнение. Сколько раз она убеждалась в том, что чем больше претензий, тем менее значительно явление. И как часто отвергалось действительно достойное, но неспособное за себя постоять, без поддержки оно чахло и пропало. Уж она насмотрелась, как играют партии в академии и комитете по науке, все решают правильно расставленные фигуры. Она знала, что справедливости нигде нет, но эти мысли тяготили ее, поэтому она гнала их, говоря себе: «Это не мои проблемы».

На кухне она с нежностью смотрела на Вэла. О, как бы она хотела прижаться к его груди, вспомнить свою молодость. Но Вэл был занят ужином и казался таким озабоченным и даже угрюмым, что не было никакой возможности завязать разговор с ним. Она просто

посмотрела на вино, что стояло на столе, и, сославшись на то, что там гости и неудобно оставлять их одних, намекнула на то, что сейчас не может поговорить с ним и просит за это прощения. В ответ Вэл взглянул на нее каким-то обиженным взглядом. Неужели и он осуждает ее за то, что они так богаты и обласканы правительством? Все-таки люди из народа, наверное, как те волки, сколько ни корми — все в лес смотрят. Оргиёвы рассказывали, что у них теперь новый молодой человек выполняет обязанности повара и официанта, прежнего они уволили после того, как узнали, что он состоит в трудовой партии России и участвует в демонстрациях.

Да, Оргиёв — крутой человек, сильная воля, твердый характер. Софья Федоровна вспомнила, что Петр Владимирович рассказывал, как на очередном заседании ученого совета Академии наук должен был решаться вопрос о работе одного ученого, к которому он был совершенно равнодушен. Ему было все равно, голосовать за или против. А в каждой работе были моменты, которые всегда давали возможность свести значение работы к минимуму и при этом не выглядеть недоброжелателем или сторонником. Но, как правило, на экспертной стадии решается вопрос о судьбе работы, поэтому важны рекомендации совета и назначение экспертов.

«Для Петра Владимировича была решающей позиция Оргиёва. Никогда они публично на совете не проявляли давно заведенного порядка, негласной, невидимой поддержки друг друга. Хотя они могли это делать открыто и как-то аргументировать свое приятие или неприятие того или иного решения совета. Другие члены совета действовали группировками, поддерживая, как говорят, своих людей. Но Оргиёву и Петру Владимировичу было важно выглядеть объективными и независимыми и показать,

что их мнение исходит из интересов только науки.

На этот раз Петр Владимирович не знал, как себя вести. У Оргиёва не вошло в привычку информировать его по телефону, о чем-то договариваться, приходилось ориентироваться на месте, хотя это было нелегко, в совете все сидящие за столом были видны как на ладони, каждое движение, жест. Но Петру Владимировичу это удавалось, за столько лет дружбы он знал Оргиёва хорошо, и, хотя слова его звучали бесстрастно, он как-то интуитивно угадывал настроение Оргиёва даже по глазам, которые выражали какую-то заинтересованность или были просто безучастны. Петр Владимирович подозревал, что не один он так реагирует на блеск в глазах или на то, когда они потухшие. Оргиёв был по влиянию в совете вторым после председателя, его голос иногда был решающим. Он голосовал почти всегда последним, и все в свою пользу, пусть косвенно, но так. Об этом Петр Владимирович знал точно. Но все же это делалось тонко, что даже в душе Оргиёв мог себя не упрекать. Даже президент Академии советовался с ним с глазу на глаз, приглашая его до заседания, чтобы сориентироваться в настроениях совета, хотя он консультировался и с другими членами совета.

С работой ученого, которую предстояло обсудить, Петр Владимирович ознакомился месяц назад. Он был склонен ее одобрить, хотя он не рецензент и к нему лично автор не обращался, не звонил с просьбой поддержать, как нередко бывало прежде. Это импонировало ему, он даже проникся уважением к этому ученому, которого почти не знал, слышал, что человек принципиальный, работу готовил не один год, есть и опубликованные материалы, научные изыскания. Правда, Петр Владимирович не признался себе в том, что все же завидовал этому ученому.

Это чувство он всегда подавлял в себе, хотя понимал, что избавиться от него не может. Всю свою жизнь он страдал от этого чувства. Кому он только не завидовал, какой только завистью! «Но я никогда не крал, — оправдывался он, — хотя мог, ведь много зависит от него. А многие делали так: договаривались с учеными, те за услуги вводили их в список разработчиков или вообще в соавторы. Да, он принимал решения, много решений. В интересах науки — непременно повторял он после каждого из этих решений. Это было его кредо, он не скрывал его, напротив, гордился».

Петр Владимирович понимал, что рядом с Оргиёвым он явно проигрывает, если сравнить их научные достижения, но в то же время и выигрывает, так как эта близость давала немало преимуществ. С этими чувствами Петр Владимирович вошел в зал заседаний. Он раскланялся и пожал руки тем, кого знал столько лет.

Работу ученого представлял академик, который не ладил с Оргиёвым: какая-то давняя неприязнь, из-за какой-то глупости, какого-то нелепого слова. Этого достаточно, чтобы Оргиёв был против него. Рецензенты, как всегда, разделились на «да» и «нет». Один хвалил, другой был сух и высказал сомнение, как всегда, все было выдержано в духе, все решает совет, рецензенты не должны связывать руки членов совета. Когда началось голосование, Оргиёв наклонил голову, углубился в чтение какой-то бумаги: он как бы игнорировал голосование. Петр Владимирович понял, что надо голосовать против. После заседания пошли разговоры из группы академика, который представлял работу ученого, что голосование нужно сделать тайным. Автор работы отказался от представленного ему слова. Петр Владимирович заметил, как подергивался подбородок ученого, если бы он расплакался, ему было бы легче — но он не позволит себе

раскиснуть, потому что это кому-то доставит удовольствие».

Все это пронеслось в голове Софьи Федоровны стремительно. Вернувшись в гостиную, она опять услышала бесконечный разговор об индустриальных сферах. «Да, Вэл не в духе, может, устал, а может, переживает за Иру, надо поговорить с ним о ней, мне кажется, он испытывает к ней какие-то чувства, если рассказать об этом Ире, она рассмеется. Может, Вэлу подарить что-нибудь из одежды? Ну что ж, пора приглашать на ужин...»

После ужина Оргиёвы пригласили семью Петра Владимировича на субботний прием. Оргиёвы приглашали по субботам в конце каждого месяца уже много лет, и эти вечера всегда оставались в памяти как очень теплые, радушные по-родственному и простые по обращению.

Собирались все свои, знавшие друга друга много лет, как они выражались, «наш круг, милая компания», где, не стесняясь, рассказывают политические анекдоты. А за столом хозяйка с улыбкой поведает, как муж в дипломатической почте провез с последнего симпозиума из Парижа запрещенные книги. На это кто-то заметит, что в Штатах этот автор очень популярен и что Голливуде уже экранизирован один из его романов, при этом сыронизирует, что фильм получился классный, в России такого не снять бы.

Потом хозяйка предложит поиграть в мнения или фанты, а может, разыграть сценки-загадки. После чая все рассядутся на диване и в креслах. Последуют обмен мнениями, разговоры о новых методах лечения и, конечно, о банках и день-

гах. Оргиёвы непременно подчеркнут свою значимость в науке, будет названа сумма гонораров, как бы вскользь и как бы ненароком, за прочитанные лекции в Штатах и Соединенном королевстве. Будут и поздравления по случаю получения наград и очередных премий, а следом они подчеркнут, что не придают этому большого значения, что это только так, внешнее проявление, служение науке, а за всем этим стоят кропотливый труд, бессонные ночи, и главное — нет полного удовлетворения, ведь хоть изобретения и открытия сделаны и запатентованы, а лицензии приобретены, но в производство это еще не внедрено.

Потом поговорят об автомобилях, о новых нобелевских лауреатах.

Продолжение следует.

Москва — Сергиев Посад

Зулкар ХАСАНОВ

СЕСТРА

Из книги воспоминаний

1944 год. Станция Давлеканово. Папа, мой пятнадцатилетний брат Зуфар и я, мальчишка, которому исполнилось тринадцать, ютимся в полуподвальном помещении, малопривлекательном для проживания, в воинской части в небольшом городке.

Папа зимой сторожит скотный двор, а мы с братом помогаем чем можем. Летом занимались пасти скот. Моему папе, Бикмухамету, тогда шел шестьдесят восьмой год. Нас было шестеро братьев. Трое от

первой жены отца — Шайхайдар, Мансур, Минегалим, а также Мавлют — от второй жены — ушли на фронт. Мансур пал смертью храбрых на Украине, Минегалим пропал без вести, Шайхайдар и Мавлют были комиссованы по ранению. Единственную дочь папы от второй жены — мою сестру Минекамал 1918 года рождения — в 1943 году мобилизовали на лесоразработке в Пермский край. Вот о ней мой небольшой сказ.

Промозглый зимний день 1944 года. Все богатство нашей норы, иначе не назовешь, заключено в громадной буржуйке, расположенной на земляном полу. Печка от нашей топки едва теплилась.

Я сижу дома. Вдруг стук в дверь. На пороге учащенно дышит женщина, струя холодного воздуха выдувает последнее тепло землянки, она плохо одета, из-под клетчатого платка выбиваются вихры растрепанных волос.

В наших «хоромах» темно, тусклый свет одиноко горящей лампочки, разглядеть, кто это, совершенно не возможно.

Наконец-то узнаю — это моя родная сестра Минекамал. Боже мой, какими судьбами? Как она попала в наши края?

Вот, оказывается, земля слухом полнится. Кто-то, значит, знал, где мы находимся. Неисповедимы пути Господни. Я очень рад, что сестра нашлась.

Тем более что от нее не было никаких вестей с самого начала войны.

Сестра Минекамал-апа¹. Мы не видели ее, наверное, года четыре. Моя сестра красивая, носит очень длинные густые косы, сама их заплетает, глаза зеленые, большие, умный, но доверчивый взгляд. Она, думаю, была похожа на мою мать, а может, и на меня, так говорили люди.

Моя сестра — наша защитница. Она иногда вступала в ссору с отцом из-за нас. У нее с отцом отношения складывались непросто. Не знаю, почему.

Я очень сожалею, что не сохранилось ни одной ее фотографии. Да и вообще, что я знаю о своей сестре? Что она была замужем в какой-то деревне Аургазинского района. Вот почти и все. В гостях у сестры я ни разу не был, да отец с матерью тоже, наверное, не были: война, разруха, не до гостей. Да и она к нам не приезжала.

Ее мужа призвали в армию, а она добровольно завербовалась в Пермский край на лесоразработки. Нелегкие испытания легли на ее хрупкие плечи. Стужа, бараки, мокрая одежда и плохое питание сделали свое дело. Она сильно простудилась, уже довольно долго болела и вот приехала к нам, правда, совершенно не ясно, как она нас нашла.

И вот сидим мы с нею вдвоем возле печи, греемся, пьем кипя-

ток с остатками принесенного еще вчера кусочками засохшего хлеба. Сестра жадно отхлебывает кипяток, от предложенного ей хлеба отказывается. Хотя видно, что голодная.

Она меня обнимает и плачет, плачет от радости, что она все-таки нас нашла. Потом, всхлипывая, говорит:

— Родной мой братик Зулкар, я думала, что вас больше и не увижу. Как же вы, бездомные, плохо одетые, выжили в такую суровую зиму?

— Апа, ты за нас не беспокойся. Мы уже привыкли к такой жизни. Всякое бывало: иной раз намерзнемся, а ночевать негде, никто не пускает, вот тогда по-настоящему страшно. Апа, где ж ты так простудилась?

Сестра молчит, глотая слезы, ничего не говорит, только еще сильнее плачет. Минекамал сильно похудела, щеки впали, лицо землистого цвета. Я ей сую черствый сухарик, но она не ест. Полураздетая, голодная и очень больная, часто кашляла, помню, что она в основном лежала. Отец отвез ее на санях в больницу.

Зима в тот год выдалась суровой. Но я ходил к ней в больницу почти каждый день. Больница переполнена ранеными, в палатах тесно. Я стою возле ее койки. Вот, она, узнав меня, очнулась, обняла и плачет. Я стараюсь ее успокоить, всегда приношу ей что-нибудь поесть, она не берет, говорит, что ничего не хочет. Я стою возле нее и плачу вместе с ней.

А вот и последняя наша встреча. Но я этого еще не знаю. Я еще надеюсь, что она поправится. Но она долго смотрит мне в глаза, словно пытаюсь запомнить мое лицо, тихо вытирает слезы и говорит, что скоро умрет, жить ей осталось совсем немного. Я утешаю ее, говорю, что все пройдет, все будет хорошо. И так несколько дней подряд. Я каждый день приходил к ней в больницу. А она на меня всегда смотрела в упор, а потом, отвернувшись в сторону, о чем-то думала своим, и опять мы, обнявшись, тихо плакали.

За окном стужа, воеет безжалостный ветер, повисает тяжелая пауза. Она пристально смотрит на меня уже глубоко впавшими, посиневшими глазами впадинами и тихо произносит: «Братик мой любимый, иди домой, может быть, больше никогда и не увидимся, прости, что я для тебя ничего не успела сделать. Прости меня, пожалуйста».

Минекамал тихо всхлипнула и отвернулась к стене.

Когда на следующий день мы пришли к ней с отцом, врачи нам сказали, что она умерла и находится в морге...

Нескончаемая зима, лютый холод, промерзшая земля. Мы с папой копали могилу, долбили землю ломом. Сил нет ни у меня, ни у моего полуголодного отца. Поэтому яму вырыли мы совсем неглубокую.

Как-то не верится, что моя родная сестра теперь называется страшным словом «покойник» и ее надо хоронить в этой мерзлой яме. Естественно, о какой-то особой одежде и церемонии прощания даже говорить нечего. У нас и денег-то нет на похороны. Страшное время, идет война, тысячи погибших. Мы опустили мою сестру в эту неглубокую яму в том, в чем она была, положили на ее могилу безмянный камень небольшого размера. На похороны никто не пришел, да и к кому приходиться-то, кроме папы, меня и брата Зуфара?

Минекамал в ту пору шел двадцать шестой год. Ее прах упокоился на станции Давлеканово.

Минекамал не стало. Для меня смерть сестры была большой утратой. Я ее очень любил, она была для меня как бы второй матерью. Но я всегда вспоминаю о ней. Я вижу ее красивой, темноволосой, с большими косами, зеленые большие глаза, умный, но доверчивый взгляд. Она смотрит на меня и улыбается. Навечно молодая, моя сестра. Моя Минекамал!

г. Калуга

¹ Апа — сестра.

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2013 г.

СХВАТКА БУЛЬДогов ПОД КОВРОМ

ПОВЕСТЬ

Глава 4. Ты меня примешь?

Сотрудник бригады наружного сопровождения перегнал Софью и, предъявив служебное удостоверение, приказал постовому полицейскому:

— Задержи вон ту девицу с длинным футляром и доставь в местный отдел как схожую по приметам с известной мошенницей. Высокое начальство желает с ней побеседовать.

Опытный старшина с пониманием кивнул:

— Все сделаем в лучшем виде. Не впервой.

Остановив Софью, полицейский потребовал предъявить документы. Едва взглянув на студенческий билет, издевательски рассмеялся:

— Такие ксивы по сотне за пару штук в любом переходе продаются. Давай пройдем в отдел полиции: очень уж ты смахиваешь на одну особу из разряда «их разыскивает полиция».

Вынужденная подчиниться Софья покорно последовала в дежурную часть. Минут через двадцать в отдел полиции приехал Кленов и, уединившись с девушкой в кабинете, начал приватную беседу с неопределенной угрозой:

— Ну как ты дошла до жизни такой? Все выкладывай, как на духу!

— Слушайте, меня с кем-то спутали. Я ехала пересдавать экзамен. А меня задержали. Прошу, отпустите. Если меня выгонят из института, то два года учебы выкину коту под хвост, и больная мама в Рязани этого не выдержит.

Полковник оценил сказанное. «Она смертельно боится исключения из института, а значит, уязвима и легко выложит мне нужную информацию. Буду раскручивать дальше».

Полковник с досадой прервал:

— Хватит, Соня, не мельтеши попусту. У меня к тебе разговор по конкретной теме будет. Рассказывай, как и где с Силиным Виталием сегодня знакомство завела?

Софья похолодела от страха: «Ну и попала я в передрыгу! Всего час назад ушла от этого козла, а он уже успел заявить о краже денег. Вот сволочь жадная!»

Глаза у Софьи наполнились слезами, и она выпалила:

— Я вытащила из его портмоне чуть более трех тысяч рублей. Да он сам перед этим предлагал взять у него деньги в подарок. Так что и кражи как таковой на самом деле не было. Сам на машине разъезжает, а из-за такой мелкой для него суммы заявление на меня накатал.

Кленов вновь быстро сориентировался: «С этой Софьей не соскучишься. Она по неосторожности выболтала неизвестный мне факт, и его надо использовать на полную катушку».

План созрел мгновенно, и полковник строго предложил:

— Я все знаю. Давай подробно напиши, как дело было, а потом будем вместе думать, как нам жить дальше.

Когда Софья закончила излагать свое объяснение, Кленов вслух прочитал написанное, дважды издевательски нараспев повторив последнюю фразу: «А значит, я не украла деньги, а взяла лишь обещанное мне хозяином вознаграждение». Полковник недоверчиво покачал головой:

— Я тебе, Соня, не верю: напела мне в ухо мелодию, да фальшиво! Даже если суд в такой ситуации

условный срок даст, то с учебой в столице распрощаться придется. Уж поверь мне: и к цыганке ходить не надо.

— Да что вы такое говорите?! Я в институт с таким трудом поступила! Два года отмучилась, и внезапно всему конец. Верните ему эти проклятые деньги, и пусть заберет свое заявление!

— Тут тебе не детский сад: верни мне совошек, а я тебе отдам ведерко. Дело серьезное и пахнет реальным уголовным наказанием. Могу, конечно, приватно в частном порядке подсказать тебе выход из ситуации. Но только на меня не ссылайся. Мне неприятности не нужны. Просто молодости твоей сочувствую и не хочу судьбу ломать. У самого дочка твоего возраста. Так говорить?

— Да, конечно, я буду вам благодарна.

— Ты на него встречное заявление накатай: он, дескать, тебя в гости заманил и угрозами заставил лечь с ним в постель. А потом дал денег, надеясь избежать последствий. Опровергнуть твои слова будет сложно, и он во избежание скандала вынужден будет отказаться от обвинения в краже. Ну и почему ты колеблешься? Тебе надо свою свободу спасать или нет? Решай сама.

Софья покорно потянулась за чистым листом бумаги. Когда она закончила писать, Кленов прочитал текст и подвел итог:

— Коряво и сбивчиво изложила, но общий смысл понятен. Зато теперь никто не упрекнет, что писала под чужую диктовку. Если в будущем возникнет необходимость, мы тебя вызовем. Иди пересдавай свой экзамен. Ни пуха ни пера. Только не посылай к черту. Он и сам меня найдет.

— А как же с деньгами?

— Возьми себе и потрать с умом. Твой новый знакомый действительно от такой суммы не обеднеет. Ну все, как говорится, до связи.

Софья, еще не до конца веря в спасение, направилась к выходу. Уже на улице окончательно поняла, что пожилого сыщика интересовала вовсе не кража денег, а тот молодой мужик, пригласивший ее на любовное свидание. На мгновение ощутила укор совести, но поспешила себя успокоить: «Сыщикам понадобилось прижать этого мужика. Они его контролируют. И если бы не прихватили меня, нашли бы другую подставу. И нечего себя винить. Зато мне удалось избежать исключения из института».

И Софья отправилась на пересдачу экзамена, дав себе обещание никогда и ни при каких обстоятельствах никому не рассказывать о случившемся с ней происшествии.

А довольный Кленов, оставшись один, сложил в папку компромат на фотографа: «Я еще не потерял хватку и как в прежние времена сработал на высшем

уровне. Теперь у меня на руках сильный козырь для доверительной беседы с Силиным. Полученное заявление от бесшабашной девицы принудит его к откровенности посильнее длительных призывов к патриотизму. Интересное кино получается: я в течение нескольких суток уговорил одну искательницу любовных приключений отказаться от подачи заявления об изнасиловании, а другой, наоборот, присоветовал подать жалобу на партнера. И то и другое проделал для защиты интересов государства. Новоявленные либералы в ныне действующую Конституцию умудрились записать, что человек с его правами и свободами является высшей ценностью. Они здорово ошиблись: на первое место в основном законе должны быть поставлены интересы государства. Мой долгий опыт в ФСБ подсказывает: не обеспечим независимость России — и станут не нужны свободы и права отдельного человека. Вот и приходится ради высоких идеалов использовать грязные, но эффективные методы. Как ни крути, а цель оправдывает средства».

Полковник ни секунды не сомневался в правильности принимаемых им в ходе проведения операции решений. Теперь предстояло продумать тактику личной встречи с фотографом. «Конечно, можно вызвать Силина к нам в управление. Но он натура артистичная, душевно ранимая, и суровая обстановка в наших казенных кабинетах может препятствовать доверительным отношениям. А главное, нельзя мне засвечивать перед разрабатываемыми коллегами своего единственного ценного свидетеля. А потому встречу надо проводить в нейтральной обстановке, лучше всего на пленэре во время проведения им очередной съемки. Время поджидает, и встречу организую завтра с утра».

На следующий день сотрудники, ведущие слежку, сообщили о появлении Силина на Гоголевском бульваре в районе метро «Кропоткинская». И Кленов выехал на место. Присев на скамеечку напротив памятника Михаилу Шолохову, некоторое время наблюдал, как Силин выискивает среди прохожих интересные типажи. «А все-таки его подсознание работает по Фрейду. В основном пытается запечатлеть для вечности молодых стройных девиц. Предлагает им позировать на фоне нелепого памятника классику советской литературы, метко прозванного народом “Дед Мазай и зайцы”. Но пора переходить к делу».

И полковник окликнул находящегося вблизи фотографа:

— Виталий Михайлович, можно вас буквально минут на пять? Есть разговор.

С недоверием вглядываясь в незнакомое лицо, Силин приблизился к скамейке. «Не могу вспом-

нить этого мужика. Похоже, мы и не встречались. Возможно, он из какого-то издательства либо художественного фонда. Тогда это может оказаться полезным».

А Кленов, словно встретив давнего знакомого, с которым расстался накануне, приветливо пригласил:

— Присаживайтесь, передохните немного. День сегодня выдался великолепный: солнце поливает ярким светом нашу грешную землю, но жары пока нет. Вполне можно успеть сделать несколько удачных кадров. Я, кстати, давний поклонник вашего творчества.

— Извините, а вы не представитесь? Я не могу припомнить, где мы встречались.

— А мы пока с вами по жизни не сталкивались. Это наша первая очная приватная беседа. Не скрою, мы за вами со стороны наблюдаем уже довольно давно и в курсе многих ваших поступков, в том числе и противоправных.

— Наш разговор принимает довольно неприятный оборот.

— Поверьте, мне он тоже не нравится. Но я вынужден его вести по роду своей службы. Вот мое удостоверение. Я полковник ФСБ, и разговор у нас будет чрезвычайно ответственный.

— И зачем я понадобился столь специфическому ведомству?

— А вы сами не догадываетесь? Судя по вашему встревоженному лицу, понятно, что я попал в точку. Вы сами будете рассказывать или нам придется прилагать усилия для установления истины?

— Я ничего не видел, и не надо меня в чужие опасные дела втягивать.

— Я, сынок, с тобой бесплодные споры вести не намерен. Вот, почитай ксерокопию заявления о твоём постыдном преступлении. Оригинал, между прочим, уже в папке у следователя находится, который ждет моего звонка. Решается вопрос, возбуждать на тебя уголовное дело или отпустить на все четыре стороны. Сейчас ты узнаешь суть предъявляемого тебе обвинения и сам определишь свою судьбу. У тебя на размышление всего пара минут.

Быстро пробежав глазами заявление, Силин искренне возмутился:

— Ну эта девица и мастерица выкидывать номера! Она же меня обокрала, выпотрошив портмоне, да еще обвиняет в изнасиловании. Совсем совести нет!

— А ты попридержи эмоции и включи элементарную логику. Кражу в твоём доме доказать невозможно. Зато если я дам команду начать следствие и мы приедем с обыском к тебе домой, то на постельном белье эксперт легко выявит следы полового акта. Дополнительно обнаружим хотя бы один волос из

длинной прически жертвы на подушке или в ванной комнате. К тому же потерпевшая при первом же допросе подробно опишет обстановку в твоей квартире. И это объективно подтвердит ее пребывание на месте происшествия. При таком подборе доказательств посадить тебя за решетку по позорной статье — для суда раз плюнуть. Время, тебе отпущенное, закончилось, и я жду благоразумного ответа.

— Скажите прямо, что вам нужно?

— Я хочу услышать честный и подробный рассказ о происшествии в Спасопесковском переулке и получить сделанные тобой снимки.

Кленов упомянул о фотосъемке наугад и по взволнованному виду собеседника понял, что удачно попал в цель. Но полковник неправильно определил причину беспокойства Силина, который думал совсем о другом: «Полковник требует фотопленку, а об оказавшейся у меня флешке не упоминает. Значит, ему ничего о ней неизвестно. Ну, тогда и я умолчу о проделке в церкви дамы в лиловом костюме. Мне лишние неприятности ни к чему. А если он просто хочет проверить степень моей искренности с ним?»

И, желая подстраховаться, переспросил:

— А кроме фотоснимков вас больше ничего не интересует?

— А у тебя есть еще что-нибудь важное?

— Нет, я так просто спросил. А кто даст мне гарантии, что в обмен на фотоснимки я получу полное оправдание?

— Все очень просто: ты мне сейчас напишешь, что половой акт произошел по обоюдному согласию, а потом девчонка тебя обокрала и, боясь ответственности, оболгала. Я на этом основании договарюсь со следователем об отказе в возбуждении уголовного дела, но только после передачи мне фотоснимков и подробного изложения событий в Спасопесковском переулке.

Не видя выхода, Силин начал рассказывать о случайной встрече на Арбате колоритной дамы в лиловом костюме, как пошел за ней, надеясь сделать оригинальный кадр для очередной выставки. Затем описал, как идущего к ней на свидание мужика заставили сесть в подъехавшую автомашину. Благоразумно умолчав о событиях в церкви, куда он зашел вслед за дамой, сразу в деталях поведал о том, как угрозами женщину заставили сесть рядом с захваченным ранее ее знакомым и увезли в сторону Садового кольца.

Полковник внимательно выслушал и на всякий случай спросил:

— Номер машины, конечно, не запомнил?

— А зачем это было нужно, если сделанный мной снимок четко зафиксировал и номерной знак ав-

томашины, и физиономию похитителя с родинкой под глазом? Всего я успел сделать на этом месте три кадра.

Кленов с трудом поверил в столь невероятную удачу: «Неужели все так просто, и опытный Буров допустил непростительный просчет в проводимой в строжайшей тайне операции? Такой грубый промах можно объяснить лишь его излишней самоуверенностью и манящим запахом непомерного обогащения. Но, похоже, майор засветился по-крупному».

Кленов повернулся к фотографу:

— Мне срочно нужны сделанные в Спасопесковском переулке снимки. Где они?

— У меня дома. Если вы подождете, то я через час подвезу их сюда.

— Ты, я вижу, очень наивный человек. Разве я могу, зная о существовании важных улик по делу о двойном убийстве, выпустить тебя из виду хоть на секунду? У меня здесь недалеко припаркована автомашина. Поедем сейчас к тебе для изъятия фотографий, сделанных в тот памятный день. Возражений, надеюсь, не будет?

До дома Силина добрались быстро. Просмотрев фотографии, Кленов пришел в восторг: «Этот Силин провел съемку блестяще, словно сыщик-профессионал, четко зафиксировав момент, когда Буров заставлял даму в лиловом костюме сесть на заднее сиденье рядом с Фалиным. И, главное, виден номер нашего служебного авто. Этого вполне достаточно для привязки Бунова к совершенным в тот же день убийствам бизнесмена и бухгалтерши».

Пока полковник рассматривал фотографии, Силин мучительно размышлял, надо выдать флешку или все же лучше о ней умолчать. Потом решил: «Раз не спрашивает, то нечего лезть, куда не следует. Тем более что этому типу из ФСБ вполне достаточно сделанных мной снимков».

А Кленов, радуясь удаче, похвалил фотографа:

— Молодец, Силин, сразу видна рука большого мастера. Все четко и понятно. Запиши номер моего телефона. Если понадобится моя помощь, смело звони. Я ценю лояльное к нашему ведомству отношение. А о заявлении глупой девчонки забудь. Оформим официальный отказ в возбуждении уголовного дела.

Силин с удовлетворением проводил опасного гостя до дверей. А Кленов, направляясь в управление, напряженно размышлял: «Идти на доклад к генералу пока рановато. Удалось лишь точно установить, что Буров контактировал в тот день с убитыми Фалиным и Бочаровой. Но неизвестна пока причина их ликвидации: интересно, какой особо важной информацией они располагали? Но я, кажется, пропустил нечто важное. Там, на Гоголевском бульваре,

фотограф настороженно спросил, интересует меня что-нибудь кроме фотоснимков. Этот вопрос явно неспроста. А если ему стали известны иные факты, имеющие отношение к делу? Хотя это маловероятно: парень случайно оказался на месте интересующих меня событий и с бухгалтершей ранее знакомство не водил. Стоп! Как же я сразу не обратил внимания на отсутствие в рассказе Силина факта посещения Бочаровой церкви? Это расхождение с докладом Лыкова может оказаться весьма важным. Надо уточнить возможность хотя бы временного контакта фотомастера с этой хитрой бухгалтершей».

Позвонив Лыкову, полковник, боясь прослушивания, заговорил иносказательно:

— Вас беспокоят из антикварного салона. Вы интересовались городскими пейзажами со старыми церквями. К нам на комиссию поступил ряд схожих сюжетов. Мы хотим уточнить: разыскиваемые вами картины мог написать художник, находящийся не только снаружи, но и внутри храма?

— Да, вполне. Но из-за ограниченности времени он мог сделать лишь быстрый карандашный набросок. Мне подъехать?

— Нет необходимости, пока не проведена искусствоведческая экспертиза. Ее результаты мы вам сообщим дополнительно.

Отключив телефон, Кленов подвел предварительные итоги: «Разговор с Лыковым о проверке контрабандного антиквариата не должен вызвать подозрений. Опер подтвердил мои подозрения, и Силин из второстепенного фигуранта превращается в одного из основных объектов разработки. Наблюдение за ним придется продолжить».

А ничего не подозревающий о продолжении слежки Силин сразу после ухода полковника направился на улицу. Он стремился к новому любовному приключению, надеясь поскорее избавиться от неприятного общения с представителем грозного ведомства. «До приезда Татьяны еще два дня, и свободная хата не должна простаивать без эксплуатации. По всем правилам свободного съема для контраста с вороватой студенткой прихвачу кого-нибудь постарше. Хорошо бы скадрить изнывающую от семейных забот замужнюю молодую домохозяйку. А вон как раз неторопливо движется подходящий объект: внешне выглядит скромненько, явно никуда не спешит, и если на данный момент никем не занята, то у меня есть шанс. Применю старый испытанный прием».

И Силин шагнул навстречу молодой женщине в открытом цветастом сарафане:

— Привет, Ленка, давно не виделись!

— Вы ошиблись, молодой человек. Меня зовут Галина.

— Неужели я обознался? Но немудрено: ты здорово похожа на мою знакомую. Мы с ней вместе отдыхали два года назад в Крыму.

— Нет, я не ездила к Черному морю уже лет десять.

— Жаль: я сегодня свободен. Встретив знакомую, хотел посидеть в кафешке, вспоминая беззаботный отдых в развеселой компании. А может быть, действительно зайдем вон на ту открытую веранду? Там готовят неплохо. Я, естественно, угощаю. А ты и вправду похожа на Ленку, только намного красивее. Ну, так воспользуемся благоприятным стечением обстоятельств и вместе перекусим? Тем более что подоспело время обеда.

Молодая женщина с сомнением смотрела на незнакомца: «Парень симпатичный, его добрая смешинка в глазах и белозубая улыбка располагают к себе. Да и угощение обедом меня ни к чему не обязывает. Если поведет себя по-хамски, то вмиг получит от ворот поворот. Не со школьницей имеет дело».

И, отбросив последние сомнения, Галина приняла решение:

— Хорошо, я согласна. Но только не очень долго. Я сегодня в отгуле за воскресное дежурство в больнице и наметила дома генеральную уборку. Так что особенно мне прохладиться по кафе и ресторанам некогда.

— А что, благоверный супруг не хочет помогать?

— Если бы дома был мужик, я бы с тобой и разговаривать не стала.

— Зачем же так прямолинейно и грубо?

— Я женщина по природе верная, и когда у меня имеется спутник в жизни, на случайные связи не размениваюсь.

Силину последняя фраза не понравилась: «Такое заявление сделано неспроста. Да какое мне дело до ее женской верности? Я же не вести ее в ЗАГС собираюсь. Доставили друг другу удовольствие, оттолкнулись задницами и разошлись, как в море корабли, пополнив свои донжуанские списки для будущих приятных воспоминаний. Но, главное, в кафе идти согласилась. Теперь надо беспрерывно болтать о пустяках, чтобы не сбить ее с легкомысленного настроения. Но на это я мастак и лицом в грязь не ударю».

В кафе Галина продолжала вести себя скромно и заказала самые дешевые блюда. Вина пила мало. Шуткам и анекдотам смеялась охотно. Но явно предпочитала истории незамысловатые и понятные. Силину такое простодушие пришлось по душе. «Девушка явно не избалованная и не испорченная высшим образованием, работает медсестрой. С ней надо избегать разговора о высоких материях. Но зато фигура стройная и мордашка приятная, да и серые глаза смотрят на окружающих со спокойной уверенностью. В общем, если добьюсь быстрого успеха,

жалеть не придется. Сейчас надо только найти предлог и заманить к себе домой. В моем арсенале для этого имеется испытанный прием».

И Силин недовольно произнес:

— Обед был хорош, но впечатление испортило безвкусное пойло под звучным названием «эспрессо». У меня дома припасены отборные зерна. Я сам их прожариваю, мелю и варю божественный напиток в подаренной мне друзьями турке. Хочется познакомить тебя с вкусом настоящего кофе. Поедем ко мне. Тут недалеко.

— Ну уж нет! Я зареклась по чужим домам в гости к мужикам ходить. Один раз без тувель из квартиры кандибобером вылетела, когда законная жена в неурочный час вернулась. Хорошо еще, разгневанная баба в ярости вслед мои лодочки выкинула, а то бы босой домой по городу шлепала. Лучше поедем в мою квартиру. Там нам уж точно никто не помешает. Некому: последний герой-любовник два месяца назад покинул. Даже спасибо не сказал за все хорошее.

Силин был разочарован: «Никакой интриги! Женщина относится к плотским отношениям без ложной романтики. Да и чему удивляться, если ей уже около тридцати лет и она успела получить суровый опыт? Да мне-то что за дело до ее переживаний?! Я же собрался не жениться, а весело провести время. А потому без лишних размышлений вперед под знаменем, с барабанным боем. После ее откровенного приглашения надо только не сплеховать и оставить у женщины приятные впечатления».

А Галина с горечью подумала: «Я намеренно упомянула про давний случай с разгневанной женой. Надеялась, парень представится холостяком. А он не стал разуверять. Согласился ехать в гости ко мне домой. Значит, я опять вытащила пустой номер с легкомысленным женатиком. А, наплевать: при моем длительном простое я ничего не теряю, кроме очередного приятного приключения. Хотя очень жаль: этот Виталий мне крайне нравится».

...После окончания любовных ласк Силин лежал рядом с Галиной, не зная, о чем говорить. Наконец, желая сделать женщине комплимент, прочувственно произнес:

— Слушай, Галина, у тебя в квартире чистота и порядок. Не понимаю, почему такая чистоплотная и спокойная в обращении красавица одна свой век коротает. Неужели ни разу замуж не выходила?

— Был случай в юные годы. Влюбилась и попробовала семейной жизни. Но ушел муж служить, а из армии после дембеля новую жену привез с Алтая. Влюбился, с его слов, без памяти. Она уже в положении была. Я скандалить не стала, дала ему развод. Он и с ней потом расстался. Сунулся опять ко мне.

Но тут уж я ему отказ дала: перегорели от обиды все былые чувства.

— А потом никого не нашла?

— Ну почему же, встречались люди, пытались наладить отношения. Только не клеивалось. Последний ухажер пожил недельку. Затем поехал к бывшей жене за своими вещами. И пропал. Я позвонила. А он в ответ: прости, но, увидев своих детей, не смог их бросить. Ты меня больше не беспокой. Одним словом, поматросил и забросил. И при этом просто извинился. Словно случайно на ногу наступил соседке в метро. Все вы, мужики, одним миром мазаны. Не поймешь, как вам угодить. Год назад познакомила подруга со своим двоюродным братом. Пришла я к нему, посидели вдвоем, чай попили. Он хотя и стеснительный, но решился и предложил мне остаться у него на ночь. Я подумала, если сразу соглашусь, то за легкомысленную женщину примет, решила отложить близость на пару дней и ушла. А он через день другую невесту пригласил. Она сразу нырнула к нему в постель. Вот он на ней и женился. Живут, между прочим, хорошо, ладят.

— А чего он с ней так скоропалительно скрутился?

— Так это и ежу понятно. Его прежняя жена бросила, уйдя к любовнику. Вот он и счел себя никому не нужным. Мой отказ его обидел, а та сразу предъявила свою влюбленность натурой. Он и растаял.

— Надо же, какие чудные дела еще на свете случаются! Упустил свое счастье мужик: ты в постели умеешь партнеру угодить. Главное, ощущаешь, что и ты сама удовольствие получаешь.

— Нашел чему удивляться! Ты бы, как я, месяца два в монашках походил — и не такое рвение в постели проявил.

— Это ты верно заметила. Ну, я, пожалуй, пойду. Уже темнеть начинает. Ты мне дай свой телефон. Я тебя еще обязательно навещу.

Галина продиктовала номер, по-женски чутко определив: «Записывает на клочке бумажки, а не вбивает в мобильник. Боится, жена проверит. Да и не появится он больше. Ну и ладно: я ведь особо с ним на серьезные отношения и не рассчитывала».

Силин, не оглядываясь, направился к двери уверенный, что очередной любовный эпизод завершился полностью и навсегда. До своего дома он добрался быстро. Едва войдя в квартиру, услышал звук льющейся в душе воды. «Вот те раз! Татьяна вернулась раньше срока. Хорошо, не уговорил Галку ехать ко мне, а то бы не миновать скандала. Крупно повезло!»

Посредине комнаты стоял раскрытый чемодан. На столе валялась небрежно брошенная дамская сумочка, содержимое которой вывалилось на скатерть. Силин никогда не позволял себе рыться в

чужих вещах. Но, увидев рядом с тюбиком губной помады аптечную коробочку, не удержался и прочитал надпись. И ревность с новой силой кольнула в сердце. «Вот это номер! Моя жена привезла из командировки упаковку противозачаточных средств, в которой не хватает двух таблеток. Интересно, как она это объяснит?»

В этот момент шум льющейся воды стих, и из ванной вышла, обтираясь махровым полотенцем, Татьяна. Заметив обнаруженные мужем противозачаточные средства, на мгновение смешалась, но быстро взяла себя в руки, сумев изобразить ироническую улыбку:

— Так и знала, что сцену ревности мне закатаешь. Эти таблетки не мои, а соседки по гостиничному номеру. Она накануне укатила к себе в Красноярск, а аптечную упаковку забыла на тумбочке. Ну, я и прихватила ее с собой в Москву: незачем добру пропадать. Все равно мы с тобой пользуемся точно такими же таблетками.

— Ты из меня дурачка не лепи! Я не вчера на белый свет родился! Вечно мотаешься по своим бесчисленным командировкам. После возвращения ни разу со мной в постель не легла, усталостью отговариваешься. Детей заводить ради карьеры отказываешься. Такое твое поведение даже для слепоглохого капитана дальнего плавания станет понятным. Только я в своих розовых очках до сих пор ничего не видел в истинном свете!

— Да как ты смеешь голос на меня повышать?! Какие у тебя основания подозревать меня в измене?! Неужели из-за початой аптечной упаковки далеко идущие выводы делаешь? Сам называешь себя дураком, а ты такой и есть, если не понимаешь, что здесь, в Москве, у меня еще больше возможностей тебе рога наставлять. Но я этого не делаю, хотя имею веские основания отплатить тебе сполна за все твои любовные похождения. Уже давно надоело терпеть твои измены. То домой являешься за полночь, якобы увлекшись охотой за редкими кадрами, то с друзьями на рыбалку с ночевкой укатываешь. А являешься домой провонявший женскими духами. С месяц назад при стирке твоей рубашки с трудом следы дорогой косметики отскоблила. Слишком уж ты, добываясь реалистичности кадра, тесно со своими натурщицами соприкасаешься!

— У тебя, я вижу, совсем крыша поехала. Я понимаю: нападение — лучшее средство защиты. Но ты мне зубы не заговаривай. А лучше сознайся, с кем две таблетки для предохранения израсходовала.

— Ну все, Силин, ты меня достал окончательно. Если тебе именно это хочется услышать, то я клятвенно подтверждаю: изменяю тебе с мужиками на каждом шагу и при каждом удобном случае. И мне

не стыдно. Любая на моем месте мстила бы тебе с готовностью за все твои художества!

Силин в ярости занес вверх кулак и угрожающе шагнул к жене. Татьяна в ужасе прикрыла лицо руками и пригнулась. Но в последний момент Силин сдержался и, отступив, принялся спешно собирать свои вещи. Татьяна, оправившись от испуга, стояла у стены, наблюдая суетливые сборы мужа. «Пожалуй, я перехватила через край. Но мне пришлось своими нападками отвлек его от этих неосмотрительно оставленных на столе таблеток. И как я не подумала избавиться от них еще в гостинице! Слишком уж увлеклась этим горячим парнем Павлом. Но очень уж восхитительным оказался в постели мужик! Я и сама не знала, что мне так понравится грубая, не признающая преград сила свирепого зверя, безжалостно терзающего беззащитную жертву. Нет, я не жалею о прошедшей ночи. А с Виталькой позже налажу отношения. Побесится от ревнивой злобы и все равно ко мне вернется. Охотно поверит, что я оговорила себя в отместку за несправедливые подозрения в измене. Он легко проглотит такое объяснение, поскольку любит меня с прежней силой. Иначе бы так не взбесился от ревности. Но спешить с примирением не стану. Подожду, когда сам приползет с повинной. Да и эта ссора мне очень кстати. Павел обещал через пару дней в Москву приехать по делам своей фирмы и позвонить. Если выйдет на связь, то мне и свободную квартиру на пару часов у подруг искать не надо. А пока Виталька может валить на все четыре стороны».

Окончив собирать вещи, Силин медленно направился к двери, надеясь, что в последний момент Татьяна его остановит. Но, так и не дождавшись новой

попытки выяснить отношения, громко хлопнул дверью и начал спускаться по лестнице. На душе было мрачно. «Эта стерва впрямую бесстыдно призналась в своих изменах. И не оставила мне выбора. Но, поспешно покинув дом, я остался без крыши над головой. В случае развода жилье придется оставить Татьяне. Однокомнатную квартиру на две отдельные без солидной доплаты не разменяешь. Зато в моем распоряжении останутся "жигули". Но жить постоянно в автомашине не станешь. Надо как можно скорее решить вопрос о пристанище. А если попробовать продолжить отношения с Галиной? Это неплохой вариант: девица она приятная, по характеру вроде уступчивая, без особых в жизни претензий, и в постели хороша. С такой можно мирно сосуществовать. Почему бы не попробовать?»

Силин развернул «жигули» и направился к дому новой знакомой. Поднявшись по лестнице, остановился перед дверью. Перед тем как принять важное в жизни решение, немного помедлил. Но затем нажал кнопку звонка. Дверь открыла заспанная хозяйка, и Силин, отрезая себе путь к отступлению, напрямую спросил:

— Ты меня примешь?

Увидев перед дверью чемодан и спортивную сумку, Галина с горечью подумала: «Еще одного женатика судьба послала. Похоже, и этот симпатичный парень долго со мной не задержится. Но попробовать можно».

Отбросив сомнения, женщина посторонилась, пропуская Силина в квартиру. Ей очень хотелось надеяться на окончательное избавление от опостылевшего одиночества.

Продолжение следует.

Илья КРИШТУЛ

О себе. Родился в Москве, где и живу. Учился в МГПИ, работал в кино, преподавал в средней школе. Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуюсь.

РАССКАЗИКИ

ПЕРЕПИСКА

(ЖИЗНЬ В SMS'КАХ)

17 лет

«рст тыгде»
 «абвгдома»
 «опр спиш»
 «руск22ий кклм делаюзафтра() (дектан»
 «выхади двор,,ээю!»
 «немогу родит(((? домане пустют закалибали»

20 лет

«тыгде»
 «в универе»
 «пошли вечерклуб идут ирка машка потом надачу кним!!!»
 «лавэ нет занятнадо»
 «нетупи занимай и смсся»

30 лет

«ты где»
 «в третьяковской галерее»
 «извините ошибся номером»

40 лет

«Ты где»
 «Дома смотрю футбол»
 «Бери выпить иди ко мне посмотреть моя свалила 2 дня теще Ирка Машкой уже едут!!!»
 «Напиши смску чтоб я своей показал»
 «Сергей у меня умерла теща в Тамбове помоги похоронить поехали на два дня в Тамбов»
 «Еду»

50 лет

«Ты где?»
 «В парке внуком играю прятки»
 «приходи срочно эти старухи приперлись Ирка Машкой боюсь начнут приставать»
 «Бегу пока предложи поиграть прятки и запишись в туалете»

60 лет

«Ты где?»
 «ПИШИИИ КРУПМНЕЕ Я ПМНОХО ВЗИЖУ»
 «ТЫ ГДЕ?»
 «В БОЛЬ НИЦЕ АВТРА ОПЕРРРАЦИЯ НА
 ВВГЛАЗА ПОТОМММ ПОДЖЕЛУАБВГДОЧ-
 НАЯ И ПЕ ЧЕНЬ»
 «Я ТОЖЕ БОЛЬНИЦЕ ТОЛЬКО ПЕЧЕНЬ И ПОД-
 ЖЕЛУДОЧНАЯ ГЛАЗА ЕЩЕ ВИДЯТ»

80 лет

«ТЫ ГДЕ?»
 «ИДУ ИЗ КУХНИ В КОМНАТУ А ТЫ?»
 «ПОЛУЧИЛ ПЕНСИЮ ЖДУ ТЕБЯ У ПОДЪЕЗ-
 ДА ТУСАНЕМСЯ»
 «ВЫБЕГАЮ БУДУ К ВЕЧЕРУ ЕСЛИ ЛИФТ РА-
 БОТАЕТ. ЗВОНИ ИРКЕ С МАШКОЙ»
 «ЗВОНИЛ ОНИ ВЧЕРА В СОБЕСЕ КОЛБАСИ-
 ЛИСЬ СЕЙЧАС ОТСЫПАЮТСЯ»
 «ПОЙДЕМ ТОЖЕ В СОБЕС МОЖЕТ С КЕМ-НИ-
 БУДЬ ПОЗНАКОМИМСЯ»
 «НЕ ЗАБУДЬ СЛУХОВОЙ АППАРАТ КАЛЬ-
 СОНЫ И КАК ТЕБЯ ЗОВУТ А ТО ОПЯТЬ ОПОЗО-
 РИМСЯ»
 «А КАК МЕНЯ ЗОВУТ?»
 «ТЫ ГДЕ?»

КАК И ЗАЧЕМ УЧИТЬСЯ ИГРАТЬ В БЕЙСБОЛ

Главное в бейсболе не бейсболка, как многие думают, а хват биты, стойка и удар. И если вы научитесь правильно хватать, стоять и ударять, то все остальное придет само. Итак.

Большой палец правой руки должен лежать на рукоятке биты, касаясь мизинца и среднего пальца этой же руки, но обязательно параллельно указательному пальцу другой руки на расстоянии 2,73 дюйма от ногтя большого пальца. Второй мизинец следует расположить таким образом, чтобы он облегал рукоять биты, а расстояние между ним и безымянным пальцем не превышало 1,25 дюйма. Локти в момент удара должны быть повернуты на 40 градусов в сторону и вниз, а в пассивной стойке наоборот, но обязательно налево. Ноги следует согнуть на 78 градусов, но только в коленях, и полностью расслабить плечевые мышцы, делая основной упор на пальцы и пятки ног. Во время удара пятки ног должны смотреть в сторону, обратную удару. Сам удар наносить резко и сверху вниз, параллельно

линии пояса, стараясь локтями не касаться талии, а ступни при этом должны отрываться от поверхности на 7–8 дюймов, но не одновременно. Сначала удар следует отрепетировать перед зеркалом. Когда вы перестанете пугаться отражения, смело бейте его и выходите во двор. Лобовые стекла у автомобилей находятся спереди. Вспомните звук автомобильной сигнализации, которая будит вас по ночам, и приступайте к отработке удара. Не забывайте о локтях! Когда приедет патрульная машина, покажите свой удар ее пассажирам и водителю. Теперь у вас есть 3–4 года, чтобы выспаться, отдохнуть от семьи и научиться играть в старинную карточную игру «очко». Но ни в коем случае не выбрасывайте биты! Если после суда вам ее не отдали — попросите друзей купить и прислать новую. Помните — только с ее помощью вы добьетесь любви и уважения от своих новых товарищей и выйдете на свободу с чистой совестью!

НАЙДИ МЕНЯ

(ТЕЛЕПЕРЕДАЧА)

В е д у щ и й (*плачет*). Добрый вечер... Наш телефон в Москве... Да его и так все знают. Звоните. И так, мы начинаем...

В е д у щ а я. Добрый вечер... Адрес нашего сайта... Но у тех, кто нас смотрит, все равно нет ни компьютера (*рыдает*), ни даже Интернета...

Зрители плачут и аплодируют.

В е д у щ и й (*успокоившись*). Вы знаете, нас смотрят в Израиле, в Бурятии... И вот однажды... (*вытирает слезы*) мы получили письмо из села Коленово, что в Воронежской области. Автор письма — Ирина Филоненко, а писала его... (*смотрит на конверт*) Нина Сергеевна. Это письмо так потрясло нас (*успокаивает ведущую, у которой истерика*), что мы пригласили автора сюда, к нам на передачу.

Среди зрителей плачет Ирина Филоненко. К ней подходит ведущий.

В е д у щ и й. Добрый вечер. Успокойтесь... Расскажите нам свою историю... (*Сморкается*.) Кого вы ищете?

И р и н а. Здравствуйте... Сейчас... (*Вытирает слезы*.) Я ищу мужа... Он пропал три года назад, вечером... Я сидела в комнате, смотрела в телевизоре сериал про любовь...

В е д у щ а я. Какой это был сериал, это важно...

И р и н а. Там пели... А она убежала, но он нашел ее в доме у родителей, а ее отец сказал... (*Всхлипывает*.) Не могу рассказывать, очень тяжело...

В е д у щ и й. Да... (*Закрывает глаза руками*.) Это, наверное, «Кармелита»...

Зрители плачут и аплодируют.

И р и н а. Рядом со мной сидел муж. Во время рекламы он встал и сказал, что пойдет на кухню попить воды. И он ушел. Реклама кончилась, но мужа не вернулся. Потом кончился сериал, но мужа все не было. Прошел день, сериал начался снова, а мужа... (*Плачет*.) И тогда я решила пойти его поискать, но его нигде не было, ни в кресле, ни на кровати... Я села обратно, стала ждать и смотреть сериал... А потом я написала вам в передачу... Может, вы сможете найти моего мужа...

В е д у щ а я (*сквозь рыдания*). Мы постарались...

В е д у щ и й. Как зовут вашего мужа?

И р и н а. Баро... Ой, нет, это из сериала... Дима... Я звала его «зая», он откликнулся... А фамилию я не знаю... Может, такая же, как у меня...

В е д у щ и й. А у вас есть фотография Димы?

И р и н а. Нет... У меня есть фотография одного артиста из сериала, он очень похож...

В е д у щ и й. Покажите сюда, на камеру... Да, похож... Нас смотрят в Израиле, в Чувашии... Встречайте — Дима, ваш муж.

Зрители плачут и аплодируют. Входит Дима. Он плачет. Ирина обнимает Диму. Плачут все.

В е д у щ и й. Дима, расскажите нам свою историю. Где вы были все эти годы?

Д и м а (*вытирает слезы, сморкается*). Я жил в селе Коленово, в Воронежской области, в нашем с Ириной доме. Ходил на работу... Женился на хорошей женщине... (*Плачет*.) Ира, моя первая жена, смотрела «Кармелиту» и не замечала меня... А я забыл, что она сидит у телевизора... (*Снова плачет*.) Сначала я искал ее, звал... Писал вам в передачу... А потом развелся и женился заново... Мы с новой женой так привыкли, что какая-то женщина сидит у телевизора, что не обращали на нее внимания. Мы ведь тоже смотрели «Кармелиту». У нас, по-моему, даже родился какой-то ребенок... В тот день, когда Кармелита поругалась с Миро...

И р и н а. А где твой шрам, Дима? У тебя же на лбу был шрам...

В е д у щ и й. Мы провели специальную генетическую экспертизу и выяснили, что шрам был у подлица Лекса из «Кармелиты». Помните, Миро рассек ему лоб кнутом? Как хорошо, что вы наконец нашли друг друга... (*Плачет*.) Мы так рады за вас... Нас смотрят в Израиле, в Туве...

В е д у щ а я. И, оказывается, в Воронежской области... А на ком вы женились, Дима?

Д и м а. На Ленке Кругловой.

И р и н а. Я видела ее как-то у телевизора, она тоже смотрела сериал... Там как раз у Кармелиты пропал муж, ушел из табора... У меня тоже пропал, ушел из комнаты...

Зрители плачут и аплодируют.

В е д у щ и й. Возвращайтесь домой, Дима. Женщина у телевизора и была вашей женой, которую вы потеряли. Постарайтесь больше никогда не расставаться с близкими людьми. Будьте рядом с любимым человеком даже во время рекламных пауз! Не ходите по одному пить воду, вы можете никогда больше не увидеть своих родных! А нас по-прежнему смотрят в Израиле, в Дагестане...

В е д у щ а я *(рыдает)*. И в Воронежской области... Наш телефон... Триста шестьдесят семь... Какие-то еще цифры... Не могу говорить... До свидания, пишите нам, звоните... *(Выбегает в слезах из студии.)*

В е д у щ и й *(вытирает глаза платком)*. Спасибо большое всем... Всем, кто теряется и потом находится... Всем, кто снимает сериалы, и особенно тем, кто их смотрит...

Зрители плачут, аплодируют и расходятся. В селе Колоново плачет Ленка Круглова. Она смотрит сериал и ждет Диму. В поезде Москва — Воронеж плачет Дима. Он опять потерял Ирину, которая плачет в соседнем купе с проводником, потерявшим свой вагон. Заплакал машинист тепловоза и потерял свой тепловоз. Плачет Кармелита. Плачет страна...

ОДИН ДЕНЬ СО ЗВЕЗДОЙ

Редатор газеты дал задание — провести целый день со звездой. Наш выбор пал на молодого, но уже суперпопулярного актера, сыгравшего яркие роли в трехстах сериалах и в одном художественном фильме, телеведущего, прекрасного театрального артиста, певца, режиссера, композитора, сценариста и светского льва Петра Иванова. На следующий день рано утром, в 14:00, мы звонили в его загородный домик, расположенный на заброшенной окраине подмосковной деревушки Барвиха. К нашему удивлению, калитку нам открыл сам Петр.

— Только вчера уволил прислугу — воровали, — объяснил хозяин. — Кроссовки вот пропали, майка, а это как бы реальные деньги...

— То есть чай мы не попьем?

— Нет, попьем в одном хорошем заведении для своих, там с меня реально не возьмут денег...

И мы продолжили разговор в его скромном «ягуаре». Начал, посмотрев на часы, сам Петр.

— Уже реально опаздываем, так что давайте без чая. У меня сегодня типа очень сложный день, много важных встреч по поводу денег...

— Скажи, Петр, а не сложно жить в таком напряженном графике?

— Нет, я уже привык. Сегодня, к примеру, у меня съемки в десяти сериалах, антрепризный спектакль в Реутове — тридцатиминутная музыкально-эротическая версия «Войны и мира», автор, как мне сказали, умер, затем запись в семи телевизионных шоу для кабельного телевидения Балашихи, концерт на презентации новой сауны в Домодедове, еще много чего... Это пафосно, да и деньги реальные.

— А какие роли ты сейчас играешь в сериалах?

— Как всегда, главные роли со словами — полицейских, спецназовцев, крутых бизнесменов, они как бы есть в любом сериале. Я реально не опускаюсь ниже определенного уровня и отказываюсь играть официантов, охранников, манекенщиц. Мне это уже неинтересно, да и деньги смешные...

— Петр, а нет мечты сыграть, к примеру, Гамлета?

— А я играл Гамлета. В прошлом месяце, в сериале... забыл название. Гамлет Мхитарян, иностранец, вор в законе. Меня там просили слова с акцентом говорить, денег за это реально добавили...

— Мы имеем в виду «Гамлета» Шекспира...

— Нет, Гамлета Шекспира я еще не играл. Хотя можно спросить у моего директора, он реально типа должен знать — такие деньги у меня получает...

— А что ты сейчас, кроме Толстого, играешь на театральных подмостках?

— Чего?

— Что ты сейчас играешь в театре?

— Много всего. У меня хорошая фигура, я реально не стесняюсь раздеваться на сцене, знаю жаргон. Я как бы востребован театром, да и деньги хорошие платят.

— И какая твоя последняя театральная роль?

— У нас не говорят «последняя», говорят — «крайняя», а то денег реально не будет.

— И какая твоя крайняя роль?

— Играю в спектакле по Чехову, по-моему. Или по Гоголю, я их путаю. Были такие советские писатели. Наш режиссер, короче, заново их переосмыслил. Нас на сцене трое, я и две мои партнерши, бывшие знаменитые спортсменки. Они типа играют трех сестер, но без слов и голыми. У меня роль с одеждой и словами, я реально хожу по пьесе в куртке, это такой пафосный пиджак. Режиссер даже разрешил материться. Я, правда, не знаю, как матерились Чехов с Гоголем, пьесу я не читал, нет времени, поэтому импровизирую. У меня же хорошая актерская школа, я играл в КВНе, а нас там учили актерскому мастерству. Что говорить — голос мне ставил человек, который сделал певцом Укупника! Наш спектакль сегодня самый модный в Москве, мы собираем аншлаги, приходят мои друзья, друзья моих партнерш, родственники, вся тусовка... Да и люди иногда заходят. Денег рубим немерено...

Мы уже подъехали к съемочной площадке первого сериала. К Петру сразу подбежали гример, костюмер и помощник режиссера со сценарием.

— У меня на все реально час, — сказал Петр. — Кого я играю? Слов много? А деньги когда?

Пока Петр переодевался-гримировался, учил слова и получал гонорар, мы подошли к режиссеру сериала.

— Кого у вас играет Петр?

— У него, как всегда, главная роль. Петр великий актер, самородок, он может все. Сегодня его герой, майор полиции, должен подойти к двери квартиры, постучать, крикнуть: «Открывайте, твари!» и зайти внутрь. Кадр важен драматургически и несет в себе сверхзадачу...

На десятом дубле у Петра все получилось. Предыдущие девять были испорчены, так как вместо нужной фразы он говорил рекламный лозунг какого-то магазина.

— Вчера там как бы снимался, реально трудно перестроиться, — оправдывался Петр. — Такие деньги мне заплатили!

Мы уже мчались на съемочную площадку следующего сериала, в котором Петр играл невинно осужденного бизнесмена. По сценарию он стучал в дверь камеры и кричал: «Открывайте, твари!»

— Где-то я это уже говорил... — сказал Петр по дороге на третью съемочную площадку. — Надо будет реально название узнать. Слов мало, а деньги хорошие.

После седьмой съемочной площадки у нас все перемешалось. Режиссеры, гримеры, костюмеры, двери, в которые Петр стучал, твари, которые их открывали, слова, которые они все говорили... А ведь были еще встречи по поводу денег, антрепризный спектакль, запись в телевизионных шоу, закрытая вечеринка на открытии радиостанции, праздник, посвященный 300-летию изобретения булавки, концерт в

честь годовщины газеты «Новости Конакова», затем Петр вручал премию «Самой стильно одетой певице прошлой недели», получал премию «Гламурный герой четверга», участвовал в фотосессии для женского журнала, присутствовал на презентации книги модной писательницы и на корпоративном вечере в пафосном обувном магазине...

— Отказываться нельзя, иначе сразу вылетишь из обоймы, из списков на ужин и подарки, из последних светских новостей. Да и реально хочется оставить о себе какую-то память. Мы, актеры, так устроены — всегда смотрим в вечность, — говорил Петр, осматривая подаренные ему пляжные тапочки. — Надо поднимать российскую культуру, хотя могли подарить и ботинки. А сейчас поедem в ночной клуб, я там типа презентую свой новый диск. Короче, я перепел песни Окуджавы — был такой певец, и у меня получилось лучше и громче. Под мои версии этих песен можно танцевать, они очень ритмичные. Потом я улетаю, пригласили провести день рождения какого-то города под Костромой. Со мной летят еще несколько суперзвезд моего уровня из «Дома-2». Такие деньги нам предложили!

В клубе было многолюдно. Здесь были режиссеры сериалов, в которых снимался Петр, самая стильно одетая певица прошлой недели, модная писательница, суперзвезды из «Дома-2», все те, кто праздновал 300-летие булавки, открывал радиостанцию и отмечал годовщину газеты, около пятидесяти продюсеров и один футболист. Когда закончилась текила и две светские львицы не поделили с модной писательницей одинокого футболиста, мы решили выйти на улицу. В свете фонарей с постамента на нас грустно смотрел Александр Сергеевич. Мы положили к подножию памятника книгу модной писательницы с автографом, и нам показалось, что Пушкин в ужасе отшатнулся. Видимо, это начала действовать текила...

Галка ГАЛКИНА

Приурочено к 200-летию войны 1812 года. Неизвестные эпизоды из жизни Пушкина, Наполеона и поручика Ржевского

Пушкин сидел в своем кабинете за письменным столом и ковырял гусиным пером в носу, думая: «Ни черта не пишется и долгов до черта».

В это время вошел слуга и доложил:

— Александр Сергеевич, к вам поручик Ржевский!

Входит поручик:

— Санек, я хочу писать, как ты, научи.

— Ты балда, поручик, у тебя ничего не получится...

А. В. Архметов, Москва

Галка ГАЛКИНА:

Дорогой А. В.! Ваши «неизвестные эпизоды» пробирают до слез: гусиное перо, нос, поручик Ржевский...

С одной стороны, это хорошо и правильно! Патриотическое воспитание подрастающего поколения у нас еще не на должном уровне. Надо, ох как надо молодежь приобщать к классике, к истокам.

А с другой — копать надо глубже. Не в том смысле, что Пушкин ковырял, ковырял в носу гусиным пером и выковырял, предположим, русскую идею. В корень надо зреть! В самую что ни на есть суть.

А в чем она, суть?

Вот! Вопросы надо ставить прямо, я не юлить туда-сюда: Ржевский, Наполеон, гусиное перо, нос Пушкина.

— Кто виноват? Что делать?

Хлоп и сразу, чтобы читатель не успел опомниться, прямо не в лоб, а по лбу: где концы в деле Оборонсервиса, где прячут олигархи свои наворованные миллионы?

Так-то вот. А вот когда с насущным покончим, можно будет и поковырять в носу у Пушкина. Или Ржевскому леща дать, чтобы под ногами не мешался, когда решаются судьбы Родины!

Советы неудачникам

- ☼ Съели мыши урожай — ты смирись, не возражай!
- ☼ Налетела саранча — сиди дома, хохоча!
- ☼ Объявился короед — это будет твой обед!
- ☼ Объявилась медведка — но приехала соседка!
- ☼ Объявились кроты — шлангу новому кранты!
- ☼ Объявился утконос — вдарил утренний мороз!
- ☼ Объявились дрозды — дым пошел из борозды!
- ☼ Объявились грачи — пой, гуляй и хохочи!
- ☼ Посадили мы имбирь — и услали нас в Сибирь!
- ☼ Чтобы печка не дымила, заведите крокодила!

ФАЗА МЕСЯЦА:

Паши-пошире!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

Советы дачникам

- ☺ Вдень паяльник в пододеяльник!
- ☺ Проводи обрезание весной!
- ☺ Взрыхли и всхрапни!
- ☺ Смажь дыропробивной пуансон!
- ☺ Поет Кобзон — стриги газон!
- ☺ Поет Пьеха — жди морпеха!
- ☺ Поет Ротару — закрой ротяру!
- ☺ Поет Стас — получи в глаз!
- ☺ Поет Орбакайте — не промокайте!
- ☺ Поет Кисс — прыгни вниз!

SMS'КА, ПОСЛАННАЯ СТАРОСТЕ:

А щас кто?